

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

**Мирослав МОРОЗОВ
Андрей ПЛАТОНОВ
Владислав ГОНЧАРОВ**

**ДЕССАНТЫ
Великой
Отечественной
войны**

Десанты Великой Отечественной войны

Редактор-составитель В. Гончаров

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2008

Оформление серии художника *А. Зарубина*

Д 37 **Десанты Великой Отечественной войны / Ред.-сост. В. Гончаров.** — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 512 с. — (Военно-исторический сборник).

ISBN 978-5-699-26702-6

В отличие от Первой мировой Великая Отечественная война была маневренной. Поэтому одним из способов «переиграть» противника, раньше его оказаться в ключевой точке стала десантная операция. Быстрая атака с моря или с воздуха позволяла перехватить инициативу, сорвать планы врага, принуждала его отвлечься от выполнения основной задачи, раздробить свои силы и вести бой в невыгодных условиях.

В этой книге впервые в военно-исторической литературе собрана информация обо ВСЕХ основных десантных операциях Великой Отечественной войны, воздушных и морских, советских и немецких, имевших стратегическое значение и решавших тактические задачи. Некоторые из них, такие как Керченско-Феодосийская и Вяземская, были в целом успешными и позволили сорвать планы врага, создав в его тылах серьезный кризис. Другие десанты, например Днепровский или Петергофский, завершились провалом и привели к неоправданным потерям.

Эта книга — не просто описание хода событий, но и глубокий анализ причин успехов и неудач, побед и поражений.

ББК 63.3(2)62

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Война на Восточном фронте была маневренной, и на протяжении большей ее части Красная армия значительно уступала вермахту в подвижности. Поэтому одним из способов «переиграть» противника, раньше него оказаться в ключевой точке, стала десантная операция. Переброска сил по морю или по воздуху позволяла выиграть темп, перехватить инициативу, заставить противника маршировать, а не драться, и наступать там, где для него выгоднее было бы перейти к обороне.

В сборнике освещаются основные десантные операции обеих противостоящих сторон на советско-германском фронте — как имевшие стратегическое значение (Керченско-Феодосийская, Вяземская воздушно-десантная), так и локальные, предпринимавшиеся с целью улучшить текущее положение сухопутных войск. Помимо подробного описания хода операций, авторы сборника рассматривают теоретические взгляды советского военного руководства на ведение морских десантных действий, анализируют причины их успехов и неудач.

Особое внимание уделено десантным действиям противника в начальный период войны — операции немцев против Моонзундских островов в сентябре-октябре и финской высадке под Выборгом в сентябре 1941 года. Ранее эти события чрезвычайно скупо описывались в нашей литературе — а ведь именно на Моонзунде первый и единственный раз за всю советско-германскую войну противник применил воздушный десант.

Существует много легенд о немецких парашютистах, о них рассказывают многие мемуаристы и очевидцы, информация о таких десантах то и дело встречается в боевых донесениях войск, особенно за 1941 год. Но на самом деле за парашютные десанты в то время принимались подвижные отряды мотоциклистов, двигавшиеся впереди танковых колонн. Эти отряды, проникавшие через не сплошную линию фронта, то и дело оказывались в глубоком тылу советских войск, где вели разведку,

а иногда и захватывали важные объекты и ключевые пункты местности — перекрестки дорог, высоты и мосты.

В отличие от вермахта, советские войска в 1941–1943 годах использовали воздушные десанты достаточно часто. Помимо тактических высадок (у Григорьевки, в районе Калинина и под Феодосией в 1941 году, под Майкопом в 1942-м и у Новороссийска в 1943-м) было проведено две воздушно-десантные операции: Вяземская в январе-феврале 1942 года и Днепровская в сентябре 1942 года. Обе эти операции не достигли поставленных целей, но как минимум одна из них, Вяземская, оказала существенное влияние на последующий ход боевых действий на центральном участке советско-германского фронта в весенне-летней кампании 1942 года.

Александр Заблотский
Роман Ларинцев

ОБОРОНА МООНЗУНДСКИХ ОСТРОВОВ В 1941 ГОДУ

Истории обороны Моонзундского архипелага повезло несравнимо меньше, чем, например, истории обороны полуострова Ханко. Причин здесь несколько. Документы обороны погибли, поэтому до сего дня даже временные рамки отдельных событий требуют уточнения. Руководитель обороны Ханко, генерал-лейтенант С. И. Кабанов, пережил войну и оставил довольно подробные мемуары. А командующий войсками на Моонзундских островах А. Б. Елисеев покончил жизнь самоубийством в конце 1942 года, что само по себе накладывает мрачный оттенок на и так трагические события. Ханковский гарнизон был, хотя и с потерями, эвакуирован. Защитники Моонзунда большей частью погибли или попали в плен. Наверное, когда должна выйти книга, которая без гнева и пристрастия расскажет о тех нелегких временах.¹ Мы же в данной работе попробуем в меру своих сил и возможностей осветить ряд моментов, по которым, мы надеемся, сможем сказать что-то новое.

¹ Данное замечание не умаляет ценности работ Ю. А. Виноградова о боях на Моонзундских островах.

Моонзундский архипелаг, состоящий из двух крупных островов Эзель (Саарема) и Даго (Хийума) и ряда мелких, играл важную роль в системе обороны Российского и Советского Военно-морского флота. Северный остров, Даго, являлся левым флангом минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива. Южный, Эзель, прикрывал вход в Рижский залив.

С присоединением в 1940 году Эстонии к Советскому Союзу на островах развернулись обширные инженерные работы по сооружению береговых батарей, аэродромов и пунктов базирования кораблей. К началу войны на Эзеле имелись две 180-мм, три 130-мм и одна 100-мм батареи, а к 10 сентября 1941 года было закончено сооружение еще одной 130-мм батареи. На Даго были установлены одна 180-мм, одна 152-мм, три 130-мм и одна 100-мм береговые батареи. Еще одна 130-мм батарея была смонтирована на острове Абука у южного побережья Эзеля, а две (180-мм и 130-мм) — на острове Осмусаар в устье Финского залива. В связи с угрозой выхода противника с восточного направления на острове Муху (Моон) на временных основаниях была смонтирована 100-мм батарея.

Следует отметить, что только 180-мм батареи (кроме осмусаарской) строились в башенном исполнении. Остальные были открытыми, т.е. личный состав и материальная часть защищались лишь кольцевыми орудийными двориками.

Если строительство береговых батарей, шедшее по линии Наркомата Военно-морского флота, шло более или менее интенсивно, то противодесантная оборона начала создаваться с весны 1941 года, когда на острова прибыли 3-я стрелковая бригада и два батальона 16-й стрелковой дивизии Прибалтийского военного округа. Мы не скажем ничего особо нового, если подчеркнем, что для строительства обороны на столь протяженной береговой линии очень важно правильно определить места предполагаемой высадки противника. Весной 1941 года никто не предполагал быстрого и столь трагического

для нас развития событий в Прибалтике. Естественно, противодесантная оборона создавалась для отражения высадки с западного направления, как это и было в Первую мировую войну. К сожалению, отражать нападение пришлось не с той стороны, откуда ждали.

Кроме того, на состояние противодесантной обороны не могла не повлиять двойственность подчинения: Эзель находился в зоне ответственности Прибалтийского, а Даго — Ленинградского военного округа. Да и сама береговая оборона до 29 июня 1941 года относилась к двум разным инстанциям: к Береговой обороне Рижского залива, которой командовал генерал А. Б. Елисеев и к береговой обороне Главной базы КБФ — Таллина. Только после падения Риги их объединили в Береговую оборону Балтийского района (БОБР).

Достойное внимание уделялось островам и в планах вермахта. Захват Моонзундского архипелага намечался уже в рамках проведения операции «Барбаросса». Группе армий «Север» давались следующие указания относительно островов Эзель, Даго и Моон: *«...должны быть приняты такие подготовительные меры, которые обеспечат их скорейшее занятие, как только позволит обстановка»*.

Быстрое продвижение вермахта в Прибалтике потребовало ускорить разработку более конкретных планов, получивших название «Беовульф-1» и «Беовульф-2». Согласно первому, высадка должна была производиться с северного побережья Курляндии в районе города Аренсбург силами одного пехотного полка. Данный вариант предполагалось осуществить только в случае полной деморализации войск, оборонявших острова. План «Беовульф-2» более полно учитывал реалии быстроменяющихся событий. Согласно ему, операцию предполагалось проводить из материковой Эстонии, используя в качестве промежуточного плацдарма остров Моон.¹

¹ Melzer W. Kampf um die Baltischen Inseln. Neckargemuend, 1960. S. 23.

Дополнительным стимулом к овладению архипелагом стали налеты на Берлин, совершавшиеся с начала августа самолетами морской и дальней авиации, базировавшимися на аэродром Кагул на Эзеле.

Выход 7 августа частей 18-й армии противника к побережью Финского залива, а также общее неблагоприятное развитие обстановки на ленинградском направлении потребовали от Военного Совета КБФ принятия решения о судьбе оставшихся на западе соединений армии и флота. Одним из вариантов, предлагавшихся на рассмотрение вышестоящему руководству, был план совместного наступления на приморском участке объединенных сил таллиннской, моонзундской и ханковской группировок. Другой, менее оптимистичный, предполагал усиление войск 10-го стрелкового корпуса в районе Таллина гарнизонами Ханко и Моонзунда.

Сегодня трудно сказать, насколько выигрышными могли стать эти решения. Но был выбран вариант жесткой обороны занимаемых плацдармов. И если из Таллина и с Ханко значительную часть войск удалось эвакуировать, то бойцам БОБР досталась худшая доля. Вопрос о планах на эвакуацию Моонзунда интересен и сам по себе, поэтому ниже мы еще к нему вернемся.

После непродолжительной паузы части немецкого 42-го армейского корпуса (61-я, 217-я и 254-я пехотные дивизии) 20 августа перешли в наступление на оборонявшие Таллин части 10-го стрелкового корпуса 8-й армии. Левый фланг наступающего корпуса обеспечивала группа «Фридрих» в составе усиленного полка 291-й пехотной дивизии. Немцам постепенно удалось продвигаться к окраинам города. 26 августа было принято решение об эвакуации, которая и была относительно успешно проведена в ночь на 28 августа. В течение нескольких дней еще продолжались бои с остатками советских частей, не успевших эвакуироваться с материка. Группа «Фридрих», в частности, была сменена частями 61-й дивизии.

Надо отметить, что минимальная попытка использовать войска с Даго и Эзеля в боях за Главную базу КБФ все-таки была предпринята. 27 августа по приказу главкома Северо-Западного направления была организована высадка одного батальона 156-го стрелкового полка в Рохукюля и двух батальонов 3-й стрелковой бригады в Виртсу. Высадка и некоторое продвижение в глубь материка были произведены без особого сопротивления противника. Это объясняется в первую очередь тем, что немцы сосредоточили основные силы для наступления на Таллин с юго-восточного направления. Части, действовавшие на левом фланге 42-го армейского корпуса, решали вспомогательные задачи, ограничившись прикрытием побережья. После взятия Таллина противник вынудил десант отойти обратно на острова.

Надо признать, что высадка тактических десантов во фланг наступающего противника была «модной» в 1941 году. Но, к сожалению, в большинстве случаев, кроме потерь, эти мероприятия ничего не приносили. Впрочем, немецкие историки отмечают, что при «зачистке» побережья части группы «Фридрих» и сменивший ее 162-й полк 61-й пехотной дивизии встретили серьезное сопротивление.¹

Какими же силами в середине сентября располагали для отражения десанта защитники Моонзунда? В современной литературе приводятся цифры численности войск с точностью до человека: 18 615 на Эзеле и Вормсе и 5048 на Даго и Мооне. Правда, не указывается дата подсчетов. Мы думаем, что реальной численности защитников на начало вторжения не существует в природе. Во-первых, документы обороны Моонзунда с советской стороны, как мы уже отмечали, были утрачены. Во-вторых, в начале сентября часть моонзундского гарнизона

¹ *Haupt W.* Baltikum 1941. Neckargemuend, 1963. S. 122. *Conze W.* Die Geschichte der 291. Infanterie-Division 1940–1945. Bad Nauheim, 1953. S. 96

вела бои на материке и понесла потери, а часть войск, формально к нему не принадлежавшая, могла тогда же на острова и отойти. То есть правильнее будет оперировать круглыми цифрами: около 23 тысяч человек. 3-я стрелковая бригада была полнокровным соединением, имевшим два стрелковых и артиллерийский полки. Кроме того, на островах находилось несколько специальных подразделений и нештатных формирований.

Довольно трудно определить состав авиационной группы на архипелаге. В последней по времени публикации говорится о 12 самолетах-истребителях, базировавшихся на Эзель.¹ В то же время существуют и иные данные, хотя опять без точной привязки ко времени.² Согласно им, авиагруппа насчитывала 86 машин, в том числе 24 И-153, 28 И-15, 17 МБР-2, три СБ, 6 МиГ-3, три Як-1 и пять Ил-2. Насколько изменилась численность островной авиации к моменту высадки, не известно, но можно предположить, что речь идет о цифре большей, чем 12 истребителей. Не следует забывать, что существовала (и реально была использована в ходе боев) возможность усиления моонзундской группы силами частей ВВС КБФ, базировавшихся на Ханко.

Взятие Таллина позволило немцам непосредственно начать подготовку к высадке на Моонзундские острова. Для операции привлекался тот же 42-й армейский корпус — правда, без 254-й пехотной дивизии. В качестве ударной силы предполагалось использовать 61-ю пехотную дивизию. На 217-ю пехотную дивизию возлагалась задача охраны побережья и содействия десанту, в частности, 389-й пехотный полк и дивизион 150-мм гаубиц были подчинены 61-й пехотной дивизии.

¹ Лукин В. Трагедия коменданта Моонзунда // Морской сборник. 2006. № 12.

² Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне. Часть II. ВВС КБФ в Великой Отечественной войне. М.: Главный штаб ВМФ, 1963. С. 204.

Силы десанта получили весьма солидное усиление: около четырех саперных батальонов, четыре тяжелых артиллерийских дивизиона, дивизион АИР¹. Артиллерийская группировка получила в качестве органов управления 114-е артиллерийское командование (Arko 114) и штаб 609-го артполка.² Надо признать, что эта группа, имевшая в составе орудия калибром от 100 до 210 мм, могла эффективно воздействовать как на полевую артиллерию оборонявшихся, так и на стационарные батареи открытого типа. С силами десанта взаимодействовали три береговые батареи (две вермахта и одна ВМС). Специально для проведения операции III дивизион 161-го артполка 61-й пехотной дивизии был оснащен горными орудиями.

Группировка Люфтваффе тоже была достаточно солидной для столь ограниченной задачи. В первом ударе приняли участие самолеты бомбардировочной авиации из авиагрупп KGr806, I./KG77, истребители Me-109 отряда из состава запасной группы JG54 и тяжелые истребители Me-110 из II./ZG26. Разведывательные и специальные задачи над морем решали гидросамолеты 125-й морской разведывательной авиагруппы. Разминирование проливов от собственных магнитных мин вели самолеты-тралы «Мауси». С 21 сентября в Риге базировалась также 506-я бомбардировочная авиагруппа, оснащенная самолетами «Юнкерс-88». Но к этому времени часть первоначальной группировки Люфтваффе была уже переброшена под Ленинград. Точный график передислокации нам, к сожалению, выяснить не удалось. Впрочем, судя по имеющимся данным, осуществлялась и обратная переброска для обеспечения десанта на Даро.

¹ Артиллерийской инструментальной разведки, по немецкой терминологии — Beobachtung-Abteilung.

² Штабы артполков вермахта (за исключением дивизионных) не имели штатных подразделений, а объединяли те или иные части в зависимости от обстановки.

Высадка основных сил десанта должна была производиться на штурмботах 904-й, 905-й и 906-й команд. Емкость высадочных средств позволяла одновременно поднять не более пехотного батальона. В первый эшелон высадки назначался 1-й батальон 151-го пехотного полка, затем с интервалом в 100 минут — остальные подразделения полка. Погрузка второго эшелона, 162-го полка, должна была начаться через 4,5 часа после отхода первых штурмботов. Вспомогательный десант в составе 161-го разведбатальона (район высадки — северная оконечность Моона) высаживался на более мореходных плавсредствах: четырех быстроходных десантных баржах, таком же количестве буксиров и нескольких катерах.¹

Первоначально высадка планировалась на 11 сентября, но вследствие задержки с сосредоточением 61-й дивизии была перенесена на 14 число.

Почему мы считаем началом моонзундской операции 14 сентября, хотя еще девятого части 217-й дивизии высадились на Вормс и через три дня овладели островом? Этот десант имел вспомогательный характер и не получил дальнейшего развития.² Основной удар был нанесен в другом месте.

К ночи 13 сентября войска 61-й пехотной дивизии были сосредоточены в выжидательных районах. Ночью началась погрузка подразделений первой волны. Переправа через пролив производилась еще в темноте. Первые катера с десантниками 151-го полка причалили к берегам Моона в утренних сумерках 14 сентября. Плохая видимость привела к тому, что немцы высадились южнее, чем планировалось, непосредственно перед нашим опорным пунктом Куйвасту. Одна рота вообще

¹ *Hubatsch W.* Die 61. Infanterie-Division. 1939–1945. Eggolsheim. 2006. S. 34–35.

² Пролив, разделяющий Вормс и Даго, значительно шире и не имеет дамбы, которая соединяла Моон и Эзель.

потеряла ориентировку в темноте, сделала круг и в результате оказалась на материковом берегу.

Все же немцы смогли под огнем закрепиться на узком плацдарме глубиной не более 50 метров. К сожалению, командование БОБР не успело организовать контрудар еще в темноте. А с рассветом, помимо улучшившихся условий ведения артиллерийского огня в дело вступили Люфтваффе. Немецкие авторы подчеркивают тот факт, что в удержании плацдарма основную роль сыграла авиация. Противнику удалось постепенно накопить силы, достаточные для развития наступления, в том числе перебросить около полудня артиллерию для непосредственной поддержки пехоты.¹

Надо сказать, что в первый день высадки советские войска оказали десанту довольно серьезное сопротивление. К полудню из строя вышла почти половина штурмботов. Потери их экипажей 14 сентября составили 74 человека (из 295 общих потерь в этот день).² Высадка пошла с отставанием от графика. Машина вермахта дала сбой, но же сумела справиться с кризисом. К вечеру плацдарм был расширен до шести километров по фронту. К этому же времени произошло соединение основных сил десанта с высаженным на северной оконечности острова 161-м разведывательным батальоном.

15 сентября немцы стали использовать для переброски третьего, 176-го, полка паромы Зибеля и БДБ. Командование противника, учитывая сильное сопротивление советских частей на подступах к Орисарской дамбе, запланировало атаку на дамбу с утра 16-го. Благодаря опять же поддержке Люфтваффе задача была решена и путь на Эзель открыт. Уже к вечеру там был создан плацдарм, с которого началось наступление вглубь острова по трем направлениям. По северному побережью наступал 176-й

¹ *Hubatsch W.* Die 61. Infanterie-Division. 1939–1945. Eggolsheim, 2006. S. 34–35.

² NARA, T-311, roll 108.

пехотный полк, по южному, на Аренсбург, — 162-й, а на центральном направлении действовал 151-й полк. Со взятием 18 сентября 43-й батареи на полуострове Кюбассаар немцы организовали прямую перевозку артиллерии и тылов на двадцати паромах Зибеля и девяти БДБ. 21 сентября пал Аренсбург. С 24 сентября начались ожесточенные бои на полуострове Сворбе.

Интересно отметить, что единственный воздушный, точнее, планерный десант, осуществленный на Восточном фронте немецкими ВВС, имел место именно в Монзундской операции.

Для успеха высадки на Моон необходимо было нейтрализовать береговую батарею № 43 (три 130-мм пушки, командир батареи старший лейтенант В. Г. Букоткин) на полуострове Кюбассаар (остров Эзель). Батарея сильно мешала сосредоточению сил и средств для предстоящей высадки и могла затруднить само проведение переправы через пролив.

По неизвестной нам причине выполнение этой задачи было поручено Люфтваффе. Правда, личный состав десанта, названного «группой Бенеша» (по имени командира капитана Бенеша), состоял из роты элитного полка специального назначения «Бранденбург». Треть роты высаживалась на планерах, две трети — на разнотипных судах, собранных в портах эстонского побережья. Высадка первого планерного десанта (пять планеров), вероятно, производилась силами отряда 6./LLG1, вооруженного планерами DFS-230.

13 сентября 1941 года отряд, имевший десять планеров, прибыл в Пярну, откуда и совершал вылеты на десантирование. Посадочный десант планировалось провести в стиле захвата бельгийского форта Эбен-Эмаэль. «Бранденбуржцы» должны были ошеломить советских артиллеристов, в буквальном смысле свалившись им на голову. Успех должны были закрепить основные силы десанта, высаживающиеся с судов на побережье. Одна-

ко в реальности все пошло совсем не по утвержденным планам.

Операция началась ночью 14 сентября. Видимо, опытных судоводителей у немцев не нашлось, поэтому группы десантных судов сбились с курса и в заданном районе не высадились. Не лучше обстояли дела и у планеристов. Планерный десант вместо огневых позиций батареи высадился в километре севернее. Это дало возможность бойцам Букоткина не только организовать оборону, но и контратаковать противника. Для ликвидации десанта была выделена часть артиллеристов под руководством старшего политрука Г. А. Карпенко. «Брандербуржцев» оттеснили к побережью, атака со стороны моря была отбита беглым огнем прямой наводкой, и положение спасло лишь вмешательство Люфтваффе. Самолеты не только помешали нашим бойцам добить незадачливых планеристов, но и сбросили последним надувные лодки. На них немцы смогли на следующие сутки добраться до пришедших на помощь кораблей. Батарейцам достались в качестве трофеев пистолеты-пулеметы, боеприпасы и даже несколько фляг с ромом. По отечественным источникам, численность планерного десанта составила 125 человек¹, но, учитывая, что планер DFS-230 принимал на борт только 8–10 бойцов, это число явно сильно завышено. По немецким данным, потери «группы Бенеша» составили 12 человек убитыми, шесть ранеными и четыре пропавшими без вести.

К сожалению, нам не известны подробности операции с немецкой стороны. То, что она была неудачной, в общем-то подтверждается лаконичностью доступных зарубежных источников. Еще меньше информации по второму планерному десанту на Эзеле, который, по советским источникам, был высажен 20 сентября в районе

¹ Великая Отечественная. День за днем // Морской сборник. 1991. № 9. С.21

Мустьяла.¹ Десант численностью до 150 человек² был уничтожен бойцами 2-го батальона 46-го стрелкового полка совместно с артиллеристами 39-го артполка. В документах Кригсмарине этот эпизод упомянут несколько позднее как «первое применения четырех 16-тонных планеров». Скорее всего, в этом случае речь идет о первом боевом применении тяжелых десантных планеров Me-321 «Гигант», принадлежавших 1-му особому отряду большегрузных планеров «Sonderstaffel (GS)1». Отряд, насчитывавший по штату 5 планеров и 15 буксировщиков Me-110, базировался на Ригу. По данным В. Хубача, «Гиганты» использовались и для снабжения передовых частей дивизии.³

Оба планерных десанта не оказали особого влияния на ход боев на островах. Вот какую оценку дал (правда, мимоходом) этим специальным операциям Люфтваффе швейцарский историк Юрг Майстер: *«Взаимодействие между различными видами вооруженных сил может быть оценено как хорошее. Отклонением от „генеральной линии” стали Люфтваффе с их неудачной высадкой „группы Бенеша” и не вызванным необходимостью использованием на Эзеле планеров „Гигант”.*⁴ В дальнейшем транспортные части, оснащенные планерами, активно использовались командованием Люфтваффе для снабжения все чаще возникавших на Восточном фронте больших и малых «котлов». Но ни разу — для высадки посадочных десантов.

Несколько слов об участии в боях частей, сформированных из местных жителей — эстонцев. В отечествен-

¹ Боевая летопись Военно-морского флота, 1941–1942. М., 1992. С.133

² Великая Отечественная. День за днем // Морской сборник. 1991. № 9. С. 25

³ Hubatsch W. Die 61. Infanterie-Division. 1939–1945. Eggolsheim, 2006. S. 36.

⁴ Meister J. Der Seekrieg in der osteuropaischen Gewassern 1941–45. Muenchen, 1958. S. 32.

ных публикациях упоминаются эстонский оперативный батальон и две саперные роты. Шла ли речь о 12-м истребительном батальоне, сформированном в первые дни войны, или это какая-то иная часть, сказать трудно. Одна эстонская рота была введена в бой на острове Вормс, «оперативный» батальон — на завершающей стадии боев за орисаарскую дамбу. В обоих случаях эстонцы в подавляющем большинстве, не принимая боя, перешли на сторону противника. Первый сводный труд по истории войны на Балтике, изданный в 1945 году, прямо связывает проигрыш боев на орисаарской позиции с изменой эстонского батальона.¹ Не отрицая самого факта, осмелимся утверждать, что в данном случае виновато наше же командование, бросившее в ответственную контратаку неустойчивое подразделение. Тем более, что на Вормсе аналогичный случай произошел почти на неделю раньше.

В боях за полуостров Сворбе приняли участие и относительно крупные корабли «Кригсмарине» — крейсера «Эмден» и «Лейпциг». Их участие было в известной мере делом случайным. Когда командованию ВМС Германии стало ясно, что советский флот не намерен прорываться из Ленинграда в Швецию, специально сформированное для его перехвата соединение стало возвращаться к местам базирования. «По пути» два не очень новых и не очень ценных крейсера были привлечены для обстрела стойко сражавшихся последних защитников Эзеля.

26 сентября оба крейсера выпустили по 360 шестидюймовых снарядов. Результат обстрела не наблюдался вследствие плохой видимости. На следующий день крейсера совершили два выхода к побережью полуострова. На этот раз им энергично отвечала 315-я батарея — правда, всего двумя орудиями. Советские торпедные катера

¹ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Вып. 1. М., Л., 1945. С. 146.

провели смелую, хотя и безуспешную атаку. И, наконец, на кораблях заметили следы двух торпед, выпущенных с подводной лодки. Эта атака стала причиной того, что действия крейсеров у Сворбе были запрещены. Лодкой, сорвавшей планы гитлеровцев, была скорее всего Щ-319, не вернувшаяся из боевого похода. В дальнейшем против Сворбе действовали корабли не крупнее тральщика типа «М».

Третий крейсер, на этот раз «Кельн», был привлечен к обстрелу береговых целей уже при продолжении операции против Даго. Учтя предыдущий опыт, кораблю придавалось весьма солидное охранение.

Вообще Кригсмарине задействовало в Моонзундской операции довольно крупные для 1941 года силы. С помощью флота немцам удалось провести в первый день высадки ряд убедительных отвлекающих маневров. В районе Аренсбурга планировалась операция «Зюдвинд». Для демонстрации высадки на западном побережья Эзеля предназначалась операция «Вествинд», а против Даго действовал отряд под кодовым названием «Нордвинд». В свою очередь, операция «Зюдвинд» подразделялась на три подоперации: «Нау» (задействованы четыре тральщика типа «М» и 16 каботажных судов), «Штиммунг» (семь тральщиков, две самоходных плавучих батареи и четыре буксира) и «Лель» (четыре тральщика типа «М» и столько же типа R, две плавбатарей 7 буксиров)¹. В операции против западного побережья Эзеля были использованы корабли 2-й флотилии миноносцев, 2-й и 3-й флотилии торпедных катеров, транспорты, противолодочные корабли и малые тральщики.

Наибольшую известность получила операция «Нордвинд», участие в которой приняли оба финских броненосца, ряд других корабли ВМС Финляндии и немецкие легкие силы, базировавшиеся в финских шхерах.

¹ *Melzer W.* Kampf um die Baltischen Inseln. Neckargemuend, 1960. S. 43. Все буксиры вели за собой рыболовные суда.

При выходе на операцию подорвался на советской мине и с большими жертвами (271 человек) погиб броненосец «Ильмаринен». К сожалению, судя по настойчивым описаниям в послевоенной (и достаточно поздней) литературе успехов советских береговых батарей в отражении несуществующих десантов, ложные высадки сыграли свою роль.

Кроме участия в демонстративных операциях и обстрелах берега, корабли Кригсмарине прикрывали переправу сухопутных войск от возможных действий советского флота. Впрочем, Вальтер Мельцер упоминает о срыве «советским сторожевым кораблем» переправы немецкого пехотного батальона в ночь на 15 сентября. Подразделение должно было высадиться вслед за 161-м разведывательным батальоном на северную оконечность Моона.

Бои на последнем рубеже обороны Эзеля продолжались почти десять дней и отличались большой жестокостью.¹ В ночь с 3 на 4 октября на Даго ушли катера, на которых эвакуировалось около 170 человек, в том числе комендант БОБР генерал А. Б.Елисеев. Согласно официальной версии, попытка привлечь для эвакуации оставшихся бойцов суда, имевшиеся на Даго, не удалась из-за противодействия противника.

6 октября в Москве была принята последняя радиogramма с Эзеля: *«Радиовахту закрываю, идем в последний и решительный бой»*.² О том, что бои на острове продолжались минимум до 5 октября, свидетельствуют и сводки потерь противника, приведенные в приложении, а

¹ «Дневник руководства войной на море» отмечал: «Отражены сильные контратаки на Сворбе» (запись за 26.09.1941), «Соппротивление противника на Сворбе очень сильное» (28.09.1941 г.), «На Сворбе — стойкое сопротивление противника» (29.09.1941 г.).

² *Трибуц В.Ф.* Бои за Моонзунд // Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. М., 1973. По другим данным, этот эпизод относится к 4 октября.

также история 61-й пехотной дивизии.¹ Теперь настал черед северного острова архипелага.

Перед высадкой немцев на Даго в их группировке произошли серьезные изменения. В двадцатых числах сентября 217-я дивизия постепенно начала перебрасываться под Ленинград. С 23 сентября дивизия уже полностью вошла в состав 26-го армейского корпуса. Впрочем, до конца операции 61-ю дивизию поддерживал дивизион тяжелых гаубиц из состава артиллерийского полка 217-й пехотной дивизии. В начале октября в Крым убыло и управление 42-го армейского корпуса. Войска, задействованные в высадке на Даго, теперь подчинялись только командованию 61-й дивизии (с 9 октября).

Следует отметить, что германское морское командование предлагало до высадки на Даго захватить Осмусаар, что, по его мнению, улучшило бы условия плавания по трассе Таллин—Хельсинки. Однако выбор, как мы знаем, был сделан в пользу Даго.

Высадка частей 61-й пд началась утром 12 октября. Через пролив Созлозунд на южный берег острова войска переправлялись на БДБ, а непосредственно средствами высадки служили штурмботы. Как по немецким документам, так и по воспоминаниям участников высадки с немецкой стороны, первой волне десанта удалось достичь берега без помех со стороны противника. Огонь был открыт внезапно, корабли, обеспечивавшие высадку на Кассарском плесе, были накрыты первыми же залпами. Прежде чем они успели дать ход, тральщик М-251 получил прямое попадание в носовую часть — к сожалению, выше ватерлинии. Было ли это сознательным тактическим приемом или просто наши артиллеристы поздно заметили приближение десанта, сказать трудно.

Оборона северного острова была и менее продолжительной, и, судя по потерям противника, менее упор-

¹ *Hubatsch W.* Die 61. Infanterie-Division. 1939—1945. Eggolsheim, 2006. S. 37.

ной. Уже 17 октября советские части отошли на полуостров Такхуна, где продержались до 22 числа.

Если эвакуация последних защитников Эзеля проходила спонтанно, то гарнизон Даго, теперь подчиненный генералу С. И. Кабанову, пытались спасти. Генерал Кабанов в своих мемуарах пишет, что якобы уже в начале октября было получено разрешение на эвакуацию Даго. Но скорее всего Сергей Иванович несколько опередил события, и приказ об оставлении Даго пришел уже в разгар боев, 18 октября.

Здесь мы несколько подробнее остановимся на дате принятия решения об эвакуации. Вообще-то Ставка Верховного главнокомандования разрешила эвакуацию островов еще 28 августа — правда, после завершения прорыва флота из Таллина. Как мы знаем, никаких действий в развитие этого решения не последовало. Учитывая, как проходила эвакуация Таллина и те события, что разыгрались непосредственно после прихода флота в Кронштадт, можно предположить, что про западные «анклавы» элементарно забыли. Скорее всего, позже, когда высадка немецкого десанта стала фактом, сочли за лучшее дать возможность «увязнуть» в боях на второстепенном направлении относительно крупной группировке противника. Об этом, кстати, свидетельствуют попытки снабжения гарнизона горючим и боеприпасами на транспортных самолетах из Ленинграда и малых судах с Ханко. И только в октябре, когда наступающий ледостав сделал оборону как Даго, так и Ханко бесперспективной, было принято окончательное решение об эвакуации.

Мы знаем, что из всего гарнизона архипелага было эвакуировано на Ханко 570 человек. Наверное, кто-то эвакуировался на транспортных самолетах.¹ Некоторые из защитников острова попали в Швецию. Так, 19 октября в

¹ О таких попытках, правда относящихся к 29 сентября, сообщает Мельцер.

стокгольмских шхерах был задержан катер с десятью советскими военнослужащими. Всего берега нейтрального государства достигли около 150 солдат и офицеров Красной Армии.

Могла ли данная цифра быть выше? По нашему мнению, могла. Во-первых, отход наших войск на полуостров Сворбе уводил их от спасительного северного берега Эзеля, где вероятность переправы на Даго была выше. Причиной тому называлась нехватка переправочных средств. В то же время известно, что только 16 сентября немецкая авиация потопила пять катерных тральщиков, малый охотник, тральщик, буксир и транспорт «Волхов».¹ Из воспоминаний защитников известно, что на островах находилось какое-то число гражданских судов, зачастую бесхозных. Одно из таких судов, шхуна «Мария», было использовано для эвакуации в 20-х числах октября.² Да и по официальным данным БОБРу подчинялись 17 тральщиков. При некоторой настойчивости можно было привлечь этот «флот» к переправе через Кассарский плес. При этом эвакуация была бы значительно надежнее прикрыта имеющимися силами от воздействия кораблей противника, чем путь вдоль западного берега Эзеля.

Во-вторых, когда судьба Эзеля была решена, можно было попытаться спасти хотя бы гарнизон Даго. Для этого, кроме базировавшихся на Ханко судов, можно было рискнуть и частью сил флота из Кронштадта и Ленинграда. Как показал опыт начавшихся через несколько дней походов на Ханко, риск не превышал разумных пределов. К тому же войска, поддержанные флотом и, чувствующие, что их не забыли, продержались бы еще дольше. Впрочем, история сослагательного наклонения не имеет.

¹ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Вып.1. М., Л., 1945. С. 147. Немцы сообщают о еще большем числе потопленных малых судов и кораблей.

² Гриневиц В. Память Такхуны // Морской сборник. 1976, № 11.

Думаем, читателю интересно будет узнать, что немцы не собирались ограничиваться десантной операцией против Моонзунда. Среди запланированных, но неосуществленных мероприятий была высадка двух батальонов 61-й дивизии на Осмуссаар. Между финским и немецким командованием шли переговоры о передаче района Ханко немецким войскам, однако затем решили ограничиться посылкой после взятия Даго нескольких дивизионов тяжелой артиллерии (всего 54 орудия). Впрочем, дело ограничилось также только намерениями.

Отдадим должное героическим защитникам Моонзундских островов. Находясь фактически в глубоком тылу немцев, не получая действенной помощи от вышестоящего командования, они больше месяца скрывали сначала армейский корпус, а потом усиленную дивизию противника. Причем в то самое время, когда решалась судьба Ленинграда. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и те потери, которые нанесли моонзундцы противнику. Довольно наглядно это видно из сравнения результатов Моонзундской и Ханковской оборонительных операций. В первой немцы потеряли 2850 человек, 15 самолетов, несколько малых кораблей. Финны при попытках взломать оборону полуострова Ханко, а затем в «малой войне» в шхерах по его периметру потеряли, по неполным данным, 486 человек убитыми и пропавшими без вести. Санитарные потери составили 781 человек.¹ Правда, бойцы генерала Кабанова понесли относительно небольшие собственные потери: около двух тысяч человек за весь период обороны, в том числе 797 — безвозвратными.²

¹ *Lappalainen N.* Hankoniemi toisessa maailmansodassa. Porvo, 1987. Р. 222. Это нижний предел потерь, так как в источнике указаны не все подразделения, принимавшие участия в боях.

² *Колпаков А.* Эвакуация Ханко // Морской сборник. 1991, № 11. Потери без учета 4987 человек, погибших при эвакуации.

Таблица 1

**Потери военно-воздушных сил Германии при проведении
Моонзундской десантной операции¹**

№	Дата	Место	Прич.	Часть	Тип	Зав. и борт. номер	% повр.	Судьба экипажа
1	06/09/41	Эзель	РПО	4./ZG26	Bf110	?	?	=1
2	07/09/41	Эзель	ЗА	4./ZG26	Bf110	?	?	=1
3	07/09/41	Эзель	ЗА	E-Gr./JG54	Bf109E	1944	100	+1
4	07/09/41	?	?	KGr806	Ju88A-4	3508	100	+3, 6/в 1
5	14/09/41	?	ЗА	KGr806	Ju88A-4	8502	100	—
6	14/09/41	?	ВП	KGr806	Ju88A-4	1202	100	—
7	14/09/41	о. Вердер	ВП	KGr806	Ju88A-4	6502	100	=1
8	14/09/41	о.з Рига	ЗА	KGr806	Ju88A-4	8503	30	—
9	15/09/41	Пярну	ЗА	SAGr125	He114B	2572	30	—
10	16/09/41	Эзель	РПО	9.Seenot	He59	1821	100	=2
11	16/09/41	?	ИА	E-Gr./JG54	Bf109E	3269	100	=1
12	19/09/41	Saare	-	KGr806	Ju88A-4	2504	60	=4
13	19/09/41	Эзель	ЗА	KGr806	Ju88	?	?	=1
14	22/09/41	Эзель	+	KGr806	Ju88D-1	1053	100	+1
15	22/09/41	Аренсбург	?	KGr806	Ju88A-4	6503	100	+3,=1
16	22/09/41	Пярну	ИА	SAGr125	He114B	2550	10	—
17	23/09/41	Maisakyla	БП	KGr806	Ju88A-4	3516	05	=1
18	24/09/41	Аренсбург	ЗА	KGr806	Ju88A-4	1240	100	—
19	25/09/41	Ройя	ЗА	3./506	Ju88D-1	1075	40	—
20	27/09/41	Рига	ЗА	2./906	Ju88	1167	40	=2
21	27/09/41	Эзель	БП	Sdst(GS)1	Bf110C	3631	100	+2
22	27/09/41	Эзель	ЗА	Sdst(GS)1	Bf110C	3623	100	+2
23	04/10/41	(Эзель)	?	2./506	Ju88	1237	100	+3, 6/в 1
24	12/10/41	о. Моон	ПВО	II./KG77	Ju88A-5	2238	70	=1
25	26/10/41	Моонзунд	Взрыв мины	SdKdo MR	Ju52MS	2921	100	=1
26	26/10/41	Моонзунд	Взрыв мины	SdKdo MR	Ju52MS	2923	100	=2

Примечания: РПО — ружейно-пулеметный огонь; ЗА — огонь зенитной артиллерии; ВП — вынужденная посадка; ИА — истребительная авиация; БП — боевые повреждения; Значком «+» обозначены погибшие, «=» — раненые и «6/в» — пропавшие без вести члены экипажа; E-Gr./JG54 — запасная группа 54-й истребительной эскадры; II./KG77 — II-я группа 77-й бомбардировочной эскадры;

¹ Выборка из сводок потерь, хранящихся в Военном архиве ФРГ — ВА-МА, RL 2 III/ 1179 (указаны все потери, понесенные Люфтваффе в данном районе в сентябре-октябре 1941 года).

Моонзундская операция 1941 года

KGr806 (506) — 806 (506)-я бомбардировочная авиагруппа; ZG26 — 26-я эскадра тяжелых истребителей; SAGr125 — 125-я морская разведывательная авиагруппа; Sdst(GS)1 — специальный отряд буксировщиков большегрузных планеров; SdKdo MR — специальное противоминное командование; Seepot — 9-й морской авиаотряд поисково-спасательной службы.

Таблица 2

Потери 42-го армейского корпуса вермахта в период проведения Моонзундской десантной операции¹

Сентябрь 1941 года

Дата	01	02	03	04	05	10	11	12	13	14	15	16	17
Офицеров	9	3	—	2	2	2	2	—	1	5	8	1	5
Рядовых	62	57	8	53	7	6	34	—	—	290	123	39	106
Итого	71	60	8	57	9	8	36	—	1	295	131	40	111

Дата	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Офицеров	3	3	1	5	3	4	1	2	—	1	9	—	5
Рядовых	90	85	44	73	56	80	103	63	44	82	97	38	106
Итого	93	87	45	78	59	84	104	65	44	83	106	38	111

Октябрь 1941 года

Дата	01	02	03	04	05	06	12	13	14	15	16	17	18	19	20	22
Офицеров	2	—	2	—	—	—	—	2	—	—	4	2	1	—	1	—
Рядовых	147	97	116	53	2	1	63	35	10	11	49	16	72	61	23	30
Итого	149	97	118	53	2	1	63	37	10	11	53	18	73	61	24	30

Примечание: в период с 6 по 9 сентября, с 7 по 11, 21 и с 23 октября 1941 года потерь не зафиксировано.

¹ Подсчитано по: NARA, T-311, roll 108.

Владислав Гончаров

ВЫБОРГСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Финские десантные операции в Выборгском заливе летом 1941 года

Боевые действия на Карельском перешейке летом 1941 года оказались как бы в тени сражения, происходившего к югу от Ленинграда. Действия 23-й армии севернее Ленинграда описывалось предельно кратко, но почти во всех работах упоминалось, что причиной оставления Выборга и тяжелого положения, в которое попал левофланговый 50-й корпус, стала высадка финнами морского десанта на побережье Финского залива. Вот как описывает это событие история Ленинградского военного округа:

«Противник стремился отрезать 43, 115 и 123-ю стрелковые дивизии от остальных сил и замкнуть их в кольцо. С помощью десанта, высаженного южнее Выборга, финскому командованию удалось перерезать приморские железную и шоссейную дороги, ведущие к Ленинграду.

В создавшейся обстановке Военный Совет фронта с ведома Ставки разрешил 28 августа командующему 23-й армией генерал-лейтенанту Герасимову... отвести три дивизии из района Выборга в южном направлении на рубеж бывшей линии Маннергейма. Но осуществить это не удалось, так как противник успел уже плотно закрыть пути отхода».¹

Таким образом выходит, что высаженный финнами десант привел не только к занятию большой территории, но и к окружению и фактическому разгрому трех советских дивизий. Более ни одна десантная операция на Восточном фронте не достигала такого успеха! И как это финнам удалось? Ведь в Выборгском заливе у них вообще не было никакого военного флота, зато здесь мог свободно оперировать советский Балтийский флот.

Настоящая статья представляет из себя попытку разобраться в истинных причинах Выборгской трагедии, поэтому значительное место в ней придется уделить действиям на сухопутном фронте. Тем не менее начнем мы именно с десантных операций...

В результате мирного договора 1940 года советско-финская граница на участке, непосредственно примыкающем к Финскому заливу, приобрела довольно причудливые очертания. На море она петляла между шхерными островками, зачастую лежащими в паре сотен метров друг от друга, а на суше полуостров Кийскиналхти оказался соединен с остальной советской территорией лишь узкой полукилометровой перемычкой с мостом через реку Косколан-йоки, находящемся почти вплотную к границе.

Прибрежный участок границы охраняла 2-я комендатура 33-го погранотряда, ее 5-я застава находилась на

¹ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1974. С. 233.

полуострове Кийскинлахти, 6-я — на прилегающих к нему островах Лайтсалми, Паюсари и Патио; 7-я застава находилась на более дальних островах, самым северным из которых был Мартинсари. Кроме того, на островах размещался 41-й отдельный пулеметный батальон (в некоторых источниках именуется батальоном морской пехоты). Его штаб и 1-я рота находились на острове Паюсари, 2-я рота — в тылу на островке Питкяпаси, а 3-я рота, усиленная четырьмя 45-мм орудиями — на самом крупном острове Патио; эта рота находилась в оперативном подчинении командира 6-й погранзаставы. Сухопутный участок оборонительных сооружений не имел, но на острове Патио были оборудованы дзоты для пулеметов и легких пушек.

Вход в Выборгский залив прикрывал Выборгский сектор береговой обороны под командованием полковника В. Т. Румянцева. Помимо 41-го отдельного пулеметного батальона сюда входили 22-й и 32-й отдельные артиллерийские дивизионы — 12 береговых и противокатерных батарей калибром от 45 до 152 мм, а также 10 отдельных полевых орудий и 27-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Артиллерия 32-го дивизиона располагалась на острове Пуккионсари, лежащем у линии морской границы в 5 километрах мористее Патио, а также на северном побережье Выборгского залива в районе поселка Ристсатама и на полуострове Сатаманиemi в 15 км восточнее границы. 22-й дивизион располагался на островах архипелага Койвисто (Бьерке) — Пийсари, Тиуринсари и Бьерке, лежащих вдоль восточного побережья залива. Действия частей береговой обороны поддерживались шхерным отрядом КБФ капитана 3-го ранга Э. И. Лазо, базировавшимся в Уурасе (Тронгзунд) на острове Уурансари — два дивизиона канонерских лодок, дивизион самоходных десантных барж (все четыре баржи типа «СБ»), звено сторожевых катеров типа «МО», дивизион катеров-тральщиков, отряд торпедных катеров, отряд бронекатеров и три дивизиона пограничных катеров.

Как мы видим, противодесантная оборона побережья и островов была чрезвычайно слаба — никто явно не предполагал высокой активности финнов на морском участке границы.

Район Выборга оборонял 50-й стрелковый корпус 23-й армии — 123-я и 43-я стрелковые дивизии; первая из них держала оборону по границе от Финского залива до Сайменского канала, вторая — севернее Сайменского канала до реки Вуокса (Вуокси). За Вуоксой, начиная от Энсо, шла полоса 115-й стрелковой дивизии 19-го стрелкового корпуса. Далее на север, в районе Элисенваара и Лахденпохья, занимала оборону 142-я стрелковая дивизия 19-го стрелкового корпуса, а еще севернее — 168-я дивизия 7-й армии (позднее переданная в 23-ю армию). Роль армейского резерва выполнял 10-й механизированный корпус, однако уже в начале июля основная часть его сил была переброшена в Карелию и под Лугу. На Карельском перешейке осталась лишь одна 198-я моторизованная дивизия, позднее тоже «раздерганная» на отдельные полки. Все дивизии имели хорошую по тому времени комплектность — по 10–12 тысяч человек личного состава.

С финской стороны 23-й армии противостояли два армейских корпуса — IV (8-я и 12-я пехотные дивизии и 25-й пехотный полк) и II (2-я, 15-я и 18-я пехотные дивизии). Кроме того, в качестве резерва здесь находились 4-я и 10-я пехотные дивизии и легкая бригада «Т». Таким образом, против пяти советских дивизий находились восемь расчетных финских. С учетом большей комплектности финских дивизий (14 тысяч против 12 тысяч) это давало финнам более чем полуторное превосходство. В этих условиях советские войска могли только обороняться...

Официально считается, что Финляндия объявила войну Советскому Союзу 26 июня 1941 года — после налетов советской авиации на мирно спящие финские

города и аэродромы. Однако личный состав 2-й комендатуры был приведен в боевую готовность уже в пятом часу 22 июня — после того, как мирные финны начали открыто (белая ночь!) устанавливать у моста через Коскелан-йоки станковые пулеметы, а после этого границу пересекли несколько самолетов, направляющихся в сторону Ленинграда.

Около десяти часов утра мирные финны неожиданно атаковали пограничный наряд у вышки на участке 5-й заставы западнее моста, рядом с деревней Кийскинлахти. Пограничный наряд был вынужден отойти к самой заставе, располагавшейся в деревне. Финны захватили вышку и установили там пулемет; одновременно они вышли к устью Коскелан-йоки. Чуть позже другая группа финнов перешла границу западнее Кийскинлахти и попыталась захватить мост, ведущий на остров Лайтсалми, но была остановлена в 200 метрах от моста пулеметным огнем пограничников и морских пехотинцев.

Таким образом сухопутная дорога на 5-ю заставу была перерезана. Рации на заставе не было, связь с комендатурой поддерживалась только по подводному телефонному кабелю. Ближе к вечеру деревню Кийскинлахти пришлось оставить, а мост на остров Лайтсалми — взорвать. Приказом командира погранотряда весь состав 5-й, 6-й и 7-й застав был переброшен катерами на материк и занял оборону по берегу реки Коскелан-йоки, а оборона островов передана батальону морской пехоты.¹

¹ См.: В. Платонов. Пограничники в боях за Родину. Сборник примеров боевых действий пограничников в первые дни Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии. М.: Главное управление пограничных войск КГБ при Совете министров СССР. 1961. Стр. 6–8.

Описанный случай был на Карельском перешейке не единственным. Например, утром 22 июня с финской стороны был обстрелян наряд 14-й заставы 2-й комендатуры Энсовского пограничного отряда. В 7 часов утра 23 июня на этом же участке группа финских солдат численностью около

Кроме того, в отражении финской атаки 22 июня принимала группа катеров типа «МО» под командованием

50 человек пыталась атаковать саму 14-ю заставу; когда скрытное нападение не удалось, по заставе с финской стороны был открыт минометный огонь. В бою погиб начальник штаба 2-й комендатуры старший лейтенант Гелев. 23 июня на участке Выборгского погранотряда прилетевшим из Финляндии самолетом были обстреляны машины с эвакуируемыми семьями начсостава 272-го стрелкового полка, убит красноармеец. На следующий день 1-й заставой того же отряда на нашей территории были задержаны два финских солдата. Случаи атак и обстрелов с финской стороны (даже не учитывая действий авиации) имели место и на других участках границы — так, 25 июня на участке 2-й заставы Ухтинского погранотряда группой перешедших границу финских солдат был обстрелян и ранен младший политрук Елисеев. На участке Ребольского погранотряда были найдены следы высадки диверсантов-парашютистов — в том числе 45 кг тротила и мешок продуктов с финскими надписями. Но самый удивительный казус произошел под Мурманском — здесь на участке 12-й заставы Куолаярвского пограничного округа 22 июня в 1:30 (то есть еще до нападения Германии) был захвачен проводивший рекогносцировку на нашей территории немецкий ефрейтор, давший подробные показания о группировке немецкой 9-й пехотной дивизии на финской территории в районе Сарвиселья, Куолаярви, Котала и о развертывании противника для наступления. См.: Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976. С. 390—391, 399, 430, 460, 474, 480—481. Если действия немецкой авиации с финской территории, как и заброска диверсионных групп (для взрыва шлюзов Беломоро-Балтийского канала) были акциями, решение о которых принималось на уровне высшего военного руководства Финляндии, то атаки на пограничные заставы, скорее всего, были «самодеятельностью» местных финских командиров. Судя по всему, финские военные получили приказ подготовить наступление и для этого провести разведку сопредельной территории, и часть из них просто не озаботилась тем, что официальный повод для войны еще не найден.

капитан-лейтенанта А. Финочко, поддержавшая пограничников огнем из 45-мм пушек.¹

23 июня финны силами пехотной роты перешли Коскелан-йоки по невзорванному мосту и попытались занять деревню Коскела на ее восточном берегу, но попали в «огневой мешок»; по отечественным данным, рота была практически полностью уничтожена.²

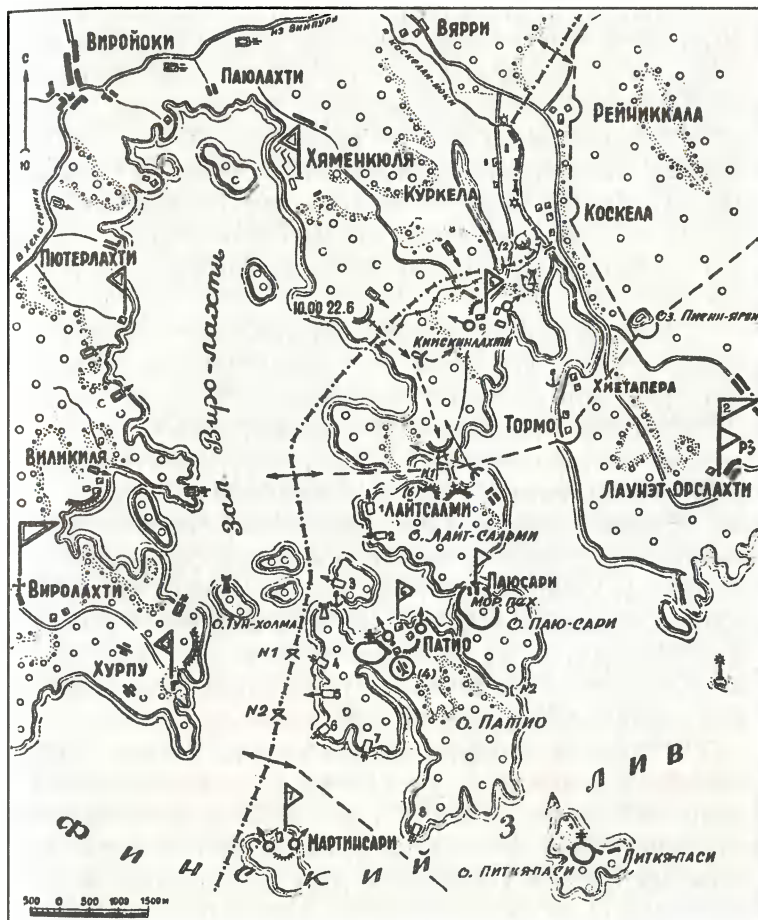
На какое-то время здесь установилось затишье. 26 июня с островов было замечено сосредоточение финских войск на полуострове Хурпу, а также на острове Тунхолма, лежащем всего в километре западнее острова Патио. 27 июля 41-й отдельный пулеметный батальон открыл огонь по финскому берегу, заставив противника прекратить активность. 29 июня финны с Хурпу под прикрытием дымовой завесы и артиллерийского огня попытались высадить на Патио шлюпочный десант (до сотни человек), но огнем 41-го отдельного пульбата высадка была отбита.

Тем временем батареи 32-го отдельного артдивизиона вели огонь по скоплениям финских войск у границы — в основном по заявкам сухопутных войск. Финны отвечали артиллерийским огнем и воздушными налетами. 3 июля произошла трагедия — в результате бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела на острове Пуккионсари загорелся лес, а от него — склады боеприпасов. Произошел взрыв, в результате которого погибло около половины всего боезапаса, сгорело имущество и продовольствие. Лишь 20 и 22 июля нам удалось отыгаться — по донесениям артиллеристов, были уничтожены четырехорудийная батарея на полуострове Хурпу и двухорудийная батарея в районе Кийскинлахти, занятом финскими войсками еще 22 июня.

В тот же день 3 июля финны захватили остров Мартинсари, высадив сюда шлюпочный десант силой до

¹ Ю. В. Ладинский. На фарватерах Балтики. М.: Воениздат. 1973. С. 44.

² В. Платонов. Пограничники в боях за Родину. С. 11–12.

Отражение 2-й комендатурой 33-го погранотряда атаки финнов
22-23 июня 1941 года

роты. Заняв Мартинсари, удобно расположенный между Патио и Пуккионсари, противник сразу же занялся его укреплением и переброской сюда новых войск.

В ночь на 16 июля вблизи Патио появлялись финские катера, однако были отогнаны артиллерийским огнем. 26 июля финны сделали две безуспешные попытки высадиться прямо на Пуккионсари, их катера опять удалось отогнать стрельбой из пулеметов. 26 и 27 июля финны вновь пытались высадить десанты на острова Патио и Пуккионсари — либо же имитировали высадку. То же самое произошло 1 августа на побережье Лайтсалми. Во всех случаях финнам не удавалось достигнуть берега.

Советская сторона предприняла ответные действия — в ночь с 5 на 6 августа была проведена разведка занятого финнами полуострова Кийскинлахти и прилегающих к Патио мелких островов. Выяснилось, что на некоторых из них противника нет, поэтому 41-й отдельный пулеметный батальон высадил шлюпочные десанты на «пустующие» острова Хальсхольма (Хольсхольм) и Раатионсари, лежащие в 500—1000 метрах к северо-западу от Патио. Каменистый Раатионсари и низменный болотистый Хальсхольма не имели каких-либо укреплений и оборонять их оказалось бы весьма сложно — но это был редкий в 1941 году случай вступления советских войск на а территорию противника.

С 5 августа спорадические обстрелы занятых противником островов и его плавсредств вела канонерская лодка «Кама». Но в целом вплоть до 20-х чисел августа в районе, занимаемом 32-м артиллерийским дивизионом, обстановка оставалась относительно спокойной.

Тем временем положение советских войск на Карельском перешейке в начале августа 1941 года значительно ухудшилось. Еще 30 июля Маннергейм приказал II армейскому корпусу (1-я, 15-я и 18-я пехотные дивизии) начать наступление на стыке 115-й и 142-й дивизий,

выйти к Ладожскому озеру в районе Хийтола и рассечь силы 23-й армии. Прорвать советскую оборону финнам удалось лишь к 5 августа, в этот день начались тяжелые бои за узловую станцию Хийтола, находившуюся у северо-западного угла Ладоги, в 22 км от границы.

На этом этапе боев в действие вступил субъективный фактор. Предвидя неприятный вариант развития событий, командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов 5 августа отдал новому командующему 23-й армией генерал-лейтенанту М. Н. Герасимову (накануне сменившему генерал-лейтенанта Пшенникова) приказ: продолжая удерживать Хийтола, вывести через оставшийся коридор войска из-под Сортавалы и занять прочную оборону на подступах к Кексгольму. Однако на следующий день этот приказ был отменен главкомом Северо-Западного направления маршалом К. Е. Ворошиловым, давшим указание удерживать район Сортавалы во что бы то ни стало.

Увы, еще 7 августа левофланговая 2-я пехотная дивизия II армейского корпуса заняла Лахденпохья и вышла к Ладоге, образом таким отрезав Сортавалу и оборонявшую ее 168-ю стрелковую дивизию¹. 8 августа 10-я и 15-я пехотные дивизии финнов заняли Кирка-Хийтола, фактически отрезав основные силы 198-й и 142-й стрелковых дивизий (четыре полка) от остальных сил 23-й армии.

Таким образом, правое крыло 23-й армии оказалось рассечено на три части, две из которых были прижаты к побережью. Но что еще хуже — справа от 115-й стрелковой дивизии между Сайрала и Кексгольмом образовался разрыв шириной до 30 км, прикрытый лишь разрозненными остатками отступивших сюда подразделений, зачастую не имевшими связи между собой и с высшим командованием.

¹ 21 июля для облегчения управления вместе с 361-м полком 71-й стрелковой дивизии передана из 7-й армии в состав 23-й армии.

Переломить ситуацию не помогло даже введение в бой спешно переброшенной из резерва фронта 265-й стрелковой дивизии, имевшей в своем составе всего 5539 человек. Поэтому контрудар на Хийтола, организованный силами этой дивизии 10 августа, успеха не имел, хотя и задержал наступление финнов на два дня. Положение могла бы спасти переброска части сил из-под Выборга — однако командование направления требовало любой ценой удерживать линию границы под Выборгом.

Вдобавок командование 23-й армии под давлением Ворошилова вместо спешного вывоза отрезанных соединений по Ладоге и переброски их в район Кексгольма пыталось организовать прорыв в район Хийтола по суше — не учитывая тяжелые потери 168-й, 142-й и 198-й дивизий и явное превосходство финнов в численности. 12 августа противник занял Сортавалу, в тот же день 142-я и 198-я дивизии по существующим мостам отошли на острова Киппола.

В результате приказ командования фронта на эвакуацию по озеру был отдан лишь вечером (в 16:15) 17 августа. Фактически эвакуация началась еще раньше. 168-я стрелковая дивизия из Сортавалы вывозилась с утра 16 августа¹ — сначала на остров Валаам, а затем в район Шлиссельбурга и бухту Гольсмана. 15 августа была начата эвакуация 19-го стрелкового корпуса (142-я и 198-я дивизии).

Увы, время было потеряно, и вместо района южнее Кексгольма (бухта Сортанлахти, ныне Владимирская) войска пришлось вывозить в бухты Морье и Саунаниеми (южнее устья Тайпален-йоки). Эвакуация продлилась до 23 августа, 168-я стрелковая дивизия была со-

¹ Согласно воспоминаниям начальника оперативного отдела штаба 168-й стрелковой дивизии С. Н. Боршева, приказ штаба фронта на прорыв по суше поступил 12 августа, однако на следующий день он был отменен и дано распоряжение эвакуироваться по озеру. См.: С. Н. Борщев. От Невы до Эльбы. Л.: Лениздат, 1973. С. 24.

средоточена в районе Шлиссельбурга только к 28 августа. Всего с 15 по 23 августа с северного берега Ладоги было эвакуировано 23 600 тысяч бойцов, 748 автомашин, 193 орудия, 4823 лошади, а также до 18 тысяч гражданского населения. Кроме того, еще до начала эвакуации по воде было вывезено около 4 тысяч раненых¹.

Таким образом, финны получили около двух недель форы, в течение которых три из семи дивизий 23-й армии оказались фактически «выключены из игры». С учетом потерь советских войск превосходство противника на Карельском перешейке из примерно полуторного стало как минимум трехкратным, а в районе западнее Кексгольма — практически подавляющим. Командование 23 армией сообщало в штаб фронта, что ведущие бой соединения обескровлены, у них совершенно отсутствуют резервы — но в то же время две дивизии, 123-я и 43-я, продолжали оставаться вне боя.

И финское командование в полной мере воспользовалось открывшимися ему возможностями. 13 августа

¹ В. И. Ачкасов. Защита морских сообщений на Балтике в годы Великой Отечественной войны // Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. 1941—1945. М.: Наука, 1981. С. 173 (со ссылкой на ЦВМА, ф. 2, д. 9222, л. 85; В. Ф. Трибуц в своих мемуарах называет несколько отличающиеся цифры). На остров Валаам было эвакуировано 11 995 человек, 112 орудий и минометов, 1823 лошади, 136 автомашин (см.: В. Ф. Трибуц. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С. 96). По состоянию на 19 августа общие потери 142-й дивизии составили 3190 человек — 1839 раненых, 611 убитых и 740 пропавших без вести. Было потеряно 12 152-мм орудий, 6 122-мм гаубиц, 52 миномета, 64 станковых и 140 ручных пулеметов (см.: Г. А. Олейников. Героические страницы обороны Ленинграда. СПб.: Нестор, 2000. С. 86.). В дивизии осталось около 6000 человек — таким образом, итоговые потери личного состава и матчасти составили лишь около трети, хотя по более ранним донесениям (от 10—12 августа) они были пятидесятипроцентными.

Маннергейм отдал командованию II армейского корпуса приказ: как можно быстрее выйти к Вуоксе и занять плацдармы на ее южном берегу. Наступление на Выборг с востока было отложено. В течение следующей недели противник практически полностью занял обширную территорию в большой излучине Вуоксы, где оборонялись лишь разрозненные советские части — два полка 265-й дивизии, 588-й полк 142-й дивизии, 5-й и 33-й погранотряды, группа полковника Донскова, группа комбрига Остроумова. И это все — против трех финских дивизий и одной моторизованной бригады...

Правда, 10-я и 15-я дивизии, частично скованные боями с отрезанной в районе Хийтола советской группировкой, а частично задержанные упорной обороной Кексгольма, первое время продвигались довольно медленно — Кексгольм был занят только 21 августа. В тот же день передовые части 10-й пехотной дивизии вышли к Вуоксе у Кивиниеми, а 22–23 августа 15-я пехотная дивизия заняла Тайпале. Зато 18-я пехотная дивизия, практически не имевшая перед собой противника, быстро вырвалась вперед. Уже 16 августа она вышла в район Вуосалми и Эурепя, где никакой советской обороны организовано не было. На следующий день 27-й пехотный полк вместе с тяжелым артиллерийским дивизионом переправились через Вуоксу. 18 августа к ним присоединилась выдвинутая из резерва моторизованная бригада «Т»¹. Так финны получили плацдарм за Вуоксой шириной 14 км и глубиной до 5 км, с которого можно было наступать как в обход Выборга, так и прямо на Ленинград.

Беда в том, что советское командование получило известие о переправе финнов у Вуосалми только 20 августа, причем количество переправленных войск было оценено в два батальона. Тем временем финское командование

¹ Пехотный полк, два батальона, две егерские, саперная и артиллерийская роты, зенитная батарея.

направило вслед за 18-й дивизией 12-ю пехотную дивизию из состава IV армейского корпуса с Выборгского направления. Вместо нее против 115-й стрелковой дивизии вводилась в бой из резерва командования 4-я пехотная дивизия полковника К. Вильянена. Несколько позже (26 августа) к Вуосалми от взорванного моста у Кивиниеми была перенаправлена и 10-я пехотная дивизия.¹

Еще 20 августа в связи с резко ухудшившейся обстановкой был отдан приказ командующего 23-й армией за № 027/оп о занятии обороны по реке Вуокса. При этом войска левого крыла армии отводились от границы, однако Выборг оставлять категорически запрещалось. 43-я стрелковая дивизия отходила к городу, а 123-я и 115-я дивизии под ее прикрытием должны были выводиться из выборгского «мешка» с целью укрепления его горловины.

В связи с этим в тот же день 20 августа командование Выборгского сектора отдало приказ об эвакуации северного побережья залива. Вместе с артиллеристами 32-го дивизиона вывозились и левофланговые части 123-й дивизии, оставшиеся в этом районе. Эвакуация производилась с острова Пуккионсари, мысов Ристиниеми и Сатаманиеми, ее прикрывали рота 41-го отдельного пульбата и два взвода 51-го отдельного стрелкового батальона.

Финны обнаружили отход наших войск и начали наступление только через два дня — части прикрытия вступили в бой с противником лишь незадолго до окончания эвакуации, завершившейся вечером 22 августа. Увы, без потерь все равно не обошлось — из трех барж, на которых вывозилась матчасть дивизиона, одна была уничтожена огнем противника. Кроме того, 23 августа у мыса Сайаманиеми при снятии личного состава пулеметной роты от огня противника погиб севший на камни

¹ По данным Г. Олейникова сюда же была переброшена и 2-я пехотная дивизия.

Положение войсн н исходу 9.8.1941 г.

Положение войск и исход 23.8.1941 г.

Положение войск противника

Экономический и социальный журнал

Направление основных ударов противни-

после форсирования реки Вуонси

бронекатер № 215. Тем не менее к исходу 24 августа оставшийся личный состав роты прикрытия был снят двумя другими бронекатерами и катером КМ.

Тем временем финны, сосредоточив на плацдарме у Вуосалми достаточное количество сил, 22 августа перешли в наступление. Уже 23 августа бригада «Т» прорвалась в район деревни Кямья (не путать со станцией Кямья!) у озера Кямьян-ярви (ныне Гавриловское) в 25 км восточнее Выборга, где соединилась с наступавшими с севера частями 12-й пехотной дивизии, форсировавшими Вуоксу у Антреа. Одновременно 18-я пехотная дивизия, развернувшись к юго-востоку, вышла на рубеж озера Муолан-ярви, Юрепян-ярви и реки Салменкайта (ныне озера Глубокое и Большое Раковое и река Булатная) между станцией Лейпясуо и изгибом Вуоксы.

В этот день советские войска наконец-то нанесли контрудар: части 123-й и 115-й стрелковых дивизий атаковали финнов в районах Манникала (10 км северо-восточнее Выборга) и у Кямья, пытаясь отбросить противника к Вуоксе. Контрнаступление успеха не имело, а тем временем финны приступили к выполнению другой части своего плана. Еще 22–23 августа 8-я пехотная дивизия полковника Винеля из состава IV армейского корпуса достигла берега Выборгского залива, отрезав и прижав к побережью в районе Репола 245-й полк 43-й стрелковой дивизии. Финны сразу начали подготовку переправы через залив, чтобы ударить в тыл советским войскам под Выборгом.

Переправа облегчалась тем, что ширина водного пространства между двумя берегами залива здесь составляет всего полтора километра. Финские войска сосредотачивались в районе деревень Поркансари и Пийспансари, а также на острове Туркинсари, связанном с берегом дамбой и идущей по ней дорогой.

Финны переправляются на лодках через Выборгский залив

Переправа началась утром 24 августа. Из Поркан-сари на моторных лодках и шюцкоровских катерах на мыс Кейхясниemi переправлялся 3-й батальон 45-го пехотного полка, южнее него с острова Туркинсари на полуостров Лиханиemi была организована переправа основной части 24-го пехотного полка. Вечером того же дня 2-й батальон этого полка организовал переправу из района деревни Репола на северную оконечность острова Суонионсаари, где ширина пролива тоже была около километра. Уже с этого острова финны на захваченных лодках и подручных средствах без всякого противодействия переправились через акваторию закрытого Тронгзундского рейда и полукилометровый судоходный канал в порт Уурас (Тронгзунд, ныне Высоцк) на острове Уурансаари.

К вечеру 24 августа на полуострове Лиханиemi уже находилось два батальона финнов, еще один батальон был предназначен для захвата Уураса. С помощью имевшихся плавсредств невозможно было перевезти через залив транспорт и даже полевую артиллерию, поэтому в

Командир 4-й финской
пехотной дивизии полковник
К. Вильянен

качестве огневой поддержки части 8-й дивизии имели с собой только 81-мм минометы, что значительно ослабляло их ударную мощь. С другой стороны, финнам очень помогало хорошее знание местности и ее особенностей — в том числе тех, что не обозначаются на топографических картах...

24 августа, в первый день переправы, никакого противодействия финской высадке оказано не было. Лишь 25 августа советские катера ЗК-35 и ЗК-36 у южной оконечности острова Суонинсаари, у входа на закрытый рейд Уураса, обстреляли из 45-мм орудий «скопление пехоты противника и шлюпки с десантом» — по донесению катерников, было уничтожено три шлюпки.

Чуть позже к месту высадки были направлены и более крупные корабли. 26 и 27 августа из района севернее Уураса по переправе финнов и скоплениям войск противника на берегу с расстояния в 8–10 миль вели огонь эсминцы «Сильный» и «Стойкий», а также канонерская лодка «Кама». Всего эсминцами было израсходовано 1037 130-мм снарядов. Увы, эффект от стрельбы по площадям практически с предельной дистанции оказался минимальным, тем более, что выход кораблей в море и подготовка их к выполнению боевой задачи были торопливыми и неорганизованными. Флотский офицер связи при штабе 23-й армии не смог организовать обмен данными между кораблями и сухопутными частями, так как флагманский артиллерист флота не был информирован о поставленных эскадренным миноносцам задачах. Артиллерийская разведка и целеуказание не осуществлялись. Стреляя 26 августа по полуострову

Лиханиеми, эскадренные миноносцы сами не знали, кто и где на нем находится¹, а командир «Стойкого» Б. П. Левченко даже при написании своих мемуаров был искренне уверен, что полуостров Лиханиеми расположен на северном берегу залива.² По донесениям с эсминцев, 27 августа был обстрелян конвой из двух транспортов и нескольких катеров, идущий к мысу Ристиниеми, оба транспорта потоплены. Что это были за «транспорты», остается неизвестным до сих пор...

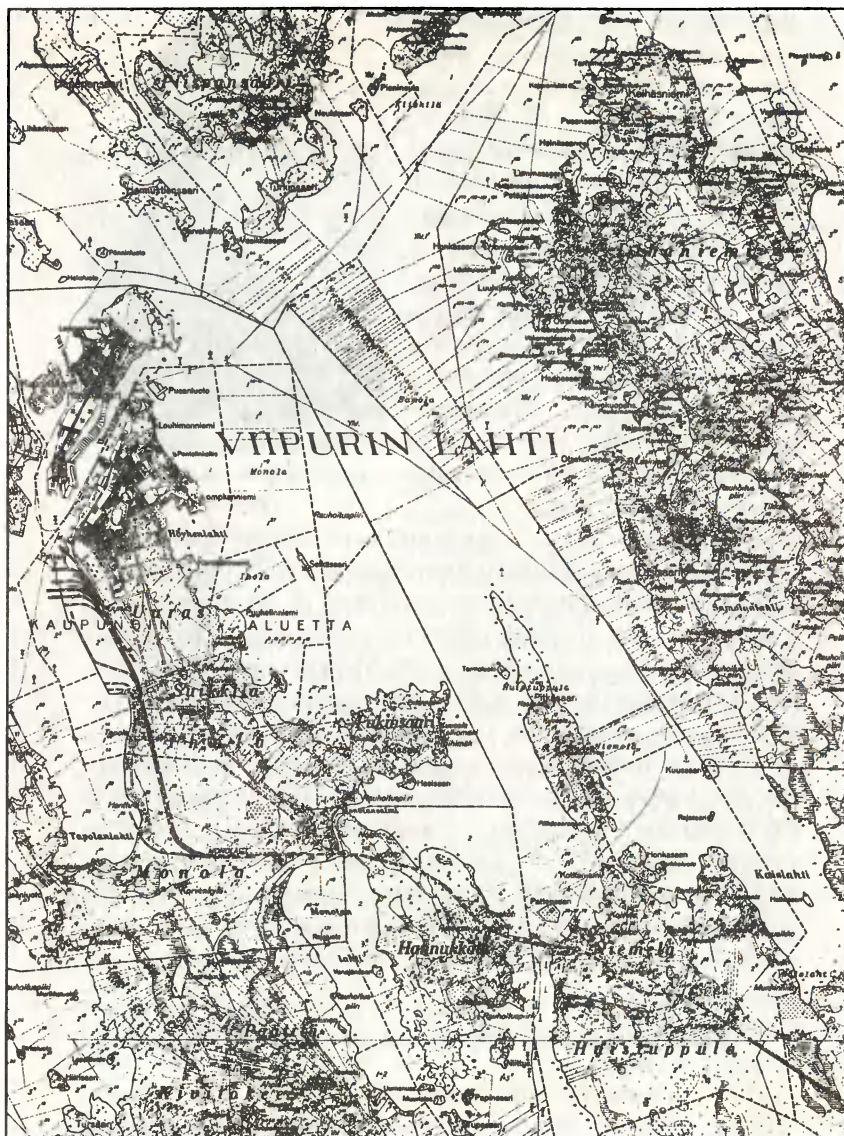
Командир 8-й финской
пехотной дивизии полковник
Винель

27 и 28 августа попытку сорвать переправу финнов на Лиханиеми предприняли бронекатера № 213 и № 214 — они атаковали финские малые суда и по донесениям экипажей, таранными ударами потопили 6 рейдовых катеров, две шлюпки и понтон. Можно предположить, что в результате этих действий наращивание сил противника на плацдарме было несколько замедлено.

Первая информация о высадке финнов на Лиханиеми поступила в штаб Койвистского (103-го) пограничного отряда (командир — майор Никитюк) довольно быстро — уже в 17:00 24 августа. Сразу же в район высадки была направлена группа пограничников под командованием капитана М. А. Ревуна. Увы, в группе было только 30 человек, больше наскрести не удалось.

¹ В. И. Ачкасов, Н. Б. Павлович. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1973. С. 192.

² Б. П. Левченко. ...В кильватер, без огней. Л.: Лениздат, 1981, С. 82–83. Правда, Левченко утверждает, что стрельба корректировалась по радио с наблюдательного поста Выборгского сектора.

Гавань Уурас, полуостров Лииханиemi

и район станции Соммее. Финская карта

Быстро оценив обстановку, капитан Ревун занял оборону в самом удобном месте — в районе деревни Самола у основания полуострова, где его ширина не превышала полутора километров. Всю ночь пограничники вели бой, однако перекрыть выход с полуострова им не удалось — 25 августа финны прошли вдоль берега залива Рауха-лахти и вышли к железной дороге и шоссе Койвисто¹—Выборг в районе станции Соммее (по финским данным последняя была захвачена только утром 26 августа).

Однако к этому времени в район Кайслахти уже была переброшен отряд в составе сводной роты Койвистского погранотряда и школы младшего комсостава КБФ под общим командованием начальника штаба погранотряда майора Охрименко. Отряд занял оборону в районе станции Кайслахти в 2,5 километрах юго-западнее Соммее. Группа капитана Ревуна днем 25 августа также вышла к Кайслахти и соединилась с отрядом Охрименко, потеряв 5 человек убитыми и троих ранеными, однако вынеся с собой много трофейного оружия и боеприпасов.

В 10 часов утра поступило сообщение, что высадившийся накануне в районе Уураса противник вышел к железнодорожному мосту, соединяющему остов Уурансаари с материком, и захватил деревню Ниемеля, а также расположенный здесь кирпичный завод, угрожая выходом в тыл отряду пограничников. Майор Охрименко бросил сюда сводную роту под командованием командира разведвзвода лейтенанта Козлова. Неожиданно атаковав противника при поддержке двух 76-мм орудий армейской батареи, рота выбила противника из Ниемеля и с территории кирпичного завода, вынудив его отойти обратно к мосту на Уурансари. По нашим данным, финны потеряли в этом бою 50 человек убитыми и 9 ранеными (возможно, в последнем случае имеются в виду

¹ Бьерке, ныне Приморск.

взятые в плен), было захвачено два миномета, много винтовок, автоматы и гранаты. Наши потери составили 20 человек убитыми и ранеными.

Весь день противник при поддержке минометного огня атаковал станцию Кайслахти, подойдя к ней вплотную. Однако в 6 утра 26 августа, после налета нашей авиации, пограничники неожиданно контратаковали финнов и после рукопашного боя на северной окраине Кайслахти отбросили противника к лесу. В этой схватке был смертельно ранен майор Охрименко; командование отрядом принял майор Углов из береговой обороны КБФ.

27 августа сводный отряд под давлением противника был вынужден оставить станцию Кайслахти. Пограничники отступили к порту Йоханнес и заняли оборону по реке Роккалан-йоки в 5 километрах южнее Кайслахти. К этому же времени сюда же подошел спешно сформированный в Койвисто сводный морской полк в составе сборного отряда Выборгского сектора береговой обороны и двух батальонов 5-й отдельной морской бригады, переброшенных в Койвисто из Ижорского сектора с южного берега Финского залива.

С 27 по 29 августа моряки и пограничники удерживали рубеж по Роккалан-йоки, неоднократно переходя в контратаки и давая возможность частям 23-й армии выйти к Койвисто. Лишь 30 августа под усилившимся давлением противника Йоханнес был оставлен, и советские войска отошли непосредственно к Койвисто. В этот же день 103-й пограничный отряд был эвакуирован на остров Койвисто, где вместе со школой младшего начсостава КБФ вошел в резерв командира бригады КБФ.

Занятие финнами станций Соммее и Кайслахти 26—27 августа сыграло роковую роль в судьбе Выборгской группировки наших войск (50-й стрелковый корпус — 123-я, 43-я и частично 115-я стрелковые дивизии). По-

пытка контрнаступления 24 августа, проводимая рядом разрозненных ударов с разных направлений, не привела ни к каким результатам — хотя в полосе 18-й финской дивизии на рубеже Яуреппя и озера Муоланярви финнов на некоторое время удалось отбросить к Вуоксе, а «в ночном бою дело дошло до рукопашных схваток с применением финских ножей и ручных гранат».¹

Отразив разрозненные советские контратаки, части 12-й и 18-й пехотных дивизий и бригады «Т» вышли в район станций Лейпясую и Кямья, перерезав железную дорогу и шоссе из Выборга на Ленинград. Одновременно наступавшая с севера 4-я пехотная дивизия захватила станцию Тиенхаара, оттеснив советские войска к самому Выборгу. 123-я стрелковая дивизия к 27 августа, согласно докладу ее командования, оказалась расчленена на отдельные группы, часть которых вела бои в окружении.

Ситуация усугублялась тем, что 23 августа прежде единый Северный фронт был разделен на два — Карельский и Ленинградский; в результате в штабах на некоторое время воцарилась неизбежная неразбериха. Однако на просьбу командования 23-й армии о разрешении оставить Выборг и отойти к старой границе новое руководство Ленфронта ответило категорическим отказом. Лишь рано утром 28 августа Военный совет Ленинградского фронта с ведома Ставки разрешил командованию 23-й армии оставить Выборг и отойти на «подготовленный рубеж по бывшей линии Маннергейма» — которого в действительности не существовало.

¹ Suomen Sota 1941–1945. 1951. S. 312. Цит. по: *Н. И. Барышников*. Наступление финских войск на Карельском перешейке в августе-сентябре 1941 года // *От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 годах*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 269.

Советские танки Т-38 и бронеавтомобили, брошенные у станции Соммее

Характерно, что это распоряжение было датировано 5:00 28 августа, в то время как директива штаба армии об отходе была подписана уже в 4:15 того же дня. Однако было уже поздно — тем более, что до войск директива дошла лишь во второй половине дня, а указанный в ней рубеж отхода (от Муолаа до Роккала) частично уже был занят финнами. 123-й дивизии, основными силами сосредоточившейся в районе Сяйнио (5 км юго-восточнее Выборга) пришлось пробиваться справа от железной дороги, через деревню Хуумола. Попытка 245-го полка дивизии отбить станцию Кямьяря закончилась неудачей. 115-я дивизия получила приказ командарма отходить не на юго-восток, а к югу, на Койвисто. Прикрывали этот отход 272-й полк 123-й дивизии и 576-й полк 115-й дивизии, оборонявшиеся в районе станции Кархусуо, по линии железной дороги от Выборга на Яуряпя и к Валк-ярви. 29 августа части 4-й финской дивизии (5-й пехотный полк) заняли Сяйнио, после чего арьергарды 123-й и 115-й дивизий были отрезаны и разгромлены.

Вопреки утверждению многих последующих историков, ни 28, ни 29 августа финское кольцо окружения еще не было замкнуто. Даже район деревни Няюкки и озера Няюкки-ярви (у станции Хонканиеми, между Сяйнио и Кямьяря) был захвачен 4-й пехотной дивизией

Артиллерия 43-й стрелковой дивизии, захваченная у Порлампи

только 29 августа. Однако, как назло, начались проливные осенние дожди, все ручейки превратились в бурные потоки, а лесные тропы между Кямьяря и Кайслаhti оказались непроходимы для колесного транспорта и тяжелой техники. Поэтому артиллерию и часть обозов пришлось бросить — так, на пустоши Корпеллан-Аутио в 7 км южнее Сяйнио были оставлены обоз и вся артиллерия 638-го стрелкового полка 115-й дивизии. Однако сам полк в количестве 2000 человек смог пробиться на Койвисто.¹

По Приморскому шоссе никто прорываться даже не пытался — хотя здесь находилось не более двух полков финнов, причем без техники и артиллерии, а вплоть до 30 августа советские моряки и пограничники удерживали город Йоханнес и рубеж реки Рокаллан-йоки. Без сомнения, организованный удар трех дивизий (пусть даже не в полном составе), поддержанный дивизионной и корпусной артиллерией, просто смял бы хлипкие

¹ Всего к 3 сентября в составе дивизии оставалось 5500 человек. См.: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: АСТ; СПб.: Полигон. 2004. С. 25.

позиции частей 8-й пехотной дивизии и позволил бы 50-му стрелковому корпусу без особых проблем отойти на Койвисто, эвакуировав большую часть техники и снаряжения.

Увы, этого не произошло. 29 августа, оставив Выборг, командир арьергардной 43-й стрелковой дивизии решил пробиваться на Койвисто восточнее Приморского шоссе, лесными дорогами через деревни Юля-Соммее и Порлампи. Однако местность здесь была еще хуже, чем в районе Хуумола, через болота зачастую не было не то что дорог, но даже и троп. В итоге дивизия просто застряла у Порлампи, где в течение трех дней вела бои в окружении. 1 сентября сопротивление прекратилось — финны утверждают, что приказ о капитуляции отдал сам командир дивизии генерал-майор В. В. Кирпичников¹. По утверждениям финнов, на поле боя они обнаружили около 2000 трупов, в плен попало 3000 бойцов 43-й стрелковой дивизии. Было захвачено огромное количество техники — артиллерия, автомобили, бронемашины, которые командование дивизии даже не попыталось уничтожить.

Всего по данным Хельге Сеппеля в ходе боев за район Выборга было захвачено 9 тысяч пленных, 55 танков,

Бывший командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор В. В. Кирпичников в финском плену

¹ В. В. Кирпичников оказался единственным советским генералом, попавшим в финский плен, поэтому его фотографии в плену широко публиковались финской пропагандой. По возвращении из плена в 1944 году генерал-майор Кирпичников был арестован и в 1950 году приговорен к расстрелу; позднее посмертно реабилитирован.

306 различных орудий, 246 минометов, 272 пулемета, 673 автомашины и 4500 лошадей. Потери советских войск убитыми финны оценили в 7 тысяч человек, число отошедших в район Койвисто — в 12 тысяч.

Уже 31 августа финские войска, не встречая на своем пути практически никакого сопротивления, заняли Терийоки. В тот же день 18-я пехотная дивизия вышла к старой границе в районе Майнила, а 1 сентября бои велись уже по всему периметру Карельского укрепрайона. Тем временем западнее, вдоль морского побережья, во многих местах все еще продолжались боевые действия — так форт Ино был занят частями 12-й пехотной дивизии только 3 сентября. Оставались советские гарнизоны и на островах Выборгского залива.

«После занятия ихер Виролахти финские соединения береговой обороны получили задание пересечь Выборгский залив и установить связь с частями, расположенными дальше на восток. Для этого необходимо было захватить острова Тейкарсари и Туппурансари» — пишет Юрген Майстер.¹ Далее он сообщает, что утром 29 августа 2-й финский береговой батальон (425 человек), вышедший на катерах из Вилайоки в бухте Вилайоен-лахти, высадился на остров Тейкарсари (Тейкаринсаари), лежащий западнее Ууринсаари и прикрывавший подходы к гаваням Выборгского залива. По данным Майстера, остров оборонялся «усиленной советской ротой». Финны высаживались в три приема на западном побережье острова. Около полудня несколько небольших советских кораблей пытались приблизиться к острову, но были вынуждены отойти, потому что финны открыли огонь из захваченных орудий — интересно, каких?

Описание этого боя с советской стороны сильно отличается — в первую очередь по датировке. Еще 20 ав-

¹ См.: Юрген Майстер. Восточный фронт. Война на море, 1941–1945. М.: Эксмо. 2005. С. 33.

густа с острова Тейкарсари, где располагалась 1-я застава Койвистского погранотряда, было замечено сосредоточение финских войск на мысе Питкяниеми (в 2,5 км западнее северной оконечности острова) и острове Сантасари (в 2 км севернее Тейкарсари). В этот же день застава была усилена 50 краснофлотцами из сил береговой обороны — таким образом, «усиленная рота» составила не более 70 человек.

Согласно описанию боевых действий Койвистского погранотряда¹, финский десант был высажен на остров 25, а не 29 августа — что более похоже на правду, потому что к 29-му борьба за Выборгский залив уже практически завершилась. Доложившему о высадке командиру заставы лейтенанту Девятых было приказано до последней возможности удерживать противника на северо-западной оконечности острова, дабы дать возможность эвакуировать артиллерийскую батарею с Туппурансари, лежащего в 2,5 километрах к югу. Пограничники и моряки выполнили свой долг — враг сумел захватить Тейкарсари, только высадив на него еще одну роту. Более никакой информации о бое не поступало, потому что в самом его начале была разбита радиостанция заставы, и связь с гарнизоном прекратилась. На единственной моторной лодке с острова удалось эвакуировать шесть раненых, еще несколько человек позднее добрались до Койвисто на плоту.

31 августа финны попытались высадиться и на острове Туппурансари (Туппура), лежащем юго-западнее Тейкарсари, у северной оконечности полуострова Киперорт. Однако высадка на этот раз была отражена огнем береговой батареи № 229.

Впрочем, ситуацию на суше это не спасало. 1 сентября командование Северо-Западного направления

¹ См.: Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941. Сборник документов и материалов. М.: Наука. 1976. С. 686.

приняло решение об эвакуации отошедших в Койвисто остатков 50-го стрелкового корпуса на острова архипелага Койвисто (Бьерке), для чего был сформирован специальный отряд из канонерок, транспортов и катеров шхерного отряда. В этот же день из Койвисто были вывезены вышедшие сюда части 43-й стрелковой дивизии, утром следующего дня — подразделения 123-й и 115-й стрелковых дивизий. Для эвакуации войск в Койвисто вечером 1 сентября были направлены транспорта ВТ-506 «Барта» и ВТ-507 «Отто Шмидт» в сопровождении двух тральщиков и двух катеров типа «МО». Третий пароход, ВТ-542 «Мееро» (1866 брт) на пути к Койвисто в ночь на 2 сентября был потоплен у мыса Стирсуден финским торпедным катером «Сюоксю» (первоначально считалось, что транспорт погиб на mine).¹

Эвакуация началась в ночь на 2 сентября 1941 года и закончилась рано утром. Руководивший операцией по вывозу войск начальник штаба КБФ вице-адмирал Ю. А. Пантелеев вспоминает, что многие солдаты были без оружия. Всего на транспортах в Кронштадт было вывезено 14 000 человек из состава 115-й и 123-й стрелковых дивизий, в том числе 2000 раненых. Среди вывезенных был и командир 115-й стрелковой дивизии В. Ф. Коньков со своим штабом. Часть войск (в первую очередь части береговой обороны и остатки 43-й стрелковой дивизии) эвакуировались на остров Бьерке, вместе с ними число эвакуированных морем достигло 20 тысяч человек.²

¹ Б. А. Вайнер. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1990. С. 35. См. также: Суда Министерства Морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: ГПИНИИМТ «Союзморниипроект», 1989.

² Всего на 5 сентября в 23-й армии (вместе с частями КаУР) насчитывалось 44 000 человек, 200 орудий, 80 минометов,

К полудню 2 сентября был снят гарнизон острова Туппурансари, личный состав 229-й береговой батареи и прикрывавшие посадку моряки из Койвисто. Вечером 2 сентября финны без боя вошли в опустевший город.

400 станковых и 600 ручных пулеметов (см.: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 184). Очевидно, сюда не входят 168-я дивизия, переданная в состав 55-й армии и 115-я дивизия, 4 сентября выведенная из состава 23-й армии и направленная для занятия обороны по Неве. Численность этих дивизий на начало сентября составляла 12–15 тысяч человек. Таким образом, из 5 полнокровных (123-я, 43-я, 115-я, 142-я, 168-я) и двух неполных (198-я и 265-я) дивизий общей численностью (вместе с армейскими и корпусными частями) порядка 85 тысяч в боях на Карельском перешейке было потеряно 30 тысяч человек или около трети армии — в основном погибшими и пропавшими без вести.

Основные источники

Г. А. Олейников. Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941–1942 годов. СПб.: Нестор, 2000.

Я. Кишкурно. Карельский перешеек. Незвестная война. 1941. СПб.: ООО «Любавич», 2007.

В. Платонов. Пограничники в боях за Родину. Главное управление пограничных войск КГБ при Совете министров СССР. Москва, 1961.

В. Ф. Коньков. Время далекое и близкое. М.: Воениздат, 1985.

Ю. А. Пантелеев. Морской фронт. М.: Воениздат, 1965.

Боевая летопись военно-морского флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1992.

От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 годах. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004

Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976.

Ю. Майстер. Восточный фронт. Война на море, 1941–1945. М.: Эксмо, 2005.

Владислав Гончаров

КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСИЙСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Керченско-Феодосийская операция стала первым крупномасштабным морским десантом, проведенным антигитлеровской коалицией в ходе Второй мировой войны. Операции подобного уровня были проведены союзниками на Гуадалканале и в Северной Африке лишь летом и осенью следующего года. У немцев «в активе» была Норвежская операция, а японцы как раз в декабре 1941 года осуществляли высадку на Филиппинах и в Малайе — но использовать опыт этих действий советские войска и флот, естественно, не могли. Фактически единственным опытом масштабной высадки с моря на обороняемое противником побережье, на который могло ориентироваться командование Черноморского флота, являлась Дарданелльская операция 1915 года.

I. Планирование и подготовка операции

1. Возникновение и развитие идеи операции

Керчь была оставлена частями 51-й армии 16 ноября 1941 года, но уже через несколько дней возникла идея

высадкой десанта отбить город обратно. Точную дату рождения идеи десантной операции сейчас определить невозможно — но, скорее всего, возникла она у командования закавказским фронтом в районе 25 ноября.

В директиве Ставки за № 004973 от 19 ноября 1941 года речь идет только об организации обороны 51-й армии на Таманском полуострове и о недопущении высадки противника на кавказском побережье, причем в долговременной перспективе: «...не допустить форсирования противником Керченского пролива и высадки им десантов на Азовском и Черноморском побережьях, имея в виду использование главных сил армии на Таманском полуострове».¹

Директивой Ставки за № 005070 от 22 ноября 1941 года 51-я и 56-я отдельные армии в целях лучшей организации обороны Кавказа подчинялись командованию Закавказским фронтом, при этом задачи 51-й армии оставались прежними: «оборона южного берега Азовского моря от Приморско-Ахтарской через Керченский пролив и далее оборона Черноморского побережья до Адлера включительно, имея основной задачей оборону таманского полуострова как на суше, так и с моря».² О наступлении через Керченский пролив речи пока не шло, и не удивительно — ведь накануне войска 56-й отдельной армии после тяжелых боев оставили Ростов и отошли за Дон.

24 ноября директивой № 005128 Ставка поставила войскам Южного и Закавказского фронтов задачу освобождения Ростова и наступления на Таганрог с выходом на реку Миус; речи о каких-либо действиях под Керчью здесь тоже не шло.

Впервые общие контуры десантной операции на Керченский полуостров были сформулированы в телеграмме № 01555/оп, направленной штабом Закавказского

¹ Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). М.: Терра 1996. С. 303.

² Там же, стр. 306.

фронта (за подписями Козлова, Соломко и Толбухина) начальнику Генерального штаба Красной Армии в 14:20 26 ноября 1941 года. Цели и задачи операции в ней формулировались так:

По выполнении ближайшей задачи Южным фронтом — овладении Ростовом, Таганрогом и развитии дальнейшего наступления на этом участке считаю целесообразным начать операцию по овладению Керченским полуостровом. Цель действия: не допустить вывода войск из Крыма и ослабить его наступление на Севастополь. Задача: овладеть Керченским полуостровом выходом на фронт Насыр, Сейтджееут.

Для проведения операции должны были привлекаться силы 51-й и 56-й армий — 7–8 стрелковых дивизий, 3–4 артполка РГК, 3–4 танковых батальона. Операцию поддерживали ВВС обеих армий, а также две дивизии АДД из состава Закавказского фронта. Высадку осуществляли Черноморский флот и Азовская военная флотилия с привлечением всех имеющихся плавучих средств. Общая схема операции командованию фронта виделась следующей:

План действия: выброской морских десантов на м. Хрони, маяк Кизаульский при одновременной высадке парашютного десанта (700–900 чел.) овладеть восточным берегом Керченского полуострова; в последующем начать переброску основных сил на Керченский полуостров с задачей развивать наступление на фронт Тулумчак, Феодосия.¹

Поздно вечером 28 ноября командующий Закавказским фронтом Д. Т. Козлов имел разговор по прямому проводу с заместителем начальника Генерального штаба

¹ Там же, стр. 399.

А. М. Василевским. В основном беседа была посвящена действиям 56-й армии под Ростовом, который, безусловно, воспринимался как главное направление (в этот день части 56-й армии, перейдя Дон по льду, завязали бои в городе). Однако разговор коснулся и планов операции под Керчью. Василевский сказал:

Ваше предложение по проведению Керченской операции товарищ Сталин считает целесообразным. Она скует силы противника в Крыму и в значительной мере поможет Севастополю. В то же время приказано обратить Ваше внимание на необходимость, учитывая сложность операции, самой тщательной подготовки ее, и особенно в вопросах выброски морских десантов. Рассчитывать на возможность выброски морского десанта со стороны Азовского моря, по-видимому, не придется. Это надо учесть при разработке операции.

Товарищ Сталин не только разрешает, но и предлагает немедленно приступить к подготовке указанной операции с учетом, еще раз повторяю, обязательного выполнения 56-й армией задачи по овладению и закреплению за собой Ростова.¹

Отсюда следует, что идея высадки десанта на Керченском полуострове принадлежала именно командованию Закавказского фронта — Д. Т. Козлову либо его начальнику штаба генерал-майору Ф. И. Толбухину. Надо заметить, что это ломает существующее в нашей литературе представлением о Козлове как о безынициативном командире, не способном на самостоятельные действия.

Получив санкцию Ставки, командующий Закавказским фронтом 30 ноября доложил более развернутый план операции, целью которой ставилось «не допустить вывода войск противника из Крыма и ослабить его

¹ Там же, стр. 311–312.

наступление на Севастополь». Для этого войскам Закавказского фронта следовало овладеть районом Керчи, а затем при поддержке воздушного десанта и всем Керченским полуостровом, будучи готовыми в дальнейшем развивать наступление вглубь Крыма. Вместо 56-й армии, переданной в состав Южного фронта, в операции, наряду с 51-й, должна была принять участие 44-я армия, перебрасываемая из Дагестана в район Анапы.

Командующий Закавказским
фронтом Д. Т. Козлов

...4. Состав сил и средств:

армейских управлений — 2; стрелковых дивизий — 9; стрелковых бригад — 3; танкбатов — 4; . артполков. АРГК — 4; артдивизион — 1; зенитных дивизионов — 10; понтонных батальонов — 2; инженерных батальонов — 4; огнеметная рота — 1; дивизион ГМП — 1; АЗВФ и ЧФ.

5. План действия.

А. 51-й армии в составе трех сд, одной сбр, усиленных тремя артиллерийскими полками РПК, двумя мотопонтонными батальонами, тремя инжбатальонами, АЗВФ из района м. Ахиллеон, коса Чушка, коса Тузла форсировать пролив и нанести удар с целью овладеть Керчь выходом на фронт Тархан, ст. Багерово, Александровка с последующим наступлением на Тулумчак. Одновременно при благоприятной ледовой обстановке на Азовском море выбросить усиленный гсп из района Темрюк в район Мама Русская (или лыжные отряды при наличии ледового покрова) с целью: наступать на Керчь с севера, не допустить подхода свежих сил с запада и обеспечить высадку основных сил.

Б. 44-й армии в составе трех сд с одним арtpолком РГК, одним дивизионом АО РГК, одним инжбатом, ЧФ из района Тамань, м. Тузла, м. Железный Рог овладеть районом Чончелек тат., г. Опук, маяк Кизаульский, м. Такыл, в последующем наступать свх. Кенегез; одновременно выделить один усиленный гсп из Новороссийска, Анапа в район: пр. Дуранде (Ссыпной пункт), г. Опук с целью наступления на Марьевка и обеспечения действия войск из района Тамань.

В. Выброской воздушного парашютного десанта в район ст. Салын, Багерово отрезать пути отхода противнику из Керчи и захватом рубежа Турецкий вал не допускать подхода свежих сил противника с запада.¹

Общая глубина операции должна была составить 100—110 км, темп продвижения — 10—15 км в сутки, длительность операции — 10—15 дней. От флота требовалось выделить плавучие средства для переправы войск через Керченский пролив, самостоятельно высадить из портов Новороссийск, Анапа, Темрюк десант на побережье Керченского полуострова, а также содействовать артиллерийским огнем флангам сухопутных войск на полуострове. Наряд сил на операцию увеличился — в ней должны были принять участие уже 9 стрелковых дивизий и 3 стрелковые бригады.

Непосредственно для высадки с моря выделялись 251-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии и 105-й горнострелковый полк 77-й горнострелковой дивизии, как имеющие опыт и практику в десантных операциях. Командующий Закавказским фронтом считал необходимым на время операции подчинить ему Черноморский флот и Азовскую флотилию, а для усиления обороны Севастополя немедленно напра-

¹ Керченская операция (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.). ГШ КА, Военно-исторический отдел. М.: Воениздат, 1943. С. 34—35.

вить туда одну стрелковую дивизию. Эта просьба была исполнена — уже 3 декабря Ставка распорядилась об отправке в Севастополь только что сформированной полнокровной 388-й стрелковой дивизии (12 тысяч человек и 30 орудий).¹

Как мы видим, командование Закавказского фронта видело операцию как простую переправу через пролив с последующим выталкиванием противника с Керченского полуострова при достаточно низком темпе продвижения — 10–15 километров в сутки. Никаких мероприятий по окружению керченской группировки немцев путем высадки десантов у основания Керченского полуострова не планировалось, а занятие Феодосии намечалось лишь на завершающем этапе операции. Отчасти это было вызвано тем, что командование флота не дало фронту точных сведений о своих возможностях по перевозке и боевому обеспечению десанта.²

Однако уже в этом варианте предусматривалась (при благоприятной обстановке на Азовском море) высадка одного горно-стрелкового полка в районе мыса Зюк для последующего наступления на Керчь с севера — с целью не допустить подхода резервов противника с запада, а также для облегчения высадки основных сил на восточном берегу полуострова. Дополнительный удар наносился путем морского десанта в районе горы Опук в юго-восточной части полуострова. То есть в варианте от 30 ноября прослеживается стремление несколько расширить операцию и создать угрозу тылу и коммуникациям противника действиями тактических подразделений (горнострелковый полк, воздушный десант, пусть и в непосредственной близости от Керчи). Однако вопрос

¹ См.: А. В. Басов. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987. С. 107, 137.

² Керченская операция. С. 6.

об окружении противника на полуострове еще не ставился.

Судя по всему, руководство Черноморского флота поначалу не проявило особого интереса к предложенной операции¹, что вынудило Генеральный штаб выступить в роли посредника. 5 декабря 1941 года А. М. Василевский от имени Ставки предложил командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому сообщить для доклада Ставке свои соображения о возможности проведения в середине декабря десантной операции по овладению Керченским полуостровом. Масштаб операции был определен так: «одновременная выброска двух групп по полку с анапского и темрюкского направлений».²

Вечером следующего дня телеграммой за № 20827 Октябрьский доложил Василевскому свои соображения. По его мнению, центр операции следовало перенести на юг — исходя из более удобных условий погрузки в Новороссийске, а также более благоприятной ледовой обстановки на Черном море. В качестве главных пунктов высадки указывались Феодосия и Керчь, в последней предполагалось производить высадку на причалы прямо с боевых кораблей флота. Кроме того, предполагалось высадить вспомогательный десант в Судак. Одновременно с высадкой предполагалось начать наступление из Севастополя силами вновь прибывающей туда свежей 388-й стрелковой дивизии.

Для большей гибкости операции, а также легкости и быстроты переброски адмирал Октябрьский предлагал

¹ Косвенным свидетельством тому служит отсутствие каких-либо опубликованных документов ЧФ, относящихся к операции и датированных ранее 5 декабря — при том, что набор документов, использованных в работе 1943 года «Керченская операция», практически совпадает с документами по этой операции, опубликованными в сборнике «Ставка ВГК. Документы и материалы».

² Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. С. 323.

в первом броске высаживать не штатные части, а специально сформированные десантные полки без тылов и полевых орудий, компенсируя отсутствие артиллерии огневой поддержкой с моря. На подготовку операции командующий флотом просил у Ставки 15 дней, то есть начать ее предполагалось 21–22 декабря.¹

7 декабря в директиве командующему войсками Закавказского фронта № 005471 за подписью Сталина и Шапошникова Ставка утвердила представленный Козловым план операции, внося в него несколько существенных добавлений². Кроме запланированных фронтом высадок в Керченском проливе и у горы Опук Ставка утверждала предложенную флотом высадку в Феодосии «с целью захвата Ак-Монайского перешейка». С этой же целью предлагалось предусмотреть «одновременную выброску и посадку воздушного десанта» уже не в восточной части полуострова, а рядом с Феодосией.

Таким образом, в директиве Ставки выталкивание противника сменилось операцией на окружение. При этом высадка в Феодосии планировалась «с развитием наступления высадившихся войск по Керченскому полуострову». То есть она должна была состояться некоторое время спустя после десанта около Керчи, когда войска противника уже будут связаны боем. Между тем часто встречаются утверждения, что высадка в Феодосии состоялась позже керченской из-за того, что флот запоздал с ее подготовкой — то есть удачное разнесение десантов по времени оказалось случайным.

¹ В преддверии операции 16 декабря директивой Ставки командующим 44-й армией был назначен генерал-майор А. Н. Первушин, а командующим 51-й армией — генерал-лейтенант В. Н. Львов, до этого некоторое время исполнявший обязанности начальника штаба Закавказского фронта.

² См. там же, стр. 325.

На время операции Черноморский флот и Азовская военная флотилия переходили в подчинение командующего Закавказским фронтом. Кроме того, для обеспечения операции в составе Закавказского фронта оставались подлежащие передаче в 56-ю армию 132-я авиадивизия дальнего действия, 27-я истребительная авиадивизия и 25-й корпусной артиллерийский полк.

2. План операции и его изменения

9 декабря командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский на крейсере «Красный Кавказ» отбыл из Севастополя в Новороссийск. Здесь на встрече с генералом Козловым и был выработан окончательный план операции, доложенный в Ставку в ночь с 13 на 14 декабря 1941 года.

КОМАНДУЮЩИМ 51 А, 44 А, ЧФ.

Копия: НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ

Оперативная директива № 01696/оп.

Штаб опергруппы. Краснодар. 23:30 13.12.41 г.

Карта 500 000

1. Противник силою двух пд, двух кавбригад занимает восточную часть Керченского полуострова, готовя его к обороне; до одной пехбригады — в районе Феодосии.

2. Правее 56 армия ведет бой за Таганрог. Граница с нею — прежняя.

3. Закфронт с ЧФ и АЗВФ имеет задачей — уничтожить керченскую группировку противника и овладеть Керченским полуостровом с целью отвлечь силы противника от Севастополь и Таганрог и не допустить вывода его частей из Крыма.

4. 51 армии (в составе 224, 396, 302, 390 сд, 12 стр. бригады, батальона морской пехоты АЗВФ с 265, 457, 456, 25 кап, 1/7 гмп, 7 отдельной огнеметной ротой,

75, 132, 205 инж. батальонов, 54 и 6 мотопонтонных батальонов) во взаимодействии с АЗВФ, Керченской военно-морской базой — форсировать Керченский пролив, ударом с севера и юга овладеть гор. Керчь и Керченским портом, выйти на рубеж Оз[еро] (сол.), отметка, 177, Александрова, Ортаэли,, Киз-Аул, овладеть Турецким валом и в дальнейшем, наступать в направлении Ак-Монайской позиции.

Высадить морские десанты в районах:

а) Ак-Монай — Арабат с задачей овладеть районом Арабат, перехватить Арабатскую стрелку в наиболее узком месте сев.-зап. Сол[яные] пром[ыслы], Крым-Эли и не допустить подхода противника по Арабатской стрелке со стороны Геническ и отхода его по Арабатской стрелке на сев.-запад. До подхода главных сил армии десант в районе Арабат подчинить командарму 44.

б) На участке Нв. Свет, Мама Русская, м. Хрони с целью ударом на юг содействовать главным силам 51 армии овладеть Керчь. Граница слева: Крымская, Гостагаевская, Благовещенская, г. Опук, Карангит.

Штарм 51 — Темрюк, в дальнейшем Тамань.

5. 44 армии (в составе: управления 9 ск, 236, 345 сд, 157 сд, 79 стр. бригады, 251 гсп с дивизионом лап, 405 гсп с 1/239 ап, 547 гап, 61 инж. батальоном) во взаимодействии с ЧФ:

а) овладеть и прочно удержать город и порт Феодосия;

б) во взаимодействии с авиа- и морским десантом у Арабат уничтожить феодосийскую группу противника и овладеть районом Сейтджоут, Кошай, Ак-Монай, Арабат, Владиславовка, Насыпной, Султановка, упорно обороняя его до уничтожения керченской группы;

в) частью сил наступать на Марфовка с задачей содействовать частям 51 армии в уничтожении керченской группировки противника;

г) с выходом частей 51 армии на Ак-Монайскую позицию быть готовым к развитию успеха в направлении Карасубазар.

Одновременно высадить морские десанты: в районе г. Опук, Ссыпной пункт с задачей ударом в направлении Ортаэли содействовать 51 армии форсировать Керченский пролив; с момента высадки десант подчинить командарму 51; в районе Коктебель с задачей содействовать овладению Феодосия.

Разгранлиния слева — прежняя.

Штарм — Новороссийск.

6. Парашютному батальону высадиться в районе Владиславовка и захватить аэродром. В дальнейшем обеспечить посадку и действия из района Владиславовка нашей авиации. По высадке войти в оперативное подчинение командарма 44.

7. ЧФ:

а) произвести высадку десантов на участках: г. Опук, Ссыпной пункт, Феодосия, Коктебель;

б) огнем судовой артиллерии подавить сопротивление противника в районах высадки;

в) основными силами Черноморского флота обеспечить высадку десантов, наступление и оборону высадившихся частей 44 армии;

г) системой мелких десантов не допустить движения противника по дороге вдоль побережья Черного моря на участке Алушта, Феодосия, г. Опук.

8. ВВС фронта и ВВС Черноморского флота:

а) уничтожить ВВС противника на аэродромах Крыма, в северной части побережья Азовского моря и в воздухе;

б) прикрыть сосредоточение и перегруппировку войск в исходных районах;

в) прикрыть посадку на суда, переход морем и высадку морских десантов;

г) содействовать войскам на поле боя, в особенности не допустить танковых атак противника против десантов;

д) прикрыть высадку и действия парашютного десанта Владиславовка;

е) прикрыть форсирование Керченского пролива частями 51 армии;

ж) прикрыть действия наземных войск по высадке их на Керченском полуострове;

з) не допустить отхода керченской группировки противника на запад в направлениях: Керчь, Ак-Монай; Керчь, Марфовка, Феодосия;

и) не допустить подхода резервов с направлений: Геническ по Арабатской стрелке; Перекоп и Чангар, Джанкой, ст. Ак-Монай; Симферополь, Карасубазар, Феодосия; Ялта, Алушта, Феодосия;

к) систематически нарушать управление ударами по штабам, узловым дорогам и порывом проводов.

9. 156 сд, оставаясь в подчинении фронта, оборонять побережье Азовского моря на участке Приморско-Ахтарская, коса Перекопская и не допустить высадки морского и воздушного десантов.

10. Резерв фронта: 400 сд — Ивановская, Красноармейская; 398 сд и 126 отд. танковый батальон — Варениковская, Киевское, Абинская.

11. Командармам 51 и 44 передачу соединений и частей закончить к 10:00 15.12.41 г. План операции представить нарочным в штаб опергруппы 20:00 17.12.41 г.

12. Готовность к исходу 19.12.41 г. Начало действий — особым приказом.

13. Опергруппа штаба Зафронта с 19.12.41 г. — Крымская.

Козлов, Шаманин, Львов¹

Весьма характерно, что, вопреки указаниям Ставки, десант в Феодосии было решено производить **одновременно** с высадкой под Керчью, как это следовало из доклада командования фронтом Ставке за № 01697/оп от 24:00 13 декабря и отправленного чуть позже плана операции². Согласно этому плану, в Феодосии предполагалось

¹ Керченская операция. С. 37–39.

² Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. С. 404–406.

высадить десант силой в две дивизии и одну бригаду со средствами усиления, он дополнялся воздушным десантом в районе железнодорожной станции Владиславовка (где от линии Симферополь—Керчь отходит ветка на Феодосию) и вспомогательным морским десантом на севере перешейка у основания Арабатской стрелки. Задача операции — окружение противника путем захвата района Сейтджеут, Кошай, Ак-Монай, Арабат, Владиславовка, Насыпной, Султановка с последующим наступлением в тыл керченской группировке немцев.

При этом воздушный десант предполагался достаточно крупным — силами до полка. Поскольку в распоряжении Закавказского фронта имелся лишь один парашютный батальон, командование фронтом просило у Ставки дополнительно передать ему авиадесантное соединение, а также транспортные самолеты ТБ-3 и «Дуглас», которых у фронта имелось не более десятка обоих типов.

Предполагалось силами парашютного батальона высадиться в районе Владиславовки и захватить аэродром, в дальнейшем обеспечив как прием новых сил, так и переброску истребителей с Тамани, которые обеспечили бы прикрытие действий наших войск от вражеской авиации. Идея красивая, но вряд ли выполнимая — ведь для использования захваченного аэродрома требовалась не только гарантия его удержания (чего один батальон обеспечить не мог), но и доставка сюда достаточного количества авиатоплива, а также техники и аэродромного оборудования. Рассчитывать, что все это останется от немцев, было бы по меньшей мере неосторожно.

Операция должна была начаться 21 декабря 1941 года — в срок, с самого начала названный Октябрьским. Однако первоначально назначенные сроки проведения операции оказались сорваны. Обычно это связывают с переброской в Севастополь 388-й стрелковой дивизии, а также с началом второго немецкого наступления на Севастополь. Однако перевозка по морю 388-й дивизии

завершилась к 15 декабря и в этот же день командованию Севастопольского оборонительного района было приказано одновременно с высадкой на Керченском полуострове начать силами этой дивизии наступление в направлении на Симферополь. Наступление Манштейна началось 17 декабря, и, по идее, быстрейшая атака против Керченского полуострова была лучшим способом его сорвать — тем более, что в связи с кризисом под Ростовом 11-я армия была вынуждена передать 73-ю пехотную дивизию в 1-ю танковую армию Клейста. Сюда же оказались отвлечены и силы 4-го воздушного флота немцев.

Но в 18:10 19 декабря командир главной базы ЧФ контр-адмирал Жуков доложил Ставке о критическом положении в Севастополе:

Противник, сосредоточив крупные силы, частью свежих войск [при] поддержке танков, бомбардировочной авиации в течение трех дней ведет ожесточенные атаки с целью овладеть Севастополем.

Не считаясь с огромными потерями в живой силе и материальной части, противник непрерывно вводит в бой свежие части.

Наши войска, отбивая атаки, упорно отстаивают оборонительные рубежи.

Потери за два дня боя достигают 3000 ранеными, много потерь в начсоставе.

Потери за 19.12 не учтены.

Большие потери материальной части, орудий, пулеметов, минометов.

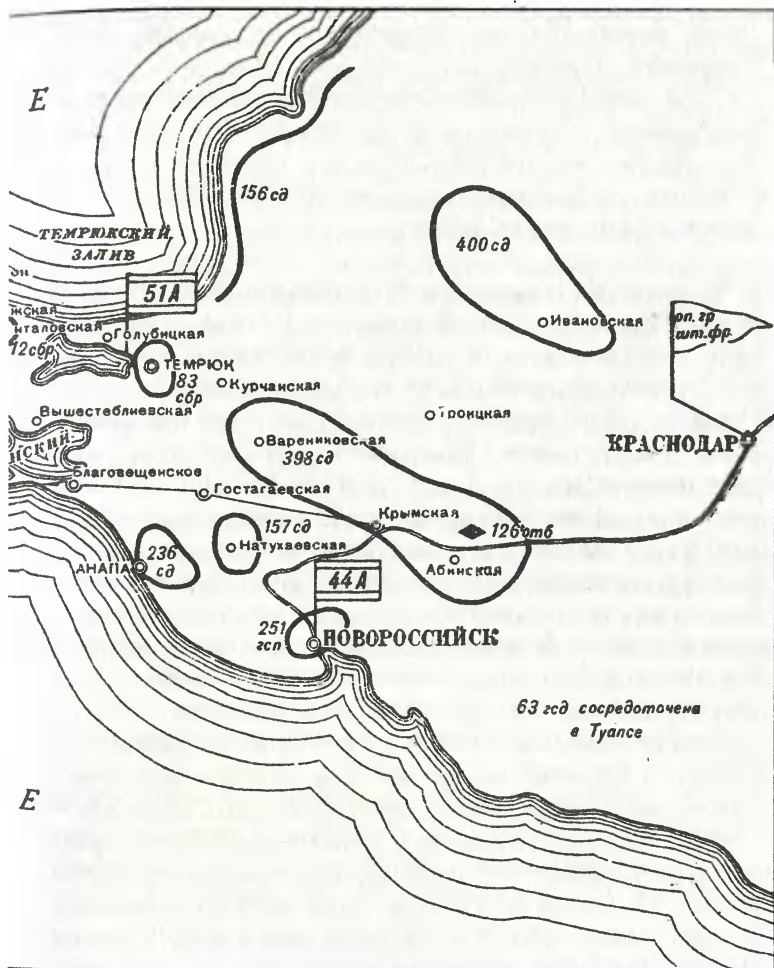
Большинство тяжелых батарей береговой обороны подавлено.

Войска почти по всему фронту отошли на второй рубеж.

Резервы, пополнение израсходованы. Снарядов наиболее нужных калибров — 107-миллиметровых корпусных, 122-мм гаубичных, 82-мм мин — нет.

План Керченско-Феодосийской

десантной операции

Остальной боезапас на исходе.

На 20 декабря с целью усиления частей, действующих на фронте, вводятся в бой личный состав кораблей, береговых батарей, зенитной артиллерии, аэродромной службы и т. д.

[В случае] продолжения атак противника в том же темпе гарнизон Севастополя продержится не более трех дней.

Крайне необходима поддержка одной сд, авиации, пополнение маршевыми ротами, срочная доставка боезапасов нужных калибров.¹

Видимо, как реакция на это сообщение в ночь с 19 на 20 декабря в адрес Октябрьского и Козлова поступила директива Ставки за № 005898, подписанная начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым. Она предписывала командующему Черноморским флотом немедленно отправиться в Севастополь — куда Октябрьский так и не вернулся после встречи в Новороссийске, мотивируя это сложностями организации взаимодействия с армией из осажденного города. Ответственность за оборону Севастополя полностью передавалась Закавказскому фронту, от Козлова требовалось направить сюда своего представителя для руководства сухопутными операциями, а также срочно выделить для переброски в осажденную базу одну стрелковую дивизию либо две бригады и помочь ей действиями авиации с Тамани. Кроме того, следовало направить в Севастополь не менее трех тысяч маршевого пополнения и немедленно подать сюда запас снарядов.²

Было решено направить в Севастополь 345-ю стрелковую дивизию и 79-ю отдельную морскую стрелковую бригаду из состава 44-й армии, ранее предназначавшиеся для высадки в Феодосии. Вместо них в состав армии передавалась 63-я горнострелковая дивизия, имевшая

¹ Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. С. 406—407.

² Там же, с. 341.

меньшую численность и более слабую артиллерию, чем обычная стрелковая.¹ Это вызвало неизбежную отсрочку операции Черноморского флота, причем как минимум на неделю — остальные соединения армии еще не успели полностью сосредоточиться в местах посадки.

В тот же день 20 декабря с наступлением темноты из Новороссийска вышли крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник», имея на борту три комплекта боеприпасов для полевой артиллерии, а также 3500 человек 79-й бригады. По пути к ним присоединился лидер «Харьков», имевший на борту батальон 9-й бригады морской пехоты.² В ночь на 23 декабря в Севастополь вышли 6 транспортов с силами 345-й стрелковой дивизии, их охраняли три эсминца, два минных заградителя и два эскадренных тральщика.³

Утром 22 декабря Октябрьский доложил из Севастополя командующему Закавказским фронтом и в Ставку о том, что положение остается критическим и для отражения наступления противника требуется присылка в Севастополь дополнительно к выделенным силам еще двух стрелковых дивизий. Таким образом вместо высадки в Феодосии флот оказывался загружен переброской войск в Севастополь — причем именно тех, что были предназначены для десантной операции и успели пройти соответствующую подготовку.

Всего на этот момент в боевом составе Черноморского флота находилось 3 крейсера, 2 лидера, 5 новых и 3 старых эсминца, 9 быстроходных тральщиков и 3 канонерских лодки; в ремонте — линкор, крейсер, 4 новых и старый эсминец, 3 быстроходных тральщика, 2 миноносца и минный заградитель (бывший крейсер). Причем как раз в конце декабря оба лидера и два эсминца должны

¹ Керченская операция. С. 41.

² А. В. Басов. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 113–114.

³ В. С. Бирюк. Всегда впереди. Малые охотники в войне на Черном море 1941–1944. СПб.: Наука, 2005. С. 147.

были конвоировать группу танкеров к Босфору для вывода их с Черного моря и переброски на другие театры (эту операцию нарком ВМФ разрешил отложить).

Из-за нехватки крупных кораблей, крайне необходимых для снабжения Севастополя, а также отвлечения на рейсы в Севастополь части транспортов, предназначенных для 1-го отряда высадки, начать операцию против Феодосии можно было не раньше 28 декабря. Поэтому командованию Закавказского фронта пришлось вернуться к идее Октябрьского высаживать десант в два этапа, с разносом по времени — сначала в восточной части Керченского полуострова, а затем, когда высвободятся силы флота, в Феодосии. Вечером 23 декабря Б. М. Шапошников директивой за № 005998 подтвердил это решение.¹

В тот же день телеграммой штаба фронта за № 01822/оп было определено окончательное время начала операции. 51-я армии должна была начать высадку в 5 часов утра 26 декабря; 44-я армия проводила высадку у горы Опук 26 декабря (отряд «Б»), а в Феодосии — 29 декабря (отряд «А»).

Второй директивой № 01825/011 армиям подтверждались прежние задачи.² Десант Азовской флотилии, ранее предназначавшийся для захвата Арабатской стрелки, должен был высадиться в районе Чегени. Командующему 44-й армией приказывалось, дополнительно выбросить парашютный десант силой в одну роту — но не у Владиславовки, как предполагалось ранее, а в районе станции Багерово.

3. Силы сторон

Противник

По данным разведывательных отделов штабов Закавказского и Черноморского фронтов, к 1 декабря 1941 года на Керченском полуострове действовали части 46-й пехотной дивизии немцев и 8-й румынской кавалерийской

¹ Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. С. 343.

² Керченская операция. С. 7.

бригады. Кроме того, считалось, что в период с 11 по 13 декабря немецкое командование перебросило на Керченский полуостров 73-ю пехотную дивизию и до двух танковых батальонов. Гарнизон Феодосии оценивался штабом фронта в два пехотных полка, поддержанных полевой и зенитной артиллерией.

Кроме того, считалось, что в районе Керчи находится до двух полков полевой артиллерии, трех зенитно-артиллерийских дивизионов и до двух батарей зенитных пулеметов, которые располагались в районе от мыса Хрони на северо-восточной оконечности полуострова до Камыш-Буруна и коммуны Инициатива на его юго-восточной оконечности. В районе мыса Хрони, Маяка, Жуковки, Опасной, Еникале, Капканы, Колонки, города Керчь, мыса Ак-Бурну, Камыш-Буруна, мыса Такыл и горы Опук разведкой было отмечено наличие полевых укреплений. Для производства оборонительных работ немцы насильственно сгоняли местное население.¹

Еще 24 ноября подводная лодка М-51, патрулировавшая в районе Феодосии, донесла, что в Феодосийском порту неприятельских кораблей нет, равно как нет и корабельного дозора у входа в порт.

4 декабря распоряжением начальника оперативного отдела штаба флота в район Феодосии была вновь выслана лодка М-51, а к мысу Опук — подводная лодка Щ-201.

М-51 доложила, что на входе в порт стоит боновое заграждение (оставленное при эвакуации города), на молу и на мысе Ильи наблюдалось наличие дозоров, на мысе Киик-Атлама между Феодосией и Коктебелем имелись прожектора.² Щ-201 донесла о наличии возле селения

¹ Там же. С. 3–4.

² В справочнике М. Морозова «Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Летопись боевых походов. Черноморский флот» (М.: Стратегия КМ, 2003, стр. 36) упоминание об этом походе отсутствует, однако оно есть в отчете начальника оперативного отдела штаба ЧФ — который, согласно Морозову, 6 декабря на этой же лодке вышел из Новороссийска в Севастополь.

Командующий 11-й немецкой армией Э. фон Манштейн на командном пункте 50-й пехотной дивизии под Севастополем

Дуранде исправной пристани, а также об отсутствии в районе горы Опок каких-либо следов деятельности противника и его войсковых частей — что несколько противоречило данным штаба фронта.

Вечером 15 декабря в рамках подготовки к операции в районе Феодосии была высажена разведывательная группа, доставленная на «малом охотнике» из Севастополя. Судя по всему, немцы обнаружили подходящие к берегу корабли — Ю. Майстер пишет о попытке русских высадить десант при огневой поддержке с эскадренного миноносца. Однако при этом сама разведгруппа высадилась без проблем. 17 декабря группа по радио доложила об отсутствии кораблей противника в Феодосийском порту. Разведчики сообщили что гарнизон Феодосии состоит примерно из двух тысяч человек, в городе расположен какой-то крупный штаб, а причалы порта могут быть минированы. Зенитной артиллерии в районе Феодосии они не обнаружили.

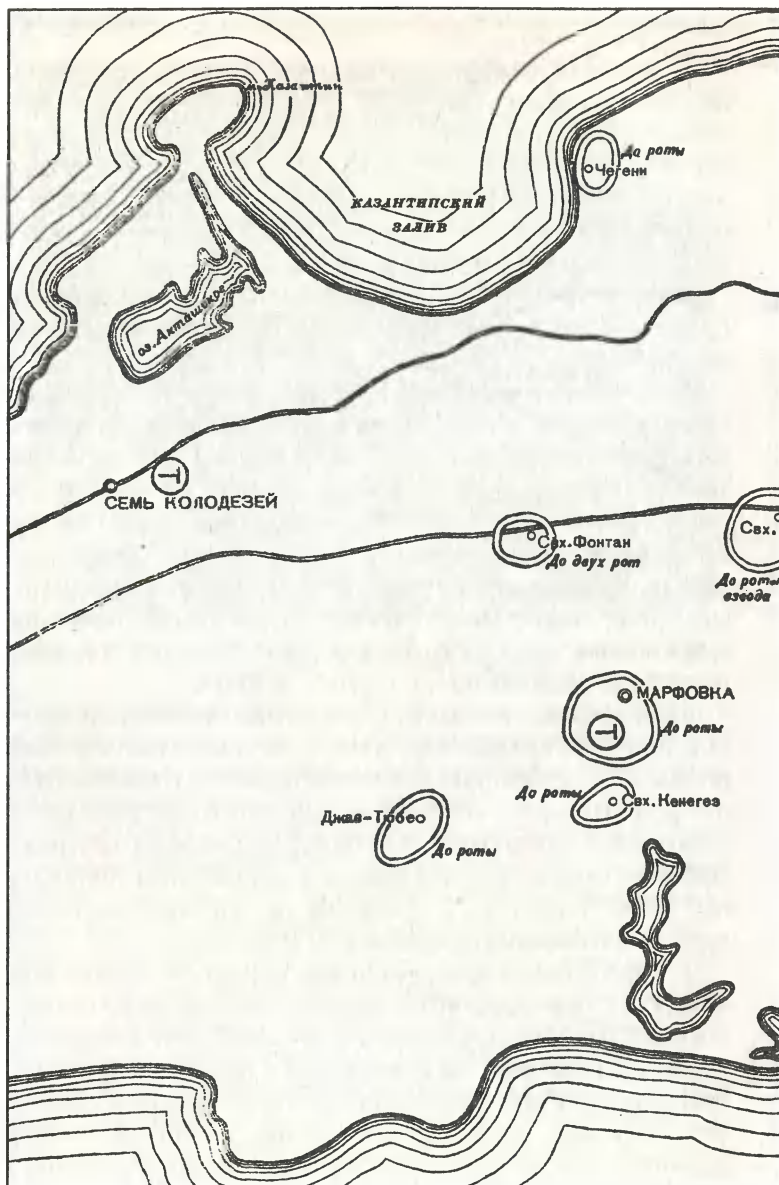
Вечером 14 декабря в Феодосийский залив вновь была направлена подводная лодка Щ-201, имевшая на борту офицера штаба флота капитана 1-го ранга И. А Бурмистрова, бывшего морским начальником Феодосии до эвакуации. Лодка произвела разведку боновых заграждений в Феодосийском порту и установила, что заграждение на месте и ворота его закрыты.

Воздушная разведка из-за неблагоприятной погоды почти не велась и никаких сведений о противнике дать не смогла.

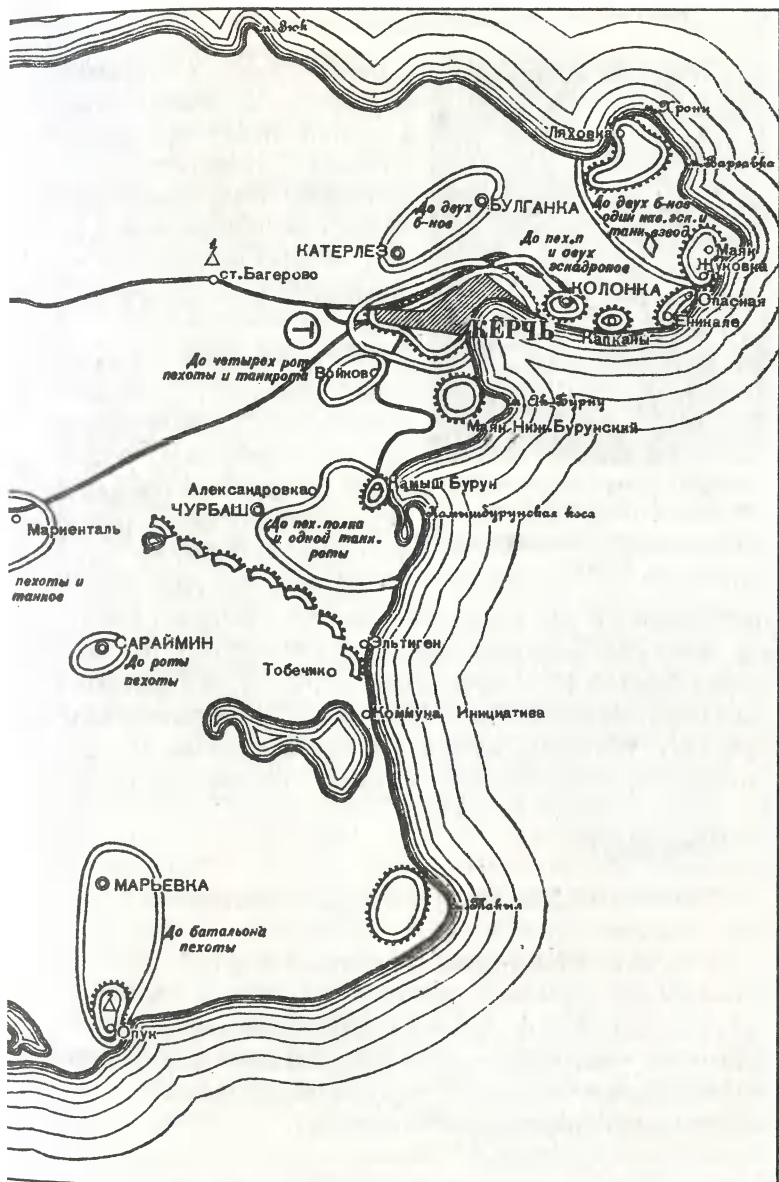
В действительности немецкая группировка была гораздо меньше, чем об этом сообщала наша разведка. 73-ю дивизию успели отправить на «Миус-фронт», а никаких танковых батальонов в 11-й армии на этот момент не существовало. У Манштейна имелось два дивизиона штурмовых орудий, 190-й и 197-й, но они с самого начала находились под Севастополем и участвовали в штурме города. Какое-то количество легких пулеметных танков имелось лишь в румынских кавалерийских бригадах и моторизованной бригаде «Раду Корне».

Практически все силы 11-й армии Манштейн бросил против Севастополя. Керченский полуостров оборонял 42-й армейский корпус генерал-лейтенанта графа фон Шпонека, однако реально из его состава здесь находилась лишь одна 46-я пехотная дивизия генерал-майора Гимера; 170-я дивизия корпуса была брошена под Севастополь, а 73-я, как мы уже упоминали, передана в 1-ю танковую армию под Ростовом.

8-я румынская кавалерийская бригада в начале ноября 1941 года действительно действовала на Керченском полуострове в составе 42-го армейского корпуса, но после 12 ноября была выведена с полуострова и возвращена в состав румынского горного корпуса, служившего резервом 11-й армии. К концу декабря она обеспечивала охрану южного побережья Крыма. Кроме нее, в горах Яйлы южнее Симферополя находилась 4-я румынская бригада горная бригада, имевшая задачу борьбы

Оборона противника на Керченском полуострове по данным

советской разведки, середина декабря 1941 года

Полковник (впоследствии бригадный генерал) Раду Корне, командир «моторизованного соединения Корне»

с партизанами. Остальные румынские соединения также действовали под Севастополем: 1-я горная бригада — в составе 30-го армейского корпуса, моторизованная бригада «Раду Корне» — в составе 54-го армейского корпуса.

Общая численность войск противника на Керченском полуострове к началу операции была невелика; советские исследователи говорят о 25 тысячах человек, в реальности же их было не более 16–18 тысяч — одна пехотная дивизия и ряд корпусных частей. Гарнизон Керчи, по немецким данным, составлял 600 человек (из корпусных частей 42-го армейского корпуса); здесь же имела морская команда из 20 человек. На побережье Керченского пролива, кроме противотанковых орудий, находилось 19 легких и 7 тяжелых полевых гаубиц.¹

Наши войска

С советской стороны в операции должны были принять участие:

из состава 51-й армии (высадка в Керчи) — 224-я, 396-я, 302-я и 390-я стрелковые дивизии, 83-я и 12-я стрелковые бригады, батальон морской пехоты Азовской флотилии, четыре корпусных артиллерийских полка, три инженерных и четыре мотопонтонных батальона, а также дивизион гвардейских минометов;

¹ Ю. Майстер. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2005. С. 345–346.

из состава 44-й армии (высадки в Феодосии и у горы Опук) — 236-я и 157-я стрелковые дивизии, 63-я горнострелковая дивизия, 105-й и 251-й горнострелковые полки, один гаубичный артполк и два пушечных артдивизиона, а также один инженерный батальон.

Войска 51-й и 44-й армий Закавказского фронта начали перегруппировку 3 декабря, к 25 декабря все части, предназначенные для участия в операции, в основном заняли исходное положение. В качестве резерва для операции были выделены две стрелковых дивизии (398-я и 400-я), а также 126-й танковый батальон.

Воздушное обеспечение операции должны были осуществлять ВВС фронта — две авиадивизии дальнего действия, одна авиадивизия СБ, полк пикирующих бомбардировщиков Пе-2 и девять истребительных авиаполков. Все они имели большой некомплект в материальной части и в большинстве своем состояли из самолетов старых моделей — СБ, И-153, И-16. Истребителей новых марок в военно-воздушных силах фронта насчитывалось всего около 15 %. 132-я и 134-я дивизии АДД состояли из новых машин, однако именно они так и остались в глубоком тылу и участия в операции практически не приняли. Впрочем, дальние ночные бомбардировщики, предназначенные для ударов по крупным объектам, вряд ли могли оказать существенную помощь силам десанта — разве что ударами по железнодорожному узлу Джанкой, однако на деле как раз через Джанкой никакой переброски немцы не вели.

792-й полк пикирующих бомбардировщиков Пе-2, как и большинство полков на этих самолетах, не был подготовлен для бомбардировок с пикирования и использовался главным образом для разведки.

Перебазирование военно-воздушных сил, начавшихся для участия в операции, проходило крайне неорганизованно, не было обеспечено соответствующим количеством батальонов аэродромного обслуживания и технических средств. Батальоны аэродромного

обслуживания, переброшенные из Закавказского военного округа, оказались недоукомплектованными и слабо подготовленными. Вдобавок аэродромная сеть Краснодарской области была абсолютно не подготовлена для приема большого количества самолетов.

Прибывшее на новый театр командование ВВС Закавказского фронта плохо знало местные условия, а аппарат военно-воздушных сил прежнего Северо-Кавказского военного округа не был использован в помощь командованию и зачастую даже мешал работе штаба фронта. Вследствие плохой организации и тяжелых метеорологических условий перебазирование авиации сопровождалось многочисленными авариями и вынужденными посадками.

Существовали еще военно-воздушные силы Черноморского флота. Но они обеспечивали оборону Севастополя, где имелись хорошие аэродромы, поэтому участие в действиях на Керченском полуострове принимали лишь эпизодически.

В результате на начальной стадии операции участие в ней смогла принять лишь половина воздушных сил, выделенных для ее осуществления. Другая половина самолетов в этот момент оставалась на тыловых аэродромах или находилась в процессе переброски. Но хуже всего было то, что аэродромная сеть на Тамани, в непосредственной близости к месту операции, оказалась абсолютно не подготовлена к приему самолетов. До начала декабря в аэродромах на Тамани просто не было необходимости, а за три недели до операции, да еще в период осенних дождей, их подготовить не успели, даже если кто-то и пытался.

4. Подготовка десантов

Азовская флотилия

Высадку основных сил 51-й армии осуществляла Азовская военная флотилия (контр-адмирал С. Г. Горш-

ков) и Керченская военноморская база (контр-адмирал А. Н. Фролов). Со стороны Азовского моря высаживались 224-я и 396-я стрелковые дивизии, 12-я и 83-я стрелковые бригады.

По первоначальному решению командующего армией в первой волне должны были высаживаться силы 398-й стрелковой дивизии — 3600 человек с шестью 76-мм, четырьмя 45-мм пушками и девятью минометами. Высадка предполагалась в пяти пунктах:

- Арабатский залив (Ак-Моная) — 400 человек,
- мыс Зюк (Мама-Русская) — 1200 человек,
- мыс Тархан — 400 человек,
- мыс Хрони — 1000 человек,
- район Еникале — 600 человек.

С 8 по 13 декабря с частями дивизии было проведено четыре учения по посадке на суда и высадке с них, всего через эти тренировки было пропущено около 2000 человек. Однако 398-я дивизия убыла из состава армии, а в первую волну десанта была назначена 224-я, что повлекло за собой составление новых посадочных таблиц. С новой дивизией по неясным причинам удалось провести только две посадочно-высадочных тренировки.

Затем командующий 51-й армией изменил первоначальное решение, значительно усилив первую волну десанта. Теперь в ней было 7516 человек с шестью 76-мм, четырьмя 45-мм, четырьмя 37-мм автоматами и девятью 120-мм минометами, а также шесть танков Т-26, 18 лошадей и радиостанция на машине ГАЗ-АА.

Командующий Азовской флотилией
в 1941–1942 и 1943–1944 годах
контр-адмирал С. Г. Горшков

Эти силы распределялись на 5 десантных отрядов следующим образом:

- Арабатский залив (Ак-Монай) — 1340 человек,
- мыс Зюк — 2900,
- мыс Тархан — 400,
- мыс Хрони — 1876,
- Еникале — 1000 человек.

Таким образом, основную массу сил предполагалось высаживать в непосредственной близости от Керчи. Уже в период посадки на корабли командующий армией получил известие о начале замерзания Арабатского залива, поэтому отменил высадку у Ак-Моная, решив вместо нее высадить 500 человек в Казантипском заливе (на 40 км восточнее) и еще более усилить десант у мыса Хрони к северо-востоку от Керчи. Посадку было решено произвести ночью, высадку за два часа до рассвета.¹

Для переброски судов было выделено 17 боевых кораблей Азовской флотилии, в портах Азовского моря собрано 4 парохода, 7 буксиров и буксирных катеров, 5 самоходных и 11 несамоходных барж, а также 55 рыбачьих сейнеров и до полутора сотен байд и лодок.² К сожалению, часть кораблей находилась в гаванях Ахтари и Ейска, где уже начался ледостав, и не смогла принять участие в операции. Так из состава десантного отряда выбыл самый крупный корабль — вспомогательный сторожевик «Севастополь» вместимостью 1433 брт (около 2500 тонн водоизмещения), имевший хорошую по меркам Азовского моря скорость в 11 узлов и способный взять на борт порядка тысячи человек десанта.

В каждом отряде намечалось иметь боевые корабли, способные оказать десанту артиллерийскую поддержку. Высадка у Еникале вдобавок поддерживалась огнем 53-го корпусного артиллерийского полка с косы Чушка, по-

¹ Керченская операция. С. 10–11.

² Отчет Оперативного отдела штаба ЧФ. Л. 93.

левой артиллерии с огневых позиций на косе Чушка. Движение кораблей и высадка десантов должны были прикрываться истребительной авиацией 51-й армии, причем ударами по вражеским аэродромам предполагалось подавить авиацию противника еще на земле. Районом погрузки назначался порт Темрюк — таким образом, судам десантных отрядов предстояло пройти до места высадки более сотни километров. Лишь десант, высаживающийся в Еникале, должен был грузиться в селе Кучугуры в 40 км восточнее Керченского пролива.

Высадка должна была начинаться за два часа до рассвета; вторые эшелоны высаживались в светлое время суток под прикрытием истребительной авиации. Каждый командир отряда десантных кораблей являлся одновременно и командиром высадки, на него также возлагалась организация артиллерийской поддержки. К сожалению, не был установлен порядок подчинения командира десанта командиру высадки, что в дальнейшем привело к трудностям и конфликтам.

Серьезная проблема заключалась в полном отсутствии топлива для десантного отряда. Запасы угля (3200 тонн) находились на станции Славяновская, откуда их требовалось доставить в Темрюк по суше, так как Кубань уже замерзла. Своего транспорта у Азовской флотилии не было, командование 51-й армии (сначала генерал Батов, затем генерал Львов) неоднократно обещало предоставить автотранспорт, но сделало это с большим опозданием. В середине декабря началась оттепель, дороги размыло и затопило, поэтому наконец-то выделенные армией 18 грузовиков смогли доставить в Темрюк только 150 тонн топлива; еще 50 тонн перевезли на барже из Ахтари. Фактически операция оказалась под угрозой срыва. По счастью, оттепель привела к вскрытию льда на Кубани, после чего удалось доставить в Темрюк баржами 975 тонн угля.¹

¹ Отчет Оперативного отдела штаба ЧФ. Л. 101.

Керченская военно-морская база

Часть сил 51-й армии (302-я горнострелковая и 390-я стрелковая дивизии) высаживалась непосредственно в проливе силами Керченской военно-морской базы. Высадку было решено произвести в пяти пунктах в 20-километровой полосе от мыса Ак-Бурну (Нижне-Бурунский маяк) до коммуны Инициатива у озера Тобечикского. Главное место высадки — гавань поселка Камыш-Бурун. Демонстративную высадку предполагалась произвести в районе завода им. Бойкова и у мыса Ак-Бурну.

Для участия в операции было выделено 37 сейнеров (из них 6 — вооруженных 45-мм пушками), три буксира, две баржи и болиндер — десантная баржа времен Первой мировой войны с давно снятым двигателем. Высадку обеспечивали 6 сторожевых катеров типа «МО-4» и 29 торпедных катеров — правда, вооруженных только пулеметами ДШК. Торпеды у катеров были сняты, а желоба на корме приспособлены для посадки бойцов. Впоследствии к этим силам добавились тральщик «Чкалов», плавбатарея № 4 и бронекатер № 302. Все суда могли за один рейс перевезти 5,5 тысяч человек и до 20 полевых орудий.

Первый бросок десанта (250–300 человек) в каждом из пяти пунктов намечалось высаживать с двух торпедных катеров и четырех сейнеров. В состав первого броска входили швартовочные команды, связисты и разведчики — в общей сложности 1300 человек. Для каждого отряда первого броска был назначен командир и комиссар, а для обеспечения координации действий отрядов — командир первого броска; им стал старший лейтенант Белоусов. Как мы увидим далее, план высадки был изменен — она проводилась только в трех пунктах (Камыш-Бурунская коса, судоремонтный завод и Эльтиген), что было весьма разумным с точки зрения координации действий.

Предназначенная для высадки 302-я горнострелковая дивизия не имела никакого боевого опыта, и уж тем более не умела высаживаться с моря и действовать ночью. С 15 декабря в Таманском заливе с частями дивизии удалось провести 10 учений с привлечением тральщика «Чкалов» и 8 сейнеров.

Высадка должна была осуществляться на принципе внезапности, то есть в темноте и без артиллерийской подготовки, под прикрытием дымовой завесы с торпедных катеров. Подавление огневых точек противника возлагалось на 45-мм пушки катеров типа «МО» и на торпедные катера, имевшие в лучшем случае крупнокалиберные пулеметы. Кроме того, после высадки поддерживать войска на западном берегу пролива должна была артиллерия береговой обороны КВМБ, а также 25-й корпусной артиллерийский полк, для чего вместе с десанниками на берег высаживались корректировочные посты с рациями. Районами погрузки десанта намечался порт Тамань, расположенный в 25 км от места предполагаемой высадки.

В период подготовки операции была организована разведка западного берега пролива с моря и с воздуха, а также агентурными средствами. Здесь было установлено наличие большого количества огневых точек — пулеметов, минометов и малокалиберной артиллерии.

У КВМБ также имелись проблемы с топливом — жидким и твердым. Доставка угля производилась баржами из Новороссийска, из-за плохой погоды и нехватки буксиров накопить необходимое количество топлива не удалось. Штабы фронта и 51-й армии помощью в доставке топлива не озаботились.

Черноморский флот

Высадка ударной группы 44-й армии (три дивизии и два полка) осуществлялась силами Черноморского флота под руководством Военного совета флота. Она проводилась

двумя группами. Группа «А» высаживала десант в Феодосии (одна стрелковая дивизия, пять стрелковых полков и арtpолк), группа «Б» (два стрелковых полка и арtdивизион) — у горы Опук. Кроме того, был выделен специальный отряд прикрытия, подчиненный непосредственно командующему флотом адмиралу Октябрьскому. Пунктами погрузки служили Новороссийск, Анапа и Туапсе. Общее руководство подготовкой операции осуществлял начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Елисеев, 23 декабря прибывший на ЗКП флота в Новороссийске из Туапсе.

Высадка у горы Опук должна была производиться одновременно с высадкой десантов 51-й армии, высадка в Феодосии — три дня спустя, то есть 29 декабря.

Погрузку войск на транспорты решено было производить только ночью. Для удобства управления отряды транспортов разбивались на группы по 3–4 судна. Выход групп из пунктов посадки производился в ночное время с интервалом в час, переход совершался на значительном удалении от берега.

В качестве навигационных знаков для отряда «Б» манипуляторной группой с подводной лодки накануне высадки устанавливался ориентирный огонь на скале Эльчан-Кая. Для отряда «А» в Феодосийском заливе подводной лодкой ставились два светящихся буя, еще два таких же буя — непосредственно у входа в порт рядом с мысом Ильи. Кроме того, с первым броском десанта высаживалась гидрографическая партия, чтобы зажечь навигационные огни в порту, а в дальнейшем — маяк на мысе Ильи.

Боевые корабли отряда «А» осуществляли переход за темное время первых суток операции, транспорты — в светлое время, чтобы подойти к Феодосии с наступлением темноты и закончить высадку до следующего рассвета.

Перед высадкой десанта в Феодосийском порту намечалось провести артиллерийскую подготовку в виде

Двухъякорная бухта и мыс Киик-Атлама между Феодосией и Коктебелем. Современный вид

мощного огневого налета по порту и городу с последующим переносом огня в глубину; в ходе боя за плацдарм корабельная артиллерия должна была подавлять вновь выявленные огневые точки противника.

После прекращения огневого налета специально выделенные катера должны были развести боновое ограждение, подорвав его взрывными патронами. Затем в порт прорывались катера со штурмовыми партиями, которым следовало захватить причалы и обеспечить высадку последующих эшелонов десанта. После них в гавань входили эсминцы и высаживали войска прямо на причалы.

Крейсер «Красный Кавказ» намечалось пришвартовать к внешней стороне Широкого мола и производить высадку с него прямо на мол. Крейсер «Красный Крым» должен был оставаться на рейде, разгружаясь с помощью высадочных средств — тралыщиков, сторожевых катеров и баркасов. Для обеспечения швартовки

кораблей (главным образом «Красного Кавказа») и разведения боновых ворот выделялся один буксирный пароход.

До наступления темноты крейсерам и эсминцам следовало оставаться в районе Феодосии, оказывая войскам на берегу огневую поддержку.

Следующей ночью в Феодосии разгружался первый отряд транспортов незадолго до рассвета суда покидали порт и под охраной эсминцев возвращались в Новороссийск за следующими эшелонами десанта (тылы и снабжение). Выгрузку в районе Феодосии трех дивизий (236-й, 63-й и 157-й) предполагалось осуществить в течение двух полных суток.

Одновременно с Феодосийской операцией предусматривалась высадка десантов в Коктебеле и Сарыголе, а также диверсионных десантов с подводных лодок на южном побережье Крыма и в Феодосийском заливе. Впоследствии вместо десанта в Коктебеле из-за отсутствия тральщика «Тракторист» (перевозил уголь для Керченской ВМБ) было решено ограничиться высадкой диверсионной группы с подводной лодки Д-5. В преддверии операции ночью с 25 на 26 декабря эсминцы «Шаумян» и «Незаможник» обстреляли Феодосию — вряд ли это было разумно, поскольку могло только насторожить противника.

Предназначенные для высадки стрелковые соединения в большинстве своем не имели абсолютно никакого опыта морских высадок. За первые две недели декабря кое-какие тренировочные занятия по посадке и высадке удалось провести с 345-й стрелковой дивизией и 79-й стрелковой бригадой 44-й армии. Однако именно эти два соединения, находившиеся в Новороссийске и уже готовые к погрузке, были в середине месяца срочно направлены в Севастополь. Из остальных пехотных частей специальную подготовку прошел только 105-й горнострелковый полк.

Для закрепления занятых рубежей каждая дивизия первого эшелона получила по 50 пакетов для устройства малозаметных препятствий и 3000 мин; для преодоления препятствий — по 100–250 кг взрывчатого вещества и миноискатели; в качестве спасательных средств дивизиям были приданы индивидуальные плавсредства и лодки А-3.

Первые эшелоны дивизий должны были обслуживаться полковыми саперными подразделениям, дивизионные саперы обеспечивали высадку последующих эшелонов. Армейские саперные подразделения использовались прежде всего для обеспечения переброски войск на Тамань — налаживали пути, готовили переправы через Кубань, оборудовали источники питьевой воды в местах расположения войск. Они же собирали и подготавливали плавучие средства, а также оборудование для посадки и высадки — сходни, лестницы, лодки, плоты и т. п. Саперами было найдено и приведено в порядок: байд грузоподъемностью от 0,5 до 2 тонн — 176 штуки, баркасов (от 2 до 4 тонн) — 58 штук, дубков (от 2 до 5 тонн) — 17 штук, лодок вместимостью от 3 до 50 человек — 64 штуки; сделано трапов для пешеходов — 60, щитков для колесного транспорта — 38. Для усиления льда Керченского пролива были собраны и подготовлены местные средства (камыш).

Преимуществом 44-й армии была возможность посадить основные силы десанта за один рейс, причем вместе с артиллерией. Войска 51-й армии предполагалось перебрасывать в несколько приемов, на мало приспособленных для этого судах, с выгрузкой на необорудованное побережье. Несколько легче в этом отношении выглядела переправа через Керченский пролив, тем более что в Камыш-Буруне имелся небольшой порт. Увы, во многом эта легкость была кажущейся — что два года спустя наглядно продемонстрировала Керченско-Эльтигенская операция...

II. Десантная операция Азовской флотилии

1. Действия Азовской военной флотилии 26–27 декабря

Приказ на осуществление высадки десанта командование Азовской флотилии получило от командования 51-й армии в полдень 24 декабря, высадку намечалось осуществить в 5 часов утра 26 декабря. Посадка войск на суда началась около 8 часов вечера и в основном закончилась к рассвету 25 декабря.

Первые четыре отряда флотилии вышли из пунктов посадки 25 декабря между 13:30 и 16:40, на судах находились бойцы 224-й и 83-й стрелковой бригады. 5-й отряд из села Кучугуры вышел к Еникале в 22:25, на нем находилась часть 12-й стрелковой бригады.

Погода на Азовском море была плохая, с 19 часов западный ветер начал сменяться северным и усилился до 7 баллов. Пароходы, самоходные баржи и буксиры уменьшили ход, нарушая тем самым заданный строй. Следовавшие на буксире байды и шлюпки заливало водой и отрывало, приходилось останавливаться и разыскивать их в беспокойном море.

Действия 1-го отряда

1-й отряд под командованием капитан-лейтенанта Ф. П. Шиповникова состоял из следующих кораблей:

минный заградитель «Заря»¹ (150 тонн, 9 узлов, два 45-мм орудия) — 300 человек;
катерный тральщик КАТЩ-587 «Акула» (бывший сейнер) — 50 человек;
сейнер «Буревестник» — 90 человек;

¹ Бывший пассажирский теплоход, имел бортовой номер 61, в некоторых источниках проходит как тральщик ТЩ-61.

сейнер «Декабрист» — 90 человек;
сейнер с неизвестным именем¹;
15 байд (высадочные средства).

Всего отряд имел на борту 530 десантников, которые должен был высадить в Казантипском заливе. Отряд вышел из Темрюка в 15:10. Вследствие разыгравшегося шторма он не сумел добраться до места высадки к рассвету 26 декабря и в 9:30 находился только в районе мыса Зюк, потеряв по пути один шедший на буксире сейнер и двенадцать байд. Учитывая столь значительное опоздание, командование флотилии приказало отряду не идти к Казантипскому заливу, а высадить десант в районе мыса Зюк, где в это время уже начал высадку 2-й отряд.

Действия 2-го отряда

Отряд под командованием капитана 2-го ранга В. С. Грозного-Афонины состоял из двух групп — западной и восточной.

Западная группа:

канонерская лодка «Дон»² (840 тонн, 8 узлов, два 130-мм и два 45-мм орудия) — 150 человек;
сторожевой катер ПК-123 (СКА № 029 типа «МО-4»);
сторожевой катер ПК-128 (СКА № 075 типа «МО-2»);
пароход «Красный флот» — 904 человека, два 45-мм орудия;

¹ Упоминается в некоторых опубликованных источниках, а также в отчете оперативного отдела штаба Черноморского флота о Керченской операции, подготовленном в апреле 1942 года. В дальнейшем при разном в источниках мы будем принимать за основу этот отчет.

² Бывшая грунтово-песчаная шаланда Азовтехфлота; переоборудование судов этого типа в канонерские лодки широко практиковалось на всех флотах.

пароход «Никополь» с баржей «Хопер» на буксире — 345 человек + три танка Т-26, две 37-мм противотанковых пушки и радиостанция на барже;
самоходная шаланда «Фанагория» (295 брт) с минной баржей на буксире — 362 человека + две 76-мм пушки, две 45-мм пушки, две 37-мм пушки и девять 120-мм минометов на барже;
самоходная шаланда «Гардипия» — 18 лошадей
11 сейнеров — 455 человек¹.

Всего в составе группы насчитывалось 2216 человек при трех танках, десяти орудиях разных калибров и 9 минометах, а также 18 лошадей.

Восточная группа:

пароход «Пенай» (548 брт) — 487 человек и две 76-мм пушки;
5 сейнеров — по 30 человек.

Всего в составе группы было 667 человек и две полевые 76-мм пушки.

Этот отряд был самым большим и самым мощным — почти три тысячи человек из состава 224-й стрелковой дивизии с артиллерией и даже танками, а также 1-й батальон 83-й стрелковой бригады в качестве штурмового отряда. Здесь же находился и командир 224-й стрелковой дивизии полковник Дегтярев, который должен был принять руководство войсками на плацдарме. Командир отряда капитан 2-го ранга Грозный, являясь начальником оперативной группы штаба флота в Темрюке, фактически выполнял роль заместителя командующего флотилией по проведению десантной операции. Вдобавок артиллерийскую поддержку десанту

¹ Загружены были только 9 сейнеров, еще два должны были использоваться в качестве высадочных средств. Кроме того, в обоих отрядах имелось 30 байд.

оказывала канонерская лодка со 130-мм морскими орудиями.

Суда отряда вышли из Темрюка в 16:40 25 декабря. В дороге колонна растянулась, ее голова начала подходить к мысу Зюк к 7 часам утра 26 декабря. Здесь оказались канонерка «Дон», оба сторожевых катера, шаланда «Гардипия», буксир «Никополь» с баржей, пароход «Пен-най» 3 сейнера и 5 буксируемых байд.

Прибывшим первыми судам пришлось ожидать, пока подтянутся отставшие. В 8:47 из района бухты Чокрак открыла огонь батарея противника, калибр которой был оценен в 47 мм — скорее всего, это были либо 37-мм противотанковые пушки, либо трофейные «сорокапятки». Ответным огнем 130-мм пушек канонерки «Дон» батарея была подавлена, а катер ПК-123 тем временем поставил дымовую завесу, чтобы прикрыть высадку на берег.

Около 10 часов батарея противника вновь открыла огонь — и снова была подавлена канонеркой. Тем временем самоходная шаланда «Гардипия» и буксир «Никополь» с баржей «Хопер» начали подходить к берегу. Дул сильный ветер (5–6 баллов), вдобавок осадка используемых для перегрузки сейнеров оказалась слишком большой, а несколько спущенных шлюпок были выброшены на берег и разбиты. В итоге баржа «Хопер» коснулась грунта, а другие высадочные средства начали швартоваться к ней — но все равно десантникам пришлось высаживаться по пояс в воду. Оба сторожевых катера организовали перевозку войск с парохода «Пен-най», который не мог подойти близко к берегу, при этом материальную часть с него разгрузить не удалось.

В 10:30 западнее мыса Зюк к берегу подошли перенаправленные сюда корабли 1-го отряда. Они тоже начали высадку десанта, которая затруднялась большим накатом. Пытаясь подойти к берегу, сейнер «Декабрист» получил пробоину, из-за которой его впоследствии пришлось бросить, а тральщик «Акула» просто-напросто оказался выброшен волной на берег.

В 10:50 над мысом Зюк появились самолеты противника, и с этого момента налеты вражеской авиации не прекращались. На пароходе «Пенай» пулеметным огнем были повреждены надстройки и разбиты шлюпки, погибло 4 моряка, несколько человек оказалось ранено. У только что подоспевшего к месту высадки парохода «Красный флот» близкими разрывами трех бомб оказался поврежден корпус и открылась течь во втором и третьем трюмах; на борту взорвался ящик с минами, при этом погибло 12 и было ранено 6 красноармейцев. Шедшая вместе с пароходом шаланда «Фанагория» получила бомбовое попадание и затонула, при этом погибло около 100 человек из десантников и экипажа судна.

Тем временем судам 1-го отряда удалось высадить у мыса Зюк лишь 291 человека. К 13:00 командир отряда прекратил высадку и решил перейти немного западнее, в бухту Чокрак, рассчитывая, что там накат будет меньше. Однако тут «Заря» и «Декабрист» были обстреляны вражеской артиллерией, а в 14:40 вновь атакованы самолетами противника. После этого командир отряда отказался от высадки десанта и в 15:00 вышел из бухты.

Разгрузка судов 2-го отряда в результате понесенных потерь велась крайне медленно. Лишь благодаря героическим усилиям саперов полуроты 275-го отдельного саперного батальона уже после восхода солнца с помощью кольев и тросов удалось подтащить баржу «Хопер» ближе к берегу и установить сходни для людей и материальной части. Стоя в воде, саперы помогали пехотинцам сходить на берег, разгружали противотанковые орудия и несли их до берега оставшиеся десять метров. В итоге с баржи удалось выгрузить три танка и обе 37-мм противотанковых пушки. Обратными рейсами сейнеров на корабли отряда было переправлено несколько раненых.

К исходу 26 декабря 2-й отряд выгрузил на берег около 878 человек (в том числе почти весь батальон 83-й бригады), три танка, две 37-мм и две 76-мм пушки, а также все девять 120-мм минометов. Кроме того, здесь же был

разгружен десант с тральщика «Советская Россия» из восточной группы 4-го отряда — он ночью ошибся в счислении, проскочил место высадки у мыса Хрони и вышел к мысу Зюк.

Однако около полуночи командир 224-й стрелковой дивизии полковник А. П. Дегтярев неожиданно потребовал от капитана 2-го ранга В. С. Грозного обратной погрузки уже высаженных войск на корабли. Требование мотивировалось тем, что весь отряд высадить не удалось, а высаженной части сил недостаточно для ведения боя с упорно сопротивляющимся противником.¹

Поскольку подчиненность сухопутных командиров морским не была установлена приказами, а капитан 2-го ранга по званию соответствовал лишь подполковнику, командир отряда прекратил дальнейшую высадку у мыса Зюк и запросил у командующего Азовской флотилией разрешения высадить оставшуюся часть десанта в районе мыса Хрони.

Получив такое разрешение, он направился к мысу Хрони, решив высаживать десант западнее него, в бухте Булганак, где уже успешно выгрузился 4-й отряд. Сюда же было приказано идти и остаткам 1-го отряда, а также 5-му отряду. Однако корабли 2-го отряда подошли к мысу Хрони только к 9 часам 27 декабря, когда уже рассвело, поэтому противник встретил их артиллерийским и минометным огнем. Вскоре опять начались налеты бомбардировочной авиации. В 12:05 на пароходе «Пенай» в результате попадания двух бомб возник пожар, на палубе начали рваться боеприпасы. Борьбу с огнем затруднила паника, люди стали бросаться за борт, где их подбирали два подошедших сейнера и шлюпки. Капитан Г. П. Бютнер направил пароход к таманскому побережью и около 13 часов выбросился на берег у мыса

¹ Что характерно — никакого наказания за свою «инициативу» полковник не понес, оставаясь командиром дивизии вплоть до 29 января 1942 года.

Ахиллеон. На судне продолжался пожар; катер, попытавшийся около 14 часов снять часть десантников, вынужден был отойти от борта, так как хлынувшая к нему толпа людей грозила его перевернуть. Лишь к вечеру пожар удалось потушить, однако судно выгорело с носа до котельной переборки. Утром 28 декабря с него были сняты остатки экипажа и десанта. Всего погибло 110 красноармейцев и 3 члена экипажа — если бы не решительные действия капитана судна, жертв было бы гораздо больше.

В 14:00 канонерская лодка «Дон» взяла на буксир тральщик «Белобережье» (из состава 4-го отряда), у которого вышла из строя машина. После этого командир 2-го отряда решил высадку у мыса Хрони не производить и вернулся в Темрюк. В 17:00 сюда же вернулись остатки 1-го отряда — минзаг «Заря» и два сейнера¹ с невысаженной частью десанта.

Действия 3-го отряда

3-й отряд под командованием капитан-лейтенанта А. Д. Николаева должен был высаживать десант у мыса Тархан к северу от Керчи. Он имел в своем составе:

- катерный тральщик «Ураган» (одна 45-мм пушка)² — 30 человек;
- земснаряд «Ворошилов» — 639 человек и три 76-мм пушки;
- самоходная шаланда «Танаис» — 321 человек и одно 76-мм орудие;
- 2 сейнера — 80 человек.

Всего с судов отряда должно было высаживаться 1070 человек — основная часть 160-го стрелкового полка (пол-

¹ Очевидно, второй сейнер был из состава 2-го отряда.

² Бывший сейнер; по данным С. С. Бережного был мобилизован только 21 мая 1942 года, получив обозначение КАТЩ-579.

ковник П. С. Ульянов), а также первый бросок из состава 83-й стрелковой бригады.

«Ураган», «Танаис» и сейнеры вышли из Темрюка в 13:30, однако земснаряд «Ворошилов» вследствие задержки с погрузкой угля задержался на два часа и двигался отдельно. Вскоре из-за шторма тральщик «Ураган» и шаланда «Танаис» тоже потеряли друг друга.

В результате все корабли достигли места высадки в разное время. Первым подошел к мысу Тархан земснаряд «Ворошилов», имевший наибольшее водоизмещение и хорошо державшийся на волне. Но здесь он попал под огонь мелкокалиберных пушек противника, и капитан побоялся подойти к берегу. Эта трусость стала для судна роковой.

Через некоторое время к мысу подошел тральщик «Ураган» и огнем своей единственной 45-мм пушки заставил противника замолчать. После этого при помощи двух шлюпок началась выгрузка десанта с «Ворошилова». Однако шлюпки успели сделать всего один или два рейса, высадив 18 человек. В 12:15 появились три вражеских самолета, атаковавшие громоздкий земснаряд. В «Ворошилов» попало две авиабомбы, одна из них взорвалась на мостике, выведя из строя все командование. Землесос тонул достаточно медленно, но когда к нему стали подходить другие плавсредства, случилась трагедия: находящиеся на судне люди кинулись на один борт, после чего оно просто-напросто перевернулось и затонуло. Жертвы оказались огромными: погибло около 450 человек десантников и моряков. Еще 200 человек было подобрано с воды тральщиком «Ураган», а позднее — канонерской лодкой «Днестр» и буксиром «Дофиновка» из состава 4-го отряда. Переполненный людьми маленький тральщик, вдобавок имея повреждения от обстрела с воздуха, отправился обратно в Темрюк.

Поскольку командир высадки находился на «Урагане», остатки отряда остались без руководства. Да и

представляли собой они лишь самоходную шаланду «Танаис», с трудом выгребавшую против волны с двумя сейнерами на буксире. В итоге здесь повторилась история со 2-м отрядом — вечером 26 декабря находившийся на шаланде командира батальона 83-й стрелковой бригады потребовал от капитана судна, не достигнув района высадки, возвращаться в Темрюк.

В 16 часов 27 декабря шаланда «Танаис», на которую перешел командир 3-го отряда, отправилась к мысу Хрони. В 7 часов 28 декабря она начала высадку десанта в бухте Булганак западнее мыса Хрони, где 26-го уже высадились основные силы 4-го отряда. Высадка производилась при помощи сейнеров на готовый причал — оставшуюся от 4-го отряда баржу «Таганрог», пришвартованную у берега. Выгрузка проходила под сильным огнем противника, подтянувшего в этот район дополнительную артиллерию. Судно получило несколько попаданий, было убито 12 и ранено 19 человек, повреждены надстройки и борта. Тем не менее «Танаис» высадила весь десант (около 400 человек), после чего в сопровождении канонерской лодки № 2¹ и сторожевого катера ПК-123 вернулась в Темрюк.

Действия 4-го отряда

Этим отрядом командовал капитан 3-го ранга В. М. Дубовов², он тоже был разделен на две группы.

Западная группа:

канонерская лодка «Днестр» (840 тонн, 8 узлов, два 130-мм и два 45-мм орудия) — 950 человек;

¹ Так в документе. Непонятно, что за корабль имеется в виду — на Черном и Азовском морях не было канонерок с таким обозначением. Возможно, это лодка «Днестр», не входившая в состав ни одного из отрядов. Она находилась в Темрюке и по справочнику С. С. Бережного числится участвовавшей в операции. Лодка имела бортовой номер 112 — то есть хорошо видимую цифру «2» на борту.

² В некоторых источниках пишется как Добовой.

пароход «Ейск» (267 брт) — 575 человек и две 45-мм пушки;

буксир «Дофиновка» с баржей «Таганрог» — 350 человек + три танка Т-26, автомобиль и две 76-мм пушки
5 сейнеров — 189 человек.

Всего в группе высаживалось 1209 человек при двух полевых и двух противотанковых орудиях, трех легких танках и одном автомобиле.

Восточная группа:

канонерская лодка КЛ-4¹ (750 тонн, 10 узлов, два 76-мм орудия) — 150 человек;

тральщик Т-486 «Советская Россия»² (1005 тонн, 8 узлов, три 45-мм орудия и один 20-мм автомат) — 436 человек, две 76-мм и две 45-мм пушки;

тральщик Т-492 «Белобережье»³ (700 тонн, 6,5 узлов, три 45-мм орудия и один 20-мм автомат) — 283 человека;

3 сейнера (высадочные средства)⁴.

Всего в группе высаживалось 989 человек при двух полевых и двух противотанковых орудиях

Десант 4-го отряда насчитывал почти 2000 человек — 143-й стрелковый полк и головной отряд 83-й морской бригады. По численности он уступал только десанту 2-го отряда. Западная группа должна был высаживать десант в бухте Булганак, расположенной между мысом Хрони и мысом Тархан (ближе к первому), в 7–8 километрах к северу от Керчи. Восточная группа высаживалась по другую сторону мыса Хрони.

¹ Бывший портовый ледокол 1906 года постройки. Кроме того, в работе «Керченская операция» (стр. 45) упоминается канонерская лодка «Сыроватин» — на самом деле это фамилия командира восточного отряда 4-й группы.

² Паровая шхуна постройки 1880 года.

³ Грунтовозная шаланда постройки 1898 года.

⁴ Кроме того, в обеих группах в качестве высадочных средств имелось 15 байд.

Обе группы начали выход из порта Темрюк в 12:30. Они шли вместе, но уже на переходе из-за шторма буксир «Дофиновка» с баржей «Таганрог», тральщики «Белобережье» и «Советская Россия» начали отставать от канонерок и парохода «Ейск». Вдобавок байды и шлюпки, ведомые на буксире за тральщиками, захлестнуло волной, оторвало и унесло — из 15 байд осталась всего одна.

В результате отряд задержался и прибыл к мысу Хрони лишь в 6:30 26 декабря. Командир высадки капитан 3-го ранга Дубовов и команды судов действовали решительно — пароход «Ейск», буксир с баржей и сейнеры сразу же направились к берегу. Канонерская лодка «Днестр» осталась мористее, чтобы прикрывать высадку огнем. Как и у мыса Зюк, противник открыл огонь минометными и артиллерийскими батареями, расположенными на мысе Хрони. Тогда канонерка подошла вплотную к самому мысу; немцы перенесли весь огонь на нее, оставив высаживающийся десант без внимания.

Баржу «Таганрог» удалось подвести к берегу и выбросить на грунт у самого уреза воды, после чего ее стало возможно использовать как причал. В 7:30 началась высадка западной группы. К 10:30 весь состав десанта без потерь был выгружен на берег, после чего пароход «Ейск» отправился к косе Чушка в Керченском проливе, как это и предусматривалось первоначальным планом¹; буксир «Дофиновка» с сейнерами отошли к канонерке «Днестр».

В это время в бухту Булганак вошли канонерка № 4 и тральщик «Белобережье» из состава восточной группы, которым не удалось высадить десант восточнее мыса Хрони. Тральщик пришвартовался к барже, канонерка

¹ У косы Чушка «Ейск» должен был принять части второго эшелона десанта (из состава 12-й стрелковой бригады). Однако из-за сильного наката и огня немецкой артиллерии с керченского берега пароход посадку не произвел и ушел в Темрюк.

разгружалась с помощью высадочных средств. К 13:00 выгрузка была закончена, после чего тральщик, согласно плану, ушел в Кучугуры за вторым эшелоном десанта.

Воздействие на высадку с воздуха в этом месте оказалось неожиданно слабым — по крайней мере, о потерях на кораблях документы не упоминают, зато канонерские лодки «Днестр» и № 4 отчитались каждая об одном сбитом «Юнкерсе» Ju-88. После окончания высадки десанта отряд, оставив для огневой поддержки войск канонерскую лодку № 4, ушел за вторым эшелоном, по дороге подобрав часть людей с потопленного земснаряда «Ворошилов»

Всего в бухте Булганак кораблями и судами 4-го отряда было высажено 1452 человека, в том числе командование и штабы 83-й морской стрелковой бригады (полковник И. П. Леонтьев) и 143-го полка (майор П. И. Левкович); выгружены два 76-мм и два 45-мм орудия, а также 3 танка Т-26. Не удалось разгрузить только часть артиллерии с тральщика «Белобережье». При этом высадка, как уже упоминалось выше, была проведена практически без потерь.

На рассвете 27 декабря канонерская лодка «Днестр» вернулась в район высадки и обнаружила, что на берегу идет бой, а противник усилил свою артиллерию. Восточнее деревни Юраков Кут появились новые огневые точки, держащие под обстрелом место высадки.

Одновременно в бухту Булганак прибыл тральщик «Белобережье», имея на борту около 350 человек из второго эшелона десанта. Подойдя к барже «Таганрог», тральщик через нее начал выгрузку войск на берег, но с рассветом подвергся обстрелу артиллерией противника и был вынужден отойти, высадив лишь около 250 человек.

Чуть позже к бухте Булганак подошел буксир «Норд» с баржей № 59, их конвоировала канонерская лодка № 4. На барже находилось около 600 человек из состава второго эшелона. Погрузка такого количества людей на

несамоходное судно с малой живучестью было серьезной ошибкой. И расплата за неосторожность последовала незамедлительно — еще на подходе к бухте маленький конвой подвергся атаке вражеских бомбардировщиков. В баржу попало сразу две бомбы, и она быстро затонула. Канонерке удалось подобрать из воды 206 человек, буксир — 21 человека, погибло около 400 человек.

К 9 часам в бухту Булганак вошли корабли 2-го отряда — однако, как описывалось выше, их разгрузка была сорвана налетом вражеской авиации. Около 12 часов канонерская лодка «Днестр» взяла на буксир поврежденный бомбардировкой тральщик «Кизилташ» из состава 5-го отряда, почти одновременно здесь же был тяжело поврежден пароход «Пенай» из 2-го отряда. В 14:00 потерявший ход тральщик «Белобережье» также был взят на буксир канонерской лодкой «Дон». Вскоре все корабли из бухты Булганак вернулись в Темрюк.

Действия 5-го отряда

Командиром отряда был капитан-лейтенант В. А. Иосса. Отряд включал в себя:

тральщик Т-513 «Норд»¹ (285 тонн, два 45-мм орудия) — 150 человек;

тральщик Т-491 «Кизилташ»² (около 800 тонн, два 45-мм орудия) — 100 человек;

буксир «Урицкий» с баржей «Должанка» — 210 человек; 8 сейнеров — 540 человек³.

Всего в отряде высаживалась 1000 человек — 2-й батальон 12-й стрелковой бригады.

¹ Бывший пассажирский теплоход; имел бортовой номер 65, поэтому в некоторых источниках называется ТЩ-65.

² Бывшая грунтовозная шаланда постройки 1925 года и вместимостью 444 брт.

³ По другим данным — 10; возможно, два сейнера использовались в качестве высадочных средств.

Отряд вышел из гавани села Кучугуры в 22:00, имея целью высадить войска у Еникале в северной части Керченского пролива, напротив косы Чушка и в прямой видимости с таманского берега. Из-за сильного шторма отряд еще на пути к району высадки растерял 8 байд и все шлюпки, то есть почти все свои высадочные средства. Вдобавок сейнеры потеряли друг друга из виду, а буксир «Урицкий» из-за шторма вынужден был поставить свою баржу на якорь у мыса Ахиллеон. В итоге командир отряда, следовавший на борту тральщика «Кизилташ», решил вернуться обратно, чтобы собрать отставшие сейнеры и высадочные средства.

Лишь к 9 часам 26 декабря весь отряд опять собрался у села Кучугуры. В 11 часов капитан-лейтенант Иосса получил приказ командующего Азовской флотилией следовать к мысу Хрони и высаживать десант для развития успеха 4-го отряда.

К 16 часам 26 июня 5-й отряд подошел в район мыса Хрони. К этому моменту разгрузка 4-го отряда в бухте Булганак уже закончилась, и артиллерия противника обрушила весь свой огонь на подошедшие корабли. Капитан-лейтенант Иосса отвел свой отряд мористее и в 17 часов стал на якорь в 3—4 милях от берега. Здесь он продолжал стоять даже после наступления темноты, и лишь около 2 часов ночи 27 декабря снова попытался подойти к берегу — но из-за сильного наката и нерешительности командира высадка опять не состоялась.

В 6 часов отряд вновь отошел от берега, а с рассветом встретился с судами 2-го отряда. Вскоре появились бомбардировщики противника. В ходе воздушных атак тральщик «Кизилташ» получил пробоину, которая вызвала сильную течь, был взят на буксир канонерской лодкой «Днестр» (из состава 4-го отряда) и отбуксирован в Кучугуры, где и затонул на мелководье. Личный состав с тральщика перешел на «Днестр». Остальные корабли 5-го отряда вместе с остатками 1-го и 2-го отрядов ушли в Темрюк.

Итоги высадки

Можно констатировать, что идея одновременной высадки в пяти разных местах себя не оправдала, приводя лишь к распылению сил. В условиях плохой погоды маломореходные суда с десантом теряли высадочные средства, безнадежно опаздывали к назначенному месту, так что централизованное руководство операцией оказывалось невозможным. Несколько мореходных кораблей (в первую очередь такими оказались канонерские лодки и «малые охотники»), разбросанных по разным отрядам, не могли оказать поддержку всем судам и тем более не в состоянии были обеспечить противовоздушную оборону сразу нескольких мест высадки.

Профессиональные (а зачастую и личные) качества непосредственных руководителей высадки тоже оставляли желать лучшего — в первую очередь это относится к командиру 5-го отряда высадки Иосса, командиру 224-й стрелковой дивизии Дегтяреву и командиру батальона 83-й стрелковой бригады на шаланде «Танаис».

Впрочем, значительная доля ответственности лежит и на командовании Азовской флотилии, не озаботившемся серьезной разведкой намеченных мест высадки. В итоговом отчете оперативного отдела штаба ЧФ результаты проведенной разведки изложены предельно кратко, почти афористично: *«противник имеет на побережье артиллерийские и пулеметные огневые точки, наблюдательные посты, ночью побережье освещает ракетами и ведет усиленные оборонительные работы»*.¹ Эти общие слова можно было написать, вообще не выходя из помещения штаба флотилии — а то и размножить типографским способом и лишь менять на бланке дату и подпись. *«Аэрофотосъемку районов, намеченных для высадки десанта, выполнить не удалось из-за неблагоприят-*

¹ Отчет Оперативного отдела штаба ЧФ. Л. 100.

ятных метеоусловий» — и это за три недели подготовки операции!

Командование флотилии несет прямую ответственность за гибель 400 человек на барже № 59 — после гибели от ударов авиации «Ворошилова», «Фанагории» и «Пеная» было ясно, что крупные плавсредства чрезвычайно уязвимы от ударов с воздуха и тонут очень быстро. К 27 декабря свободных судов в Темрюке уже хватало, чтобы рассредоточить силы второго эшелона, а не грузить солдат на несамоходную баржу с ничтожной живучестью, из трюмов которой в случае несчастья мало кому удастся выбраться. Кстати, 110 человек, погибших на «Пенае», несмотря на то, что пароход удалось выбросить на мель — следствие затопления трюмов и паники; последнего тоже можно было избежать при лучшей организации посадки и подготовки десантников.

Свою долю ответственности за неудачное проведение операции несет и сухопутное командование — как фронта, так и 51-й армии. Фактически они устранились от участия в ее подготовке, искренне решив, что флот сделает все сам и своими средствами. Особое следует отметить **полное** отсутствие какой-либо поддержки с воздуха — за время высадки на северном побережье Керченского полуострова наша авиация в небе так и не появилась, как истребительная, так и бомбардировочная. Как сказано в отчете штаба ЧФ, *«вследствие неблагоприятной погоды и неудовлетворительного состояния аэродромов»*. За весь день 26 декабря ВВС 51-й армии совершили 80 самолето-вылетов, провели 3 воздушных боя и потеряли 2 самолета; по докладам наших летчиков был сбит один «Хейнкель-111». ВВС Закавказского фронта за тот же день сделали 21 самолето-вылет 132-й и 134-й авиадивизиями дальнего действия, потеряв при этом две машины. 27 декабря ВВС 51-й армии сделали 27 самолето-вылетов (в основном бомбардировщиками), потеряв при этом одну машину; воздушных боев в этот день не было.

Каковы же оказались итоги двухдневной высадки? Всего за 26 и 27 декабря Азовской военной флотилии удалось высадить на Керченский полуостров 3090 человек — примерно половину первого эшелона десанта и незначительную часть второго эшелона.

Из пяти мест высадка оказалась осуществлена только в двух. В районе мыса Зюк оказалось высажено в общей сложности 1378 человек, три танка, четыре орудия и девять минометов. Западнее мыса Хрони (в бухте Булганак) было высажено 1694 человека при четырех орудиях и трех танках; здесь же на берег высадились штабы 143-го стрелкового полка и 83-й бригады. Кроме того, у мыса Тархан удалось высадить 18 человек, фактически брошенных в безнадежном положении. Во время высадки были потеряны пароход «Пенай», земснаряд «Ворошилов» и лихтер «Фанагория», а также катер-тральщик «Акула», сейнер «Декабрист» (очевидно, вместе с каким-то количеством других сейнеров) и баржа № 59; еще две баржи были оставлены у берега в качестве причалов. При этом погибло около 1100 человек — в основном на судах, потопленных ударами авиации.

2. Действия Азовской флотилии 28–30 декабря

Частичная высадка второго эшелона

Ни командование Азовской флотилии, ни штаб 51-й армии не имели никакого представления о судьбе десантов, высаженных возле мыса Зюк и в бухте Булганак, на западной стороне мыса Хрони. Высаженные войска имели только одну рацию (находилась на барже «Хопер» в составе 2-го отряда), но была ли она выгружена у мыса Зюк и в каком состоянии, — остается неизвестным. Кроме того, в документах упоминается о наличии среди высаженных войск двух корректировочных постов, однако от них тоже не пришло ни одного сообщения.

Никаких попыток связаться с десантами другим способом не предпринималось — хотя это можно было сделать, например, посылкой делегатов на «малых охотниках» ПК-123 или ПК-128. Эти 50-тонные кораблики хорошо выдерживали непогоду и на своих 25 узлах могли пройти от Кучугур до мыса Зюк за какой-то час. Пришвартоваться к берегу проблемы не составляло — в местах обоих высадок оставались причалы из выбросившихся на берег барж. Однако никому не пришло в голову хотя бы послать к Керченскому полуострову самолет-разведчик.¹ Единственное, что было сделано — в море в качестве дозора держалась канонерская лодка № 4, которая периодически вела наблюдение за берегом в районе бухты Булганак.

Несмотря на это, была предпринята попытка «вслепую» продолжить высадку второго эшелона десанта. Еще вечером 27 декабря из Темрюка вышел пароход «Ейск», имевший на борту 2-й батальон 160-го стрелкового полка 224-й дивизии, который должен был высадить у мыса Хрони. К этому времени северный ветер усилился до 7 баллов, вследствие чего пароход вернулся обратно в Темрюк.

Однако 28 декабря ветер внезапно утих, вдобавок сменившись на восточный. Поэтому вечером того же дня из Темрюка к мысу Хрони был направлен сводный отряд под командованием капитана 3-го ранга Дубовова, хорошо проявившего себя во время высадки 4-го отряда. В состав отряда входили:

¹ Аналогичная ситуация менее чем через месяц повторится с десантом в Судак. Причем единственным, кто вспомнит о его судьбе, будет Василевский — а командующему Кавказским фронтом генералу Козлову придется срочно выдумывать, что сочинить в ответ на вопрос заместителя начальника Генерального штаба. См.: Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 17 (5–2). М.: Терра 1996. С. 48.

тральщик Т-486 «Советская Россия»;
тральщик Т-513 «Норд»¹;
сторожевой катер ПК-123;
сторожевой катер ПК-128;
пароход «Ейск» — около 1400 человек, 15 орудий и минометов;
буксир «Дофиновка» с баржей «Лаба»;
буксир «Шторм» с баржей «Донец»;
4 сейнера.

На эти суда были погружен батальон 83-й стрелковой бригады и батальон 160-го стрелкового полка 224-й стрелковой дивизии — 2213 бойцов из состава со штабом дивизии, три танка Т-26, 15 орудий и минометов, а также запас боеприпасов.

Еще на переходе к мысу Хрони от канонерской лодки № 4 были получены сведения о том, что десант, высадившийся у мыса Хрони, уничтожен, и берег вновь занят противником. Эти сведения были получены от одиннадцати бойцов во главе с командиром, подобранных канонеркой в море, куда они ушли на шлюпке. Кстати, не исключено, что эти люди принадлежали к группе из 18 человек, высаженных 3-м отрядом у мыса Тархан — однако командир канонерки таких подробностей высадки просто не мог знать.

Донесение канлодки было передано в штаб 51-й армии. Тем временем корабли отряда (за исключением отставшего тральщика «Советская Россия») к часу ночи на 29 декабря достигли мыса Хрони. Здесь была получена ответная радиограмма от командира флотилии — он приказал проверить переданные с канонерки сведе-

¹ Боевая летопись военно-морского флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1993. С. 331. В отчете штаба ЧФ проходит как тральщик № 65 (по бортовому номеру) — но затем начинает обозначаться как № 61, то есть как минный заградитель «Заря».

ния. Для разведки берега отправился сторожевой катер ПК-128, на борту которого находился военный комиссар Азовской флотилии полковой комиссар С. С. Прокофьев. Катер прошел вдоль берега, обстреляв его. Ответный огонь подтвердил, что берег у мыса Хрони занят противником.

Заметим, что это было вполне естественно — ведь основная масса десантников высаживалась не у самого мыса Хрони, а несколько западнее него, в восточной части бухты Булганак. С другой стороны, войска десанта вполне могли просто продвинуться вглубь полуострова, не закрепив за собой базу высадки в прибрежной полосе. Эту ошибку советские десантники будут повторять еще неоднократно.

Но вернемся к событиям утра 29 декабря. Несмотря на донесение о занятии берега противником, капитан 3-го ранга Дубовов считал, что высадка десанта вполне возможна. Комиссар флотилии присоединился к этому мнению. Увы, на тральщике «Норд» находился уже известный нам командир 224-й дивизии полковник Дегтярев. Он по радио доложил о результатах разведки генералу Львову и потребовал не начинать высадку до получения указаний от командующего армией.

Параллельно комиссар Прокофьев с катера ПК-128 доложил своему непосредственному начальнику адмиралу Горшкову, что высадку считает возможной и корабли к ней готовы. На это от командующего флотилией пришел ответ: *«Высаживаться у м. Хрони и в случае сильного сопротивления высаживаться в Еникале даже в светлое время суток»*. Это приказание было немедленно передано на тральщик полковнику Дегтяреву.

Тем временем командир высадки на катере ПК-123¹ лично направился к берегу, чтобы еще раз разведать

¹ О том, где находился капитан 3-го ранга Дубовов, в документах не упоминается — но, исходя из описания, он мог быть только на этом катере.

обстановку. Вернувшись к отряду кораблей, он, к своему огромному удивлению, обнаружил здесь только пароход «Ейск» и два сейнера, а также катер ПК-128.

Под прикрытием огня с катера ПК-128 пароход «Ейск» в сопровождении обоих сейнеров подошел как можно ближе к берегу и под огнем с берега начал выгрузку десанта. Были выгружены оба находившихся на нем батальона — 1354 человека, 15 орудий и минометов. В процессе разгрузки пароход получил несколько попаданий снарядов и мин, был тяжело поврежден, сел на грунт и после окончания выгрузки отойти от берега не смог. При обстреле на «Ейске» погибло 7 членов экипажа и несколько десантников.

Что же произошло с остальными кораблями? Полковник Дегтярев приказал командиру тральщика «Норд» лейтенанту Задорожному высадку не начинать, а идти к Еникале. Вопреки уставу, лейтенант подчинился — возможно, растерявшись и не зная подробностей предыдущих переговоров. С тральщиком ушли два сейнера. Надо заметить, что на этих судах находилась лишь небольшая часть десанта, поэтому не имело смысла высаживать эти силы отдельно.¹

Когда небольшая группа судов подошла к входу в Керченский пролив, ветер опять усилился до 9 баллов. Под этим предлогом полковник Дегтярев приказал двигаться в Темрюк, даже не дойдя до Еникале. Заметим, что у Еникале, в глубине пролива, волнение не могло быть таким сильным — зато здесь в большом количестве имелась немецкая артиллерия.

¹ Не совсем ясно, где в это время находились оба буксира с баржами. Очерк «Керченская операция» сообщает, что баржи находились вместе с тральщиком, однако в отчете штаба ЧФ говорится только о двух сейнерах. Согласно этому отчету, баржа «Донец» была унесена штормом в море, подобрана 31 декабря вездесущей канонерской лодкой № 4 и отбуксирована в Керчь.

Тем временем тральщик «Советская Россия» из-за грубой ошибки в счислении проскочил мыс Хрони и подошел к берегу несколько западнее мыса Тархан, в восточной части бухты Булганак, в 5 милях от мыса Хрони. Здесь он подошел к берегу и начал высадку десанта, не встретив никакого противодействия со стороны немцев. По радио с тральщика в штаб флотилии сообщили, что высаживаются у мыса Хрони.

В итоге силы, высаженные 29 декабря в бухте Булганак между мысами Тархан и Хрони, никуда не продвинулись и организовали оборону, опираясь на прибрежные высоты. В создавшейся ситуации эти действия следует оценить как абсолютно правильные.

Действия десанта на берегу

Что же произошло с предыдущей высаженной здесь группой — 143-м полком и двумя батальонами 83-й бригады? Командование войсками принял командир 143-го полка майор П. И. Левкович (о судьбе командира 83-й бригады полковника Леонтьева сведений не имеется). Поддержанный танками, десант начал наступление в южном направлении, захватил господствующие высоты и подошел к окраине поселка Булганак, расположенного в 5 км от Керчи — увы, при этом удалившись от берега и позволив противнику вновь занять его. Командир 46-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Гимер, осознавая опасность, бросил против двух групп десанта основную часть своих сил, в том числе наспех собранные корпусные подразделения. 28 декабря немцы нанесли контрудар, сбив десантников с занятых рубежей и отбросив их от Булганака. Майор Левкович был убит, командование принял комиссар полка А. К. Георгадзе, но вскоре погиб и он.

К 29 декабря десантники упорно оборонялись на высотах 155,5, 95,1, 125,6 и у западной окраины поселка Юраков Кут. Район, непосредственно прилегающий

к мысу Хрони, был вновь занят противником. Ю. Майстер пишет об окружении и уничтожении северо-восточнее Керчи 387-го стрелкового полка, которого здесь никогда не было.

Вообще о действиях десанта на берегу в нашей литературе пишется очень мало. Судя по всему, в отличие от десанта у мыса Хрони, десант 1-го и 2-го отрядов, высаженный у мыса Зюк и западнее его, в районе поселка Новый Свет, не имел единого командования (полковник Дегтярев и штаб 224-й стрелковой дивизии так и не высадились) и действовал разрозненно. Основная часть десанта с танками начала наступление на юго-восток, в сторону поселка Катерлез.

К вечеру 29 декабря основные силы десанта упорно оборонялись в районе Челочик, северные скаты высоты с отметкой 106,2, Мысырь. Район, непосредственно прилегающий к мысу Зюк, также был вновь занят противником. Еще одна группа с одной или двумя противотанковыми пушками под руководством комиссара 1-го батальона 83-й стрелковой бригады старшего политрука И. А. Тесленко оказалась западнее основных сил, отрезанная от них немцами. Действуя по тылам противника, она захватила вражеский обоз, пополнив запасы продовольствия и боеприпасов, в том числе 37-мм снарядов к своим пушкам. Между 28 и 30 декабря группа Тесленко по льду озера Чокрак атаковала немецкую батарею — судя по всему, находившуюся у основания мыса Богатубе возле поселка Новый Свет. За это в апреле 1942 года И. А. Тесленко был предоставлен к званию Героя Советского Союза.

Авиация фронта и 51-й армии в эти дни тоже действовала более активно. 28 декабря воздушной разведкой была обнаружена колонна противника в составе 300 машин, двигавшаяся от Феодосии на Кошай — возможно, это были части 8-й румынской кавалерийской бригады. В 18 часов колонна была атакована советскими бомбардировщиками, по данным летчиков было разбито 5 машин и убито около 100 солдат. В тот же день гидро-

авиация Черноморского флота (21 МБР-2 из Геленджика) атаковала мотоколонны противника между Феодосией и Владиславовкой, а также в центре полуострова у села Марфовка. В Марфовке наблюдалось три взрыва и большой пожар. 29 декабря в 9 часов 35 минут наша авиация бомбила обнаруженную колонну в составе двух пехотных батальонов и 50 автомашин, двигавшуюся от Адыка на Чалтымир.

В течение 30 декабря высадка десантов не производилась. Попытки подвезти к мысу Хрони и мысу Зюк продовольствие и боеприпасы успехом не увенчались, и корабли (ПК-123 и два сейнера) вернулись обратно. 30 декабря для новой высадки у Еникале или мыса Хрони был подготовлен еще один отряд под командованием капитана 2-го ранга Грозного в составе канонерской лодки № 4, тральщиков «Норд» и «Белобережье», самоходной шаланды «Гордипия», парохода «Кузбасс» с баржей № 44, буксира «Никополь» с баржей «Лаба», а также 12 сейнеров. На него были погружены два батальона 185-го полка 224-й стрелковой дивизии, однако в пути следования отряд был переориентирован в оставленную противником Керчь, куда из-за начала ледостава прибыл только утром 1 января. Кроме него, в Керчь до ледостава успели направить еще один отряд с батальоном 83-й стрелковой бригады и матчастью 11-го артполка; 1 января их уже пришлось проводить с помощью ледокола.

Всего с 26 по 29 декабря корабли Азовской военной флотилии высадили около 4500 человек. За период операции противником было потоплено 5 крупных судов, 3 сейнера; повреждено 4 корабля, 19 сейнеров, при этом погибло 1270 человек.

III. Действия Керченской военно-морской базы

Приказание на высадку десанта было получено командованием базы 24 декабря, высадку требовалось провести

Действия Черноморского флота, Керченской ВМБ и Азовской

в ночь на 26 декабря. К рассвету 25 декабря суда были сосредоточены в заранее намеченных пунктах посадки Тамань и Комсомольск. Несмотря на тренировки и заранее разработанные плановые таблицы, посадка проходила медленно и неорганизованно. В назначенное время (к часу ночи) ее закончил только 1-й отряд (отряд первого броска). 2-й отряд опоздал с выходом на час, 3-й — на два часа. По дороге строй из-за шторма разбился, сейнеры шли самостоятельно.

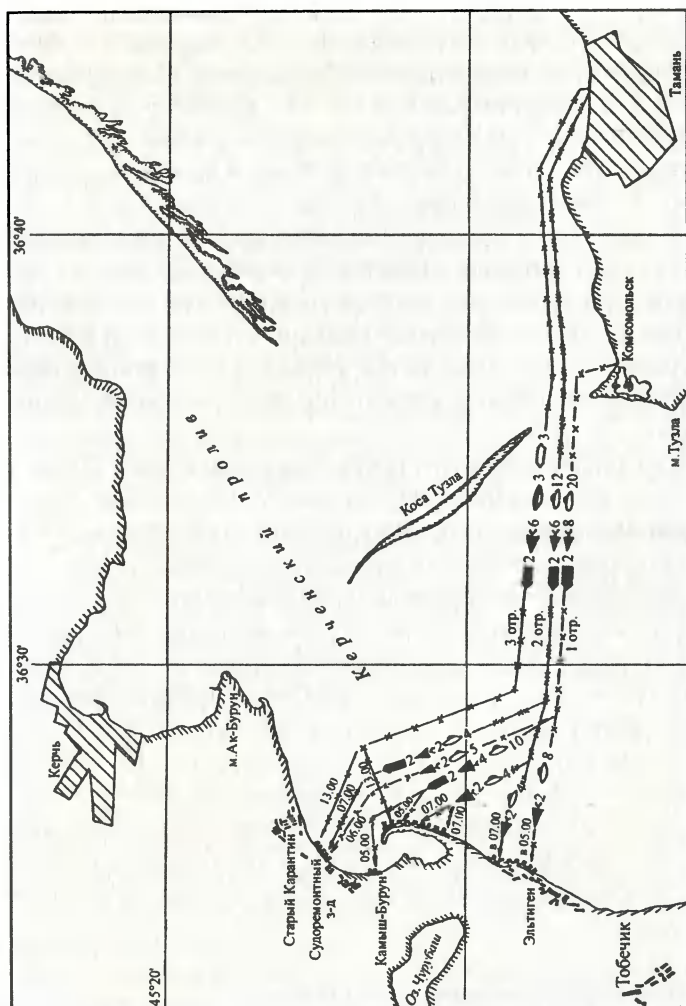
Для перехода отрядов был выбран путь через мелководную Тузлинскую промоину, поскольку пролив западнее острова Тузла просматривался и простреливался противником. Однако часть ограждений и сигналов, установленных здесь 18–20 декабря, в результате шторма оказалась сорвана и вновь установлена только 28 декабря. В результате баржи 3-го отряда сели на мель, их снятие затянулось до 11 часов 26 декабря.

1. Бой за высадку 26 декабря

Высадка первого броска

1-й отряд под командованием старшего лейтенанта Литошенко состоял из четырех групп, в каждой из которых было по 5 сейнеров, а также 2 «малых охотников» и 8 торпедных катеров. На суда отряда было принято 1154 человека. К 5 часам 26 декабря, потеряв отставшими несколько сейнеров, 1-й отряд подошел к берегу и приступил к высадке одновременно в районах Камыш-Буруна (2 группы), Эльтигена и Старого Карантина.

Высадка у Камыш-Буруна оказалась неожиданной для противника. Не встретив сопротивления, десантники сразу же закрепились на Камыш-Бурунской косе и у пристани судоремонтного завода. Через некоторое время немцы опомнились и открыли сильный артиллерийский и минометный огонь, который был подавлен ответным огнем артиллерии 140-го отдельного артиллерийского

Высадка в Камыш-Буруне 26 декабря 1941 года

дивизиона КВМБ, 25-го корпусного артиллерийского полка и огневыми средствами «малых охотников».

В двух других местах противник обнаружил подходящие к берегу суда и открыл огонь. В результате у Старого Карантина удалось высадить только 55 человек во главе с командиром этого пункта высадки техник-интендантом 1-го ранга Григорьевым, после чего сейнеры направились к Камыш-Буруну и высадили людей здесь. К Эльтигену подошел лишь торпедный катер № 92, на котором находились 19 человек во главе с командиром пункта высадки майором Лопатой. Сейнер, на котором шел командир группы, разгрузился на Камыш-Бурунской косе, остальные суда отряда вернулись к месту погрузки. Торпедный катер № 92 был выброшен волной на берег, позднее расстрелян, а затем обшарен немцами.

Судьба этих двух групп оказалась трагичной. Отряд у Старого Карантина в течение всего дня вел бой с противником, после чего было решено пробиваться в Камыш-Бурун. Сделать это не удалось — одна из групп отряда во главе с Григорьевым была окружена и полностью уничтожена противником, другая во главе с комиссаром высадки старшим политруком Грабаревым обнаружила шлюпку и отошла к нашим кораблям. Техник-интендант 1-го ранга Григорьев попал в плен, позднее было найдено его тело со следами пыток. Из состава Эльтигенской группы в Камыш-Бурун к вечеру 26 декабря сумел пробраться лишь майор Лопата с одним красноармейцем; трое человек из экипажа торпедного катера смогли переправиться через пролив на резиновой лодке.

Высадка последующих эшелонов

2-й отряд под командованием старшего лейтенанта Петровского по сути являлся первым эшелоном десанта.

Он состоял из трех групп по 4 сейнера, а также 2 «малых охотников» и 6 торпедных катеров. На них было принято 744 человека.

К 7 часам утра три группы отряда подошли к намеченным пунктам — Камыш-Бурунской косе, пристани судоремонтного завода и Эльтигену, попав здесь под сильный артиллерийский огонь противника. Под прикрытием дымовых завес, поставленных торпедными катерами, сейнера начали выгрузку десанта. На Камыш-Бурунской косе и у пристани судоремонтного завода она прошла успешно. Возле Эльтигена высадка не удалась, ее пришлось произвести севернее этого пункта, ближе к Камыш-Буруну. Здесь высадили около 500 человек, позднее они также отошли к Камыш-Буруну. До рассвета все суда разгрузить не удалось, а с восходом солнца в небе появилась немецкая авиация. Поэтому часть сейнеров, не выполнив задачи, вернулась к месту погрузки.

3-й отряд под командованием капитан-лейтенанта Евстигнеева представлял собой второй эшелон десанта. Отряд состоял из 2 «малых охотников» и 6 торпедных катеров, а также трех групп судов, в каждую из которых входил буксир с баржей (болиндером) и три сейнера. Этот отряд принял оставшуюся часть десанта — 3327 человек, 29 орудий и 3 миномета. Из-за посадки барж на мель в Тузлинской промоине отряд подошел к месту высадки только в 13 часов 26 декабря. Поскольку о положении на берегу в общих чертах уже было известно, суда первой группы прикрылись дымовой завесой с торпедных катеров и начали высадку войск (825-й стрелковый полк) на косе и у пристани судоремонтного завода. Суда второй и третьей групп высадку не осуществили, поскольку командир 823-го полка приказал возвращаться обратно.

Если вражескую артиллерию отчасти удалось подавить огнем с восточного берега, то немецкую авиацию отогнать

было нечем — истребительного прикрытия армейское командование не обеспечило. Прямым попаданием бомбы была подожжена одна из барж. На ней возникла паника, в процессе которой за борт сбросили 45 ящиков снарядов и 60 ящиков патронов, а также два 76-мм орудия. При этом утонуло 50 красноармейцев. В конце концов пожар удалось погасить, но баржа вернулась в Тамань. Вторая баржа затонула от прямого попадания¹ уже у самого берега, часть десантников на ней погибла, но большинство (около 500 человек) высадились на Камыш-Бурунскую косу.

Всего за 26 декабря западном берегу пролива было высажено около 2200 человек, из них в районе Камыш-Буруна — до 1700 человек. В ходе высадки погибло 5 сейнеров, катер типа «МО», буксир, болиндер и баржа, повреждения получили 18 сейнеров, 2 катера «МО» и 2 баржи. Не выполнили задания из-за посадки на мель, а также в ряде случаев по причине трусости командиров 17 сейнеров и одна баржа. Потери только при высадке составили 350–400 человек, в основном убитыми и утонувшими, еще не менее сотни человек погибло на берегу.

Во второй половине дня 26 декабря под давлением противника подразделения 302-й стрелковой дивизии вынуждены были оставить Камыш-Бурун и отойти южнее него, однако на следующий день после контратаки и ожесточенного боя десантники вновь ворвались в поселок. К исходу 27 декабря части 302-й горнострелковой дивизии прочно удерживали южную часть Камыш-Буруна, район судоремонтного завода, а также Камыш-Бурунскую косу, прикрывающую гавань с востока. Основная часть войск отсюда была переправлена в Камыш-Бурун — на косе осталось примерно 120 человек.

¹ В некоторых источниках говорится о попадании снаряда, но можно подозревать и бомбу.

2. Действия десантных сил 27–29 декабря

27 декабря переброска подкреплений десанту не производилась вследствие сильного шторма (7–8 баллов). Связи с десантом тоже не было, но высаженные войска поддерживались огнем артиллерии береговой обороны Керченской военно-морской базы и 25-го корпусного артиллерийского полка.

Операция возобновилась в ночь на 28 декабря. Между 4 и 5 часами утра к Камыш-Бурунской косе и пристани судоремонтного завода начали подходить сейнера со вторым эшелоном десанта. Выгрузка вновь проходила под сильным огнем противника, подтянувшего новую артиллерию и минометы в район Старого Карантина, к горкому, на высоты западнее города и в Керченскую крепость. Дальнейшая переброска войск производилась на всех годных плавсредствах, включая и торпедные катера.

Следует отметить, что при отсутствии корректировочных постов и вообще какой-либо связи с десантом стрельба артиллерии с восточного берега велась в значительной степени по площадям. Поэтому к 29 декабря к ближней поддержке войск подключились плавбатарея № 4 и бронекатер № 302. В итоге за 26–29 декабря на западный берег пролива было в общей сложности перевезено:

людей	11 225
пушек	47
минометов	198
пулеметов	229
автомашин	12
лошадей	210
повозок	14

Но даже имея в своем распоряжении около 10 тысяч человек, командир 302-й горнострелковой дивизии не

проявил особенной инициативы и не попытался вырваться с плацдарма — впрочем, достаточно плотно блокированного быстро переброшенными сюда основными силами 46-й немецкой пехотной дивизии, освободившимися на севере.

К вечеру 29 декабря войскам удалось лишь очистить Камыш-Бурунский порт и занять большую часть поселка. Кроме того, в ночь с 29 на 30 декабря в Камыш-Буруне высаживались силы отряда «Б» Черноморского флота. Уже после отхода противника из Керчи сюда же было перевезено также 4500 человек состава десанта Азовской флотилии.

В целом действия Керченской военно-морской базы можно оценить как неплохие и адекватные. Единственной существенной ошибкой была высадка третьей группы 2-го отряда у Эльтигена вместо того, чтобы сразу отправить ее в Камыш-Бурун, где имелся прочно удерживаемый плацдарм. Кроме того, накануне высадки не было проверено наличие навигационных знаков в Тузлинской промоине.

Военные моряки и бойцы десанта действовали плохо. Командный состав 302-й горнострелковой дивизии проявил храбрость и решительность, хотя в его действиях прослеживается явный недостаток опыта — в двух группах первого броска на берег высадились командиры, а вот большая часть их войск осталась на судах и высажена не была по причине утраты контроля за разгрузкой. Случай паники был всего один — совсем плохо для необстрелянной и необученной дивизии. Однако этого нельзя сказать про гражданские экипажи мобилизованных судов, которые зачастую проявляли откровенную трусость; возможно, их стоило усилить военными моряками.

С другой стороны, высадка происходила в достаточно благоприятных условиях — в виду собственного берега и в пределах досягаемости своей артиллерии, что

безусловно поднимало дух бойцов и облегчало действия судов. Авиационное прикрытие высадки имелось, но было слабым и недостаточным; частично это компенсировалось наличием на косе Тузла 65-го зенитного артополка, который доложил о трех сбитых и четырех подбитых вражеских самолетах.

IV. Действия Черноморского флота

1. Несостоявшаяся высадка у горы Опук

Отряд «Б» под командованием контр-адмирала Н. О. Абрамова был единственным, который состоял из специальных десантных судов — это были три канонерские лодки типа «Эльпидифор» («Красный Аджаристан», «Красная Абхазия» и «Красная Грузия»). Кроме того, сюда же входили сторожевой корабль «Кубань», буксир с болиндером и 6 «малых охотников». Отряд должен был принять в Анапе 105-й горнострелковый полк и высадить его у горы Опук.

Корабли прибыли в Анапу в 9 утра 25 декабря, но посадка началась с запозданием из-за опоздания 105-го горнострелкового полка. В 12:00 была завершена посадка на лодку «Красная Абхазия», в 15:38 — на лодку «Красная Грузия», к 23:15 — на «Красный Аджаристан». Тем временем ветер усилился до 7–8 баллов, и на открытом рейде Анапы посадку войск на транспорт «Кубань» и болиндер осуществить не удалось. Они были отправлены в Новороссийск для приемки войск там и высадки их в качестве 2-го эшелона.

Всего на три канонерки было погружено 2393 человека, 42 лошади, 14 горных 76-мм пушек и 6 минометов, 8 грузовиков-«полуторок», а также 230 тонн боеприпасов.

В 00:38 канонерки вышли в море, вскоре после них в Новороссийск отбыл транспорт «Кубань». Буксиру СП-15

с болиндером было приказано следовать с отрядом для использования в качестве высадочного средства — но капитан буксира «не заметил» выхода кораблей, а потому остался на рейде. Весьма характерно, что при отходе кораблей на берегу остался и начальник штаба высадки майор Рыженок.

При ветре 8–9 баллов суда сразу же потеряли друг друга из виду и шли к месту высадки самостоятельно. На рассвете 26 декабря контр-адмирал Абрамов на канонерке «Красный Аджаристан» в сопровождении шести охотников подошел к месту высадки, но не обнаружил здесь остальных кораблей. Вместо того, чтобы подождать их у места высадки, командир отряда «Б» по радио приказал всем кораблям возвратиться к Анапе и собираться там, чтобы произвести высадку десанта утром 27 декабря.

Тем временем к мысу Опук подошел отряд корабельной поддержки — крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Шаумян» и «Незаможник». Но обнаружив никого, они оставались у берега в течение суток, причем в 29:30 «Красный Кавказ» обстрелял берег.

Во второй половине дня отряд «Б» вновь собрался у Анапы, причем здесь же оказался и транспорт «Кубань», так и не добравшийся до Новороссийска. В 16:00 корабли вновь вышли к Керченскому полуострову. Однако через час ветер изменился с южного на западный, а затем на северо-западный, началась снежная пурга, видимость упала до полукабельтова. Контр-адмирал Абрамов сообщил командованию флота о невозможности высадки и запросил разрешение повернуть обратно, на что получил категорическое приказание Военного совета Черноморского флота продолжать операцию. Несмотря на это, в 2 часа 27 декабря командующий высадкой решил возвратиться и лег на обратный курс. При этом в районе горы Опук находились наши

корабли, которые сообщали, что погода вполне допускает высадку десанта.

Впоследствии Абрамов оправдывал свое решение тем, что не получил ответа от командования флота из-за плохой связи — как будто отсутствие связи делает допустимым невыполнение имеющегося приказа. Вдобавок выяснилось, что, перенеся свой флаг с канонерки «Красная Абхазия» на «Красный Аджаристан», адмирал Абрамов не предупредил об этом штаб флота и оставил на прежнем месте все средства скрытой связи (шифровальную документацию). В результате вся связь со штабом велась в два этапа — через «Красную Абхазию».

В 11 часов 27 декабря отряд Абрамова пришел в Анапу и получил приказание Военного совета флота следовать в Новороссийск. Здесь кораблям, израсходовавшим уголь в бесполезных маневрах, пришлось бункероваться, после чего перед отрядом «Б» была поставлена новая задача — идти в Керченский пролив и на рассвете 29 декабря высадить десант в районе маяка Камыш-Бурун.

В 22:10 28 декабря отряд подошел к Камыш-Буруну. Здесь контр-адмирал Абрамов приказал «Красной Грузии» и «Красной Абхазии» высаживать десант, а сам на лодке «Красный Аджаристан» решил поддерживать высадку огнем. В 22:40 «Красная Грузия» с болиндером у борта направилась к берегу, в кильватер ей шла «Красная Абхазия». Не дойдя 100–150 метров до берега головная канонерка внезапно села на мель. Болиндер по инерции унесло вперед и развернуло лагом к берегу. Через несколько минут в 40–50 метрах от берега, уткнулась в отмель и «Красная Абхазия». В результате десантников пришлось переправлять на берег шлюпками. Все это происходило под сильным минометным огнем противника — не причинявшим, правда, особого вреда. Болиндер удалось снова взять на буксир, но вскоре он был поврежден штормом.

Около 9 часов утра 29 декабря вражеский огонь прекратился — считается, что это произошло из-за перехода наших войск в наступление под Камыш-Буруном, хотя возможно, что немцы уже начали снимать свои батареи в преддверии предстоящего отхода или же для переброски их под Феодосию. Контр-адмирал Абрамов оставил для поддержки десанта канлодку «Красная Грузия», а с остальными кораблями отошел к косе Тузла для исправления повреждений. Одновременно он связался по радио со штабом КВМБ и запросил помощи сейнерами.

Судя по всему, до этого Абрамов так и не удосужился выяснить обстановку в проливе у руководства КВМБ, потому что сразу после запроса проявились сейнера. Они окончательно разгрузили «Красную Грузию», а затем благополучно провели остальные корабли отряда к причалам порта Камыш-Бурун, где те и начали разгрузку в 21:30 29 декабря. К 15:15 30 декабря десант (около 2000 человек) был высажен.

В целом поведение контр-адмирала Абрамова очень напоминает поведение командира 224-й дивизии полковника Дегтярева. Из всех морских командиров он действовал наиболее непрофессионально. Однако ни тонн, ни другой за систематическое нарушение приказов командования и откровенное проявление трусости не понесли никакого наказания.

2. Высадка десанта в Феодосии

Погрузка войск

К началу операции отряд высадки «А» (капитан 1-го ранга Н. Е. Басистый) включал следующие силы:

Отряд корабельной поддержки (капитан 1-го ранга В. А. Андреев)

крейсер «Красный Кавказ»
крейсер «Красный Крым»
эсминец «Железняков»
эсминец «Незаможник»
эсминец «Шаумян»

1-й отряд транспортов (капитан 2-го ранга В. А. Заруба)
«Зырянин» (2593 брт)
«Жан Жорес» (3972 брт, 5000 т)
«Ногин» (2109 брт)
«Серов» (5000 т)
«Шахтер»
«Ташкент» (5552 брт, 7500 т)
«Красный Профинтерн»
«Азов» (967)

Охранение 1-го отряда (капитан 3-го ранга Г. П. Не-
года)

эсминец «Бойкий»
тральщик Т-401
тральщик Т-411

2-й отряд транспортов (капитан 2-го ранга А. М. Фи-
липпов)

«Калинин» (4156 брт, 5700 т)
«Димитров» (2482 брт)
«Курск» (7000 т)
«Красногвардеец» (2719 брт)
«Фабрициус» (2434 брт)

Охранение 2-го отряда (капитан 2-го ранга М. Ф.
Романов)

эсминец «Способный»
эсминец «Сообразительный»
тральщик Т-410
6 сторожевых катеров типа «МО»

Отряд высадочных средств (капитан-лейтенант А. П. Иванов)

тральщик Т-404

тральщик Т-412

12 сторожевых катеров типа «МО»

2 буксира

6–10 самоходных баркасов

С моря отряд высадки обеспечивали **силы прикрытия** под командованием капитана 1-го ранга Зиновьева в составе крейсера «Молотов», лидера «Ташкент» и эсминца «Смышленный». Однако его наличие было чистой формальностью — ввиду малой вероятности появления надводного противника отряд прикрытия к Феодосии вообще не выходил. Его корабли находились в Севастополе и помогали артиллерийским огнем отбивать немецкий штурм.

Отряд корабельной поддержки одновременно должен был высаживать первый бросок десанта — 251-й стрелковый полк 9-й горнострелковой дивизии, 633-й стрелковый полк 157-й стрелковой дивизии, два батальона 716-го стрелкового полка той же дивизии и батальон морской пехоты. Командовал силами первого броска командир 251-го полка майор Андреев, находившиеся на крейсере «Красный Кавказ». Кроме того, на крейсере «Красный Крым» находился командир высаживаемого в Феодосии 9-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Дашичев.

В итоге на кораблях оказалось:

«Красный Кавказ»	1586 человек, 6 пушек, 2 миномета (107 мм), 15 автомашин
«Красный Крым»	2000 человек, 2 миномета, 35 т боеприпасов и 18 т продовольствия

Керченско-Феодосийская десантная операция

«Железняков»	287 человек
«Незаможник»	289 человек, одна 76-мм пушка
«Шаумян»	330 человек, две 76-мм пушки, два 107-мм миномета
12 катеров «МО»	300 человек штурмовых групп

В последний момент к отряду был присоединен транспорт «Кубань» из состава отряда «Б», на который было погружено:

людей	627
45-мм пушек	4
76-мм пушек	5
автомашин	15
лошадей	72
повозок	19
боеприпасов	65 тонн
продфуража	38 тонн
прочих грузов	12 тонн

Всего на кораблях для высадки первого броска находилось 5419 красноармейцев и командиров, 15 орудий и 6 минометов, 30 автомашин, а также 100 тонн боеприпасов и 56 тонн продовольствия. Погрузка отряда началась в 13:00. а закончилась в 17:58.

Погрузка **1-го отряда** с первым эшелоном десанта (236-я стрелковая дивизия) началась в Новороссийске 26 ноября в 19:30 — с опозданием на полтора часа от графика. Вдобавок транспорты «Ногин» и «Серов» задержали к началу погрузки, так как были заняты перевозками в Севастополь и пришли в Новороссийск соответственно вечером 27-го и утром 28-го. В итоге погрузка последнего завершилась лишь к 17 часам 28 декабря. Всего на суда отряда было погружено:

людей	11 270
танкеток Т-38	20 ¹
45-мм пушек	26
76-мм пушек	18
122-мм пушек	7
тракторов	18
автомашин	199
лошадей	572
повозок	43
двуколок	6
кухонь	9
боеприпасов	313 тонн
продфуража	121 тонна
прочих грузов	18 тонн

Погрузка **2-го отряда** со вторым эшелоном десанта началась в Туапсе в 3 часа утра 29 декабря. Отряд должен был перевозить 63-ю горнострелковую дивизию (без 346-го полка), а также тылы других соединений. К 17:30 погрузка и бункеровка были закончены, через два часа судам была объявлена трехчасовая готовность к выходу. Позднее выяснилось, что командование отряда просто-напросто неправильно поняло сроки выхода и завершило погрузку на сутки раньше необходимого.

Всего на 5 транспортах находилось:

людей	6365
76-мм пушек	31
122-мм пушек	27
минометов	18
танков Т-26	14 ²
автомашин	199 (ГАЗ-АА)
лошадей	906
повозок	50
двуколок	38

¹ Перевозились на транспорте «Жан Жорес».

² Находились на транспорте «Калинин».

кухонь	29
боеприпасов	321 тонна
продфуража	4 тонны
прочих грузов	220 тонн

Высадка первого эшелона десанта утром 29 декабря

Переход отряда корабельной поддержки, начавшийся в 17:20 28 декабря, прошел без помех. Погода была штормовая (6–7 баллов). Около 3 часов 29 декабря отряд подошел к Феодосии, где сориентировался по огням и буйам подводных лодок Щ-201 и М-51 и принял строй кильватера.

В 3:05 отряд высадочных средств, шедший в двух колоннах на траверзе крейсеров, уменьшив ход, вступил в кильватер отряда корабельной поддержки и подготовился к прорыву в порт.

В 3:45 отряд поддержки лег на боевой курс норд вдоль восточной кромки района, считавшегося опасным в отношении немецких магнитных мин, уменьшив ход до 5–6 узлов.

В 3:50 по приказу флагмана корабли открыли огонь главным калибром по порту Феодосия и поселку Сарыголь восточнее нее, при этом были применены осветительные снаряды. Необходимость этой артподготовки вызывает сомнение — стрельба велась вслепую, по площадям и могла оказать на противника только моральное воздействие, одновременно нанося разрушения городу и подвергая опасности его жителей. Как прокомментировал флаг-штурман отряда А. Н. Петров: *«У многих из нас тогда мелькнула мысль: разбудили немцев. Пятнадцать минут получают они на то, чтобы подготовиться к отражению десанта»*.¹ Противник ответил артиллерийским и минометным огнем, также с применением осветительных снарядов, но попаданий в корабли не было.

¹ Цит. по: И. Ф. Цветков. Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Л.: Судостроение, 1990. С. 220.

Погрузка десантников на крейсер «Красный Кавказ» в Новороссийске

С открытием огня катера со штурмовой группой отряда высадочных средств начали движение мимо Феодосийского мыса к входу в порт, следуя в темноте близ берега.

В 4:03, увидев взлетевшие с «Красного Кавказа» две зеленые ракеты (сигнал «Прекратить огонь, катерам прорваться в порт!»), охотники, уже подошедшие к Феодосийскому маяку, направились в незакрытый проход между маяком и бонами.

Первым проник в гавань сторожевой катер № 0131, который под огнем противника высадил на защищавший гавань с востока Широкий мол штурмовой отряд и группу навигационного обеспечения. Несмотря на сопротивление немецких автоматчиков, засевших на молу, штурмовой отряд овладел маяком, захватив две установленные здесь противотанковые пушки. После этого катер № 0131 вышел из гавани и направился к крейсеру «Красный Крым», но попал ему под таран, был серьезно поврежден и в дальнейшем отбуксирован в гавань.

Вторым в гавань ворвался катер № 013 с командиром отряда высадочных средств капитан-лейтенантом

А. П. Ивановым. Прочесав огнем причалы, он прошел к бонам с целью проверки, открыты ли боновые ворота. Ворота оказались открыты, и в 4:12 с катера дали две белых ракеты — «Вход в гавань свободен!» После этого катер высадил на Широкий мол швартовочную команду из 13 человек, которые должны были принять концы с крейсера «Красный Кавказ».

Тем временем остальные «малые охотники» закончили высадку штурмовых групп и начали перевозку десанта с крейсеров. Между 8 и 9 часами затонул катер № 056 (в некоторых документах обозначается под старым № 063), получивший попадание в корму; жертв не было. Катеру № 098 не повезло — на подходе к Феодосии он потерял ориентировку, отстал, забрал вправо и выбросился на берег в районе Сарыголь, где попал под сильный огонь противника. В результате вся команда и штурмовая группа погибли, уцелело только 6 моряков, из них трое было ранено.

Всего 11 катерами было высажено 266 человек из состава штурмового отряда, 1100 человек с крейсера «Красный Крым» и 323 человека с крейсера «Красный Кавказ». При этом на катерах (включая № 098) погибло 65 и было ранено 33 моряка.

В 4:13 эскадренные миноносцы начали проходить в гавань. Первым в 4:40 в порт вошел эсминец «Шаумян», за ним в 4:56 «Незаможник» и к 5 часам — «Железняков». Противник вел по кораблям сильный огонь, эсминцы отвечали, подавляя вражеские батареи и огневые точки.

В 0:48 на молу были включены навигационные огни, одновременно крейсер «Красный Крым» начал высадку войск с помощью баркасов.

В 5:02 крейсер «Красный Кавказ» попытался пришвартоваться с наружной стороны Широкого мола, но не смог из-за сильного отжимного ветра и отсутствия буксира — капитан выделенного для этого буксира «Кабардинец» трусил и ушел обратно в Новороссийск, за

что после был отдан под трибунал¹. В 5:08 корабль получил первое попадание в районе первой трубы, возникший пожар был ликвидирован через 7 минут. В 5:21 тяжелый (очевидно, 100-мм) снаряд попал в переднюю часть второй башни главного калибра. Тонкая 25-мм броня оказалась пробита, в башне возник пожар; он был быстро ликвидирован лишь благодаря самоотверженности комендора В. М. Покутного, руками выкинувшего из элеватора загоревшийся полузаряд. Тем самым была устранена опасность взрыва боевых припасов, пожар удалось ликвидировать через 4 минуты.

Около 7 часов последний эсминец («Железняков») закончил разгрузку в порту. В 7:15 крейсер «Красный Кавказ» наконец-то удалось пришвартовать к молу, в это же время первое снарядное попадание получил стоявший на рейде крейсер «Красный Крым». В 7:20 в гавань вошел транспорт «Кубань», приступив к высадке десанта на причал. До 7:50 крейсер закончил высадку десантников непосредственно на мол, без помощи катеров. В это время артиллерийско-минометный огонь по крейсеру усилился, благо промахнуться было невозможно. Начались попадания мин в мостики, при этом были убиты фланг-связист штаба высадки капитан-лейтенант Васюков, командир БЧ-4 лейтенант Денисов и почти все сигнальщики, ранены военком крейсера Щербак и бригадный военврач Андреев. Возможно, по этой причине командир крейсера поторопился отойти от мола, не успев выгрузить артиллерию и материальную часть (6 пушек, 15 автомашин) по причине загроможденности причала. В 8:10 крейсер отклепал якорь², отдал швартовы и отошел в Феодосийский залив. Попытка

¹ Кроме него, под трибунал с обвинениями в трусости попали командиры двух «малых охотников»; как минимум в отношении командира СКА № 147 старшего лейтенанта Гайдая это было справедливо.

² Ныне этот якорь установлен в Феодосии в качестве памятника.

выгрузить хотя бы пушки и боеприпасы с помощью «малых» охотников не имела успеха из-за волнения в 5 баллов и начавшихся налетов вражеской авиации.

В 10 часов с крейсера на подошедший охотник был высажен командир десанта майор Андреев. 3 орудия и все 15 (или 16) автомашин с крейсера были сняты лишь между двумя и четырьмя часами следующего дня путем перегрузки на транспорт «Азов». Тогда же на берег тральщиком Т-401 «Трал» (БТЩ-11) с крейсера был перевезен командир 9-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Дашичев вместе со своим штабом.

В 9:13 выгрузку десантников закончил и крейсер «Красный Крым», также отошедший мористее. К 11:30 закончил разгружаться транспорт «Кубань»; уже при выходе из порта в мостик ему попал немецкий снаряд, в результате чего был убит капитан судна Вислобоков и ранено 5 человек.

Поскольку никакой связи с высаженными войсками не было, в 12 часов на берег был послан начальник штаба высадки капитан 2-го ранга Жуков. После того, как была наконец-то установлена связь с корректировочными постами, крейсера и эсминцы отряда корабельной поддержки в течение всего дня 29 декабря маневрировали в заливе и вели артиллерийский огонь. Эсминец «Железняков», повредивший себе при швартовке форштевень, в десятом часу утра ушел в Новороссийск. После полуночи 30 декабря эсминец «Железняков» также ушел в Новороссийск для устранения солёности в котлах

Всего в крейсер «Красный Кавказ» попало 12 снарядов и 5 мин, на корабле погибло и умерло от ран 27 человек, было ранено 66 человек. Крейсер «Красный Крым» имел попадания 8 снарядов и 3 мин, на нем погибло 12 и ранено 26 человек, оказались выведены из строя сразу три 130-мм орудия (№ 3, 7 и 12). На эсминце «Железняков» единственным попаданием были убиты 7 бойцов корректировочного поста, на эсминце «Шаумян» — сбита грот-мачта, погибло 2 и ранено 6 человек.

В 9:25 минут начались налеты вражеской авиации, продолжавшиеся до 18:00. Однако в этот день они успеха не имели. Зенитная артиллерия кораблей вела частый огонь, сами суда уклонялись от бомб маневрированием. Вдобавок с 10:50 над Феодосией появились истребители Черноморского флота. Увы, из-за удаленности аэродромов самолеты могли находиться в районе Феодосии не более 10–15 минут, поэтому появление за день пяти машин ЛаГГ-3 из состава 7-го авиаполка ВВС ЧФ и нескольких армейских И-153 не могло сыграть сколь-нибудь существенной роли. Слабость противовоздушной обороны привела к тому, что в следующие дни наши силы понесли значительные потери от ударов с воздуха — в первую очередь в транспортных судах.

Чуть раньше начала основной высадки, в 2:45, в Коктебельскую бухту вошла подводная лодка Д-5, имевшая задачу высадить здесь диверсионную группу из 31 человека. Группа должна была перехватить прибрежную дорогу на Феодосию. Однако из-за неожиданного усиления ветра с 4 до 6 баллов и начавшегося шторма (волной с палубы смыло одного краснофлотца) от высадки десанта в этот день пришлось отказаться.

Лишь следующей ночью с 2:45 до 3:00 на берег с помощью надувных лодок было высажено 18 человек, еще 3 человека погибли в перевернувшейся шлюпке. Увы, как раз в это время в районе Коктебеля появились войска противника, срочно перебрасываемые к Феодосии. Около 4 часов с подводной лодки на берегу была замечена белая ракета, послышалась ружейно-пулеметная стрельба. В бою погибло 13 человек, оставшиеся 5 на следующий день вышли к нашим войскам.

Кроме того, накануне высадки в Феодосии 28 декабря в 18:31 с подводной лодки Щ-203 на скалу Эльчан-Кая (Корабль-Камень) к югу от мыса Опук на шлюпке была высажена маневренная группа — лейтенанты-гидрографы Выжгул и Моспан. Группа в 20:47 зажгла на

скале огонь, но на подводную лодку так и не вернулась — возможно, потеряв ее, когда лодка погрузилась, скрываясь от появившегося самолета.

Высадка остальных эшелонов десанта

Для того, чтобы подойти к пункту назначения одновременно, суда 1-го отряда были разделены на две группы — транспорты с 8-узловым и с 6-узловым ходом; вторая группа вышла из Новороссийска в 23:00 28 декабря — на час раньше первой. Транспорт «Серов» вообще задержался до 15 часов 29 декабря из-за повреждения руля.

Днем на переходе морем транспорты прикрывались истребительной авиацией ЧФ. Впрочем, прикрытие было жидким — 6 самолетов И-153 и ЛаГГ-3 из 7-го авиаполка и 3 самолета Пе-2 из 40-го авиаполка. Последние машины имели несколько большую дальность, это был первый опыт применения «пешек» в качестве истребителей дальнего прикрытия. Чтобы прийти ночью, а не под утро, судам тихоходной группы пришлось изменить маршрут и двигаться ближе к берегу, в результате чего она пришла даже раньше намеченного срока.

Суда первой (тихоходной) группы 1-го отряда транспортов начали разгружаться в порту Феодосии с 22:10 29 декабря. Выгрузка происходила под систематическим воздействием авиации противника, однако ночью ее действия оказались малоэффективны. Транспорты «Шахтер» и «Красный Профинтерн» завершили разгрузку к 5:30 следующего утра, транспорт «Ташкент» к 11:00 выгрузил только людей. Небольшой пароход «Азов» отстал от отряда, задержался и разгрузился только утром 30 декабря, а потом участвовал в разгрузке крейсера «Красный Кавказ»

Быстроходная группа начала входить в порт в 23:00. Маневрирование и разгрузка транспортов в тесной Феодосийской гавани затруднялись 6-балльным ветром,

поэтому разгрузка этой группы задержалась — «Зырянин» и «Ногин» удалось разгрузить только к 16:30, теплоход «Жан Жорес» — к 22:00 30 декабря. Теплоход «Серов» задержался на переходе и прибыл только в 16:30 30 декабря.

Утром 30 декабря в Новороссийск ушли «Шахтер», «Зырянин» и «Красный Профинтерн», вечером — «Ногин», «Жан Жорес» и «Азов», последний принял на борт снятых с берега раненых. Чуть позже, около полуночи, ушел «Серов». Авиация Черноморского флота в этот день направила в Феодосию только 2 самолета — И-16 из 62-й авиабригады.

Суда 2-го отряда (5 транспортов со 163-й горнострелковой дивизией) также были разбиты по скорости на две группы. Они вышли из Туапсе в 15:20 и в 18:00 29 декабря, двигаясь раздельно, достигли Феодосии после полуночи и начали входить в порт Феодосии с 1:30 31 декабря. Запоздание с прибытием оказалось роковым — выгрузку удалось закончить только в 15 часов 31 декабря, а уже с девяти утра начались налеты немецкой авиации.

Если накануне немцы охотились в первую очередь за боевыми кораблями на рейде, не достигнув при этом успеха, то 31 декабря они догадались переключиться на транспорты и порт. Противодействовать им могли лишь корабельные зенитки — зенитных орудий в порту не было, а истребители прикрытия появлялись нерегулярно и могли держаться над Феодосией лишь короткое время. В 10:15 две бомбы попали в транспорт «Красногвардеец», который затонул прямо у причала, не успев полностью завершить разгрузку. Днем был потоплен «малый охотник» № 013; транспорт «Димитров» получил повреждения.

К 13:00 разгрузку 2-го отряда удалось завершить, и через час оставшиеся четыре транспорта вышли в море, взяв курс на Новороссийск и Туапсе. В порту остался только транспорт «Ташкент» из 1-го отряда, намотавший

во время маневрирования по гавани себе на винт трос бонового заграждения. На следующий день (1 января) в 13:30 при налете вражеской авиации он был поражен двумя (по другим данным — четырьмя) бомбами и около 15 часов сел на грунт прямо у причала. Из 79 человек экипажа 18 погибло и 12 было ранено.

Следует отметить, что первые участвовавшие в высадке транспорты вернулись в Новороссийск и Туапсе лишь к утру 31 декабря, а основная масса — в новогоднюю ночь и днем 1 января. С учетом времени, необходимого на погрузку и переход (не менее двух суток), а также необходимости разгружаться ночью, никто из них не мог доставить подкрепления в Феодосию раньше вечера 2 января.

Судя по всему, транспорты «второго рейса» начали прибывать в Феодосию лишь с вечера 3 января. Утром 4 января уже разгруженный транспорт «Зырянин» был поражен двумя бомбами и сгорел в порту (погиб 1 человек). 5 января у причала № 3 с внутренней стороны Широкого мола двумя бомбами был потоплен успевший разгрузиться транспорт «Ногин» (жертв не было, транспорт поднят и восстановлен осенью 1944 года). Транспорт «Фабрициус», вышедший из Туапсе утром 4 января, из-за задержки в пути прибыл уже засветло и сумел разгрузиться лишь в ночь с 5 на 6 января. Он доставил в Феодосию 2500 человек пополнения и 300 тонн грузов.

V. Освобождение Керченского полуострова

1. Реакция противника и его ответные действия

Нельзя сказать, что высадка около Керчи застала противника врасплох — немцы ожидали советских действий и были готовы их отражать. Однако одновременная высадка в нескольких местах дезориентировала командование 42-го армейского корпуса. Всего немцы

Немецкие войска в Феодосии

насчитали 25 (!) высадок в 10 местах; среди кораблей, поддерживавших десанты артиллерийским огнем, были замечены даже эсминцы. Немецкое командование считало, что в шести пунктах русских удалось сбросить в море, но в четырех точках десантным войскам силой в две дивизии удалось прочно закрепиться на берегу.

В принципе, вплоть до 29 декабря даже силы одной 46-й пехотной дивизии заметно превосходили по численности все высаженные советские войска; вдобавок десанникам катастрофически не хватало артиллерии и даже патронов к стрелковому оружию. Проблемой немцев была нехватка автотранспорта и тяжелой артиллерии, а также невозможность сориентироваться в обстановке и определить наиболее опасные участки. В результате все три полка 46-й дивизии генерал-майора Гимера были сразу же направлены на север от Керчи, против плацдармов у мыса Зюк и мыса Хрони. Наиболее успешная и потенциально наиболее опасная высадка в Камыш-Буруне поначалу осталась без должного внимания — сюда были направлены корпусные части, артиллерия,

гарнизон Керчи и набранные с бору по сосенке тыловики. В итоге плацдарм в Камыш-Буруне удалось блокировать, но активных боевых действий обе стороны здесь не вели, и воспрепятствовать высадке подкреплений немцы не смогли.

В 8:30 26 декабря румынский Горный корпус получил от командования 11-й армии приказ направить под Феодосию 8-ю кавалерийскую бригаду. Около 15 часов бригада начала выдвижение на Керченский полуостров, где должна была войти в подчинение 42-го армейского корпуса. Кроме того, 3-й румынский моторизованный полк «рошиори»¹, находившийся в подчинении 30-го армейского корпуса под Севастополем, приказом Манштейна был направлен в район Феодосии

В районе полуночи 27 декабря приказ отправиться на Керченский полуостров получила и 4-я румынская горная бригада. Однако по пути ей пришлось оставить два из шести батальонов (18-й и 20-й) для охраны шоссе Симферополь—Алушта. Несколько позже (точное время неизвестно) под Керчь была направлена румынская моторизованная бригада «Раду Корне».

Состав румынских частей, направленных для поддержки 42-го армейского корпуса, был следующим:

Моторизованная бригада «Раду Корне»

Создана 29 июля 1941 года из 6-го моторизованного полка «рошиори» 5-й кавалерийской бригады, трех моторизованных разведывательных эскадронов и подразделения горной артиллерии. С октября 1941 года — «Механизированное соединение полковника Корне».

6-й моторизованный полк «рошиори»

10-й моторизованный полк «рошиори»

54-й моторизованный тяжелый артиллерийский дивизион

¹ Регулярная элитная кавалерия — в отличии от «калараши», территориальной.

Противотанковый батальон
Мотоциклетная рота

4-я горная бригада (с марта 1942 года — 4-я горная дивизия)

8-я горная группа (полк)

13-й горный батальон

14-й горный батальон

19-й горный батальон

9-я горная группа (полк)

17-й горный батальон

18-й горный батальон

20-й горный батальон

4-я группа (полк) горной артиллерии

8-я кавалерийская бригада (15 марта 1942 года переименована в 8-ю кавалерийскую дивизию)

2-й полк «калараши» «Генерал Давид Прапоргеску»

3-й моторизованный полк «калараши»

4-й полк «рошиори» «Регина Мария»

3-й конно-артиллерийский полк

Как мы видим, численность румынской горной бригады шестибатальонного состава составляла не менее двух третей от численности дивизии. В марте 1942 года румынские бригады без изменения штатов будут переименованы в дивизии. Горная бригада имела около 10 тысяч человек, кавалерийская — порядка 4500 тысяч. Даже с учетом потерь в предыдущих боях, отправленные на помощь 42-му армейскому корпусу силы должны были насчитывать 15–18 тысяч человек. Кроме того, в район Феодосии был направлен 213-й пехотный полк передаваемой в 1-ю танковую армию 73-й пехотной дивизии, к этому времени находившийся в районе Геническа.

Мы столь подробно останавливаемся здесь на численности и боевом составе румынских войск, поскольку это помогает понять смысл и ход дальнейших событий, обычно излагаемый в искаженном свете. Командующий 11-й армией направил на помощь 42-му корпусу именно румын не потому, что они были слабы, а Манштейн не придавал советской высадке большого значения. Напротив, кавалерийские и горные полки были элитными частями румынской армии; вдобавок из трех бригад две являлись моторизованными и могли быстрее всех прибыть к месту назначения. Именно они являлись тем самым моторизованным резервом 11-й армии, на отсутствие которого жалуются многие немецкие историки (например, Пауль Карель).

В целом Манштейн считал, что направил фон Шпо-неку достаточно мобильных войск, чтобы предотвратить катастрофу. Именно потому его реакция на несанкционированный отход 42-го армейского корпуса была столь бурной.

Однако румыны двигались слишком медленно. К утру 29 декабря 8-я кавбригада и бригада «Корне» находились на марше западнее Керчи. 4-я горная бригада подходила к Феодосии, до которой осталось 20–22 км. 3-й полк «рошиори», судя по всему, находился в районе Коктебеля.

На этот момент гарнизон Феодосии состоял из нескольких разрозненных частей. Среди них немецкие источники называют 147-й армейский артиллерийский дивизион (от которого в городе находились лишь часть сил и штаб), штаб 617-го инженерного полка, 46-й инженерный батальон (как раз в это время он перебрасывался через Феодосию под Севастополь), а также дорожно-строительную роту и саперный взвод из подразделения штурмовых лодок. К ним можно добавить находившиеся в городе и его окрестностях тыловые и полицейские подразделения. Всего здесь находилось около полутора тысяч человек, не имевших единого командования.

Румынская мотокавалерийская часть на марше. На заднем плане видны легкие танки R-1

Береговая артиллерия включала четыре 105-мм орудия 147-го артдивизиона, две полевые гаубицы и противотанковый взвод — две 37-мм пушки на Широком молу. Впрочем, Манштейн в своих мемуарах пишет про *несколько* береговых батарей.

В принципе этого было крайне мало — но на подходе к городу находились румынская горная бригада и кавалерийский полк. Сложилась ситуация, когда судьбу сражения решали буквально считанные часы.

2. Освобождение Феодосии

Штурмовой отряд десанта быстро захватил порт, обеспечив швартовку боевых кораблей. В немалой степени этому способствовало ошеломление противника и отсутствие у него единого командования. Кроме того, Феодосийский порт имел высокую каменную ограду, сыгравшую роль «крепостной стены» в первые полчаса высадки, когда десант был наиболее уязвим. Однако дальше обстановка осложнилась. Открыла огонь немец-

кая артиллерия, главной силой которой являлись 105-мм пушки 147-го дивизиона. Поскольку дивизион был армейским, можно с большой долей уверенности сказать, что это были знаменитые К.18 — одни из лучших немецких пушек времен Второй мировой.¹

Для пришвартованных в порту эсминцев огонь этих орудий (судя по всему, расположенных на высотах мыса Ильи) представлял вполне реальную опасность. Однако немецкие артиллеристы предпочли стрелять по самой заметной цели — крейсеру «Красный Кавказ». В результате крейсер получил несколько попаданий, одно из которых могло привести к взрыву боезапаса во второй башне. Эсминцы отделались сравнительно легко — «Железнякову» и «Шаумяну» досталось по одному тяжелому снаряду, оба попали значительно выше ватерлинии.

Серьезной проблемой оказалась связь кораблей и командира отряда высадки с берегом. В отряде первого броска имелось четыре флотских корректировочных поста с рациями РБ-38; кроме того, у десантников имелась одна радиостанция 5-АК. Тем не менее связь с берегом удалось установить только к концу дня.

С рассветом, захватив порт, 633-й стрелковый полк, 251-й горно-стрелковый полк и батальон моряков начали ожесточенные бои за город. К этому времени немцы сумели собрать имевшиеся у них силы и оказали яростное сопротивление. Феодосия лежит на склонах холмов, охватывающих бухту, центральная часть города застроена каменными домами, удобными для обороны. Десантники продвигались вверх по улочкам, веером разбегавшимся от гавани. Каждая группа двигалась самостоятельно, управлять боем в таких условиях было почти невозможно.

По счастью, немцы находились в аналогичной ситуации. Первое время боем вообще никто не управлял,

¹ Одно такое орудие стоило 37 500 рейхсмарок или 40% от стоимости танка Pz.III.

донесение о советском десанте поступило в штаб 42-го армейского корпуса в Кенгезе (40 км восточнее Владиславовки) только в 7:30 по берлинскому времени — через 4,5 часа после высадки. Сразу же приказом командира корпуса командующим обороной Феодосии был назначен находившийся здесь начальник штаба 617-го инженерного полка подполковник фон Альфен.

Тем временем штурмовой отряд и высаженные с крейсеров и эсминцев десантники успели закрепиться в центре города и захватить ключевые пункты (здание фельдкомендатуры, гестапо, городскую тюрьму). Огромную роль сыграло быстрое наращивание сил на берегу — когда подполковник фон Альфен сумел организовать управление войсками, город фактически был уже потерян.

Последней надеждой немцев было занять войсками господствующие над городом высоты — гору Лысая на западе и хребет Телеоба на юге, отделяющий Феодосийскую бухту от Двужкорной. Манштейн пишет, что в первой половине 29 декабря в Феодосию прибыли румынские войска — очевидно, это были части 3-го полка «рошиори»; 4-я горная бригада к утру находилась еще в нескольких часах пути от города и вдобавок была вымотана 140-километровым маршем за предыдущие три дня.

В любом случае сдержать наступление советских войск румыны тоже не смогли. К исходу дня десантники выбили врага из города, выйдя на гору Лысая и на подступы к мысу Ильи. Около 23 часов тральщик Т-411 (он же БТЩ-16) высадил десант в составе усиленной роты возле станции Сарыголь к востоку от города. К 8 часам утра 30 декабря передовые части десантного отряда (633-й полк, 251-й горно-стрелковый полк и батальон моряков) с тяжелыми боями вышли на рубеж Ближняя Байбуга, Дальняя Байбуга, колония Герценберг. Передовой рубеж, занятый нашими войсками, проходил по вершине горы Лысая и по близлежащим высотам, на левом фланге он отстоял от города на 3—5 км, на правом — на

5–6 км. Таким образом, войска окончательно заняли господствующие высоты, обезопасив гавань от артиллерийского огня противника. С этого момента препятствовать высадке могла только немецкая авиация.

В 8 часов утра 29 декабря командующий 42-м армейским корпусом генерал-лейтенант фон Шпонек одновременно с сообщением о десанте командующему 11-й армией приказал всем румынским частям и соединениям, находящимся в его распоряжении, срочно прервать марш к Керчи и двигаться к Феодосии. Увы, к этому моменту 8-я кавалерийская бригада и мотобригада «Радуга Корне» уже миновали Феодосию. Первая из них прошла за предыдущие дни 200 километров, вторая — 100 километров. А теперь они были вынуждены поворачивать назад.

В 10 часов утра по берлинскому времени (12 часов по Москве) граф фон Шпонек сообщил Манштейну, что принял решение вывести 46-ю пехотную дивизию из боевого соприкосновения с противником, очистить район Керчи и форсированным маршем направить все войска к Парапачскому перешейку, дабы атаковать противника в Феодосии и сбросить его в море. Сразу же после этого штаб 42-го корпуса в Кенгезе свернул рацию и двинулся на запад, поэтому возмущенного послания Манштейна Шпонек уже не получил.

Немецкие войска оказались в крайне неприятной ситуации. Наступление на Севастополь было прекращено, отсюда срочно снимались 132-я и 170-я пехотные дивизии, однако прибыть под Феодосию полным составом они могли только через две недели.

29 и 30 декабря общее превосходство в силах и средствах на Керченском полуострове еще было на стороне 11-й армии — даже к вечеру 30-го на Керченский полуостров было перевезено 34 тысячи советских бойцов, из которых две-три тысячи уже погибло или было ранено. Силы противника на полуострове к этому времени насчитывали 35–37 тысяч человек, но большинство из них

либо находилось на марше, либо только что его закончили.

Именно так немцы одерживали все свои знаменитые победы: пользуясь лучшей управляемостью и высокой моторизованностью своих войск, уклониться от удара в лоб, обойти маневром главные силы противника и оказаться у них в тылу. Не обладая общим превосходством в численности и вооружении, добиться решающего перевеса в ключевой точке, пока основные силы противника будут находиться на марше. И вот теперь русские сделали с Манштейном то, что до сих пор делал только он — перехватили инициативу, совершив недоступный для него маневр; заставили маршировать вместо того, чтобы драться.

Следует признать, что этого бы не произошло, если бы командующий 11-й армией не ослабил до предела 42-й армейский корпус, стянув все имеющиеся силы для штурма Севастополя. Манштейн решил рискнуть, поставив все на одну карту — и в этот раз проиграл. В первый раз, но не в последний. С этого момента «утерянных побед» у него будет становиться все больше и больше...

3. Оставление противником Керчи и борьба за коммуникации 42-го армейского корпуса

Вечером 29 декабря для обеспечения связи с командиром 302-й горнострелковой дивизии в Камыш-Бурун на торпедном катере была послана группа связистов с радиостанцией. Командовал группой старший политрук Калинин, кроме него на катере находился начальник штаба Керченской военно-морской базы капитан 3-го ранга Студенчиков, посланный командующим базой контр-адмиралом Фроловым для установления личного контакта с командованием десанта. В районе Камыш-Буруна катер был подбит немецкой артиллерией и приткнулся к берегу. Не обнаружив здесь ни своих войск, ни противника, капитан 3-го ранга Студенчиков решил

провести более глубокую разведку берега, для чего собрал отряд из связистов и команды катера, захватил с собой рацию и отправился вглубь берега.

Судя по всему, обнаружив оставленные противником позиции, он решил двинулся на север, в Керчь. В 0:30 30 декабря Студенчиков и Калинин по радио донесли в штаб базы, что город пуст — противник спешно оставил его и отступил на запад.

Днем 30 декабря наша авиация обнаружила ряд мелких и крупных колонн противника, отходивших в сторону Владиславовки и Ак-Моная. В 10:35 самолеты атаковала колонну из всадников, 300 повозок и 8 автомобилей, двигавшуюся от Марфовки на запад. В 10:56 самолетами была атакована немецкая колонна численностью до полка пехоты и обоз, двигавшиеся из района Керчи на Салын; по донесениям летчиков, в этой колонне было уничтожено около 200 вражеских солдат.

Однако войска на Керченском полуострове были совершенно не готовы к преследованию — у них не имелось ни транспорта, ни артиллерии. Вдобавок в Керченском проливе и в южной части Азовского моря начался ледостав, на какое-то время вообще сделавший невозможным переправу войск и снабжения на полуостров. Только к 10 часам 31 декабря части 302-й дивизии, выступившие из района Камыш-Буруна, своими передовыми отрядами достигли линии Султановка, Сараймин. Войска противника оторвались от них как минимум на дневной переход. Части 224-й дивизии и 83-й бригады, действовавшие на северном побережье полуострова, были разрознены, не имели управления и постоянной связи с командованием 51-й армии, поэтому к наступлению были не способны.

Штаб 224-й стрелковой дивизии и штаб 185-го полка высадились в Керчи только в 15:30 1 января. В течение 2 января командование дивизии занималось тем, что стягивало сюда разрозненные части с северного побережья, и лишь затем начало движение на запад.

Попытка командования 51-й армии перерезать пути отхода противника в районе Ак-Моная выброской туда морского десанта в составе 12-й стрелковой бригады также не увенчалась успехом. Решение о высадке 12-й бригады, принятое командованием армии 31 декабря, не могло быть осуществлено ввиду неготовности канонерских лодок к перевозке десанта. Суда с одним батальоном бригады вышли к Ак-Монаю только в 14:30 1 января — а 2 января сообщили, что Арабатский залив полностью покрыт льдом и дальнейшее движение невозможно.

В то же время командование 11-й армии принимало все усилия, чтобы локализовать советский плацдарм у Феодосии. Утром 30 декабря 4-я горная бригада, 3-й моторизованный полк «рошиори» и 420-й противотанковый дивизион, находившиеся в районе Феодосии и западнее нее, были подчинены командованию Горного корпуса — в свою очередь, находившемуся в прямом подчинении Манштейна. Задача румын состояла в том, чтобы совместно с 8-й кавалерийской бригадой атаковать и ликвидировать советский плацдарм.

Однако кавалерийская бригада, только что завершившая марш, в это время еще перегруппировывалась около Владиславовки и не успела занять назначенных ей позиций. Таким образом, левый фланг румын сразу же оказался уязвимым. Атака румын провалилась, в итоге они сами были вынуждены отступить, контратакованные советскими войсками при поддержке танкеток. Лишь к вечеру 30 декабря командиру Горного корпуса генерал-майору Георге Аврамеску удалось стабилизировать фронт в районе Старого Крыма.

И Манштейн, и румыны дружно жалуются на численное превосходство советских войск; вдобавок Манштейн в своем излюбленном стиле критикует советское командование за то, что *«имея даже трехкратное превосходство в силах, противник не решился на смелую глубокую*

операцию, которая могла бы привести к разгрому 11-й армии... Высадившаяся... у Феодосии 44-я армия сначала предпринимала в решающем западном и северо-западном направлении только осторожные вылазки. К нашему удивлению, она направила свои главные силы не в этом направлении, а на восток, навстречу 51-й армии».¹

В действительности ни о каком трехкратном превосходстве в силах речи не шло — к вечеру 30 декабря (после окончания разгрузки транспортов 1-го отряда) в Феодосии было выгружено 16 689 человек, 30 45-мм противотанковых пушек, 23 76-мм и 7 122-мм орудий, а также 214 автомашин и 644 лошади. В то же время только румынские войска в этом районе (три бригады и мотокавалерийский полк) имели по штату около 20 тысяч человек, а в реальности 15–17 тысяч, то есть по численности не уступали силам десанта, а по огневой мощи и маневренности значительно превосходили их. Обе стороны перебрасывали к Феодосии новые силы — исход сражения зависел от того, у кого это получится быстрее.

Утром 31 декабря передовые советские части первый раз атаковали позиции румынские 4-й горной бригады в направлении Старого Крыма, но были отбиты. В этот же день командный пункт горного корпуса посетил начальник оперативного отдела 42-го армейского корпуса майор Штремпель. Он сказал генерал-майору Аврамеску, что отныне положение 11-й армии зависит от энергичности сопротивления румын.

С этого момента советская сторона начала проигрывать темп: 302-я и 224-я стрелковые дивизии еще находились под Керчью, новые подкрепления в Феодосию не могли быть доставлены ранее, чем через три-четыре дня, в то время как немецкая группировка усиливалась буквально с каждым часом. С 31 декабря по 3 января наша разведывательная авиация зафиксировала несколько

¹ Э. фон Манштейн. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М.: АСТ, 2007. С. 260–261.

больших моторизованных колонн противника, двигавшихся в район Феодосии от Карасу-Базара, Симферополя, Дуванкоя. Утром 31-го к противнику подтянулся 213-й пехотный полк, сюда же из района Бахчисарая подошла батарея лейтенанта Даманна из состава 190-го дивизиона штурмовых орудий — 3 машины, которым советская сторона не могла противопоставить ничего.

В этот же день 31 декабря советские войска пытались прорваться к северу, действуя западнее Владиславовки. Атаку поддерживали танки — немцы отчитались об уничтожении 16 Т-26, хотя таких машин в Феодосии было высажено всего 14. Тем не менее советское наступление в западном направлении все еще развивалось. Левый фланг 44-й армии (157-я дивизия) заняла Карагоз (ныне Первомайское) и закрепились на горе Коклюк (8 км восточнее Старого Крыма). Сводный отряд моряков продолжал наступление вдоль берега на Коктебель. В центре 236-я дивизия к исходу дня смогла выйти на рубеж Владиславовка (иск.), гора Орта-Эгет, высота 135,1, заняв позиции по гребню хребта Биюк-Эгет. Высаженные в порту и направленные на правый фланг части 63-й горно-стрелковой дивизии после ожесточенного боя заняли Владиславовку и выбили румын из АсЧалуле. Это случилось очень вовремя — утром 1 января сюда начали подходить измученные маршем солдаты 46-й пехотной дивизии, имевшие приказ выбить русских из Владиславовки и атаковать в направлении Феодосии.¹

К этому времени в порту был разгружен 2-й отряд транспортов — два полка 63-й горнострелковой дивизии (без 346-го) и некоторые тыловые части — всего 6365 человек. Общая численность войск 44-й армии, высаженных в Феодосии, достигла 23 054 человек, без учета понесенных к этому времени потерь.

¹ П. Карель относит этот бой на 31 декабря — что никак не соотносится с хронологией событий, подтверждаемой советскими и немецкими описаниями.

Еще вечером 31 декабря наша разведывательная авиация донесла, что основная группировка войск противника, оборонявшаяся на Керченском полуострове (до 9 батальонов пехоты, 1 кавалерийский полк, около 300—400 повозок и 250 автомобилей), добрались до Ак-Монайского перешейка и сосредоточились в районе Джантора, Кой-Асан, совхоз Арма-Эли, Кият.

Немцы утверждают, что страшный марш по обледеневшим дорогам Крыма осуществлялся при температуре -40°C . Вряд ли в Крыму вообще когда-либо случались такие морозы, но немецкие солдаты, совершившие отход от Керчи, действительно были вымотаны — как физически, так и морально. Не удивительно, что попытка атаковать Владиславовку с рассветом первого дня 1942 года не удалась, несмотря на формально двукратное превосходство в силах: немецкие солдаты просто рушились в снег от усталости. В конце концов с наступлением темноты 46-я пехотная дивизия и двигавшиеся с ней разрозненные корпусные части прошли севернее Владиславовки и к утру 2 января развернулись против северо-западной части советского плацдарма. Очевидно, вместе с ними отошли и румыны из 8-й кавалерийской бригады.

В течение 1 января 63-й дивизии продвинуться на север не удалось, зато ее части беспрепятственно распространялись в восточном направлении. 236-я дивизия в этот день своим правым флангом вышла в район курганов в 1 км юго-восточнее Кулеча-Мечеть. Судя по всему, противника перед ней в этот день не наблюдалось, хотя еще накануне здесь оборонялись румыны 8-й кавбригады, выбитые из Владиславовки. Опасаясь окружения, румынские и немецкие части отошли с восточной части плацдарма, сумев выйти из соприкосновения с советскими войсками. В то же время противник активизировал действия на западе: 633-й полк 157-й дивизии, накануне занявший Карагоз, был контратакован румынским кавполком и мотобригадой «Корне» и,

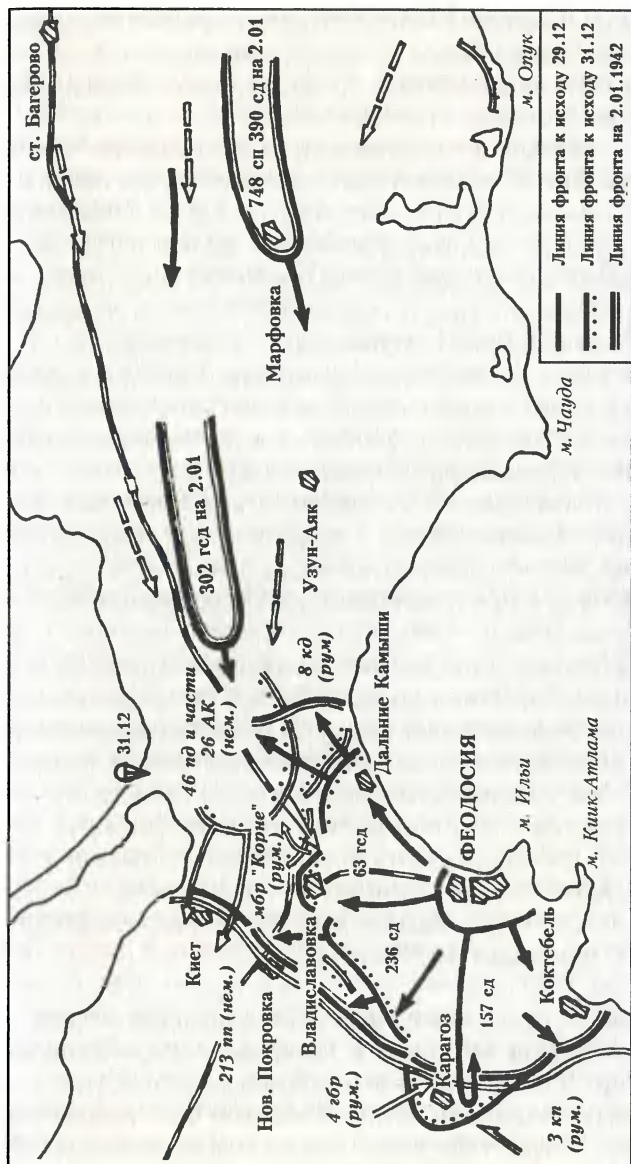
понеся большие потери, отошел в район Большого кургана.

2 января арьергардные части 46-й немецкой пехотной дивизии продолжали закрепляться на рубеже Киет, Аппак. Части нашей 236-й стрелковой дивизии вновь установили соприкосновение с противником, заняв рубеж по восточным окраинам Киет, Аппак и далее Кулеча-Мечеть, Сеит-Эли, Асан-Бай, курган Большой. 251-й горнострелковый полк овладел районом курган Мешень, гора Козья.

63-я дивизия к 16 часам 2 января вышла на рубеж балка Черная, Арма-Эли, Огуз-Тюбе, Ак-Монай фронтом на восток, запирая все пути с Керченского полуострова на запад. Но было уже поздно, так как к исходу 1 января в район Парпача (6 км западнее Арма-Эли) начали подтягиваться передовые части двигавшейся от Керчи 302-й дивизии, а все войска противника к этому времени уже отошли на запад.

В последние дни операции советская авиация несколько повысила свою активность, но все равно она оказалась недостаточной. За весь период операции (с 26 декабря по 2 января) военно-воздушными силами Черноморского флота и Закавказского фронта было произведено 1050 самолето-вылетов. По данным летчиков было уничтожено и выведено из строя 8 танков, 12 орудий, 435 автомашин, 430 повозок, 13 самолетов, истреблено и рассеяно до десяти пехотных батальонов и до двух кавалерийских эскадронов противника. В реальности успехи были, естественно, гораздо скромнее. Но если бомбардировочная и разведывательная авиация проявляли хоть какую-то активность, то истребители так и не смогли выполнить свою самую важную задачу — прикрыть разгрузку войск в порту Феодосии от ударов немецких бомбардировщиков.

В конце концов командованию фронта удалось осуществить запланированный парашютный десант в район Арабата. Для него была выделена всего полудюжина

Действия войск 44-й армии под Феодосией с 29 декабря 1941 года по 2 января 1942 года

бомбардировщиков ТБ-3, поэтому из парашютно-десантного батальона майора Няшина, еще до начала операции сосредоточенного на Краснодарском аэродроме, выбрасывалось только около роты.

Высадка состоялась в ночь на 31 декабря, из-за низкой облачности самолеты шли к месту выброски раздельно, на малой высоте, и лишь перед самой высадкой парашютистов набирали высоту 450 метров. Естественно, десантников разбросало по огромной территории, и им пришлось действовать поодиночке, время от времени вступая в схватки с отходящим с Керченского полуострова противником. Лишь в ночь на 1 января майору Няшину удалось собрать большую часть десанта и вывести его к селению Ак-Монай; в ходе боя была захвачена находившаяся здесь вражеская артиллерийская батарея — очевидно, из состава 46-й пехотной дивизии. Никакого влияния на ход операции воздушный десант не оказал, так как противник через Арабатскую стрелку не отступал, а для перехвата дорог сил парашютистов явно не хватало.

С выходом наших частей на вышеуказанный рубеж закончилась операция по овладению Керченским полуостровом. Войска закрепились на новых рубежах, была начата перегруппировка сил для дальнейшего наступления. Увы, оно не состоялось все из-за того же проигрыша в темпах: активно используя свою авиацию для ударов по Феодосийскому порту, Манштейн смог воспрепятствовать полноценному использованию его для приема войск — и в результате сосредотачивал свои силы быстрее, чем делал это Козлов.

Следует сказать несколько слов о потерях, понесенных советскими войсками в Керченско-Феодосийской операции. В известной работе «Гриф секретности снят» (и ее расширенном издании «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил») общие потери армии и флота в этой операции с 26 декабря 1941 по 2 января

1942 года оцениваются в 41 935 человек (в том числе войск Закавказского фронта — 38 261), из них 32 453 человека убитыми и 9482 — ранеными.

Однако нам известно общее число войск, высаженных на Керченском полуострове до 1 января:

Азовская флотилия — 5800 человек (из них погибло при высадке 1270);

КВМБ (Камыш-Бурун и Эльтиген) — 11 225 человек;

Отряд высадки «Б» Черноморского флота (Камыш-Бурун) — около 2000 человек;

Отряд высадки «А» Черноморского флота (Феодосия) — 23 054 человек в трех эшелонах.

1 и 2 января никаких транспортов в Феодосийском порту не разгружалось. Азовское море к этому моменту покрылось льдом, в Керченском проливе тоже шел ледостав, поэтому с 31 декабря по 1 января в Керчь уже с помощью ледоколов удалось перебросить лишь два батальона 185-го полка 224-й стрелковой дивизии, батальон 83-й стрелковой бригады и матчасть 11-го артполка — в общей сложности около полутора тысяч человек.

Таким образом, на 2 января 1942 года на Керченский полуостров было перевезено в общей сложности (считая и погибших при высадке) около 41,5 тысячи человек. Нетрудно заметить, что в таком случае на полуострове к исходу 2 января должно было остаться менее 3,5 тысяч человек, считая и тыловые части — что совершенно невероятно.

Таким образом, в статистическом исследовании присутствует ошибка. Можно было бы предположить, что данные по Керченско-Феодосийской операции перепутаны с цифрами по Керченско-Эльтигенской операции (31 октября — 11 декабря 1943 года) — 27 379 человек, из них убитыми и пропавшими без вести 6985 человек, что реально меньше потерь одной лишь 384-й стрелковой дивизии. Однако для Керченско-Феодосийской операции и эта цифра слишком велика. Таким образом, вопрос еще ждет своего исследователя.

СВОДНАЯ ВЕДОМОСТЬ ТРОФЕЕВ, ЗАХВАЧЕННЫХ ВО ВРЕМЯ КЕРЧЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ¹

Кем захвачены трофеи	Винтовок	Автоматов	Пулеметов	Минометов	Орудий разных	Орудий зенитных	Танков	Автомобилей грузовых	Автомобилей легковых	Автомобилей специальных	Тракторов	Самолетов	Мотоциклов	Патронов	Снарядов	Мин	Авиабомб	Ручных гранат	Лопатей
Частями 51-й армии	106	—	9	13	43	6	—	74	12	—	—	—	—	685 шт.	4620	2000	1470	600	254
Частями 44-й армии	3000	150	60	20	25	—	3	438	103	183	12	3	300	О количестве боеприпасов, захваченных на складах Феодосии, сведений не имеется					
Всего	3106	150	69	33	68	6	3	512	115	183	12	3	300	—	—	—	—	—	—

¹ Керченская операция. С. 49.

Источники и литература

Отчет о десантной операции по захвату Керченского полуострова и городов Керчь и Феодосия 26–31.12.41. Оперативный отдел штаба Черноморского флота. Севастополь, 1942.

Отчет об операции по форсированию Керченского пролива и высадке десанта на Керченский полуостров Керченской военно-морской базы Черноморского флота 26–29 декабря 1941 года. Оперативный отдел КВМБ ЧФ, 1942.

Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: Terra 1996.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001.

Боевая летопись военно-морского флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1993.

Краснознаменный Закавказский. Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа. Тбилиси: Издательство «Сабчота Сакартвело», 1981.

Керченская операция (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.). ГШ КА, Военно-исторический отдел. М.: Воениздат, 1943.

А. И. Зубков. Керченско-Феодосийская десантная операция. М.: Воениздат, 1974.

И. Мощанский, А. Савин. Борьба за Крым. Сентябрь 1941 — июль 1942 года. М.: ПКВ, 2002. (Военная летопись, 1–2002).

В. С. Бирюк. Всегда впереди. Малые охотники в войне на Черном море 1941–1944. СПб.: Наука, 2005. Стр. 147.

М. Морозов. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Летопись боевых походов. Черноморский флот. М.: Стратегия КМ, 2003.

Б. А. Вайнер. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1989.

С. С. Бережной. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945. М.: Воениздат, 1988.

К. И. Воронин. На черноморских фарватерах. М.: Воениздат, 1989.

И. Ф. Цветков. Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Л.: Судостроение, 1990.

И. И. Лисов. Десантники (воздушные десанты). М.: Воениздат. 1968.

Э. фон Маништейн. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М.: АСТ, 2007.

Ю. Майстер. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2005.

П. Карель. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус; Эксмо, 2003.

Victor Nitu. Romanian army: Crimean Campaign — 1942 (<http://www.worldwar2.ro>)

*Александр Заблотский,
Роман Ларинцев,
Андрей Платонов*

ДЕСАНТНЫЕ ОПЕРАЦИИ В СУДАКЕ В ЯНВАРЕ 1942 ГОДА

Попытка освобождения советскими войсками Крыма в 1942 году — одна из поучительнейших, а потому и любопытнейших страниц Великой Отечественной войны. Хотя бы потому, что пройдя через военные унижения 1942 года, остановив каток германской армии у берегов Волги, лишив Германию всяких иллюзий относительно будущего под Курском, мы так и не смогли в преддверье победоносного 1944 года повторить в Крыму успех декабря 1941 года.

Речь идет о Керченско-Феодосийской десантной операции, в результате которой советские войска вернули себе Керченский полуостров. Почему в декабре 1943 года мы не смогли повторить триумф декабря 1941 года — это совершенно отдельная тема, а сейчас лишь напомним общеизвестное: на самом деле Керченско-Феодосийская десантная операция включала в себя как минимум три операции, проведенные силами Азовской военной флотилии, Керченской военно-морской базой и эскадрой Черноморского флота. Об этом можно прочитать в любом учебнике по военно-морской истории. Однако

на этом десантная деятельность не прекратилась. В рамках уже начавшейся операции Кавказского фронта по освобождению Крыма высаживались еще два морских десанта — в Евпатории и в Судаке. Поскольку цель этих операций заключалась в содействии успеху наступления советских войск на полуострове, то и провели их с некоторой задержкой относительно основных трех — 5 и 6 января 1942 года соответственно. Кроме того, 4 и 6 января предпринимались попытки высадить морской десант в Алуште, но не позволила погода.

Что касается войск все же высаженных в Евпатории и Судаке, то оба десанта, как считалось, погибли в течение нескольких последующих суток. Обратите внимание на основную причину трагедий: войска фронта не решили поставленных задач и не вышли на заданные рубежи, как следствие, высаженные войска не смогли с ними соединиться. И все же судьба этих двух десантов сложилась по-разному. В Евпатории он действительно почти весь погиб в течение нескольких суток, а вот под Судакон... Здесь эсминец «Способный» высадил 218 человек из состава 226-го горно-стрелкового полка (гсп) 63-й стрелковой дивизии. После этого корабль обстрелял Судак, израсходовав 95 снарядов, и вернулся в Новороссийск. С уходом войск от уреза воды связь с ними прекратилась, дальнейшая их судьба оставалась неизвестной.

Впрочем произошедшее уже мало кого интересовало, поскольку 8 января Военный совет Кавказского фронта издал новую директиву № 091/оп о переходе войск фронта в общее наступление. В ней Черноморскому флоту предписывалось высадкой тактического десанта в Евпаторийском заливе воздействовать на правый фланг бахчисарайской группировки противника, провести демонстративные высадки десантов в Алуште и Ялте, высадить десанты с целью охватить фланги карасубазарской и бахчисарайской группировок противника. То есть речь шла минимум о двух морских десантных

операциях, а также о двух демонстрациях десантных действий.

Подобное Черноморскому флоту было просто не по силам, если, конечно, высаживать в основных десантах не менее бригады, а в демонстрационных — по несколько батальонов. В тех условиях иметь в составе войск морского десанта менее бригады — значит, скорее всего, загубить людей без ощутимой пользы. Нельзя забывать, что противник всячески усиливал оборону побережья, так как ждал ударов с моря. В качестве примера можно привести тот же Судак. Учитывая общую обстановку на фронте, для его обороны выделили румынскую пехотную роту усиленную двумя взводами противотанковых орудий германского 240-го противотанкового дивизиона и сводной ротой первого дивизиона 77-го артиллерийского полка (70 человек без материальной части). Кроме того, здесь же размещалась команда крымских татар¹.

Кавказский фронт для десантных действий выделил только один горно-стрелковый полк, а для высадки в Евпатории, Ялте и Алуште войска предписывалось искать в Севастопольском оборонительном районе, то есть в Приморской армии. Но в Севастополе лишних войск не было. Поэтому 10 января Военный совет флота доложил командующему фронтом о своих возможностях и просил временно не планировать морских десантных операций, ограничив деятельность флота лишь поддержкой фланга армии огнем корабельной артиллерии в ночное время. На что командующий Кавказским фронтом ответил:

¹ По данным разведывательного отдела ЧФ, в районе Судак противник имел до 2—3 батарей, районы, удобные для высадки, минированы и оборудованы проволочным заграждением. В районе Судак противник имеет более стрелкового батальона и тщательно охраняет побережье. То есть советская разведка достаточно точно вскрыла обстановку в данном районе.

«при выполнении операции, согласно директиве № 091/оп, высадка мелких тактических десантов в ближайшем тылу противника для воздействия на его правый фланг в районе Мамашай—Кача и в южной части Евпаторийского залива — обязательна. Десанты обязаны воздействовать только лишь на ближайшие войсковые тылы врага; после этого они должны присоединиться к своим частям на второй или третий день операции, при нанесении удара частями Приморской армии на Дуванкой и Бахчисарай. В южной части Крымского полуострова, на участке Форос—Алупка—Ялта—Алушта в ночь на 12 января необходимо провести набеговую операцию с одновременной высадкой десанта в районе Судака. Действия этого десанта поддержать огнем корабельной артиллерии».

То есть все планы оставались в силе. Не вдаваясь в последующие перипетии, отметим, что в конце концов сошлись на высадке в районе Судака выделенного фронтом 226 горнострелкового полка — на остальное физически не хватало сил ни у фронта, ни у флота.

Здесь, хотя бы отчасти соблюдая хронологию, нужно вернуться в Крым. 11 января севернее Судака немецко-татарский патруль наткнулся на большую группу партизан и советских военнослужащих¹. В завязавшемся бою патруль взял в плен 39 человек, а еще пятерых татары расстреляли². Вскоре в плен попали еще 12 человек.

¹ Здесь и далее описание действий германских войск приведены по «Дневнику боевых действий XXX армейского корпуса за 1–31 января 1942 г.» и «Отчету о боевых действиях в районе Судака» командира 170-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Э. Зандера от 8 февраля 1942 года. См.: NARA, T-314, roll 825. Авторы выражают благодарность А. В. Исаеву за предоставленную возможность ознакомиться с этими документами.

² Немцы специально подчеркивают, что эти пятеро красноармейцев были убиты татарами не в бою.

Остальным удалось уйти в горы. Вот только тогда немцы и узнали о морском десанте 6 января.

Сохранились материалы допросов пленных. Согласно им, целью десанта являлось, с началом наступления войск фронта, нападение на германские и румынские штабы. Видимо, именно этим и можно объяснить, почему десантники все это время никак себя не проявили — наступление так и не началось. Правда, откуда им могло быть это известно — непонятно. В любом случае, встреча с патрулем оказалась случайной.

На следующий день, 12 января, в районе Судака малый охотник высадил разведгруппу в составе восьми человек. Противник сразу ее обнаружил. В завязавшемся бою двое разведчиков погибли, двое попали в плен, трем удалось уйти. Задачей разведгруппы являлось установление связи с ранее высаженным десантом и выяснение обстановки в месте высадки. Видимо, из допросов пленных каких-либо ценной информации немцы получить не смогли и оставались в неведении относительно дальнейших намерений советского командования в этом районе.

А планы имелись... В результате всех согласований, исходя из сроков планируемого перехода в наступление войск фронта, штаб Черноморского флота издал директиву следующего содержания:

Оперативная директива № 05/оп¹

Опергруппа Штаба Черн. Флота

Совершенно секретно

г. Новороссийск

12.00 14.01.42 г.

Карты: сухопутн. 1:10000

морская № 1523

1. Противник упорно обороняется на прежних рубежах.

¹ Стиль и орфография документа по возможности сохранены.

2. 44 и 51 Армии с утра 16.01.42 г. переходят в общее наступление по всему фронту.

3. Десантному отряду кораблей в составе: КР «Красный Крым», эсминцев «Сообразительный» и «Шаумян», КЛ¹ «Кр. Аджаристан», СКА СКА №№ 051, 092, 022, 95, 140, 141 под командованием капитана 1 ранга тов. Андреева принять 14.01.42 г. десант в составе 226 гсп и раздельно выйти из Новороссийска с расчетом сосредоточиться в районе Судак в 22.30 15.01.42 г.

ЛК «Парижская Коммуна» в охранении эсминцев «Безупречный» и «Железняков» под командованием контр-адмирала товарища Владимирского с 00.00 до 03.00 16.01.42 г. произвести арт. подготовку района высадки, обстреляв пункты Судак, Большой и Малый Каракташ, Старый Крым и Салы, после чего возвратиться в Потти.

4. 226 гсп, высадившись и овладев районом Судак, занять район Большой и Малый Каракташ, после чего частью сил наступать на Отузы и во взаимодействии с Коктебельской группировкой уничтожить Отузовскую группировку противника. Остальными силами полка стремительным ударом в направлении Судак—Салы, взаимодействуя с левофланговыми частями 44 армии, уничтожать Старокрымскую группировку противника.

С выходом в район Салы войти в подчинение Командарма 44.

5. После высадки десанта КР «Красный Крым» эсминцам «Сообразительный», «Шаумян» и двум СКА возвратиться в Новороссийск.

Для огневой поддержки высаженного десанта в течение светлого времени 16.01.42 г. остаются КЛ «Кр. Аджаристан» и четыре СКА. С наступлением темно-

¹ ЛК — линкор, КР — крейсер, М — миноносец, КЛ — канонерская лодка, ПЛ — подводная лодка, СКА — сторожевой катер; повторение аббревиатуры обозначает множественное число.

ты КЛ «Кр. Аджаристан» и двум СКА следовать в Новороссийск. Двум СКА следовать в Феодосию.

6. СКА № 92 в 00.00 16.01.42 г. высадить в районе Алушта диверсионный десант в составе 35 бойцов с задачей прервать линии связи, прервать движение по дороге и отвлечь внимание противника от основного пункта высадки десанта.

До наступления рассвета десанту возвратиться на катер и следовать в Новороссийск.

7. Подводной лодке М-55 к рассвету 15.01.42 г. прибыть в район Судак для разведки пункта высадки, разведки погоды и навигационного обеспечения подхода кораблей в соответствии с отдельным заданием.

Подводной лодке Ш-201 к рассвету 15.01.42 г. прибыть в район Судак с задачей навигационного обеспечения подхода кораблей к бухте Судак в соответствии с отдельным заданием.

8. ВВС Черн. Флота:

а) в течение светлого времени 15.01.42 г. прикрыть истребительной авиацией переход эскадры морем;

б) с 22.00 до 24.00 15.01.42 г. бомбить пункты Судак, Салы, Алушта;

в) с рассветом 16.01.42 г. бомбардировочными действиями не допустить подхода резервов противника по приморской дороге со стороны Ялта, Алушта к району Судак.

Зам. командующего Черн. Флотом Контр-адмирал
Елисеев

Член Военного совета ЧФ дивизионный комиссар
Азаров

За начальника штаба Черн. Флота капитан 2 ранга
Жуковский

Не вдаваясь в тонкости анализа данной директивы, отметим, что в ней вообще проигнорирована организация командования. Одни вопросы. Например, кто командир сил высадки? В районе боевого предназначения одновременно будут оперировать два корабельных отряда, а точнее, даже три: десантный — под командованием

капитана 1 ранга В. А. Андреева, огневой поддержки — под флагом контр-адмирала Л. А. Владимирского, десантно-высадочных средств — под командованием капитан-лейтенанта А. П. Иванова. На самом деле, поскольку второй являлся командующим эскадрой, а первый — его начальником штаба, они быстро разобрались между собой, кто из них старший. Что касается Иванова, то он де-факто вошел в непосредственное подчинение командира десантного отряда, поскольку в директиве флота отряд высадочных средств вообще как бы не существовал и его сформировал уже своим приказом Андреев. Следствием этой грубейшей ошибки составителей директивы явилось совершенно ненормальное явление, когда командир сил высадки, то есть Владимирский, покинул район до окончания боя за высадку. На самом деле, исходя из логики поставленных задач, командиром высадки должен был стать Андреев.

Не менее запутанным оказался вопрос, в качестве кого выступает в данной операции начальник штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев. Войсками в операции фронта, естественно, командует его командующий. Десант высаживается в интересах фронта и согласно его директивы, адресованной Военному совету Черноморского флота. Почему приведенную выше директиву подписал Елисеев как заместитель комфлота, тоже понятно — командующий флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский находился в Севастополе и потому оказался не у дел. В этой ситуации неясно: Елисеев — заместитель командующего войсками в операции по морской части или командующий морской десантной операцией? Вроде бы какая принципиальная разница? Словоблудие какое-то. Но на самом деле разница очень существенная, и в нашем случае под операцию заложили «мину замедленного действия».

Дело в том, что Владимирский во главе отряда огневой поддержки пришел в Новороссийск в 08:00 15 января, а в 12:00 уже нужно было сниматься на Судак. И вот,

только придя в Новороссийск, командующий эскадрой впервые увидел документы на операцию и после ознакомления с ними возложил на себя командование всеми силами в море, то есть обязанности командира высадки. Лишь в 10:00 Владимирский смог собрать на борту крейсера «Красный Крым» основных руководителей в предстоящих действиях и провести с ними совещание.

В отличие от командующего эскадрой, Андреев полностью находился в курсе предстоящей операции и даже еще сутки назад произвел тщательный инструктаж командиров кораблей и войск десанта. Поэтому совещание из инструктажа участников превратилось для Владимирского в его собственный инструктаж, когда командир эскадры сам уяснял задачу и разбирался в задачах подчиненных¹.

А теперь вернемся к Елисееву. Именно под его руководством и разрабатывалось большинство документов командира сил высадки. То есть принял решение на операцию и спланировал ее один военачальник, а реализовывать план должен был другой. На сегодняшнем сленге это назвали бы «подставой». Но дальше — больше: Андреев, хоть и объявленный только командиром десанта, разрабатывает как документы своего отряда (а именно — боевой приказ, указания по высадке), так и несколько ключевых документов за командира сил высадки — в частности, плановую таблицу огня. Причем последнюю на всякий случай сам только подписал, а утвердил у Елисеева. Таким образом получилось, что из трех ключевых фигур (начальник штаба флота, командующий эскадрой и его начальник штаба) Владимирскому отводилась главная роль в руководстве десантной

¹ Для детального изучения документов не хватило времени и у командиров кораблей отряда поддержки, а потому во всех деталях они вынуждены были разбираться уже в море. Это вызвало неизбежные переговоры по семафору и УКВ для уяснения неясных вопросов.

операции, но одновременно сам он никакого решения не принимал, ничего не планировал и вообще оказался подготовлен менее других. Сложилась ситуация в ходе боевых действий менее благоприятно, последствия могли оказаться тяжелейшими.

Решением Андреева предусматривалось осуществить переброску 226-го горнострелкового полка на боевых кораблях: крейсере «Красный Крым» (560 человек, 40 т грузов), эсминцах «Сообразительный» (241 человек) и «Шаумян» (220 человек), канонерской лодке «Красный Аджаристан» (580 человек, четыре 76-мм орудия, восемь лошадей, боезапас, продовольствие, вагон досок¹). С началом высадки канонерской лодке предписывалось уткнуться в берег и высаживать войска по сходням сразу на сушу. Для перевозки войск с крейсера и эсминцев предназначался отряд высадочных средств в составе шести малых охотников. Кроме этого, канлодка буксировала два сейнера, на ее борт, а также на эсминцы, приняли по две резиновых надувных лодки типа А-3.

Высадка войск планировалась в трех пунктах: «Шаумян» совместно с малым охотником № 141 — к востоку от мыса Алчак-Кая; «Сообразительный» совместно с охотником № 95 — в бухте Новый Свет; крейсер и канлодка совместно с оставшимися четырьмя малыми охотниками — в самом Судаке. Малые охотники, кроме № 141, имели на борту по 35 человек в качестве первого броска. На катере № 141 находилось только 17 человек. Уже в море на него пересадили 23 десантника с флагманского № 051².

Войска на канлодке и эсминцах составляли первый эшелон, а на крейсере — второй. Время высадки было

¹ Доски предназначались для сооружения пристани силами саперов.

² Чем вызвана данная пересадка в море, из документов не ясно. Вообще из запланированных 210 человек на малых охотниках в море вышло только 136.

назначено на 00:00 16 января с расчетом завершить высадку к 05:00 и до рассвета кораблям успеть отойти на 40–60 миль от берега. Причем эсминцы высаживали войска на принципе скрытности. Огневая подготовка и огневая поддержка высадки начинались по сигналу командующего эскадрой, а прекращались по его приказанию или по сигналу с берега. Огневая подготовка планировалась непосредственно по району высадки, а поддержка — по узлам дорог для недопущения подходов резервов. Огневое сопровождение действий десанта на берегу по плану начиналось с рассветом и проводилось по заявкам командира полка через корректировочный пост, находящийся на его командном пункте. 226-й горнострелковый полк считался подготовленным, так он уже перевозился на кораблях при попытке высадки в Алушту.

Боезапас и технику на корабли погрузили заранее, 15 января на борт принимали только людей. Их посадка началась в 07:20 на эсминцы, затем в 08:00 на крейсер. На «Красный Крым» фактически приняли на 60 человек меньше, чем планировали. Канлодка вместе с малыми охотниками ушла еще в 16:00 предыдущих суток. На первый взгляд, все прошло организовано, без происшествий и в срок. Правда, вечером 14 января малый охотник № 95 умудрился протаранить катер № 141. Сорок человек десанта пришлось пересадить с него обратно на флагманский № 051, а поврежденный охотник отпустить в базу.

В 13:00, из-за совещания на борту крейсера с опозданием на час относительно плана, отряд корабельной поддержки и десантный отряд вышли из Новороссийска. Пройдя за параванами корабельный фарватер № 2, в 14:00 корабли обстреляли немецкий самолет-разведчик. После этого в целях маскировки они легли на курс 260°, который вел значительно южнее Севастополя. И тут выяснилось, что при посадке войск на эсминцы корабли оказались перепутаны. Стало ясно, что или эсминцам,

или войскам нужно менять боевые задачи. Решили, что менее болезненно это будет для десантников, так как, с одной стороны, у всех имелись необходимые карты, а с другой — все равно никто из них раньше в этих местах не бывал и местность не знает. Командир полка майор Н. Г. Селихов семафором поставил командирам рот на эсминцах новые задачи в соответствии с новыми пунктами высадки.

В 22:15 пришли плохие новости из Новороссийска. На этот раз корректировалась боевая задача всего 226-го полка. Теперь ему предписывалось после высадки сразу двигаться в направлении Отузы — Коктебель для совместного с войсками 44-й армии разгрома группировки противника в районе Коктебеля и соединения с частями фронта в районе Насыпной. Все это как минимум означало, что Коктебель оставлен, и наши войска не смогли развить наступление в направлении Старого Крыма.

С наступлением темноты корабли изменили курс с расчетом оказаться в 22:30 в точке randevу с канлодкой возле подводной лодки М-55, несшей зеленый огонь. Своевременно придя в назначенную точку, корабли десантного отряда не обнаружили там ни канлодку, ни малые охотники. Как оговорили заранее для подобной ситуации, никто никого ждать не стал, корабли направились к району высадки. Одновременно канлодке и катерам дали по радио приказание следовать к месту высадки самостоятельно.

В 23:00, согласно плану, эсминцы «Шаумян» и «Сообразительный» отделились и пошли к своим пунктам высадки, остальные корабли — в район огневого маневрирования. Подлодка Щ-201 с приходом кораблей повернула сектор освещения красного огня в сторону берега, что теоретически позволяло кораблям достаточно точно знать свое место во время огневой подготовки. В 23:20 корабли отряда поддержки заняли свои позиции, которые располагались в 20–25 кабельтовых от

района высадки. Берег различался плохо, стало очевидно то, что на самом деле знали еще при планировании: стрелять без освещения нельзя. Осветительные снаряды имелись только для 120-мм орудий линкора и для старых 130-мм пушек крейсера — но эти корабли находились непосредственно в районе Судака, а вот эсминцы, высаживавшие войска на флангах, могли стрелять только наугад.

Из-за низкой облачности осветительные снаряды рвались выше облаков, освещение оказалось тусклым и только показало урез воды. Этим сразу воспользовались штурманы, уточнив свое место по береговым ориентирам. Одновременно отсутствовали беспламенные заряды; каждый собственный залп делал корабли прекрасной мишенью.

В таких условиях в 23:45 по сигналу с линкора началась огневая подготовка. Первые залпы линкора упали в воду: оказалась, что Щ-201 фактически стояла несколько мористее предписанной точки. Однако с этим быстро разобрались и внесли требуемые поправки.

С 00:35 корабли перешли к огневой поддержке, то есть к стрельбе по плановым целям по штурманским данным, и здесь подсветка уже была не нужна. Одновременно подошедшие малые охотники открыли огонь прямой наводкой по проявившим себя огневым точкам противника у уреза воды.

Около 01:30 во время стрельбы главным калибром у борта «Парижской коммуны» встали два всплеска от бомб, причем один из них залил мостики фок-мачты, включая сигнальный. После этого над кораблем неоднократно слышался шум мотора самолета, с появлением которого линкор прекращал стрельбу, ожидая, пока он удалится. Затем вновь открывался огонь, вновь обнаруживался шум, вынуждено прекращали стрельбу — и так далее. В 01:48 в 2—3 кб за кормой линкора самолет сбросил еще четыре бомбы. Вообще это первый отмеченный случай нанесения ударов по кораблям,

осуществляющим обстрел берега в ночное время. Яркие вспышки отлично демаскировали корабли, однако несмотря на наличие германского бомбардировщика, линкор около трех часов продолжал оставаться без хода. В этих условиях отсутствие попаданий бомб в «Парижскую коммуну» надо рассматривать как счастливую случайность.

По плану «Шаумян» и «Сообразительный» начинали высадку на флангах в 00:00, однако это смог сделать только первый. Поскольку работавший в паре с «Шаумяном» малый охотник № 141 уже находился в базе после столкновения, вместо него к эсминцу направили охотник № 140. Тот не нашел «Шаумяна» у мыса Алчак-Кая и решил высадить десантников самостоятельно. Однако с дистанции 100–150 м его обстреляли с берега, в результате чего оказался пробит бензобак, убило двоих и ранило четырех человек. Отказавшись от высадки, катер № 140 ушел к крейсеру, а затем, приняв дополнительно людей, высадил их в районе Судака.

Таким образом у мыса Алчак-Кая первый бросок десанта отсутствовал, но главное — высаживать войска пришлось исключительно корабельными плавсредствами. В итоге, начав своевременно, с этой задачей «Шаумян» справился только в 03:45.

На пункте высадки в бухте Новый Свет ситуация складывалась не лучше. Малый охотник № 95 своего «Сообразительного» также не обнаружил, но людей в Новый Свет в 00:30 высадил и установил белый огонь. Только в 03:00 катер № 95 нашел эсминец и приняв с него 100 человек, высадил их на берег. Это оказалось очень кстати, так как один из двух имевшихся на борту корабельных моторных катеров вышел из строя. По этой причине, начав высадку в 00:37, «Сообразительный» смог завершить ее только в 04:45.

Непосредственно перед подходом к бухте Судак на канонерской лодке «Красный Аджаристан» отдали буксир на сейнера, которые подошли к борту и приняли войска первого броска. После этого они пошли к берегу,

а за ними канлодка. Около 01:00 лодка «Красный Аджаристан» удачно приткнулась к берегу, в 01:13 с нее начали высадку войск прямо на сушу по заранее изготовленной сходне. К этому времени противник уже вел огонь по советским кораблям, но к 01:20 огневые точки непосредственно в пунктах высадки подавили благодаря стрельбе прямой наводкой малых охотников и канлодки. С 01:25 по 01:40 высадили войска на берег катера № 092, № 140 и № 022. Катер № 051 подошел к канлодке и в 01:31 пересадил бойцов на нее.

В первом броске на малых охотниках вместе с войсками шли гидрографические группы, которые должны были зажечь навигационные огни: зеленый — на Маячной башне Судака и синий — на вершине мыса Алчак-Кая. Зеленый огонь выставили, а синий не смогли. Кроме этого, «Красный Аджаристан», приткнувшись к берегу, для ориентира подходящим катерам и баркасам включил синий гакабортный огонь.

Около 01:40 освободившиеся сейнера и морские охотники стали подходить к борту крейсера «Красный Крым» и снимать с него пехотинцев. Высадка шла организованно — правда, катера умудрились поломать все забортные трапы, и людям пришлось прыгать прямо с борта крейсера. Однако к 03:20 «Красный Крым» освободился от войск и начал выгрузку боеприпасов и продовольствия, которую завершил в 03:13. Во время высадки бойцы крайне осторожно шли на высадочные средства, зато при подходе к берегу, наоборот, всячески оттягивали сход с катеров. Личный состав баркасов и катеров, зачастую стоя по колено в воде, чуть ли не на руках переносил красноармейцев, оказывая им всяческую помощь. Выгрузку боеприпасов и продовольствия приходилось осуществлять опять же командам плавсредств.

На канлодке «Красный Аджаристан» сначала все шло хорошо, но в районе 02:00 сломалась сходня. На ее починку пустили имеющиеся на борту доски, но выгрузка войск приостановилась. Только к 06:00 канлодка

высадила всех людей, однако при этом половина техники и боезапаса остались на борту.

В 02:13 линкор «Парижская коммуна» окончил стрельбу, израсходовав 125 выстрелов главного калибра и 585 вспомогательного. В 02:25 линкор в охранении эсминцев «Безупречный» и «Железняков» начал движение в Потти. В 04:35 ушли в Новороссийск «Красный Крым», «Шаумян» и «Сообразительный». В это время канонерская лодка стояла у берега и продолжала разгрузку. Вместе с ней остались морские охотники № 092 и 022.

Около 06:30 Андреев получил донесение от командира отряда высадочных средств Иванова, что «Красный Аджаристан» не может отойти от берега. В 07:00 он отдал приказание командиру 3-го дивизиона эсминцев капитану 2 ранга М. Ф. Романову, находившемуся на «Сообразительном», оказать помощь канлодке. На самом деле последняя, в 06:00 закончив выгрузку, в 06:20 благополучно самостоятельно отошла от берега и установила связь с корректировочным постом и командиром полка.

Что происходило дальше, из документов не ясно — во всяком случае нет данных о том, что канлодка вела огонь. С 09:05 до 09:53 она подверглась безрезультатным атакам самолета и, получив приказание начальника штаба флота, в 10:22 начала отход в Новороссийск. В 10:30 «Красный Аджаристан» встретил посланный к ней «Сообразительный» и передала на него, что сам в помощи не нуждается, но с берега требуют открыть огонь. По-видимому, к этому времени связь с полком уже отсутствовала¹, потому что командир дивизиона послал охотник № 092 выяснить обстановку на берегу, которая ему была

¹ Одновременно в отчете командира канлодки «Красный Аджаристан» имеются две записи: «12:30 — связь с корпостом прервана. 18:30 — связь с полком прервана». Получается, что радиосвязь все же имелаась.

неизвестна, и он боялся обстрелять свои войска. Получив от возвратившегося катера донесение, что войска десанта движутся на Феодосию, Романов донес об обстановке Андрееву и, получив приказание возвращаться в Новороссийск, в 14:45 начал отход в базу, куда прибыл в 00:00 17 января.

В это время канонерская лодка «Красный Аджаристан» максимальным ходом 6 узлов отрывалась от противника. В 14:18 она подверглась очередному удару с воздуха и в результате близко разорвавшихся четырех авиабомб на ней вышли из строя пародинамо, все компасы и 76-мм зенитное орудие № 1. Однако в 11:25 следующих суток канлодка благополучно возвратилась в Новороссийск. Вместе с ней пришли охотники № 092 и 022; остальные катера самостоятельно возвратились еще в 14:00 16 января.

Теперь попытаемся восстановить картину боев на берегу. Первые донесения, поступившие в штаб германского XXX корпуса, говорили о том, что гарнизон Судак под напором войск высадившегося советского десанта отошел в район Таракташ-Май (узел дорог севернее Судак). Для парирования внезапно возникшего кризиса немцы стали срочно перебрасывать к Судак подкрепления — восемь орудий из 22-го зенитного батальона и одну роту 560-го противотанкового дивизиона (шесть орудий). Кроме того, туда же направили в полном составе 13-й румынский горный батальон, роту 18-го румынского горного батальона, батарею 4-го румынского артполка (три орудия).

В тот же день 16 января, но чуть позднее, судакскую группу дополнительно усилили германскими частями: 150-мм гаубицей и сводной ротой 46-го саперного батальона, а также ротой 438-го пехотного полка. Общее руководство операцией по ликвидации советского десанта возложили на командира 22-го зенитного батальона.

Немцы сразу попытались отбить Таракташ, но под натиском десантников вынужденно закрепились севернее. В свою очередь, войска десанта сами стремились расширить захваченный плацдарм. 17 января они атаковали расположенный восточнее Судака населенный пункт Отузы, гарнизон которого состоял из двух румынских и одной германской саперных рот, а также румынского эскадрона. Хотя атака была отбита, советские десантники закрепились в окрестностях села.

17 и 18 января прошли в ожесточенных боях на достигнутых рубежах, не принеся ни одной из сторон решительного успеха. К этому времени контрудар противника на Феодосию завершился успехом: 18 января советские войска оставили город. Это позволило немцам выделить дополнительные силы для ликвидации десанта в районе Судака. Одновременно с 19 января в бои на земле стала вмешиваться германская авиация. Пикирующие бомбардировщики Ju-87 из StG77 начали наносить удары по советским позициям.

19 января десантники установили связь с действовавшими в горах полуострова партизанами. Последние осуществили несколько нападений на подходящие к Судаку резервы противника, что нашло отражение в германских документах.

Начало решительного наступления на занятый советскими войсками плацдарм запланировали на 20 января. К этому времени на подступах к судакской долине немцы сосредоточили две боевые группы. Западная состояла из батальона 391-го пехотного полка и штаба 240-го дивизиона 170-й пехотной дивизии с одним противотанковым взводом (5 орудий). Восточная включала в себя: штаб 399-го пехотного полка 170-й пехотной дивизии, усиленный батальон 391-го полка с двумя 75-мм пехотными и тремя противотанковыми орудиями, одно 88-мм и два 20-мм зенитных и три горных румынских орудия.

22 января в 07:30 германо-румынская группировка начала наступление на позиции бойцов майора Селихова.

Несмотря на поддержку Ju-87, атака не принесла успеха ни на одном направлении. Бойцы 226-го полка не только остановили наступление противника на Таракташ, но и потеснили его к северу. Имели место даже попытки окружить части противника. Германские командиры докладывали о снижении боеспособности румынских подразделений и требовали подкреплений.

К тому времени к 226-му горнострелковому полку присоединились бойцы из состава частей 44-й армии, отрезанных в результате немецкого контрудара. В частности, на плацдарм вышли военнослужащие первого батальона 818-го стрелкового полка 236-й стрелковой дивизии во главе с военкомом Г. С. Чаловым. Отметим, что личный состав этого полка отличался высокими боевыми качествами¹.

21 января в германских документах зафиксирован первый перебежчик с советской стороны. Судя по всему, до этого немцам взять пленных не удавалось. Перебежчик показал, что в Судак высажен 226-й стрелковый полк в составе 700 человек при трех 76-мм орудиях. По-видимому, предателем являлся рядовой или сержант, так как он даже не знал, к какой дивизии принадлежит 226-й полк. Кроме того, перебежчик сообщил об отсутствии снабжения и большом числе обморожений среди личного состава.

До 23 января немцы медленно продвигались вперед, неоднократно приостанавливая атаки из-за сильного сопротивления советских войск. В этот день пехотинцы

¹ Согласно германским документам, около двухсот красноармейцев 818-го полка из состава гарнизона населенного пункта Асамбай, окруженного немцами 15 января при наступлении на Феодосию, прорвали вражеское кольцо и ушли в горы. До 2 февраля, когда эта группа распалась из-за голода, бойцами руководили неизвестные майор и капитан. Отважные офицеры, видя безвыходность ситуации и не желая сдаваться в плен врагу, застрелились.

391-го полка взяли высоту 360,6, что позволило наблюдать всю долину, но развить этот успех не смогли из-за утомления частей, измотанных в предыдущих боях. На следующий день немцам обходным маневром при поддержке Ju-87 удалось захватить западную часть Таракташа. Ожесточенные уличные бои длились несколько часов. Однако даже выбитые из руин села, советские бойцы заняли позиции на его окраинах и продолжали обороняться. К вечеру немцы смогли выйти в тыл обороняющимся, но установить связь между двумя боевыми группами не удалось — красноармейцы не оставляли своих позиций. Только утром 25 января противник смог очистить Таракташ и близлежащие высоты от «мужественно сопротивлявшегося противника» (прямая цитата из немецкого донесения). Но в те же часы на судакский пляж высадились бойцы 544-го полка.

В то время как советские десантники дрались в районе Судака, на «большой земле» события развивались следующим образом: сразу с уходом кораблей из района высадки 16 января, связь с войсками традиционно прекратилась, хотя имелись сведения, что десант воюет. Иллюстрацией к тому, в какой мере советское командование владело обстановкой, может служить разговор по ВЧ между заместителем начальника Генерального штаба и командующим Кавказским фронтом, состоявшийся 17 января:

«ВАСИЛЕВСКИЙ. А что же сейчас происходит в районе мыса Ильи и какова судьба десанта, высаженного в Судак?»

КОЗЛОВ. По данным ЧФ, в этом районе во второй половине дня сегодня шел бой. Артиллерия из района м. Ильи стреляла в направлении Феодосии. По берегу моря к Феодосии двигались мелкие группы пехоты. Наш десант будет сегодня или завтра снят. Поставлена задача ЧФ. Сегодня с ним устанавливают связь. Надеюсь, что это дело удастся выполнить».

То есть тогда, когда нужно было развивать успех высаженных войск десанта, его якобы планировали эвакуировать. «Якобы» — потому что никаких документальных подтверждений этому нет.

Зато 19 января штаб флота получил очередную директиву командующего Кавказским фронтом № 0201/оп, в которой, в частности, указывалось:

1. Главные силы противника сосредоточились в Феодосии.

2. Войскам Кавказского фронта поставлена задача уничтожить Феодосийскую группировку противника и овладеть Феодосией.

3. 44 и 51-й армиям: к исходу 20 января быть готовыми перейти в наступление.

4. Черноморскому флоту и 226-му стрелковому полку быть готовыми наступать на селения Отузы и Насыпное и в ночь на 21 января на боевых кораблях высадить в Феодосии десант в составе одного горно-стрелкового полка (из Туапсе) без конского состава.

Получив директиву, Военный совет Черноморского флота стал искать защиты у Наркома ВМФ, обратившись с просьбой вмешаться в это дело и снять с флота задачу высадки десанта в Феодосию¹. Черноморцы отлично понимали, что дважды такое просто не пройдет. Если при высадке 29 декабря решающим фактором успешности являлась внезапность, то теперь ее точно нет. Небезынтересен еще один момент. Военный совет Черноморского флота обратился к Военному совету Кавказского фронта с просьбой все приказание флоту давать в Севастополь, где находился командующий и

¹ До 1944 года Нарком ВМФ не являлся ни Главкомом, ни членом Ставки ВГК. Воюющие флоты подчинялись ему только по административной линии, а в оперативном отношении — фронтам. По этой причине Нарком действительно мог только помогать решать в Ставке противоречия, возникающие у флотов во взаимоотношениях с фронтами.

Военный совет, а не начальнику штаба флота, находившемуся в Новороссийске, так как последний без Военного совета флота все равно не может принимать оперативных решений. Этот штрих сразу указывает, что на оперативное реагирование на изменение обстановки рассчитывать не приходится.

Что касается десанта в Феодосию, то его никто не отменил, эту задачу продублировала директива штаба флота. По погодным условиям начало операции лишь перенесли на сутки, но и 22 января шторм продолжался. В этот же день флот получил новую директиву командующего Кавказским фронтом, где ставилась задача в ночь на 23 января высадить десант в районе Судак — Новый Свет в составе 544-го горно-стрелкового полка 138-й горно-стрелковой дивизии. После высадки 544-му гсп надлежало войти в подчинение к майору Селихову.

Созданной таким образом группе ставилась задача установить связь с партизанами, «освоить» район Судак — Таракташ — Туклук — Новый Свет и взять под контроль дороги Судак—Отузы, Судак—Салы, Судак—Алушта. В перспективе группа должна быть готова к действиям в направлении на Салы или Феодосию, но лишь по особому приказу. В упорные бои с противником предписывалось не вступать. Встретив превосходящие силы врага — отвлекать их от Феодосии и уходить в горы на соединение с партизанами, но при этом иметь выход к побережью для связи с флотом. Как это можно было осуществить на практике — неясно. Начальнику тыла фронта ставилась задача обеспечить войска десанта боеприпасами и продфуражом на 5—8 суток и требуемым количеством лошадей и повозок. Вопросом, как можно осуществить выгрузку на необорудованное побережье лошадей, армейцы не озадачивались. Поскольку проведение морской десантной операции в ночь на 23 января становилось совсем нереальным, ее перенесли на сутки.

К тому времени уже было известно, что высаженный 16 января десант жив и сражается. Поэтому 22 января

из Новороссийска в Судак был послан эсминец «Бодрый» с задачей установить связь с 226-м горнострелковым полком и доставить на берег боезапас и продовольствие. В 23:50 эсминец прибыл на рейд Судака и до 05:10 следующих суток корабельными плавсредствами свез на берег груз, а обратно принял 40 раненых. Благодаря этому походу командование фронта и флота наконец-то точно узнало, что происходит в районе Судака, а главное — уточнило границы обороняемого плацдарма.

Дело в том, что на основании вышеуказанной директивы фронта флот издал свою директиву № 07/оп от 22 января на проведение морской десантной операции в Судак. Ею предусматривалось высадить 554-й гсп и 150 морских пехотинцев к 05:00 25 января. Из-за недостатка времени в максимальной степени пытались использовать документы, разработанные на предыдущую операцию. Поскольку «основные действующие лица» оставались теми же, особых проблем не возникло. Командовать силами высадки на этот раз поручили Андрееву, хотя официально он по-прежнему именовался командиром десантного отряда. В состав этого отряда входили крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Сообразительный», «Безупречный», «Шаумян». Отрядом высадочных средств также командовал Иванов, но кроме шести малых охотников, в него вошел тральщик Т-412.

Находясь на тот момент в неведении относительно реального положения войск в районе Судака, командир сил высадки предполагал в 23:00 24 января нанести 30-минутный артиллерийский удар по Судаку и выявленным скоплениям войск противника, после чего перенести огонь на второй рубеж и начать высадку войск. Иными словами, Андреев исходил из того, что все побережье находится в руках противника. Поход «Бойкого» разрешил эту неопределенность. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами командир сил высадки во изменение своего предыдущего решения спланировал произвести высадку войск десанта на принципе скрытности

и только в случае противодействия противника кораблям начать огневую поддержку. Выход отряда высадочных средств из Новороссийска назначили на 10:00, а десантного отряда — на 12:00, время randevu в районе высадки в 21:30, начало скрытой высадки в 22:00 24 января.

Войска 554-го горнострелкового полка приняли на крейсер (1450 человек) и эсминец «Шаумян» (309 человек) еще 23 января в Туапсе, и уже с ними десантный отряд перешел в Новороссийск. Кроме личного состава, на крейсер загрузили 70 т боезапаса и 10 т продовольствия, материальную часть взвода связи, а на эсминец — два орудия, 20 т боеприпасов и 2 т продовольствия. Отряд высадочных средств уже находился в Новороссийске. На тральщик Т-412 посадили 137 морских пехотинцев в качестве войск первого броска.

Переход морем в целом прошел благополучно, хотя и не совсем гладко. Из-за тумана корабли десантного отряда вышли к побережью Крыма на 4–5 миль к западу от Судака, однако уже в 22:15 обнаружили красный огонь подводной лодки Щ-201. Встретив отряд высадочных средств, «Красный Крым» и «Шаумян» в 23:00 стали на якорь, первый в 3–4 кб, а второй в 1–1,5 кб от берега. Спустив шлюпки и баркасы, в 23:30 начали высадку войск.

В это время эскадренные миноносцы «Безупречный» и «Сообразительный» отошли — первый к западу, а второй к востоку, чтобы немедленно подавить огневые точки противника, если они откроют огонь по войскам с флангов. При этом «Безупречный» спустил свои шлюпки и отослал их к борту «Шаумяна».

Тральщик Т-412 тоже стал на якорь, но на удалении от берега в 10–12 кабельтовых. Все увещевания и приказания Андреева подойти ближе к берегу командир тральщика капитан-лейтенант Бартышев проигнорировал, чем затянул время высадки. В 00:05 морские охотники забрали с тральщика отряд моряков и, переправив

его на берег, подошли к «Шаумяну» и «Красному Крыму»: Катера в первую очередь перевозили с крейсера на берег боезапас и продовольствие, а баркасы высаживали личный состав. В 00:32 к крейсеру подошел тральщик для съема с него боезапаса десанта. Перегрузка шла медленно, закончили ее только в 01:40, в 01:57 тральщик отошел от борта. Противник никаких помех не создавал.

На море наблюдалось значительное волнение, катера и шлюпки быстро подвергались обледенению, разгрузка на берегу шла медленно, так как там имелась всего одна небольшая пристань, к которой катера подходили по очереди. Высадке же людей непосредственно в воду при температуре 8–10° ниже нуля командир войск десанта категорически воспротивился.

В 23:45 с берега прибыл представитель 226-го горнострелкового полка, который сообщил, что бои идут в районе селения Большой Таракташ, и просил поддержать полк огнем корабельной артиллерии. Для более точного выяснения обстановки на берег послали капитан-лейтенанта Мельникова; он возвратился в 03:30 следующих суток с заявкой командира 226-го полка. Решение огневых задач поручили эсминцам «Сообразительный» и «Безупречный» — по две цели на корабль, по 30 снарядов на цель. В 05:17 эскадренный миноносец «Сообразительный» открыл артиллерийский огонь по деревням Отузы и Козы. «Безупречному» пришлось стрельбу отменить, так как он в это время находился всего 450 м от крейсера. Учитывая, что корабли стояли на якорях, занять другую позицию эсминец уже не успел.

К 06:00 25 января на борту крейсера «Красный Крым» оставалось не высаженными 250 человек¹, на что при

¹ С крейсера высадили 1267 человек; таким образом, если на борту находилось всего 1450 человек, то должно остаться 183 человека, или же в Туапсе крейсер принял 1517 человека. Скорее всего, последнее. Одновременно с крейсера сняли 5 т продовольствия, так что непонятно, куда делись еще 5 т.

волнении моря, достигшем уже 4–5 баллов, требовалось еще более часа. Однако близость рассвета и отсутствие истребительного прикрытия не позволяли кораблям задерживаться в районе высадки. Поэтому в 06:05 десантный отряд снялся с якоря и пошел в Новороссийск, куда благополучно прибыл в 16.30. На крейсере доставили 38, а на «Шаумяне» — еще 20 раненых. Отряду высадочных средств приказали продолжить выгрузку боезапаса с тральщика Т-412, принять с берега раненых и с наступлением светлого времени также отходить в Новороссийск. Все это удалось сделать к 08:30, после чего отряд, имея на борту тральщика 200 раненых, вышел из района Судак и в 17:05 прибыл в Новороссийск. Однако из-за шторма малые охотники не могли держаться у сравнительно мореходного тральщика. Последний катер отряда отшвартовался в базе лишь в 22:00.

Теперь вновь вернемся к войскам десанта. Усиление сопротивления десанта и полученные данные о высадке подкрепления заставили командира германского 399-го пехотного полка, отныне возглавившего всю группировку в районе Судак, отказаться от наступления. Он затребовал новые подкрепления, и ему направили один батальон 105-го полка 72-й пехотной дивизии, 17-й румынский горный батальон и три штурмовых орудия. Сосредоточение этих подразделений и начало общей атаки планировалось не ранее утра 27 января. Причем условия для развертывания прибывавших из Феодосии подкреплений оказались не из простых, так как десантники вновь захватили узел дорог у Таракташа. Противнику удалось выбить их оттуда только 26 января с помощью подошедших штурмовых орудий. Как отмечали сами немцы — «противник силен и хорошо дерется».

25 января в 19:15 канонерская лодка «Красный Аджаристан» вышла из Новороссийска в район Судак с боезапасом и продовольствием. Этот тихоходный и недостаточно мореходный корабль с самым примитивным

штурманским вооружением оказался единственным, кто в силу конструктивных особенностей мог самостоятельно решить эту задачу. Однако 27 января по метеусловиям лодке приказали возвратиться, и в 15:00 она прибыла в Новороссийск.

Утром того же 27 января десантники вновь ворвались в Таракташ, но это оказался последний успех советских войск. Несмотря на упорное сопротивление, противнику удалось не только вернуть деревню, но к середине дня выйти к побережью, расколов нашу оборону на отдельные очаги. Изолированные группы продолжали отчаянно сражаться. По германским донесениям, решающую роль в разгроме десанта сыграли удары пикировщиков, которые прокладывали дорогу своей пехоте.

28 января эсминец «Безупречный» с двумя морскими охотниками предприняли очередную попытку доставить войскам продовольствие и боезапас, однако на следующий день возвратились в Новороссийск, не выполнив задачу: все побережье уже контролировали войска противника.

К вечеру 28 января немцы подобрали в Судакской долине тела 770 убитых советских солдат и офицеров. 876 человек были взяты в плен. В качестве трофеев противнику достались семь (по другим данным девять) противотанковых пушек, пять горных орудий, 14 минометов, две разбитые радиостанции. До 31 января в Судаке оставался батальон германского 105-го пехотного полка, затем замененный румынами.

Часть десантников смогла уйти к партизанам. Некоторые источники оценивают их численность в 350 человек. Так, 1 февраля во Второй партизанский район Крыма прибыли 110 человек во главе с лейтенантом Виноградовым и техником-лейтенантом Агеевым. Позже к партизанам вышли командир 226-го полка, командир и комиссар 554-го полка. Майор Н. Г. Селихов вскоре стал командиром Второго партизанского района.

Отдельные группы десантников, не сумевшие выйти на партизан, еще довольно долго скрывались в окрестных горах. В германских документах отмечается, что 7 февраля в районе Отузы пленили 15 бойцов из 554-го полка, а 12 числа — еще троих. Но самый поразительный случай зафиксирован в донесении начальника разведки XXX корпуса от 16 июня 1942 года. Согласно ему, в начале мая из-за голода сдались два красноармейца все из того же 554-го полка, с конца января скрывавшиеся в горах.

Пока не удалось точно установить потери германских и румынских войск, участвовавших в боях под Судакком. Но известно, что за 23–25 января части 170-й пехотной дивизии потеряли 190 человек только обмороженными. Румынская 4-я горная бригада потеряла в январе 1942 года 894 человека, в том числе 260 убитыми и 63 пропавшими без вести. Отметим, что в этом месяце румынские горные стрелки, кроме Судака, больше ни в каких серьезных боях не участвовали. В своей книге «Крым в Великой Отечественной войне» (М., 1987) А. В. Басов приводит цифру потерь противника в 874 человека, что представляется очень реалистичным.

Здесь хочется привести несколько фрагментов директивы Ставки ВГК № 170071 от 28 января командующему войсками уже к тому времени Крымского фронта:

«Вами дана армиям фронта и Черноморскому флоту директива по плану дальнейших действий, и лишь одновременно с этим вы обратились в Ставку с просьбой об утверждении этого плана.

Ставка, осуждая подобный образ ваших действий, требует в дальнейшем предварительного представления соображений Военного совета по плану предстоящей операции и лишь после рассмотрения их Ставкой давать соответствующие указания войскам.

Рассмотрев вашу директиву за № 0255, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Срок начала операции пересмотреть. Операцию начать лишь по прибытии на Керченский полуостров направленных в ваше распоряжение Ставкой двух танковых бригад и отдельного батальона танков КВ, а также после пополнения дивизий русскими и украинцами, как это было указано Ставкой.

[...]

4. Отказаться от попыток высадить предусмотренные вашими соображениями маломощные морские десанты в Феодосийском порту и в Евпатории и, наоборот, резко усилить десант в районе Судака. Усиление этого десанта начать в ближайшие дни».

То есть получается, что морской десант в Судак высадили преждевременно, наступление войск Крымского фронта переносится на неопределенный срок. Все сходится к тому, что высаженные войска были обречены. Уже имевшийся опыт войны подтверждал то, о чем на самом деле знали еще до ее начала: если войска десанта по какой-то причине не могут соединиться с войсками фронта — их надо снимать с вражеского побережья. Десант не может быть вечным! Другое дело, что в результате морской десантной операции на территории противника может быть создана маневренная группа, которая будет действовать в тылу противника в рамках какой-то операции того же фронта. Но это уже совсем другая тема, и уж однозначно такая группа требует своевременного снабжения всем необходимым. Да и численность маневренной группы, ее вооружение и оснащенность должны быть адекватны задаче и противостоящему противнику.

В нашем случае все обстояло не так. Начнем с того, что группе предписывалось просто оседлать район Судака и оставаться на месте, чего-то ожидая. В принципе это можно реализовать при постоянной поддержке сил флота, то есть речь идет о создании в Судакe оборонительного района, в миниатюре повторяющего Севастополь. Как бы флот смог решить подобную задачу — воп-

Десантные операции в Судаке в январе 1942 года

рос второй, однако сама задача не ставилась! Поэтому огневая поддержка действий войск на берегу вообще не предусматривалась, а снабжение происходило распорядительным порядком. В этих условиях ликвидация советских войск в районе Судак являлась для противника делом техники и времени.

Приложение

Состав немецко-румынской группировки на 26 января 1942 года¹

Группа «Запад»:

Батальон 105-го пехотного полка 72-й пехотной дивизии;

13-й горный батальон (румынский);

Батальон 391-го пехотного полка 170-й пехотной дивизии;

Рота 438-го пехотного полка 132-й пехотной дивизии;

Взвод 240-го дивизиона ПТО 170-й пехотной дивизии (пять орудий);

Рота 560-го отдельного дивизиона ПТО (шесть орудий);

Два орудия 22-го батальона ПВО;

Взвод легких полевых гаубиц 240-го артиллерийского полка 170-й пехотной дивизии;

Два штурмовых орудия.

Группа «Восток»:

Штаб 399-го пехотного полка 170-й пехотной дивизии;

Усиленный батальон 399-го пехотного полка 170-й пехотной дивизии (два легких пехотных орудия и три противотанковые пушки);

Батальон 391-го пехотного полка 170-й пехотной дивизии;

17-й горный батальон (румынский);

¹ Без учета гарнизона села Отузы.

Десантные операции в Судаке в январе 1942 года

Два румынских горных орудия;
88-мм зенитное орудие;
Взвод МЗА (два орудия);
Взвод тяжелых полевых гаубиц.

Андрей Платонов

ОПЫТ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ МОРСКИХ ДЕСАНТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Из всего многообразия видов и разновидностей военных действий на море, предусмотренных советскими руководящими документами в канун Великой Отечественной войны, наиболее востребованными оказались те, которые были связаны с содействием сухопутным войскам. А среди них особое место занимали морские десантные действия. Это связано с тем, что высадка войск морского десанта являлась наиболее активной и действенной формой содействия приморским группировкам войск.

На основании анализа событий Первой мировой войны, в частности, неудачной морской десантной операции на Галлиполийский полуостров, зарубежные военные теоретики склонялись к тому, что в условиях второй половины 30-х годов морские десантные действия вряд ли могут быть внезапными, а потому успешными. Главные причины — бурное развитие авиации, а также несоизмеримо возросшая подвижность войск за счет их механизации. По этой причине теория морских десантных действий в ведущих зарубеж-

ных военно-морских державах к 1939 году оказалась разработана слабо, специальных сил и средств никто, за исключением Японии, не имел. Впрочем, за рубежом вообще уделяли мало внимания вопросам содействия сухопутным войскам.

Совершенно иная картина складывалась в Советском Союзе. Опираясь на отечественный опыт, в том числе Гражданской войны, советские военные теоретики не только считали возможной успешную высадку войск морского десанта, но и относили морские десантные действия к важнейшей разновидности применения ВМФ.

В 30-е годы в Главном Морском штабе, в Военно-Морской академии и на флотах обсуждались вопросы, связанные с искусством ведения десантных действий. В ходе этих обсуждений вырабатывалось единство взглядов командования флота на подготовку и ведение десантных действий, предопределивших содержание руководящих оперативно-тактических документов флота по этому вопросу. Такими документами стали Боевой устав Военно-морских сил РККА 1930 года и, позже, сменивший его временный Боевой устав Морских сил РККА 1937 года (БУМС-37), а также Наставление по ведению морских операций 1940 года (НМО-40). В двух последних документах закрепили теоретические взгляды на ведение морских десантных действий накануне войны. В первом излагались основы и давались рекомендации по высадке войск морских десантов, а во втором содержались основные положения подготовки и ведения десантных операций.

Сущность морской десантной операции определялась как маневр сухопутных сил через море с целью воздействия на фланг, войсковой или глубокий тыл противника, либо для перенесения войны на его территорию. Рассматривались морские десантные действия различного масштаба: стратегического, оперативного, тактического, а также диверсионные.

Поскольку все рассматриваемые нами десанты являлись тактическими, то на них и остановим свое внимание. Подобные десанты предполагалось высаживать с целью нанесения удара непосредственно во фланг или ближайший тыл группировки противника в интересах сухопутных войск, ведущих боевые действия на приморском направлении. Тактические морские десантные действия виделись, как правило, составной частью операции сухопутных войск на приморском направлении, то есть не самостоятельными. Ориентировочный состав войск тактического десанта — до стрелкового полка со средствами усиления.

В общем случае группировка войск морского десанта состояла из первого броска, главных сил высадки, главных сил десанта и тылов десанта. Первый бросок включал разведывательный отряд и передовые отряды, а также высадочные партии из специально подготовленного личного состава. Главные силы высадки состояли из 1-го, 2-го и иногда 3-го эшелона, они решали задачу захвата плацдарма высадки. Главные силы десанта — это остальные части и военная техника частей, ведущих бой за высадку. В ходе высадки они являлись резервом командующего операцией, а в дальнейшем должны были реализовать цели морской десантной операции. Тылы десанта обеспечивали ведение боевых действий войсками после высадки.

В тех случаях, когда решение главной задачи достиглось или боем за высадку, или незначительным продвижением из района высадки (захват приморского пункта, острова, тактического рубежа), силы высадки являются главными силами десанта, и после них высаживаются только тылы.

Реализовать план командира войск десанта по эшелонированию войск должны корабельные силы высадки. Считалось, что наилучшими десантно-транспортными средствами являются боевые корабли. Аргумент — высокая скорость и наличие огневых средств для обеспечения высадки. В противном случае требовалось фор-

мирование отрядов транспортов и высадочных средств. В качестве последних обычно выступали всевозможные лихтеры, баржи, буксиры, а то и баркасы. Они необходимы, если высадка непосредственно с самих транспортов невозможна, то есть осуществляется не на причалы, а на необорудованное побережье. Весь первый бросок и первый эшелон требовалось высаживать без перегрузки, непосредственно с транспортирующих кораблей или с высадочных средств, то есть способом «берег-берег». Как это можно сделать на практике, если не высаживаться на причалы, не вполне понятно.

Кроме отрядов десантно-транспортных¹ и десантно-высадочных средств, документами предусматривались отряды кораблей (силы) поддержки и непосредственного охранения. Последние на практике могли являться одним и тем же отрядом, который последовательно решал бы задачи сначала непосредственного охранения сил высадки, а затем оказывал огневую поддержку высадки войск десанта и их действиям на берегу.

Отряды десантно-транспортных и десантно-высадочных средств, поддержки и охранения по идее и составляли силы высадки. Кроме этого, предусматривались силы оперативного прикрытия, которые также могли входить в состав сил высадки, но только исключительно как частный случай и не в морских десантных операциях тактического масштаба.

Главным требованием к организации командования и управления операцией выступает их единство — только так можно организовать надежное взаимодействие всех видов и родов сил. Поэтому предполагалось, что командующим силами в десантной операции² на все

¹ В его качестве мог выступать отряд боевых кораблей или отряд транспортов.

² В дальнейшем командующего силами в морской десантной операции для краткости будем называть «командующий силами», а командующего войсками в операции объединения сухопутных войск, в рамках которой высаживается морской десант — «командующий войсками».

время ее выполнения, то есть до решения войсками десанта главной задачи на берегу, будет назначен армейский или флотский военачальник, исходя из того, в чьих интересах, собственно, и проводится морская десантная операция. В случае, если операция возглавляется морским командованием, в помощь последнему назначается помощник по сухопутной части. И наоборот — в помощь армейскому командующему назначается помощник по морской части.

В общем случае в морской десантной операции предполагалась следующая структура командования:

- командир сил прикрытия, подчиненный непосредственно командующему силами в операции;

- командир сил высадки, подчиненный непосредственно командующему силами в операции;

- командир войск десанта, с момента получения приказа о посадке подчиняющийся командиру сил высадки; он сходит на берег вслед за первым эшелоном десанта и выходит из подчинения командира сил высадки с окончанием боя за высадку;

- командир сил поддержки, объединяющий под своим командованием маневренное соединение, сформированное для огневой поддержки войск десанта; подчинен на все время операции командиру сил высадки;

- командир сил охранения, объединяющий под своим командованием все силы, выделенные для непосредственного охранения десантного отряда на переходе морем и в районе высадки, организует охрану водного района высадки и командует ею до сворачивания операции, подчинен на все время операции командиру сил высадки;

- командир отряда транспортов, подчинен непосредственно командиру сил высадки на все время операции;

- командир отряда высадочных средств, подчинен непосредственно командиру высадки на все время опера-

ции, одновременно является командиром высадочной партии.

Предпочтительными районами высадки войск считались небольшие торговые порты, бухты с рыбацкими поселками и пристанями, а также пологие безлесные берега (пляжи), где удобно и безопасно утыкание высадочных средств в береговую отмель и возможна высадка людей вброд. При этом учитывалось, что такие удобные пункты и районы побережья могут иметь усиленную охрану и оборону, поэтому предлагалось выбирать менее удобные участки. В этом случае высадившийся первый бросок силами высадочной партии сооружал пристань, таким образом обеспечивая высадку последующих эшелонов.

Начавшаяся Великая Отечественная война изначально пошла не так, как это могли представить себе советские люди. Одновременно она очень быстро «вывалилась» из рамок плана «Барбаросса» и превратилась в «терра инкогнита» для агрессоров. Великая Отечественная война советского народа 1941–1945 годов — действительно уникальное явление в истории войн человечества. Внесли свою лепту в эту уникальность и отечественные морские десанты — хотя бы тем, что впервые в мировой практике морские десантные действия вела обороняющаяся сторона. Никто и никогда до этого не высаживал десанты с моря в ходе оборонительных операций. Первым эффектом столь нестандартного применения сил стала полная их неожиданность для противника. Немцы не ожидали удара войсками с моря, потому что в тех условиях обстановки этого не должно было быть. То есть не потому, что это невозможно в принципе, а потому что не было прецедента.

Далее рассмотрим первые советские морские десантные операции на всех трех морских театрах войны, сосредоточив свое внимание на организации управления, построения и применения корабельных сил.

Север

Первую морскую десантную операцию провели североморцы, это произошло уже 6 июля 1941 года. Затем последовали высадки 7 и 14 июля. Вспомним общий ход событий.

Наступление на Крайнем Севере 19-й германский горный корпус начал 29 июня из района Печенги (Петсамо). Корпусу противостояли соединения и части 14-й армии, оборонявшей весь Кольский полуостров и северную Карелию. За несколько дней напряженных боев противник на приморском направлении продвинулся до 30 км, к исходу 30 июня вышел к реке Западная Лица и овладел плацдармом на ее восточном берегу. К этому времени из района Мурманска на рубеж реки Западная Лица была выдвинута 52-я стрелковая дивизия, завязавшая упорные бои с противником.

Северный фланг 14-й армии прикрывал Мурманск и флот, обеспечивая базирование и боевые действия последнего. Военный совет Северного флота не питал никаких иллюзий относительно сложившейся ситуации, хорошо понимая, что если войска не удержатся на занимаемом рубеже, то война в Заполярье на том и завершится. Для флота альтернативой Кольскому заливу мог стать только район Архангельска, где с наступлением зимы корабли просто вмерзнут в лед — а это значит, что все Баренцево, да и Карское море автоматически останутся за противником.

В этих условиях командование флота во главе с контр-адмиралом А. Г. Головкин не могло изображать стороннего наблюдателя и предприняло целый ряд практических мер — таких, как формирование стрелковых частей, организация переправы через Кольский залив для питания обороняющихся войск, осуществление их артиллерийской и авиационной поддержки. Но плацдарм

противника на восточном берегу Западной Лицы висел над всей системой базирования флота как дамоклов меч: только его ликвидация могла вернуть хоть относительное спокойствие за ближайшую судьбу флота. Во многом здесь имел место чисто психологический момент: река Западная Лица не представляла из себя действительно непреодолимый рубеж, с не меньшим успехом противника можно было остановить в любом распадке между сопок, что на самом деле в конце концов и произошло.

1 июля Военный совет флота доносил свои предложения Наркому ВМФ:

«Части 14 сд, оставив Титовку, отходят на Мурманск. Один полк отошел на полуостров Средний, один полк предположительно тундрой отходит на Мурманск. 52 сд в районе Западная Лица в обороне. Дальнейшее отступление частей 14-й армии ставит под угрозу базирование флота в Кольском заливе. В целях отражения противника предложили Фролову¹ высадить десант в районе Титовки с одновременным наступлением 52 сд и демонстрацией десанта в районе Петсамо».

Однако командование 14-й армии резервов не имело, выделить силы для десанта не могло. Командующий флотом просил Наркома ВМФ хлопотать о выделении войск Архангельского округа, переброску которых из Архангельска в Кандалакшу и Кольский залив флот брал на себя. Но войска Архангельского округа фронт уже успел «ангажировать» для затыкания дыр в Карелии.

В это время на рубеж реки Западная Лица, на фланги 52-й дивизии, подтянули два отряда моряков численностью 800 и 600 человек, и наступление противника удалось остановить. 6 июля наши войска сами хотели

¹ Командующий 14-й армией.

перейти в наступление, чтобы ликвидировать плацдарм на восточном берегу реки. Поскольку наступать в сопках одинаково трудно любой из противостоящих сторон, то командование 52-й дивизии понимало, что ударом в лоб оно, скорее всего, ничего не добьется. Тем более, что попытки отбросить противника к устью Западной Лицы предпринимались уже не единожды. На это раз решили воспользоваться ранее подсказанной идеей — попытаться с помощью морского десанта если не охватить войска противника с двух сторон, то хотя бы создать для них такую угрозу.

Пользуясь присутствием при штабе дивизии офицера связи штаба флота старшего лейтенанта Кутырева, командир дивизии, минуя штаб армии, напрямую обратился к командующему флотом с просьбой организовать высадку морского десанта. В качестве войск из состава дивизии выделили один стрелковый батальон (550 бойцов). На всю подготовку морской десантной операции отводилось одни сутки. Это не означает, что решение на ее проведение оказалось совершенно неожиданным для штаба флота: сама идея уже витала в воздухе не один день, и какие-то наброски имелись. Однако наброски набросками, но единственным боевым документом, разработанным на операцию, оказалась таблица условных сигналов. Причем она являлась чисто флотским документом, связаться по ней с войсками фронта было невозможно.

Поскольку морская десантная операция проводилась не по директиве командующего фронтом, в оперативном подчинении которого находился Северный флот, и даже не на основании приказа командующего 14-й армии, что вполне допускалось по существовавшей в тот момент организации, а по просьбе командира 52-й дивизии, то организацию управления ни кто сверху не определял. В этих условиях А. Г. Головкин сам определил себя командующим силами в морской десантной операции — таким образом взяв всю полноту ответственности за ее результат.

Последнее замечание совсем не излишне. Во-первых, теперь-то известно, какое непредсказуемо жестокое это было время для военачальников. Во-вторых, речь шла о первой в этой войне морской десантной операции, которая и в мирное время считалась одной из самых во всех отношениях сложных форм применения сил. Никаких документов, за исключением уже упоминавшейся ТУС, на операцию не разрабатывалось, имелась лишь рабочая карта с нанесенным на нее замыслом командующего, на ней же велась обстановка. Свое Решение А. Г. Головкин надиктовал прямо в журнал оперативного дежурного флота, откуда его позже, подредактировав, перенесли в журнал боевых действий и отчетные документы. Все Решение свелось к пяти пунктам, которые звучали приблизительно так:

1. Используя боевые корабли, утром 6 июля произвести с них высадку десанта на необорудованное побережье губы Нерпичья.

2. Десантные войска и средства их перевозки сосредоточить в Мурманске, где и произвести посадку десанта и погрузку техники.

3. Учитывая отсутствие на театре темного времени (полярный день), переход десанта до устья губы Большая Западная Лица совершить методом постепенного перехода одиночных кораблей (перетекания), далее действовать совместно всем отрядом.

4. В целях сохранения скрытности операции использование радиосредств на переходе и в период сосредоточения десантного отряда запретить.

5. ПВО десантного отряда в пунктах посадки, на переходе и при высадке осуществлять базовыми средствами ПВО, зенитной артиллерией кораблей, барражем 12 самолетов-истребителей и маскировкой перехода путем движения кораблей вблизи берега (маскируясь под фон скал).

В Решении ничего не сказано еще об одном элементе боевого порядка морских десантных сил — оперативном

Десантники на западном берегу губы Большая Западная Лица

прикрытии. На самом деле указания по этому поводу имелись. Учитывая специфические физико-географические условия района предстоящих действий, командующий флотом отказался от формирования предусмотренного документами корабельного отряда прикрытия, возложив его функции на постоянно действующие корабельные дозоры на линии полуостров Рыбачий — остров Кильдин и артиллерию береговой обороны.

Для высадки войск морского десанта были сформированы силы высадки, куда вошли сторожевые корабли «Гроза», «Туман» и СКР-65, тральщики Т-890 и Т-891, малые охотники МО-131, МО-132 и МО-133, сторожевые катера № 15, № 16, № 17 и № 22. В резерве находился эскадренный миноносец «Куйбышев». Все корабельные силы, выделенные для проведения операции, кроме эсминца, входили в состав Охраны водного района Главной базы. Командира этого соединения капитана 1 ранга В. И. Платонова сразу определили командиром сил высадки и вторым заместителем командующего си-

лами в операции. При этом получилось, что в состав сил высадки вошел только один корабль сил поддержки — СКР «Гроза»; второй потенциальный корабль этих сил, эсминец «Куйбышев», остался в подчинении командующего силами А. Г. Головки.

Сторожевой корабль специальной постройки «Гроза» предназначался для огневой поддержки войск десанта; остальные корабли типа РТ (то есть мобилизованные рыболовные траулеры) являлись десантно-транспортными средствами, они перевозили войска основного эшелона войск — всего 429 человек. Каждый из них взял по стрелковой роте: «Туман» — 150 человек, СКР-65 — 109 человек, Т-890 — 100 человек и Т-891 — 90 человек (пулеметная рота). Первый бросок в составе одной стрелковой роты (100 человек) разместили на сторожевых катерах¹ по 25 человек на каждом. Малым охотникам отводилась роль кораблей охраны на переходе морем, прежде всего ПЛО, и десантно-высадочных средств в ходе высадки.

По плану операции все корабли и катера должны были быть готовы оказать войскам десанта артиллерийскую поддержку. При этом корабли типа РТ и малые охотники имели на вооружении по два 45-мм орудия 21-К, не то что малоэффективных для стрельбы по береговым целям в тех условиях, но просто бесполезных.

Недостаток времени на подготовку операции сказался не только на отсутствие разработанных боевых документов, но и на отсутствие какой-либо подготовки выделенных войск, сил и средств, организации их взаимодействия — операция проводилась распорядительным порядком.

5 июля А. Г. Головки устно поставил боевую задачу командиру сил высадки. В тот же день В. И. Платонов в

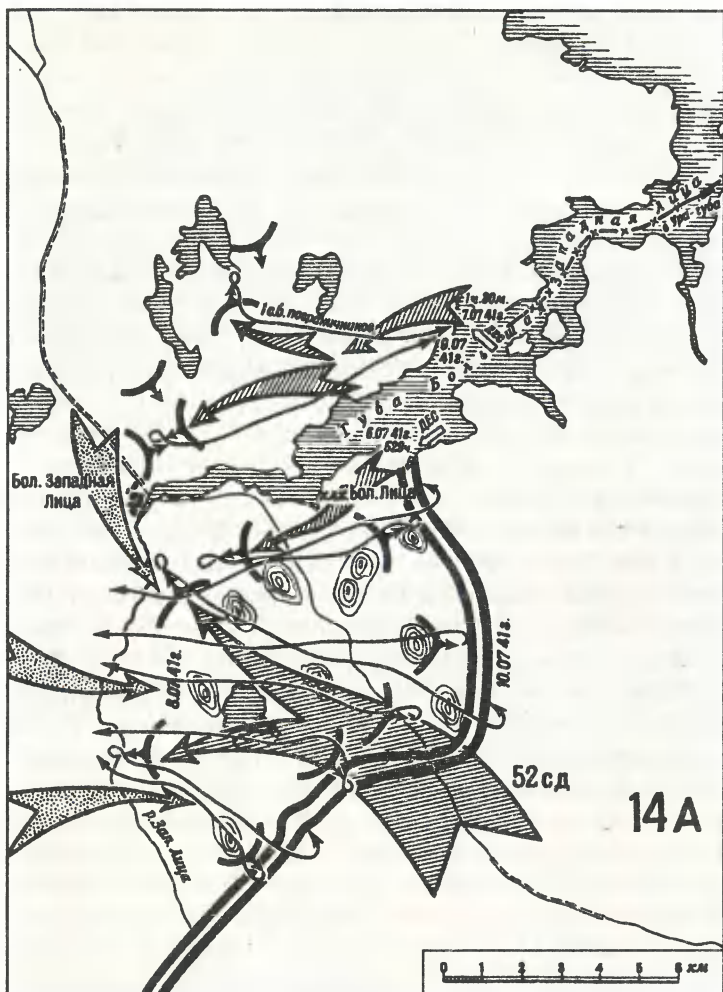
¹ Все сторожевые катера являлись мобилизованными мотоботами.

Мурманске встретился с командиром войск десанта, которому тут же представитель штаба 14-й армии (также устно) поставил задачу на действия десанта на берегу. Все, что успел сделать командир высадки — это во время посадки войск провести даже не инструктаж, а совещание командного состава, на котором были поставлены задачи и сообщен обговорен порядок действий на различных этапах операции в различных условиях обстановки.

Посадку на корабли войска десанта произвели в Мурманске 5 июля, она длилась около часа. Поскольку планом предусматривался одиночный переход кораблей до губы Вичаны, что располагается непосредственно у входа в губу Большая Западная Лица, корабли снимались по готовности и сразу начинали движение по Кольскому заливу. Сторожевые катера с находившимся на них первым броском десанта, ввиду их малой скорости хода, вели на буксире.

Переход прошел без противодействия противника. Это отчасти объясняется тем, что в то время германские самолеты еще не охотились за каждым отдельно взятым сейнером или тем более мотоботом. В целях маскировки в условиях полярного дня корабли прижимались к берегу, маскируясь под фон его скал. Таким образом, способ перехода не в едином походном порядке, а методом «перетекания» вполне себя оправдал.

В губу Большая Западная Лица корабли вошли 6 июля уже в едином боевом порядке. Высадку войск начали в 06:10 и завершили в 07:00, она прошла без противодействия противника, поэтому без потерь в составе войск десанта и кораблей. Это нельзя отнести к элементарному везению. Дело в том, что в районе высадки у колхоза Большая Лица имелся причал. Сама морская десантная операция для противника оказалась совершенно неожиданной, он не имел войск для отражения высадки, но район находился в зоне его артиллерийского огня. Когда немцы поняли, что происходит, они открыли

Действия 52-й стрелковой дивизии и десантных сил Северного флота
с 6 по 16 июля 1941 года

минометно-артиллерийский огонь — но именно по причалу. А куда еще можно высаживаться? Однако, как уже отмечалось, высадку войск изначально планировали на необорудованное побережье. Мало того, что она производилась на достаточно широком фронте сразу в четырех пунктах, так еще и происходила под прикрытием прибрежных скал и противником никак не наблюдалась.

Здесь необходимо отметить один нюанс. Несмотря на то, что высадка войск производилась на необорудованное побережье, то есть при отсутствии причалов, солдаты сходили на берег со сторожевых катеров по сходням прямо на берег, то есть сухими. И это при том, что осадка вчерашних мотоботов достигала двух метров. Опять же сыграла роль специфика физико-географических условий, когда с одной стороны прибрежные скалы круто уходили под воду и позволяли подойти к ним судам с относительно большой осадкой, а с другой — расщелины в этих скалах позволяли бойцам быстро и скрыто уходить от уреза воды. Правда, здесь надо учитывать величину прилива — в нашем случае два сторожевых катера в последних рейсах из-за отлива оказались на осушке.

Через час после окончания высадки, не получая никаких сигналов от командира войск десанта с берега, командир высадки отдал приказ о возвращении кораблей в базу. Для обеспечения севших на мель сторожевых катеров, а также для возможной артиллерийской поддержки десанта в районе высадки оставили сторожевые корабли «Туман» и «Гроза». В 08:30 по заявке войск они открыли огонь по позициям противника, израсходовав 27 102-мм и 83 45-мм снарядов.

На этом, собственно, морская десантная операция и завершилась. Отметим здесь лишь еще два интересных момента. Во-первых, задача высаженного батальона заключалась в соединении с наступающими войсками фронта на заданном рубеже, а десантная операция к 08:00 6 июля как бы «затухла» сама по себе. Одновременно войс-

Высадка десанта с кораблей Северного флота, 1942 год

ка десанта в течение дня заняли совхоз Большая Лица, а вот войска фронта смогли перейти в наступление лишь на третьи сутки. И все это время десант оказался предоставлен самому себе. Высаженные войска в течение двух суток не могли установить связь с войсками фронта. Более того, они перестреливались друг с другом, отгоняя огнем посылаемых делегатов. Только на третий день удалось установить связь и организовать совместное наступление 112-го полка 52-й дивизии и войск десанта, в результате которого противник оказался отброшен на западный берег реки Западная Лица. Ясно, что даже при самом жестком лимите времени есть вопросы, которые упускать никак нельзя. К ним, в частности, относятся вопросы организации связи и взаимодействия.

А теперь во-вторых. Когда командир войск десанта вышел из подчинения командира сил высадки, в чье подчинение он перешел? Вышел он из подчинения очень просто — сошел на берег, и все: ТУС-то была, а вот средств радиосвязи у войск — нет. И как уже отмечалось, ни к кому в подчинение командир войск десанта

не перешел, пока наконец через двое суток до него все же добрался делегат от командира 112-го полка. Этот единичный случай стал первым предупредительным звонком: явно имеется очень опасный пробел в вопросе определения момента окончания боя за высадку и организации переподчинения командира войск десанта.

Что касается выводов по первым десантным операциям Северного флота, озвученных в отчетах, то они в основном свелись к тому, что в данных условиях обстановки командующий флотом А. Г. Головкин принял единственное правильное решение, а подчиненные смогли его реализовать. То есть выводы в основном отвечали на вопрос: «насколько все правильно сделали?»

Но имелись выводы и не озвученные, те, которые по умолчанию реализовали в последующих операциях, как само собой разумеющиеся. Например, и далее в качестве десантно-транспортных средств выступали бывшие рыболовные суда. Кстати, в отчетных документах сторожевые катера прямо называются просто мотоботами. Действительно, они отличались от своих гражданских собратьев лишь 12,7-мм пулеметом при сохранении тех же трюмов. Причем эти сторожевые катера длиной 16 м и с осадкой 1,8 м достаточно беспрепятственно высаживали войска по сходням непосредственно на берег. То же самое делали и более крупные бывшие дрейфтерботы длиной в 26 м с осадкой 2,8 м, и даже сторожевые корабли и тральщики, переоборудованные из РТ. Отпадала необходимость создавать специальный отряд десантно-высадочных средств — имеющиеся мотоботы в полной мере удовлетворяли командование Северным флотом и как десантно-транспортные, и как десантно-высадочные средства.

Этому способствовало то, что войска десанта практически не имели тяжелого вооружения — местность исключала не только использование танков, но и любой автотехники, да и орудий калибром более 76 мм. Единственным видом транспорта, который использова-

ли десантники, являлся гужевой, то есть лошади. Но как показал опыт, североморские мотоботы могли справиться и с этой задачей. Например, в ночь на 3 августа через губу Большая Западная Лица были перевезены на свою территорию войска десанта, высаженного еще 14 июля. Эвакуация проводилась силами ОВР и прошла благополучно: к 10 часам утра перевезли 1540 человек, в том числе 240 раненых, 740 ящиков боезапаса, одну 76-мм пушку, продовольствие и 20 лошадей.

В дальнейшем сохранилась и организация сил, участвовавших в морских десантных операциях. В частности командующий флотом оставлял за собой должность командующего силами в морской десантной операции. Однако причины на то со временем менялись. Так, в 1942 году морская десантная операция проводилась на основании директивы командующего Карельским фронтом, ему оперативно подчинялся Северный флот. Однако непосредственно операцию на Печенгском направлении возглавлял командующий 14-й армией, который по существующей иерархии стоял как бы ниже командующего флотом, и назначать последнего помощником по морской части командующему армией получалось как-то несолидно. Поэтому операцию называли совместной, и каждый военачальник решал поставленные ему задачи, согласовывая свои действия с соседом. Подобной организации способствовал еще и тот факт, что на Севере в течение всей войны у командования Северным флотом и 14-й армией сложились хорошие конструктивные отношения, они уже привыкли все насущные вопросы разрешать самостоятельно.

В 1944 году А. Г. Головкин вновь возглавил операцию, но уже не просто десантную. Дело в том, что 31 марта 1944 года Северный флот вывели из подчинения Карельского фронта и во всех отношениях переподчинили Наркому ВМФ, который теперь стал Главкомандующим ВМФ. Таким образом, когда Карельский фронт стал планировать Петсамо-Киркенесскую наступательную

операцию, то не мог ставить задачи Северному флоту, с которым требовалось тесное взаимодействие, прежде всего в вопросах прорыва фронта противника путем высадки морских десантов. В этих условиях Северный флот стал планировать собственную операцию «Вест» — она, по сути, являлась морской частью Петсамо-Киркенесской операции и, естественно, была полностью увязана с последней.

Балтика

Первые морские десантные операции на Балтике провели уже под Ленинградом в октябре 1941 года на южный берег Финского залива¹. Их целью являлось содействие войскам фронта в деблокировании 8-й армии и взятии под контроль побережья залива. Командование Ленинградского фронта планировало решить эту задачу путем нанесения ударов войсками 8-й армии из района Петергофа и войсками 42-й армии — навстречу им от Лигово.

Вечером 1 октября штаб Ленинградской ВМБ² получил приказание Военного совета Ленинградского фронта о срочной подготовке высадочных средств и об установлении связи со штабом 42-й армии на предмет организации и проведения десантной операции в ночь с 1 на 2 октября. Выделенная в качестве войск десанта рота 6-й бригады морской пехоты находилась на фронте и к месту посадки могла прибыть только к утру 2 октября. По этой причине операцию перенесли на сутки.

2 октября командующий 42-й армией поставил перед Ленинградской ВМБ задачу к началу наступления

¹ Здесь сознательно пропущена августовская высадка в Виртсу и захват в июле-августе нескольких маленьких финских островков в районе военно-морской базы Ханко — в силу малопоучительности этих эпизодов.

² Ленинградская ВМБ сформирована 1 октября 1941 года, командир базы контр-адмирал Ф. И. Челпанов.

42-й армии (04:20 3 октября) скрытно высадить восточнее завода пишущих машин¹ (у будки рыбаков) войска морского десанта в составе одной усиленной роты 6-й бригады морской пехоты (225 человек). Высаживаемые войска имели задачу уничтожать штабы и материальную часть артиллерии противника, после чего выйти на западную окраину Ивановки² для соединения с наступающими с востока частями 42-й армии.

Силы высадки состояли из трех малых охотников, девяти катеров «ЗИС»³, двух катеров типа «Р»⁴ и 22 весельных шлюпок и катеров⁵. В целях скрытности перехода и внезапности высадки буксировать шлюпки с войсками моторными катерами предполагали только половину пути, а далее следовало идти к берегу под веслами. Для введения противника в заблуждение относительно пункта высадки одновременно планировалось имитировать высадку ложного десанта в районе Стрельны маневрированием и стрельбой по берегу, а также постановкой дымовой завесы специально назначенным отрядом катеров (по два типа «МО», «КМ» и «ЗИС»). Огневое обеспечение высадки войск десанта и действий его на берегу должны были осуществлять катера «МО» сил высадки и эсминец «Сметливый», стоявший на Неве. После высадки войск катерам и шлюпкам предписывалось отойти от берега и до 05:00 находиться в районе в готовности по сигналу с берега снять высаженные войска.

Согласно боевому распоряжению командира Ленинградской ВМБ от 2 октября общее командование операцией возлагалось на капитан-лейтенанта Шавцова.

¹ Сегодня это Электромеханический завод (ЛЭМЗ).

² Сегодня это приблизительно район парка Ново-Знаменка.

³ Катер типа ЗИС — разъездной катер длиной 11,5 м и осадкой 0,8 м.

⁴ Катера типа Р («Рыбинец») — рейдовый катер длиной 20,8 м и осадкой 1,1 м.

⁵ Осадка шлюпок и весельных баркасов составляла приблизительно 0,5 м.

Командиром отряда высадки назначили капитан-лейтенанта Крылова.

Вообще единого командования не получилось. Армейцы ограничились постановкой задач. С учетом масштаба десантных действий и наличия в Ленинграде и Кронштадте всего Балтийского флота этого, наверное, было вполне достаточно. Однако после высадки войск десанта на берег они должны были управляться командованием армии или одним из подчиненных ему штабов — а как? Этот вопрос остался открытым, так как средства радиосвязи у войск десанта изначально отсутствовали. Кроме этого, раз фронт во всем положился на флот, значит, должен был находиться флотский военачальник, который возглавил бы собственно морскую десантную операцию. Но командир Ленинградской ВМБ от этого уклонился, все переложив на Шавцова, а тот имел в подчинении только катера да шлюпки, то есть силы высадки. У него отсутствовали даже силы поддержки. На самом деле командиром десантного отряда оказался Крылов. Впрочем, в данном случае десантный отряд и силы высадки были почти одним и тем же, так что кто-то здесь явно оказался лишним.

При подготовке операции штаб Ленинградской ВМБ разработал несколько документов. Первый, без названия, похож на боевое распоряжение Шавцову. Оно очень короткое, но интересно его начало: *«По указанию офицера связи штаба 42-й армии капитана Ждан-Пушкина в 04:20 3.10.41 г. высадить одну усиленную роту...»* Если бы в отчете отсутствовало Боевое распоряжение штаба 42-й армии, то можно было бы подумать, что ВМБ командует капитан соседней армии. Само боевое распоряжение занимает полстранички, где сказано только, кого, где и когда высадить.

В принципе, в тех условиях и при таких масштабах предстоящих действий это почти нормально. Но только если командир войск десанта также получил бы боевое распоряжение, где указывалась ближайшая и дальней-

шая задачи войск, порядок переподчинения от командира сил высадки к командиру какой-то части армии, указания по связи, огневому обеспечению и так далее. Однако ему сообщили лишь задачу. Командир войск десанта получил указания устно непосредственно перед посадкой войск. Также в боевом распоряжении силам высадки отсутствовали данные по противнику; можно предположить, что и командиру войск десанта ничего путного по этому поводу сообщить не могли. Документы на операцию утвердили только в 21:20 2 октября, то есть за несколько часов до посадки войск.

Штаб Ленинградской ВМБ разработал очень важный для подобных операций документ — плановую таблицу действий войск, сил и средств. Поскольку участников операции было мало, таблица получилась короткой. Но дело не в ее объеме, а в качестве. Например, вот как там расписывались действия эсминца «Сметливый»: в ходе развертывания сил высадки в 03:25 открыть огонь по квадрату такому-то, а в 04:00 — по такому-то; в ходе боя за высадку огонь открывать по заявкам Шавцова через контр-адмирала Грена. В руках последнего в годы блокады Ленинграда было сосредоточено управление всей корабельной и береговой артиллерией для наиболее эффективного ее применения. Связь с силами высадки в ходе этой операции работала хорошо, и можно было надеяться, что, несмотря на такой «окружной» путь, заявки на выполнение огневых задач реализовывались бы своевременно.

Здесь важно другое: плановая таблица вообще не предусматривала выполнение заявок... командира войск десанта. Как же так могло получиться? Отчасти в этом виноват командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г. К. Жуков. Вызвав к себе командира ВМБ, он сразу заявил, чтобы никаких десантных операций не затевали, а просто перевезли роту моряков, высадили в указанном месте, и все!

Теперь посмотрим, чем закончилась эта «недесантная операция».

В 01:15 3 октября рота моряков прибыла в район Торгового порта, в 01:55 закончила посадку на катера. По прибытии отряда в район нефтебаков десантников пересадили на 16 шлюпок, в 04:10 они на буксире у четырех катеров «ЗИС» совместно с отрядом поддержки (три катера «МО») начали движение к месту высадки. Ориентируясь по огням ранее выставленных двух катеров-маяков, отряд в 04:35 прибыл в район будки рыбаков и начал высадку войск. Демонстративный отряд к этому времени в районе Стрельны стрельбой по берегу, постановкой дымовых завес и маневрированием катеров пытался создать у противника впечатление начавшейся там морской десантной операции.

Высадку войск основного десанта произвели незаметно и без противодействия. Только в 04:50, когда все войска уже находились на берегу, противник открыл беспорядочный пулеметный огонь по пляжу. Убедившись, что войска десанта ушли с уреза воды, и решив, что обратный их прием не потребуется, катера со шлюпками на буксире с рассветом 6 октября отошли от места высадки и в 07:00 прибыли в район нефтебаков.

После выхода войск десанта на берег связь с ними прекратилась, их дальнейшая судьба осталась неизвестной. В действительности боевая задача оказалась не выполненной, вся рота погибла. При этом официально виновных не было. Флот свою задачу выполнил и войска высадил, даже без потерь. Армия в управление ротой морской пехоты не вступила, потому и ответственности за нее не несла. Да собственно, никто и не пытался разбираться с этой ротой, так как наступление 42-й армии развития не получило, и там погибла не одна рота...

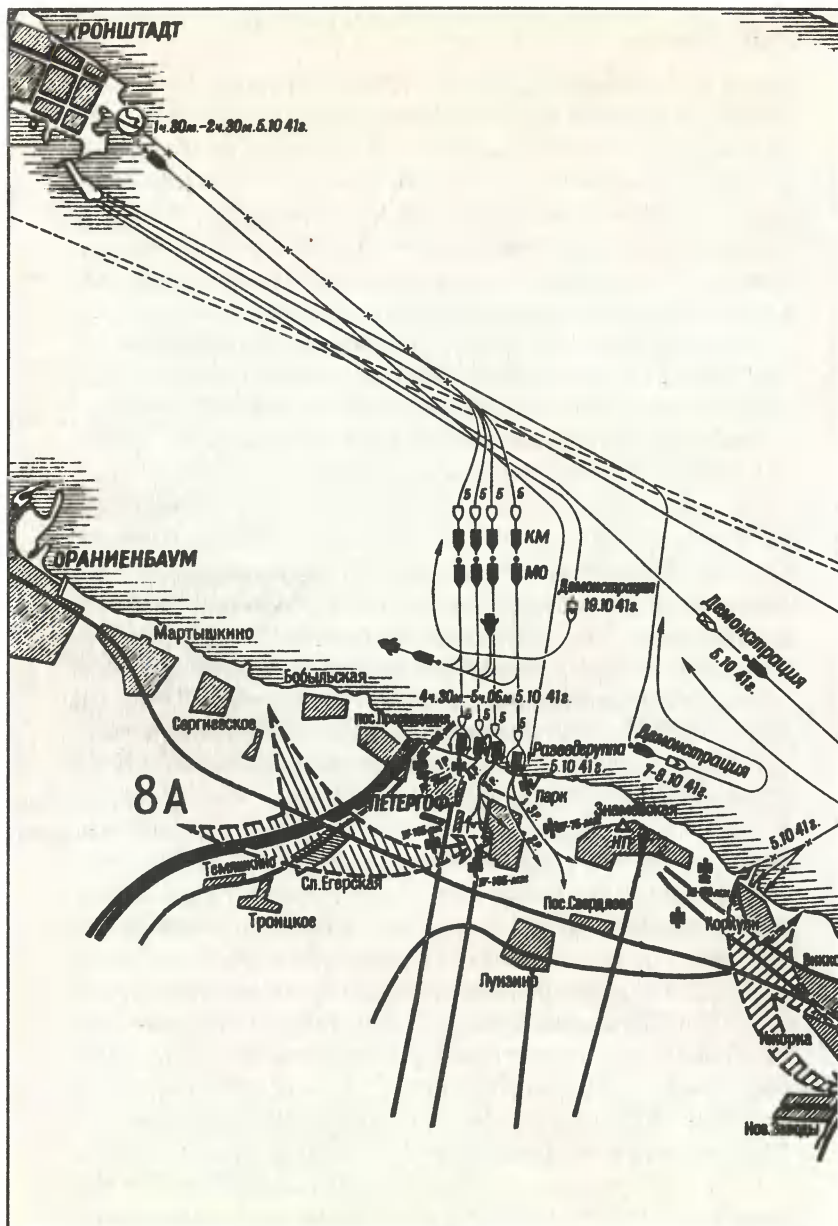
Попытки освободить побережье Финского залива продолжались, в связи с этим приняли решение 5 октября провести сразу две морские десантные операции. Первая осуществлялась из Кронштадта, в интересах 8-й армии, наступающей с запада, вторая из Ленинграда, в интересах 42-й армии, наступающей с востока. Здесь

сразу надо отметить, что пункты высадки войск обоих десантов отстояли друг от друга не более чем на 5 км. С учетом единства замысла всей операции по деблокированию 8-й армии и взаимоувязанных задач войск морских десантов явно кто-то обязан был согласовать их планы и действия, а при необходимости и организовать взаимодействие сил двух морских десантных операций. Однако такого военачальника не нашлось.

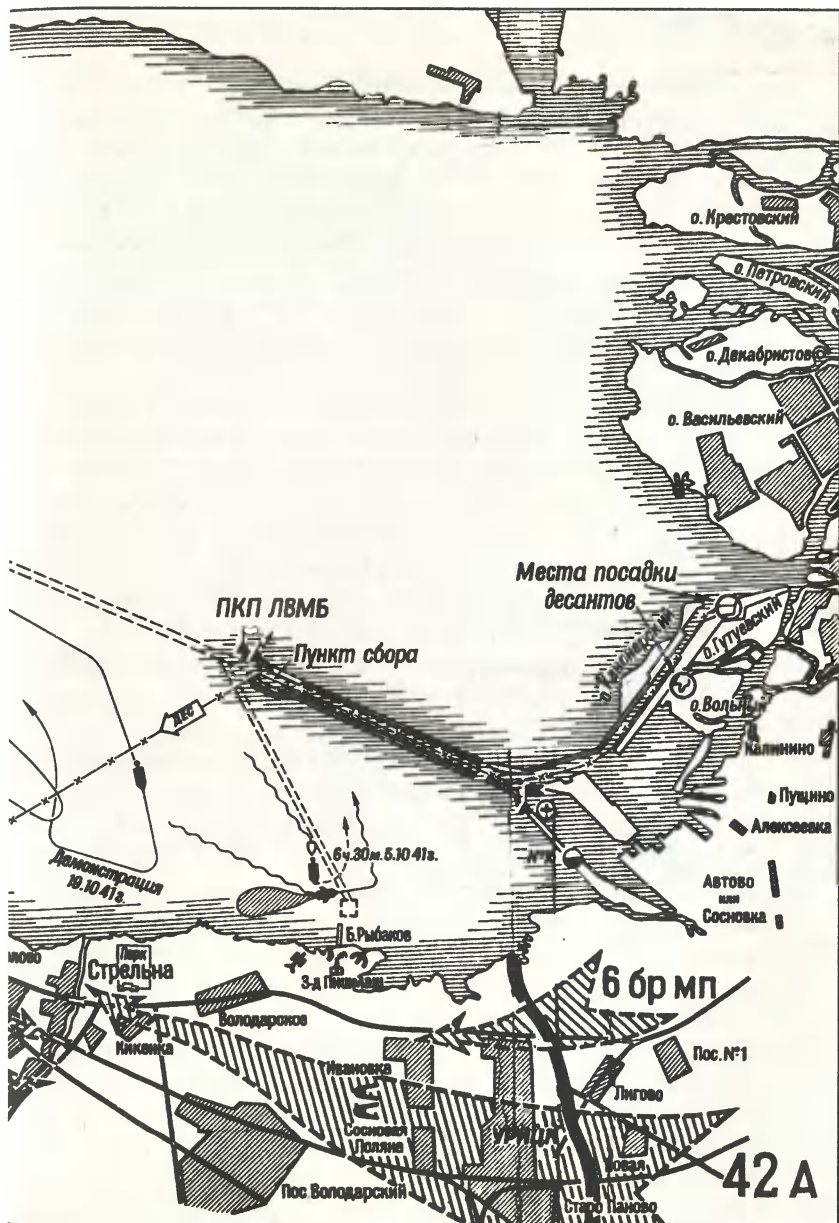
Первый морской десант высаживался в районе Петергофа. Его целью являлось содействие наступлению частей 8-й армии с задачей уничтожения ново-петергофской группировки противника и очищения от него южного побережья Финского залива.

Войскам десанта в составе батальона морской пехоты (477 человек, 314 винтовок, 40 ручных и станковых пулеметов и 20 минометов калибром 50 мм) и разведывательного взвода разведывательного отдела КБФ (43 человека) под общим командованием полковника Ворожилова ставилась задача: высадившись на участке от Каменной стены до дома отдыха включительно (район нижнего Ново-Петергофского парка), прочно закрепиться по западному берегу безымянного ручья и тем самым прикрыть себя с востока и юго-востока, захватить узлы дорог восточнее Нового Петергофа и северо-западнее железнодорожной станции Новый Петергоф, после чего нанести удар во фланг и тыл противнику и во взаимодействии с частями 8-й армии окружить и уничтожить его группировку в районе Новый Петергоф.

Высадку планировали произвести под прикрытием дымовых завес с 04:30 до 05:00 5 октября. Силы высадки включали: десантный отряд из бронекатера, пяти катеров типа МО, 20 катеров типа «КМ» и 12 шлюпок; отряд кораблей непосредственной огневой поддержки — два базовых тралщика, один бронекатер; демонстративный десантный отряд — пять катеров типа «КМ», один катер «МО» и сторожевой корабль «Коралл». Задача последнего — имитация высадки десанта в районе Стрельны

Петергофские десанты,

октябрь 1941 года

путем обстрела берега, постановки дымовых завес и маневрирования катеров без фактической высадки людей.

В отчете штаба КБФ указывается, что *«командование операцией было поручено командиру ОВР ГБ капитану 2 ранга т. Святкову»*. Одновременно имелись авиационная (71 самолет) и артиллерийская (48 орудий калибров от 100 до 305 мм) группы поддержки, их действия планировались по времени, возглавлялись они соответственно командующим ВВС КБФ и начальником артиллерии Кронштадта.

А кто же руководил всей морской десантной операцией? Как сказано в отчете: *«Ввиду того, что действия происходили в районе Кронштадт—Петергоф, непосредственного взаимодействия между капитаном 2 ранга Святковым, с одной стороны, командующим ВВС КБФ и начальником артиллерии — с другой, не было, координировал действия всех сил Военный совет КБФ, находящийся в Кронштадте»*. То есть коллегиальный орган — а значит, никто.

Таким образом, видно, что юридически командующим операцией числился командир ОВР капитан 2 ранга И. Г. Святков, а фактически им являлся командующий флотом, ибо Святков ничего, кроме кораблей сил высадки, не имел и поэтому управлять десантом на берегу и обеспечивать его действия артиллерией и авиацией не мог. Кстати, все основные документы на операцию подписаны начальником штаба КБФ и утверждены Военным советом флота, Святков подписывал и утверждал документы либо как «командир высадки», либо как «командир отряда».

По-видимому, с учетом одновременного проведения практически в одном районе двух морских десантных операций, координацию действий всех сил флота должен был осуществлять командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц. Одновременно, учитывая относительную самостоятельность обеих операций и проведение их в интересах разных армий при полном невнимании к ним со стороны командования фронта,

имело смысл назначить командующих силами в каждой морской десантной операции. В случае с десантом в Петергоф таким командующим мог стать, например, командующий эскадрой. В конце концов, кого-кого, а военачальников всех рангов вместе со своими штабами в Кронштадте находилось предостаточно.

На планирование морской десантной операции отводились всего сутки, однако качество большинства боевых документов было достаточным или высоким. В их разработке принимали участие офицеры штаба КБФ, командир войск десанта, командир сил высадки, штаб ВВС, флагманский артиллерист штаба КБФ, начальник оперативного отдела штаба 8-й армии и начальник артиллерии этой армии. Они разработали боевой приказ, план действия войск десанта на берегу, план разведки, плановую таблицу на операцию, плановую таблицу боевых действий ВВС, план обеспечения войск десанта артиллерийским огнем кораблей и береговых батарей КБФ, план посадки войск десанта, схему организации командования отряда высадки, указания и схему связи, схему высадки войск десанта и схему демонстративных действий. Забегая вперед, отметим, что демонстративные действия оказались излишними. Дело в том, что имитация десантных действий планировалась как раз там, где в эту же ночь фактически высаживались войска морского десанта Ленинградской ВМБ. Совершенно случайно в район все же первыми пришли настоящие силы высадки, а не «имитаторы». Вот тут-то и сказалось отсутствие органа управления, согласующего две морские десантные операции.

С 3 по 5 октября войска отряда провели ряд тренировок, кроме этого, соответствующим образом подготовили десантно-высадочные средства.

С 01:30 до 02:30 5 октября на Ленинградской пристани Кронштадта была произведена посадка войск десанта на катера, после чего десантный отряд под командованием капитана 2 ранга Г. С. Абашвили направился в точку развертывания в район банки Каменная. Высадка

началась в 04:30 и завершилась в 05:06. Подход катеров с десантом к берегу прикрывался дымовыми завесами.

Первая рота высадилась по пояс в воду и без противодействия вышла на берег. Другие четыре роты противник встретил сильным, но беспорядочным огнем, на берег они высадились успешно и также без потерь.

Морские охотники открыли ответный огонь прямой наводкой по видимым огневым точкам противника. В результате боя за высадку сгорел от прямого попадания снаряда один катер типа «КМ», другой пропал без вести, при этом из состава экипажей оказалось убито восемь и ранено три человека.

Уже на данном этапе операции начались отклонения от ее первоначального плана. Например, намеченную огневую подготовку высадки отменил лично командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г. К. Жуков — по его мнению, она демаскировала наши намерения и могла помешать внезапности операции. Поэтому артиллерия, минуя периоды огневой подготовки и поддержки высадки, сразу перешла к огневому сопровождению действий войск десанта на берегу. Она открыла огонь в 05:00, но вела его не по заявкам войск десанта, а «по пути их вероятного движения». Поскольку положение своих сил известно не было, то артиллерийский огонь искусственно смещался в стороны от места предполагаемого нахождения десанта.

Несмотря на то, что израсходовали 2571 снаряд калибром 100–305 мм, действенность такого огня из-за отсутствия связи с войсками и незнания точного местоположения целей, естественно, оказалась крайне низка. Ни о каком взаимодействии войск десанта с артиллерией речи не шло. По не совсем понятным причинам отсутствовала и авиационная поддержка.

А как же войска десанта? После высадки на берег связь с ними прекратилась, что же произошло дальше — и по сей день остается не выясненным до конца. Это при том, что батальон Ворожилова имел пять радиостанций

Петергоф, Нижний парк. Зима 1941/42 года

с хорошо подготовленными и опытными радистами. Произойди подобное где-нибудь за десятки миль от своих баз — это одно, но тут, что называется, под носом, да еще второй раз за несколько дней! Командование флотом, все руководители этой операции прибывали в шоке: они были готовы к чему угодно, но не к тому, что почти полтысячи человек, сойдя на берег, просто растворятся в Петергофском парке. Поэтому до 9 октября предпринимались неоднократные попытки восстановить связь с войсками десанта, однако они ни к чему не привели.¹

¹ Малочисленный 19-й стрелковый корпус 8-й армии, который должен был наступать навстречу десанту, своей задачи тоже выполнить не смог. Корпус получил приказ на наступление только 4 октября, 10-я стрелковая дивизия генерал-майора В. И. Щербакова, имея приказ соединиться с десантом в Верхнем парке, сумела лишь форсировать Английский пруд своим 163-м полком и продвинуться на 600 метров к центру Петергофа. 11-я стрелковая дивизия бригадного комиссара В. В. Сосновикова продвижения не имела вообще. (Прим. ред.)

Как уже отмечалось, 5 октября высаживался еще один морской десант в интересах 42-й армии. Приказ на проведение этой операции командир Ленинградской ВМБ (к тому времени им стал контр-адмирал Ю. А. Пантелеев) получил в 15:45 4 октября. Цель высадки — отвлечь часть сил противника из района Петергофа и от Стрельны, чем способствовать разгрому войск противника и соединению частей 8-й и 42-й армий.

Войска десанта в составе батальона 20-й стрелковой дивизии войск НКВД (500 человек с личным оружием) планировалось высадить 5 октября в 04:50 в районе Викколово с задачей развивать наступление на отметку 79, район Викколово, далее — Новые Заводы и юго-западная окраина Стрельны, после чего батальону предстояло перейти в подчинение наступавшей 42-й армии.

Силы высадки включали десантный отряд в составе 14 моторных катеров различных типов, двух катеров «МО» и 25 гребных шлюпок, а также отряд кораблей непосредственной огневой поддержки в составе четырех катеров «МО». Кроме этого, в распоряжении командира сил высадки имелось семь небольших разъездных катеров и два бронекатера. Они использовались для связи, для доставки войскам суточного пайка и еще одного боекомплекта.

К обеспечению операции привлекались стоявшие на Неве эсминцы «Сметливый» и «Стойкий», 19-я железнодорожная батарея, ВВС КБФ. Последние должны были обеспечить истребительное прикрытие кораблей и войск десанта на переходе и в районе высадки, а также бомбардировочной авиацией осуществлять огневое обеспечение высадки и действий десанта на берегу.

Общее руководство операцией, обеспечение артиллерийской и авиационной поддержкой командование ВМБ оставило за собой — что, безусловно, являлось правильным. Однако из выделенных для обеспечения операции эсминцев и батареи, а также авиации оперативных групп не сформировали, все они остались в не-

посредственным подчинении своих прямых начальников. Поэтому роль командира Ленинградской ВМБ в артиллерийско-авиационном обеспечении операции свелась к выдаче заявок в штаб начальника артиллерии и штаб командующего ВВС флота. То есть уже на этом этапе взаимодействие огневых средств и войск десанта, как минимум, крайне осложнили.

План операции в основном сводился к следующему. С наступлением темноты 4 октября войскам десанта и десантно-высадочным средствам надлежало сосредоточиться в двух пунктах: у Гутуевского ковша и Масляного ковша. С 23:30 4 октября до 01:30 5 октября планировалась посадка войск, после чего десантно-высадочные средства начинали движение в район высадки. Переход, как и в предыдущем случае, осуществлялся комбинированным способом: сначала на буксире у катеров, а затем на веслах. Высадка предусматривалась на три пункта и должна была предваряться артиллерийской и авиационной подготовкой.

В ходе подготовки к операции никаких мероприятий по организации взаимодействия между участвующими в ней войсками, силами и средствами не проводилось. Разработанные штабом Ленинградской ВМБ достаточно качественные и полные боевые документы до всех исполнителей так и не довели, некоторыми из них вообще не воспользовались.

Выполнение операции началось по плану, однако сосредоточение плавсредств завершилось только к 00:00 5 октября, то есть с задержкой на два часа. Войска десанта совершали марш из Новой Деревни и также опоздали, в связи с чем посадка началась в 01:55, то есть уже с запозданием на два с половиной часа.

В 03:15 посадку закончили, десантный отряд вышел к району высадки. Бой за высадку начался в 05:17 под интенсивным пулеметным огнем с берега, но в 05:55 войска относительно успешно вышли на берег, потеряв убитыми два человека. Подошедшие к этому времени

три катера с боезапасом и продовольствием ввиду наступления рассвета, усиления огня с берега и ухода батальона от уреза воды разгрузить не удалось, они ушли. После этого катера с высадочными средствами направились обратно в Торговый порт.

При возвращении отряда в районе завода пишуших машин заметили направляющийся к берегу катер ЗИС, имевший у себя на буксире гребной катер с десантниками. Выяснилось, что катер потерял ориентировку и запоздал с приходом на назначенный пункт высадки, поэтому решил произвести высадку людей по способности в районе, где осуществлялась высадка предыдущего десанта в надежде, что бойцы самостоятельно присоединятся к своему батальону. Командир высадки вернул этот катер и вместе с остальными в 08:20 возвратился в Торговый порт.

Не произвели высадку еще три катера ЗИС с семью шлюпками на буксире, которые первыми отошли от пунктов посадки и, имея указания находиться у разводящего боны буксира, простояли там до наступления рассвета, не зная, что делать. Таким образом, из 500 фактически высадили только 365 десантников: 130 человек не было высажено совсем, два человека убиты при высадке и еще трое утонули, когда одна из шлюпок в Морском канале перевернулась на волне от прошедшего рядом малого охотника.

С момента высадки батальона на берег связь с ним прекратилась, дальнейшая судьба его осталась неизвестной.

Артиллерийское и авиационное обеспечение высадки осуществлялось следующим образом. Непосредственно перед высадкой авиация флота произвела бомбоштурмовые действия по огневым средствам и живой силе противника на побережье на широком фронте. Затем удары перенесли в глубину, но опять не в районе высадки. Далее авиация действовала по плановым целям. Всего 5 октября авиация произвела 27 самолето-выле-

Завод «Пишмаш», осень 1941 года

тов штурмовиков Ил-2 и 89 — истребителей. Кроме того, в этот же день и 6 октября по заявкам штаба 42-й армии нанесен ряд ударов по огневым точкам, скоплениям войск и автоколонне противника. Понятно, что непосредственно к войскам десанта все это имело очень отдаленное отношение.

Артиллерийское обеспечение высадки началось с момента обнаружения противником десанта путем постановки намеченного по плану операции заградительного огня. В результате эсминец «Сметливый» израсходовал 24 снаряда, а железнодорожная батарея — 3 (!). Позже по заявкам штаба 42-й армии артиллерия вела огонь по огневым точкам, автомашинам и скоплениям живой силы противника в глубине его обороны. Последнее никакого отношения к действию войск десанта не имело.

Таким образом, об обеспечении действий войск десанта на берегу не может идти и речи, так как отсутствовала какая-либо связь командира войск десанта с

командными пунктами артиллерии и авиации. Опять же, огневую подготовку высадки отменил Жуков. В результате все произошло точно так же, как и 3 октября, только на несколько километров западнее.

6 октября штаб Ленинградской ВМБ получил очередное приказание Военного совета Ленинградского фронта о высадке дополнительных войск в районе Викколово¹. Пополнение состояло из не высаженных в прошлую ночь 130 бойцов 20-й стрелковой дивизии войск НКВД и 17 связистов. Этому подразделению ставилась задача после высадки присоединиться к своему батальону и установить связь со штабом 42-й армии. Силы высадки включали в себя десантный отряд из шести катеров «ЗИС», трех гребных катеров и девяти шлюпок, а также отряд кораблей непосредственной огневой поддержки из двух катеров «МО». Кроме этого, привлекалась авиация, артиллерия береговой обороны и два эскадренных миноносца.

Высадку намечалось осуществить на принципе скрытности. Вновь разработали только плановую таблицу, в остальном использовались документы, подготовленные на операцию 5 октября.

В ночь на 7 октября десантный отряд сосредоточился в Гутуевском ковше Торгового порта, где произвел посадку войск и в 01:30 начал движение к месту высадки. Переход совершили скрытно, однако в ходе начавшейся в 03:25 высадки войск противник открыл интенсивный минометный и пулеметный огонь. В результате убило четырех бойцов, ранило двух офицеров, в том числе командира десантной роты, были потоплены один катер «ЗИС» и одна шлюпка. В 03:50 войска высадку закончили и ушли от уреза воды.

Несмотря на то, что для контроля за действиями войск на берегу выделялись специальные наблюдатели, а для связи с ним неслась радиовахта, с момента ухода десан-

¹ В документах эти войска назывались пополнением — как будто кто-то знал, где находятся десантники, высадившиеся накануне.

тников от береговой черты связь прекратилась, и дальнейшая судьба десанта так же, как и ранее высаженных войск, осталась неизвестной.

Вечером 7 октября штаб Ленинградской ВМБ получил очередное приказание Военного совета Ленинградского фронта о высадке войск морского десанта. Задача десантникам — батальону 20-й стрелковой дивизии войск НКВД (431 человек) — оставалась прежней, то есть после высадки соединиться с ранее высаженными войсками и выходить на соединение с частями 42-й армии. В качестве десантно-высадочных средств использовались 22 моторных катера различных типов и восемь гребных шлюпок. В состав отряда кораблей непосредственной огневой поддержки вошли пять катеров «МО». Кроме этого, имелась артиллерийская группа в составе двух железнодорожных батарей, эсминца «Сметливый», также выделялась авиация. Организация командования и обеспечения взаимодействия, схема связи, документы остались те же, что и в операции 5 октября. Высадку вновь предполагалось осуществить на принципе скрытности, потому огневое обеспечение и огневая подготовка не предусматривались. В какой мере можно рассчитывать на внезапность, проводя третью операцию в одном и том же пункте, никто из руководителей подумать не захотел.

С 21:00 до 23:00 7 октября в районе Гутуевского ковша Торгового порта происходило сосредоточение высадочных средств. В 00:20 8 октября туда же прибыли и десантники, которые сразу начали посадку. В 01:50 десантный отряд начал движение в исходную точку для развертывания. При подходе десантно-высадочных средств к берегу противник встретил их, как и следовало ожидать, сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем. В 04:15 начали высадку...

До этого момента все шло в точности по сценариям предыдущих десантных действий, и чем все это закончится, догадаться было не трудно. И догадались — но не те, кто посылал людей на верную смерть, а сами десантники.

Танк КВ из состава 124-й танковой бригады, подбитый на восточной окраине Стрельны. Немецкое фото, сделанное 10 октября 1941 года, через 2 дня после боя

Сначала почти все отказались прыгать в воду до тех пор, пока плавсредства не уткнулись форштевнем в прибрежную отмель. В последующем разобраться трудно: где-то десантники, угрожая оружием, заставляли экипажи катеров поворачивать обратно, где-то экипажи катеров под угрозой применения оружия заставляли десантников прыгать в воду. Командиру батальона вроде бы доложили, что никто высаживаться не стал, он решил вернуться в порт «для розыска своих подчиненных». Однако 234 человека все же оказались на берегу, а 182 возвратились в базу. В ходе всего, что происходило в районе высадки, четыре человека оказались убитыми, шестеро ранеными и пятеро пропали без вести. Кроме этого, потеряли два катера «ЗИС» и две шлюпки.

Артиллерийское сопровождение действий войск десанта, как и в предыдущий раз, проводилось формально — в виде огня катеров МО по замеченным на берегу огневым точкам и постановкой плановых заградительных огней эсминцем «Сметливым» и железнодорожны-

ми батареями в период с 02:00 до 05:41, причем обстрел велся по площади без целеуказания и заявок десантников. Всего за это время эсминец израсходовал 15 снарядов, железнодорожная батарея № 14 произвела 27 выстрелов, № 19—20 выстрелов. Авиация вылетов не производила, так как штаб ВВС КБФ просто не принял заявку штаба Ленинградской ВМБ. Фактически огневое обеспечение высадки и действий десанта на берегу отсутствовало.

С наступлением рассвета катера возвратились в базу. В районе высадки для наблюдения и связи с войсками десанта оставили катер МО-307. Как и в предыдущих случаях, с момента высадки десантников на берег связь с ними прекратилась. Высланная днем 8 октября на их поиск воздушная разведка никого не обнаружила.¹

¹ При этом следует учесть, что именно 8 октября войска 42-й армии наконец-то всерьез перешли в наступление — силами 6-й отдельной бригады морской пехоты и 124-й танковой бригады. Однако взаимодействие между наступающими войсками было организовано плохо даже в рамках отдельных соединений. В результате морские пехотинцы наступали на Урицк и деревню Ивановка, а танки (32 тяжелых машины КВ с двумя ротами мотострелков на броне) двигались севернее, по Петергофскому шоссе, имея задачей соединиться с десантом в Константиновском парке.

6-я бригада морской пехоты, по ее докладам, в ходе боя 8 октября заняла Ивановку и северную окраину Урицка. Однако сопровождавшие танкистов мотострелки быстро отстали, а сами танки, не оказав поддержки пехоте, ушли далеко вперед. Скованные болотистой местностью справа и крутым заросшим склоном приморской террасы слева от шоссе, а также большим количеством мелких речек, они были вынуждены действовать только вдоль шоссе, поэтому стали легкой добычей нескольких 88-мм зенитных батарей, расположенных на окраине Стрельны и в районе завода «Пишмаш». Несмотря на наличие радиосвязи, о действиях танкистов известно очень мало. Вытянувшаяся вдоль шоссе колонна танков была рассечена на несколько отдельных групп, часть машин днем 8 октября смогла пробиться в Стрельну, но десанта там не обнаружила. При этом несколько танков

В результате проведения пяти морских десантных операций оказались потерянными все высаженные войска, то есть почти полторы тысячи человек, их гибель и пленение не принесли никакой пользы. Самое страшное, что после исчезновения войск первого десанта точно по такому же сценарию высадили еще три, даже не попытавшись разобраться, что же все-таки происходит. Приказали — высадили, приказали — высадили, приказали — высадили... А что же было делать, приказ не выполнять? Безусловно, выполнять — но никто же не приказывал просто уничтожать собственные войска...

Давайте разберемся в этом подробнее, причем именно с позиций той теории и тех руководящих документов, что действовали в то время.

В 1941 году советский ВМФ провел 22 морские десантные операции, половина из них оказалась неуспешной. Шесть неудач во многом связаны с недостаточностью сил и средств, прежде всего огневого поражения.

были подбиты в районе монастыря (школа НКВД), а еще какое-то количество машин сумело пройти дальше — один из танков был уничтожен противником уже в Петергофе, недалеко от позиций 8-й армии. Вечером 8 октября основная группа танков, с которой находился командир танкового полка майор Лукашик, повернула обратно к линии фронта, имея несколько подбитых машин на буксире. Однако вновь пройти мимо зенитных батарей танкистам не удалось: утром 9 октября уцелевшие танки были уничтожены — частью на шоссе, частью в лесу северо-восточнее Ивановки, откуда пришло последнее радиосообщение от майора Лукашика. Судя по всему, доклад командования 6-й бригады морской пехоты не соответствовал действительности, либо же к утру 9 октября моряки уже оказались вновь выбиты из Ивановки. В любом случае, 4-тысячная бригада морской пехоты в этих боях потеряла убитыми и ранеными как минимум 1200 человек — около трети своего состава — и к 10 октября была вынуждена отойти на прежние позиции. (*Прим. ред.*)

В нашем случае войска морского десанта высаживались в зоне досягаемости нескольких десятков стволов корабельной и береговой артиллерии калибром 130–305 мм, способных надежно решить все стоявшие огневые задачи. В нескольких минутах лета от районов высадки находилась почти вся авиация КБФ. Так в чем причина этой трагедии, когда бойцов просто свезли противнику на расстрел?

Естественно, причин несколько. Например, издержки в организации управления морскими десантными действиями, о чем уже говорилось выше. Подытожив их, можно сделать вывод, что раз морская десантная операция проводится в рамках и в интересах операции сухопутных войск, например, фронта, то командующий морской десантной операцией должен иметь статус заместителя командующего сухопутного соединения (объединения) по морской части. В противном случае очень сложно добиться взаимодействия между силами высадки и войсками фронта, а самое главное — обеспечить синхронность действий войск десанта и фронта.

Теперь посмотрим, что за войска высаживали хотя бы под Новым Петергофом. Это комендоры, электрики, минеры с линкоров, инструкторы школ учебного отряда, курсанты — то есть люди, до этого никогда не обучавшиеся ведению общевойскового боя. Их даже не переодели в защитную форму, они так и воевали в черных бушлатах среди опавшей листвы. Подобного нельзя сказать о десантниках из 20-й дивизии войск НКВД. Но они никогда не участвовали в морских десантных действиях, многие из них просто панически боялись прыгать ночью в черную воду, когда до суши оставалась еще добрая сотня метров. А так оно и было, поскольку район Стрельны исключительно мелководен и даже шлюпки с осадкой полметра не могли подойти непосредственно к урезу воды. Очевидно, что если мы хотим высаживать морские десанты, то обязаны иметь специально подготовленную морскую пехоту.

Но все вышеперечисленные причины не являлись роковыми. Людей сгубили три иных.

Здесь опять требуется небольшой экскурс в теорию морских десантных действий. Теоретически войска можно высаживать на принципе скрытности и на принципе силы. Первый способ применяется в трех случаях. Во-первых, при высадке всевозможных разведывательных и диверсионных групп — то есть тех, кто и далее должен решать свои основные задачи скрытно. Во-вторых, там, где в районе высадки отсутствует противник. В этих случаях войска скрытно высаживаются, совершают марш к назначенному объекту или рубежу и уже оттуда внезапно наносят удар.

В-третьих, скрытность соблюдается вынуждено, когда просто отсутствуют силы и средства для осуществления полноценной огневой подготовки и поддержки высадки войск десанта. Причем здесь нужно понимать, что поражение противодесантной обороны противника со степенью ниже гарантированно необходимой может принести вред. Рассчитывать на некий психологический эффект глупо. Попытка высаживать войска десанта на принципе силы при недостаточности этих самых сил и средств для осуществления огневой подготовки приводит к тому, что они просто «будят» солдат противника, которые своевременно занимают оборону.

Но в нашем случае о недостатке огневых средств речь не идет. Как мы видим, ни один из выше приведенных трех случаев не соответствует условиям высадки так называемых «Петергофских десантов» — а значит войска требовалось высаживать на принципе силы, с полноценным огнем обеспечением.

Теперь немного о самом огневом обеспечении. Существует вполне конкретное, теоретически обоснованное и практически проверенное, требуемое соотношение сил сторон как в наступлении, так и в обороне. Это не панацея — иногда боевые задачи решались и при неблагоприятном соотношении. Но подобные случаи

если не случайность, то результат руководства силами талантливых, выдающихся, очень опытных... Поскольку таких полководцев и флотоводцев вообще дефицит, то при планировании операций обычно рассчитывают на обычного, среднестатистического военачальника, а потому стараются обеспечить ему требуемое соотношение сил. Например, в морских десантных действиях для успешного решения задач на берегу требуется превосходство над противником на месте высадки в 3–5 раз. При соотношении 2:1 в пользу войск десанта решение дальнейшей задачи войсками десанта затруднительно; при соотношении 1:1 и менее задача не решается.

Обеспечить требуемое соотношение при высадке войск десанта на обороняемое побережье в годы Великой Отечественной войны было исключительно сложно. Мало того, что просто физически трудно перевезти и высадить необходимое количество людей — они к тому же не имели тяжелого вооружения и средств борьбы, например, с танками. Однако требуемого соотношения сил сторон можно добиться не только повышением собственного боевого потенциала, но и понижением его у противника — например, огневым поражением его войск, объектов противодесантной обороны. Вот именно эту задачу и должно решать огневое обеспечение как непосредственно высадки войск десанта, так и их действий на берегу.

Но чтобы артиллерийский огонь и удары авиации не превратились в громоподобную фикцию, требуется точное знание местоположения объектов поражения. Насколько точное? Судите сами. Зона сплошного поражения 130-мм осколочно-фугасного снаряда — до 8 м, а осколочного — до 35. Если даже точка прицеливания точно ляжет на цель, то все равно в силу естественного рассеивания на дистанции, например, 60 кабельтовых (11 км) 50% снарядов, выпущенных из одного 130-мм орудия, попадут не в точку, а в прямоугольник 88 на 6 м. А все снаряды разлетятся в пределах эллипса длиной 300 и

шириной 25 м. При этих условиях для подавления пехоты требуется порядка 180 снарядов на 10 м окопа, а для приведения к молчанию четырехорудийной полевой батареи нужно произвести около 250 выстрелов. И все это при условии, что цель наблюдается корпостами или самолетом-корректировщиком, а на стреляющий корабль сообщают отклонение падений снарядов относительно цели. Если объект поражения не наблюдается, то расход боезапаса требуется увеличить минимум на четверть.

Немного разобравшись с теорией огневого обеспечения высадки войск десанта, мы поймем, что 3–8 октября 1941 года это самое огневое обеспечение не оказало никакого влияния на условия ведения боевых действий войск — во всяком случае своего предназначения оно не выполнило. Вот вам и первая по настоящему роковая причина гибели десантников.

В данной ситуации не стоит во всем винить артиллеристов. Все задачи, поставленные перед ними, они решили. Другое дело, как эти задачи ставились. Почти все цели представляли из себя всевозможные развилки дорог, по которым в район боя предположительно (!) могли выдвигаться войска противника. Координаты нескольких выявленных батарей противника указывались по квадратам, то есть с точностью не менее 500 м. На самом деле разведка обстановку в районе проведения морских десантных операций не вскрыла, планирующие их штабы просто не знали расположения войск и объектов противника на местности.

Следующая роковая причина — это связь. Ее отсутствие сразу лишило высадившиеся войска какой-либо поддержки и обеспечения. Дело в том, что привычная и отрабатываемая в мирное время связь с помощью сигнальных ракет разного цвета в данных условиях оказалась совершенно бесполезной, так как на фоне массового применения противником осветительных ракет и трассирующих боеприпасов они были слабо различимы. Имевшиеся на вооружении частей ВМФ армейские пе-

переносные радиостанции РБ теоретически обеспечивали связь в режиме телеграфии до 12 км, а в режиме телефонии — до 8 км. Но они были малонадежны и негерметичны, а вдобавок громоздки — их переносили два матроса, требовалось много времени для развертывания. Поэтому не удивительно, что в условиях маневренного общевойскового боя ими не смогли воспользоваться — скорее всего они вообще вышли из строя сразу после высадки. И это если радиостанции вообще имелись — а судя по всему, Ленинградская ВМБ высаживала радистов только 6 октября. Так что именно отсутствие разведанных целей связи с десантниками стало первопричиной отсутствия результативного огневого обеспечения войск десанта.

Наконец, еще одна роковая ошибка относится к боевому применению самих войск десанта. Обратите внимание, как они уничтожались. Несмотря на то, что только высадка 3 октября действительно оказалась для противника внезапной, он и в дальнейшем оказывал сравнительно слабое сопротивление непосредственно у уреза воды. А далее немцы позволяли войскам уйти вглубь территории, где устраивали им огневой мешок, окружали и уничтожали.

Почему же противник не уничтожал войска десанта непосредственно в момент выхода на берег, когда они наиболее уязвимы, так как еще не развернулись в боевой порядок? Причин здесь минимум две. Одна заключается в том, что находившимся на пляже войскам могут оказать эффективную артиллерийскую поддержку. Но главная причина в другом. Немцы отлично понимали, что до тех пор, пока войска находятся у уреза воды, они как бы связаны морской пуповиной со своей территорией. То есть, захватив плацдарм на берегу и закрепившись, теоретически войска могут находиться там бесконечно долго, получая все необходимое морем с «большой земли». Последствия подобной «занозы» для противника очевидны, а потому он слабым сопротивлением провоцировал войска десанта уйти в глубь своей

территории. Между тем войска морского десанта, захватив плацдарм, должны удерживать его до тех пор, пока не решат дальнейшую задачу. Позже этот укрепленный плацдарм назовут базой высадки, она станет элементом боевой устойчивости войск десанта. Именно через нее будут осуществлять связь поддерживающих корабельных сил с войсками десанта, идти все их снабжение.

В случаях с десантами Ленинградской ВМБ войска сразу уходили от уреза воды и таким образом обрекались на дальнейшее ведение боевых действий в условиях полного окружения, без всяких шансов, при необходимости, на обратную посадку на десантно-высадочные средства. И это не удивительно. Вспомним, что боевой задачей войскам десанта предписывалось «уничтожать штабы и материальную часть артиллерии противника», после чего соединиться с наступающими с востока частями 42-й армии. То есть на самом деле это задачи рейда по тылам противника. Но подобные задачи решаются или специальными диверсионными отрядами, или группировками высокоманевренных войск¹. Войска морских десантов, высаженных Ленинградской ВМБ, по их подготовке и оснащению нельзя отнести ни к диверсионным, ни к высокоманевренным. Во многом они оказались жертвами безграмотности командования фронта, затеявшего эти действия.

Давайте вспомним, что все высадки осуществлялись в ближайшем тылу фронтовой группировки противника, то есть прямо в расположении его вторых эшелонов и резервов. Районы высадки оказались насыщены не выявленными разведкой инженерно-оборонительными сооружениями, живой силой и огневыми средствами противника. Поэтому, не имея собственных средств борьбы с этими сооружениями, боевыми машинами, укрытыми огневыми средствами и живой силой противника, войска десанта не могли успешно решить поставленные им

¹ В годы Великой Отечественной войны для рейдов по тылам противника формировали конные или конно-механизированные группы.

задачи. А поскольку войска фронта так и не смогли двинуться вперед, то единственной альтернативой гибели десантников могло стать только их снятие с побережья силами флота. Но это не предусматривалось. Вопрос вынужденной эмбаркации требовал отдельного планирования, так как вывезти людей, тем более в светлое время суток, можно было опять-таки лишь на принципе силы, в полной мере использовав существовавшее в то время огневое превосходство над противником.

Таким образом, войска всех пяти морских десантов оказались обречены еще на этапе планирования морских десантных действий. Конечно, могло случиться чудо, и кто-то из них вышел бы к своим войскам. На войне такое случалось. Но нельзя планировать операции в расчете на чудо или русский «авось».

Ну а что с выводами по этим операциям, отраженным в отчетах, а главное — учтенным на будущее? В отчете Ленинградской ВМБ в основном записаны сетования на недостаток времени для подготовки операции, отсутствие связи с войсками десанта. И все! В выводах даже нет намека хотя бы на необходимость иметь специальные десантно-высадочные средства, чтобы не выбрасывать пехотинцев по грудь в воду. Строительство подобных средств в Ленинграде позже наладили — правда, для «Дороги Жизни». Что касается последующих десантных действий, то Балтийский флот ими и в будущем похвастаться не мог. В 1942 году имела место провальная операция по захвату острова Соммерс. В 1944 году успешными в основном оказались те морские десантные операции, где отсутствовал противник, а когда он имелся, то половина операций была признана неуспешными.

Черное море

Первая морская десантная операция Черноморского флота связана с обороной Одессы. Именно это обстоятельство придало ей несколько характерных черт.

Румынские войска, осаждающие Одессу, постепенно «обжимали» город, 25 августа 1941 года части восточного сектора отошли на рубеж, с которого подходы к порту с моря и он сам стали досягаемы для артиллерийского обстрела. Кроме этого противник получил возможность обстреливать фарватер, проходивший в 4—5 милях от береговой черты.

Поскольку вся оборона Одессы держалась на бесперебойном ее снабжении, положение резко обострилось. Артиллерийским огнем противник разрушал причалы, подъездные пути, препятствовал производству погрузочно-разгрузочных работ, выводил из строя личный состав, наносил повреждения судам и портовым сооружениям. Корабли, поддерживающие артиллерийским огнем части восточного сектора, вынуждено увеличивали дистанцию стрельбы и тем самым понижали ее эффективность. Эти обстоятельства заставили вход в порт и выход из него кораблей и транспортов, а также погрузочно-разгрузочные работы производить только в темное время суток, а проведение работ в светлое время обеспечивать дымовыми завесами. Впрочем, это мало на что влияло, так как вход в порт и отдельные его районы противник пристрелял заранее.

Попытки решить проблему контрбатареиной борьбой и ударами авиации ни к чему не привели. На самом деле это очень дорогое удовольствие. Например, на подавление артиллерийской батареи необходимо произвести 9—15 130-мм выстрелов, но через 10—15 минут она вновь откроет огонь. А вот чтобы привести батарею противника к молчанию на несколько часов, уже требуется 200—300 снарядов того же калибра. Где же взять столько боеприпасов в осажденной крепости?

Лучшим выходом из создавшегося положения могло стать проведение наступательной операции с задачей расширить территорию Одесского оборонительного района (ООР). Однако имевшимися войсками сделать это было нереально — противник сам почти непрерывно

наступал, а резервы у Приморской армии отсутствовали. 18 сентября из Новороссийска в Одессу доставили свежую 157-ю стрелковую дивизию, но и ее для фронтального удара могло не хватить. С учетом того, что переброски новых подкреплений не предполагалось, действовать требовалось только наверняка. Выход из создавшегося положения был очевиден: одновременно с фронтальным наступлением нанести удар в тыл группировки противника войсками морского десанта.

Сущность операции сводилась к следующему:

1. Части восточного сектора (421-я и 157-я стрелковые дивизии) переходят в наступление на участке между Аджалыкским и Куяльницким лиманами, имея задачей выйти на рубеж: Свердлово, хутор Петровский, поселок Шевченко и уничтожить находившуюся здесь дальнобойную артиллерию противника. К артиллерийскому обеспечению операции привлекаются артиллерийские средства наступающих войск, три батареи береговой обороны, дивизион 143-го гаубичного и две батареи 265-го корпусного артиллерийских полков усиления, а также артиллерия кораблей Черноморского флота.

2. На рассвете дня наступления корабли и авиация Черноморского флота производят высадку десантов — морского в районе Григорьевки и воздушно-парашютного в районе высоты 57,3.

3. Высадка десанта предваряется артиллерийским огнем кораблей по огневым средствам и живой силе противника на берегу. С окончанием высадки огонь переносится в глубину с целью поражения находящихся там огневых средств и живой силы противника и недопущения подхода его резервов. Действия десанта на берегу обеспечиваются барражем истребительной авиации и огнем кораблей по заявкам командиров подразделений десанта через корректировочные посты кораблей, высаживаемые одновременно с десантом.

4. В течение дня и ночи, предшествующих началу операции, авиация Черноморского флота производит

бомбовые удары по аэродромам, огневым средствам и живой силе противника в восточном секторе, тем самым лишая его возможности оказать противодействие наступлению частей Одесского оборонительного района, высадке и действию войск десанта на берегу. С момента высадки войск на берег удары авиации переносятся в глубину.

Первоначально высадка намечалась в ночь с 16 на 17 сентября, наступление частей ООР — на утро 17 сентября. Впоследствии из-за задержки с прибытием 157-й дивизии и неготовности войск десанта сроки изменили.

В качестве войск десанта выступал только что сформированный в Севастополе 3-й морской полк Черноморского флота численностью в 1900 человек и группа парашютистов (25 человек). Перед войсками морского десанта стояла задача: высадившись в районе Григорьевки, овладеть районом Чебанка, высота 57,3, Старая Дофиновка, Новая Дофиновка, где закрепиться и соединиться с наступающими войсками Одесского оборонительного района. Перед парашютистами ставились чисто диверсионные задачи: нарушить связь и управление противника, создать панику в тылу врага.

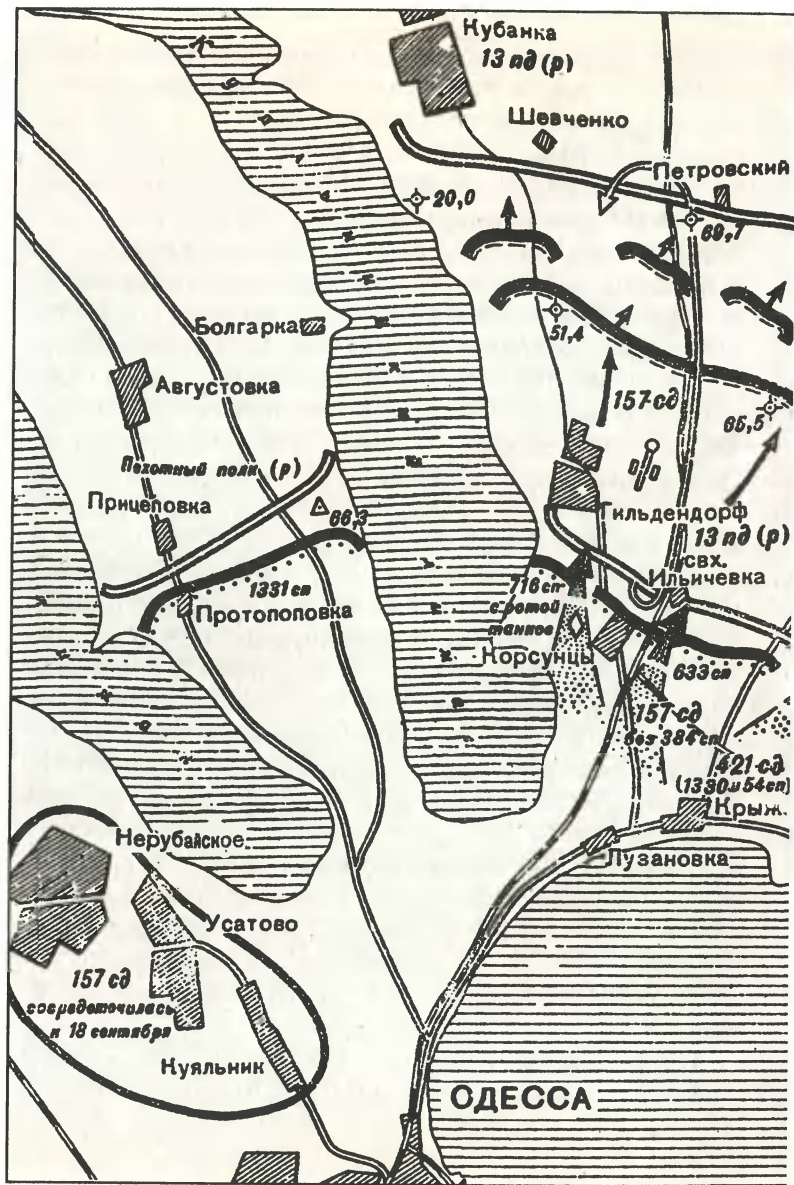
Войска десанта из Севастополя в район высадки предполагалось доставить боевыми кораблями: на крейсерах «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцах «Бойкий», «Безупречный», «Фрунзе» и «Дзержинский» — они как бы составили отряд десантно-транспортных средств. Для обеспечения перевозки войск с кораблей на берег в Одессе формировался отряд десантно-высадочных средств в составе канонерской лодки «Красная Грузия», сторожевого корабля «Кубань»¹, 12 сторожевых катеров, 12 катеров типа КМ, 10 баркасов и одного буксира. Рандеву обоим отрядам назначили в непосредственной близости от района высадки за час до ее начала. Для огневого обеспечения десанта привлекались крейсера и эсминцы параллельно с высадкой войск.

¹ Бывшая грунтово-земельная шаланда, осадка форштевнем 2,5 м.

Командующим силами в морской десантной операции назначили командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского, командиром сил высадки — командира бригады крейсеров контр-адмирала С. Г. Горшкова. При этом разработка и планирование десантной операции осуществлялись не штабом эскадры, а штабом Черноморского флота в Севастополе. Отчасти это можно объяснить тем, что отряд десантно-высадочных средств, а также обеспечивающие морскую десантную операцию авиация и береговая артиллерия подчинялись командующему Одесским оборонительным районом, а последний — командующему флотом, но уж никак не командующему эскадрой. Причем если отряд десантно-высадочных средств хотя бы на время боя за высадку переходил в подчинение командира сил высадки, то авиация и береговая артиллерия — нет.

Исходя из вышеизложенного, наиболее рационально было бы назначить командующим силами в морской десантной операции командующего ООР, оперативно подчинив ему на время операции силы высадки из состава кораблей эскадры. Тем более, что операцию планировали все равно в штабе флота, а кому эти документы передать для реализации, командующему ООР или эскадры — теоретически было все равно. Почему «теоретически», поймем чуть позже. Владимирский в данной ситуации реально являлся командиром сил высадки, Горшков — командиром десантного отряда. Учитывая, что в нашем случае десантный отряд и силы высадки — это почти одно и то же, Владимирский вообще оказался лишним элементом системы управления.

Директива на подготовку контрудара под Одессой совместно с высадкой морского десанта была получена 14 сентября, высадка войск планировалась на 16 сентября, так что на все планирование операции отводились одни сутки. Естественно, все делалось в большой спешке, а значит, недостаточно качественно. Вот здесь

Десантная операция у Григорьевки

22 сентября 1941 года

и кроется одна из причин назначения командующим силами именно Владимирского — он-то находился под боком, в Севастополе. 15 сентября для предварительной подготовки сил Одесского оборонительного района и прежде всего отряда десантно-высадочных средств из Севастополя в Одессу направили группу офицеров штаба флота в составе начальника оперативного отдела, флагманского артиллериста и помощника начальника связи с частью разработанных боевых документов. Явно слабо отработанными оставались вопросы взаимодействия войск десанта с войсками ООР, отрядов десантно-транспортных и десантно-высадочных средств, огневого обеспечения.

На кораблях изготовили дополнительные трапы и лотки для выгрузки боезапасов, продовольствия и грузов. В ночь с 15 на 16 сентября в районе Херсонесского маяка с 3-м морским полком провели тактико-специальное учение по высадке на необорудованное побережье с помощью моторных баркасов и сторожевых катеров. Учение выявило ряд серьезных, а главное, совершенно неожиданных недостатков. Например, оказалось, что хотя весь полк укомплектовали моряками, большинство из них не умело ходить, а тем более бегать по кораблю, двигаться по трапам и сходням, производить посадку в баркас на волне. Более того, многие не умели плавать и боялись воды — среди последних оказались как матросы, так и офицеры.

Не лучше обстояло дело и с огневой подготовкой, умением пользоваться своим оружием. Свежесформированному полку явно не хватало организации и дисциплины. Тренировка не обошлась без жертв: баркас эсминца «Фрунзе» захлестнуло волной, и из 22 находившихся там человек удалось спасти только троих: нагруженные всевозможной амуницией и запасами, люди, попав в воду, сразу камнем шли на дно вне зависимости от умения плавать. Явная неподготовленность полка к высадке послужила главной причиной переноса сро-

ков проведения операции. Тогда же решили по возможности отказаться от перевозки войск на эсминцах, пересадив их на крейсера. Впрочем, «Дзержинский» отпал сам собой — у него началось засоление котельной воды, и его пришлось отставить от операции.

После переноса сроков проведения операции ее планирование продолжалось; целый ряд документов, например, плановая таблица действий сил, план высадки, претерпел существенные изменения. Однако в Одессе, где находился отряд десантно-высадочных средств, этих изменений не знали. Для согласования всех вопросов взаимодействия с ООР и проверки готовности сил Владимирскому пришлось оставить крейсера и эсминцы на попечение Горшкова, а самому 21 сентября в 06:00 убыть в Одессу на эскадренном миноносце «Фрунзе». При себе он имел полный комплект боевых документов, разработка некоторых завершилась буквально предыдущей ночью.

Однако в порт назначения эсминец не прибыл: в 18:30 его потопила авиация на подходах к Тендре. Во время этой трагедии среди погибших оказался заместитель начальника штаба Одесского оборонительного района капитан 1 ранга С. И. Иванов — единственный офицер ООР, полностью владевший всей информацией по плану проведения операции.

Но вернемся несколько назад. Около 07:00 21 сентября крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Бойкий» и «Безупречный» вышли из Севастополя и стали на якорь в Казачьей бухте для приемки десантных частей; канонерская лодка «Красная Грузия» должна была принять первый бросок десанта в Одессе.

На крейсер «Красный Кавказ» с помощью девяти моторных баркасов приняли 996 бойцов, девять минометов, боезапас и продовольствие. Приемка продолжалась 35 минут. На крейсер «Красный Крым» с помощью пяти моторных баркасов приняли 721 человек,

боезапас и продовольствие. Приемка продолжалась 1 час 13 минут. На эсминцы «Безупречный» и «Бойкий» приняли по одной роте (105 и 124 человека).

К 13 часам посадка завершилась; кроме войск десанта, на корабли посадили несколько корректировочных постов с кораблей эскадры, не участвовавших в операции. В 13:30 корабли снялись с якоря и в порядке ПЛО начали движение в направлении Одессы.

В 21:52 Горшков получил телеграмму о том, что отряд десантно-высадочных средств прибудет в точку встречи в 01:00 22 сентября, то есть на час позже, чем предусматривалось планом. Состав самого отряда также отличался: канонерская лодка «Красная Грузия», 5 сторожевых катеров, 12 малых катеров. О причине изменения плана ничего не сообщалось.

Исходя из нового времени randevu, Горшков приказал уменьшить ход, решив, что если прибытие отряда десантно-высадочных средств перенесено на час, то, по видимому, на час перенесли и начало высадки. В 22:50 прибыла новая радиограмма, но на этот раз от командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского: *«Миноносец "Фрунзе" погиб от атак пикировщиков. Судьба Владимирского неизвестна. Операцию продолжать. Высадку десанта закончить к 03:00 расчетом крейсерам темное время суток оторваться от Тендры. Миноносцам оставаться для огневой поддержки. Операцией командует контр-адмирал тов. Горшков».*

Обстановка прояснилась — но почему-то, указав время окончания, комфлот не указал время начала высадки. Это нужно было понимать так, что оно осталось прежним. Но если канлодка и катера подходили только в 01:00, то с учетом времени на перегрузку войск начало высадки неизбежно смещалось почти на час. Кстати, подобную телеграмму получил и командующий Одесским оборонительным районом, но там время высадки указывалось 01:00 22 сентября, то есть оно действительно не изменилось. Собственно, именно из этой теле-

граммы командование ООР, а значит и отряд десантно-высадочных средств, узнали время высадки. В 23:08 пришло сообщение от начальника штаба флота, прояснившего судьбу командующего эскадрой: «Владимирский вышел на торпедном катере с Тендры в Одессу».

Около 00:35 22 сентября десантный отряд подошел к точке встречи с отрядом десантно-высадочных средств, естественно, никого там не обнаружив. Около 00:45 он прибыл в район высадки. Обстановка с каждой минутой накалялась, так как оставались непонятными действия войск фронта, береговых батарей и авиации — ведь они наверняка считали, что высадка войск уже началась. Дело в том, что огневое поражение противника планировалось по времени, а не по фактическому местоположению войск, то есть если авиация и береговая артиллерия начнут работать по плану морской десантной операции, то для противника это окажется сигналом тревоги, и тогда о внезапности можно позабыть.

Корабли встали на якорь по диспозиции, готовясь к свозу войск. В 01:00 отряд десантно-высадочных средств не появился, но ждать дальше было нельзя. Во-первых, в любой момент противник мог вскрыть обстановку и оказать серьезное сопротивление силам высадки. Во-вторых, крейсера могли не успеть затемно уйти к берегам Крыма. В этих условиях Горшков принимает решение начинать высадку войск корабельными плавсредствами. Благо крейсера в Севастополе предусмотрительно дополнительно приняли на борт баркасы с других кораблей и теперь на «Красном Кавказе» их имелось семь, на «Красном Крыму» — пять.

В 01:20 на «Красном Кавказе» началась посадка войск в баркасы. Через минуту «Красный Крым» открыл огонь, там посадку начали в 01:40. В 01:23 открыли огонь эсминцы. С подходом баркасов к берегу огонь кораблей перенесли в глубину — по дорогам, ведущим к Григорьевке, с целью отсечения подходивших резервов противника. На самом деле есть там подходящие резервы или

нет, никто понятия не имел. Вообще вся артиллерийская подготовка, да и поддержка высадки велась по так называемым «плановым целям», то есть определенным еще при планировании операции. В их число назначили отдельные участки дорог и их развилки, а также ближайшие деревни — в надежде, что там расквартированы войска противника. То, что в этих деревнях могли находиться местные жители, априори не рассматривалось, как и во всех последующих обстрелах приморских городов и деревень, широко практиковавшихся черноморцами в течение войны.

Кстати, намеченную планом предварительную бомбардировку объектов противника авиацией отменили — как сказано в отчете, в целях сохранения скрытности и внезапности операции. Так это или нет, но решение было разумным, так как без целеуказания с земли в условиях темной южной ночи бомбить можно было только опять же населенные пункты, как площадные цели.

Посадка войск на баркасы проходила медленно. Сказывалась слабая морская выучка бойцов, на крейсере «Красный Крым» дополнительно мешал огонь собственной артиллерии. В 02:37 открыл огонь «Красный Кавказ», ведя его с темпом один выстрел в пять минут; всего было выпущено восемь снарядов.

Около 02:00 первые баркасы подошли к берегу и без всякого противодействия начали высадку бойцов. В 02:40 наконец-то появилась канонерская лодка «Красная Грузия», в 03:00 она подошла к борту крейсера «Красный Крым». Это радикально ускорило его разгрузку. В 03:28 от борта отвалили последние баркасы, всего в десяти рейсах на них перевезли 416 человек. В 03:33 закончили посадку войск на канонерскую лодку, она приняла 305 человек и в 03:42 отвалила от борта.

Используя семь моторных корабельных баркасов, крейсер «Красный Кавказ» в 03:35 завершил высадку войск, после чего на тех же плавсредствах начал выгрузку боезапаса и продовольствия. Однако эту работу через пять

минут пришлось прекратить, так как баркасы по приказанию флагмана отправили к канонерской лодке «Красная Грузия».

В 04:00 крейсера снялись с якоря и под флагом командующего эскадрой Владимирского, который прибыл на борт «Красного Кавказа» в 03:20, полным ходом ушли в Севастополь. При этом на флагманском корабле убывала так и не выгруженная часть боезапаса и продовольствия войск десанта.

Тем временем высадка войск продолжалась. Здесь тоже произошло много поучительного. Начнем с того, что так называемый первый бросок войск десанта должен был прибыть из Одессы на канонерской лодке «Красная Грузия», но она пришла пустая. Из-за этого первым броском оказались те, кого просто первыми высадили на берег. Сейчас даже трудно сказать, были ли они с «Красного Кавказа» или с эсминцев. С последних войска свозили при помощи своих шлюпок и трех баркасов с крейсеров¹. Но главное — независимо от этого высадили их на 5 кабельтовых восточнее запланированного участка. Это явилось следствием того, что ориентиром для баркасов должен был стать гакобортный огонь канонерской лодки, подошедшей к берегу первой с войсками первого броска. Все получилось не так, и пришлось срочно устанавливать на берегу импровизированный огонь, который открыли только в 02:34. К тому же он оказался слабым, и не все командиры баркасов сумели его своевременно обнаружить.

По плану операции канонерской лодке требовалось подойти вплотную к урезу воды и с помощью специально подготовленных трапов высаживать войска хоть и в воду, но на глубинах менее полутора метров и в десятке метров от пляжа. Дело в том, что канонерская лодка относилась к кораблям типа «Эльпидифор», специаль-

¹ Средняя продолжительность высадки с эсминцев составила 2 часа 50 минут.

но проектировавшихся для высадки войск на необорудованное побережье. Поэтому при осадке ахтерштевнем 3,6 м, осадка форштевнем составляла у нее всего 1,7 м. Однако командир «Красной Грузии» отказался от рискованного маневра по утыканию в берег, встав на якорь в 3 кабельтовых от него. Поэтому пришлось срочно бросать все баркасы на ее разгрузку, которую завершили в 05:10.

Где-то в 06:00 буксир «Алупка», собрав все оставленные крейсерами баркасы, увел их в Одессу. Чуть позже район высадки покинули канонерская лодка «Красная Грузия» и сторожевой корабль «Кубань». Роль последнего в данной операции осталась непонятной. Для артиллерийской поддержки десанта в районе высадки остались три эсминца и несколько сторожевых катеров. Корректировка их огня осуществлялась высаженными с войсками десанта корректировочными постами.

Все это время на берегу происходило броуновское движение; войска приняли форму управляемой воинской части и заняли исходный рубеж для наступления только к 07:00. Ночью этого сделать не смогли, поскольку большинство баркасов шли от крейсеров и эсминцев просто к берегу, а не к назначенным пунктам высадки. Отдельные подразделения первых двух батальонов оказались разбросанными на сравнительно широком фронте и в темноте не могли найти друг друга. Тем более полк сформировали всего десять дней назад, многие толком не знали своих подчиненных и командиров.

Однако к 18:00 тех же суток 3-й полк выполнил поставленную задачу и к 06:00 23 сентября соединился с войсками ООР. Собственно войска десанта и обеспечили наступающим на приморском направлении частям 421-й дивизии выполнение поставленной задачи, наступавшая же севернее 157-я дивизия смогла решить только ближайшую задачу. Однако и в этих условиях противник лишился возможности обстреливать фарватер и порт.

Несмотря на безусловную успешность морской десантной операции, можно с большой уверенностью сказать, что залогом ее успеха стало отсутствие противника в районе высадки и как следствие — боя за высадку. Иначе последствия могли бы стать сродни петергофским.

Некоторые итоги

Подводя итоги первых советских морских десантных операций, надо учитывать, что каждый флот варился в собственном соку, какие-то обобщающие опыт боевых действий документы появились лишь в 1942 году. Так что все учились исключительно на собственных ошибках.

Начнем с управления силами. На всех трех флотах оно вроде бы приняло единообразную организацию: командующий силами в морской десантной операции, командир сил высадки, командир войск десанта, командиры корабельных отрядов. Первым темным моментом в этом вопросе стала организация взаимодействия между действиями войск фронта, в интересах которых проводились морские десантные действия, и войск десанта. Вся практика морских десантных действий напоминала дорогу в одну сторону: флот получал указание на разработку и проведение операции, исходящее из предполагаемых наступательных действий войск фронта, на основании этих указаний и предположений он и высаживал войска. Но если по какой то причине фронт оставался на месте, то десантники просто оказывались брошенными на произвол судьбы — никто не предусматривал их действия на случай форс-мажорных обстоятельств для войск фронта.

Практика десантных действий в 1941 году как бы подсказала пути решения этой проблемы. Во-первых, командующий силами в морской десантной операции должен являться заместителем по морской части при командующим войсками, в интересах которого и выса-

живают десант. Причем он должен если не сам находиться на КП армейского начальника, то хотя бы иметь там своего официального представителя. Только так можно было добиться оперативного обмена информацией и вовремя реагировать на изменение обстановки.

На самом деле и командующий Северным флотом, и командующий Балтийским флотом своих представителей в армейских штабах имели. Например, в Ленинграде существовала морская группа при командующем войсками Ленинградского фронта, которую в то время возглавлял капитан 2 ранга В. И. Рутковский. Эта группа являлась прямым наследником только что ликвидированного аппарата заместителя главнокомандующего войсками Северо-Западного направления по морской части, то есть всю кухню управления и штаба фронта Рутковский знал отлично. Несмотря на это, непосредственно к морским десантным действиям, к организации взаимодействия с войсками фронта он не привлекался, и так же, как Кутырев на Севере, скорее являлся консультантом и офицером связи.

Следствием первого вопроса мог стать второй: быть может, вообще не надо иметь командующего силами в морской десантной операции, а оставить лишь заместителя армейского командующего по морской части? Последний, с одной стороны, мог участвовать в планировании армейской операции в ее части, связанной с высадкой морского десанта, а с другой — организовывать взаимодействие между силами высадки, ВВС флота и береговой артиллерией. Одновременно план морской десантной операции пусть разрабатывает командир сил высадки под «покровительством» того же заместителя по морской части.

Как показал опыт, так часто не получалось, а в 1941 году не вышло ни разу. На Севере армейскую операцию проводил командир стрелковой дивизии, а командовать в ее рамках морской десантной операцией был вынужден лично командующий флотом — не было в то время

там военачальника с подходящим штабом. На Балтике требовался командующий силами в морской десантной операции, поскольку командование фронтом вообще самоустранилось от данного вопроса, сведя все к постановке примитивной по форме боевой задаче. На Черном море морская десантная операция проводилась в рамках операции Одесского оборонительного района, который оперативно подчинялся командующему Черноморским флотом, так что ни в каком заместителе по морской части не было необходимости.

И еще один вопрос из этого блока: какова принципиальная разница между заместителем по морской части и командующим силами в морской десантной операции? Разница есть и очень существенная — командующий, в отличие от любого заместителя, принимает Решение, на основании которого управляет силами, и таким образом несет ответственность за результат действий.

На само понятие успешности морских десантных действий во многом влиял теоретический вопрос о рамках морской десантной операции и его основного этапа — боя за высадку. Действительно, возьмем морские десанты Ленинградской ВМБ. Все они погибли, но силы флота войска высадили, и с небольшими потерями. Если считать, что морская десантная операция завершилась с уходом войск от уреза воды, то все эти операции успешны, а если считать концом операций достижения ее целей войсками, то есть решение ими дальнейшей задачи, то — нет.

Дело в том, что в 1941 году морские десантные операции по большому счету не делились на этапы. То есть все знали, что имеют место сосредоточение войск и десантно-транспортных средств, посадка войск на десантно-транспортные средства, переход сил высадки морем, бой за высадку. А вот с действиями войск десанта на берегу при выполнении дальнейшей задачи — как раз все было неясно.

В НМО-40 и БУМС-37 имелись такие ключевые статьи: «После боя за высадку командир десанта для решения главной задачи поступает в непосредственное подчинение соответствующему общевойсковому командованию на берегу» и «После решения первой задачи на берегу (бой за высадку) командир десанта для решения главной своей задачи поступает в непосредственное подчинение соответствующего общевойскового командира». То есть по состоянию на 1941 год можно было считать окончание боя за высадку окончанием всей морской десантной операции. Осталось выяснить — а когда же завершается бой за высадку?

Опять же, вчитываясь в документы можно прийти к выводу, что результатом боя за высадку должно стать решение ближайшей задачи войск десанта, то есть захват плацдарма высадки. А вот тут проблема: во всех морских десантных операциях фактически никаких плацдармов не захватывали — так получилось! В ряде случаев — на Севере, под Григорьевкой на Черном море, 3 октября у завода пишущих машин под Ленинградом — и боя за высадку как такового не было, в том смысле, что противник вообще не противодействовал войскам. Вот и получалось, что реально этап морской десантной операции «бой за высадку» завершался с окончанием выгрузки войск десанта на берег, после чего силы высадки считали себя свободными. В районе могли оставаться лишь корабли для осуществления огневой поддержки действий войск на берегу.

Только в 1943 году в Наставлении по совместным действиям сухопутных войск с военно-морским флотом и речными военными флотилиями появляется деление операции на этапы: подготовка к десантной операции; посадка десанта; переход десанта морем; бой за высадку и высадка; решение десантом задачи на берегу; свертывание десантной операции или перегруппировка для последующей операции. Но это уже будет как раз учет появившегося практического опыта.

* * *

Морские десантные действия дали определенный опыт в вопросе формирования сил высадки. Правда, этот опыт опять же на каждом флоте оказался свой. На Севере силы высадки формировались из двух отрядов: десантно-транспортных и десантно-высадочных средств, куда входили мобилизованные рыболовные траулеры и мотоботы, а также малые охотники. Деление на десантно-транспортные и десантно-высадочные средства было условным, так как и те, и другие могли подходить к необорудованному берегу и высаживать на него бойцов сухими. При этом, с одной стороны, все бывшие рыболовецкие мотоботы имели достаточно высокую мореходность, а с другой — все события разворачивались в акваториях заливов и губ, то есть относительно защищенных от штормов. Отсутствие потребности у войск десанта в тяжелом вооружении и автомобильной технике снимало проблему в их доставке. Все корабли, а также малые охотники, параллельно использовались для огневого обеспечения высадки. Иногда для этих целей привлекались сторожевые корабли специальной постройки и эсминцы, но последние в состав сил высадки не входили, подчиняясь напрямую командующему силами в операции.

В отличие от Севера, на Балтике еще в 1941 году стала очевидна необходимость иметь десантно-высадочные средства специальной постройки, способные подходить к урезу воды в условиях мелководья. Подобные плавсредства — тендеры — строились на ленинградских предприятиях для «Дороги жизни», и некоторое их количество в 1943 году стало поступать сначала в состав Ладужской флотилии, а затем в состав непосредственно Балтийского флота. Для перевозки тяжелого вооружения и автотранспорта они были непригодны, но большинство десантов высаживалось на острова Выборгского залива, где всего этого и не требовалось.

В ходе участия флота в операции по освобождению Моонзундских островов моряки увидели армейские автомобили-амфибии, которые им очень приглянулись — они действительно идеально подходили для действий в шхерных и островных районах. Однако эти машины мы получали по ленд-лизу, они были в дефиците, и никто их флоту не дал. Так что в основном в качестве десантно-высадочных средств использовались боевые катера и обнаруженные поблизости малоразмерные плавсредства. Учитывая небольшое отстояние районов высадки от районов посадки, потребность в специальных десантно-транспортных средствах отсутствовала. В качестве кораблей огневой поддержки использовались бронекатера и канонерские лодки, переоборудованные из грунтовозных шаланд. Кстати, последние являлись самыми крупными надводными боевыми кораблями Балтийского флота, реально воевавшими после того, как противника отбросили от стен Ленинграда. В общем и целом опыт балтийцев в вопросах формирования и применения сил высадки был мало поучителен.

Наиболее классические формы силы высадки приняли на Черном море. По итогам проведения морской десантной операции под Григорьевкой сложилось впечатление, что опробованная организация вполне отвечает реалиям начавшейся войны. Иллюзорность этого впечатления развеялось уже в конце того же 1941 года. Под Григорьевкой получался во многом классический вариант благодаря тому, что отряд маломореходных десантно-высадочных средств прибыл в район высадки из рядом расположенной Одессы. Нельзя также забывать, что высадка производилась фактически в «бархатный сезон». А вот в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции, в условиях зимних штормов, для собранных с миру по нитке отрядов десантно-высадочных средств Азовской флотилии расстояние в три десятка миль оказалось труднопреодолимым. Высадка войск десанта на необорудованное побережье в районе Феодосии даже

не рассматривалась — разгружать десантно-транспортные средства было нечем. В качестве последних преимущественно использовались боевые корабли, они же осуществляли огневое обеспечение высадки. После высадки в Феодосию от перевозки войск десанта на крейсерах и эсминцах отказались, впредь из них формировали специализированные отряды кораблей огневой поддержки.

Вообще именно в ходе морских десантных операций Черноморского флота был наработан наиболее разнообразный и значимый опыт проведения морских десантных действий — но это уже тема отдельного разговора. Наиболее блеклый и малопоучительный опыт наработали балтийцы. Опыт Северного флота уникален специфическими условиями, в которых проводились морские десантные операции.

Владислав Гончаров

ВЯЗЕМСКАЯ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Вяземская десантная операция стала не только самым массовым воздушным десантом советских войск, но и одной из крупнейших операций такого рода во Второй мировой войне — наряду с Критской и Арнемской. Даже Нормандскую и Рурскую операции нельзя поставить в этот ряд, поскольку они не имели самостоятельных целей и проводились на небольшую глубину с чисто тактическими задачами (содействие наземным войскам в захвате плацдарма).

Как и союзники в операции «Маркет-Гарден» два с половиной года спустя, в январе 1942-го советское командование стремилось предотвратить наметившуюся стабилизацию фронта. Для того, чтобы продолжить уже затухающее наступление, и там, и там была сделана попытка вывести боевые действия из привычной плоскости, методом «вертикального охвата» нанести удар по пунктам, находящимся в глубине вражеской обороны. И результаты обеих операций оказались поразительно схожи...

1. Высадка частей 201-й воздушно-десантной бригады и отряда майора Старчака у Мятлево 3–4 января 1942 года

К началу января 1942 года под Москвой сложилась чрезвычайно сложная для обеих сторон обстановка. Советские войска, почти месяц ведущие активное наступление, были уже в достаточной степени измотаны, в то время как германские войска, потерпевшие серьезное поражение, оказались обескровлены и деморализованы. В условиях холодной зимы обе стороны испытывали недостаток снабжения: части Красной армии — из-за того, что далеко оторвались от налаженных коммуникаций и продвигались по выжженной противником территории, немцы — из-за слабости железнодорожной и автомобильной сети, к тому же постоянно подвергавшейся ударам партизан.

Наибольшего успеха в декабрьских боях достигли войска левого крыла Западного фронта, за неполный месяц прошедшие с боями 200–300 километров. При этом действовавшие на крайнем левом фланге соединения 10-й армии генерала Голикова и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова далеко опередили своих соседей и, окружив немецкий гарнизон в Сухиничах, вышли на железную дорогу Москва—Брянск севернее города. Передовые части корпуса генерала Белова находились всего в 8 километрах от Варшавского шоссе.

Правее них вели наступление 50-я, 49-я и 43-я армии, последняя 1 января 1942 года заняла Малоярославец. В немецкой обороне наметился 40-километровый прорыв на линии Сухиничи—Бабынино. Создавалась реальная возможность выхода советских войск в район Юхнова на Варшавское шоссе и дальнейшего продвижения к

Вязьме — в тыл немецкой 4-й и 4-й танковой армиям и на жизненно важные коммуникации группа армий «Центр». Силы 4-й немецкой армии, действовавшей против четырех армий левого крыла Западного фронта, оказались глубоко охвачены с юга.

Четыре армии и кавалерийский корпус — звучит солидно. На деле же в боевом составе войск левого крыла Западного

Командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант
П. А. Белов

фронта (без учета тылов) к 5 января 1942 года насчитывалось не более 170 тысяч человек. В 10-й армии было 48 тысяч «штыков», в 50-й армии — 37,5 тысяч, в 49-й армии — 38 тысяч. 1-й кавалерийский корпус с приданными частями имел в боевом составе около 20 тысяч человек. 43-я армия к 9 января (начало Медынского-Мятлевской операции) насчитывала 15 тысяч «штыков» в четырех дивизиях. Здесь же находился свежий 9-й воздушно-десантный корпус, еще не принявший участие в боях — еще 7—8 тысяч «штыков».

С учетом артиллерии, небоевых частей и тылов общую численность советской группировки можно оценить в 250 тысяч человек. По данным советской разведки, ей противостояло от 20 до 25 немецких пехотных дивизий; даже с учетом потерь это было не менее тех же 250 тысяч человек.

Для оказания помощи 43-й и 49-й армиям, продвигавшимся с северо-востока по обе стороны Варшавского шоссе, командование Западного фронта решило высадить воздушный десант. Он должен был перерезать шоссе, сечьную дорогу из Медыни на Гжатск, захватить станцию

Мятлево и пресечь движение из района Калуги на Вязьму, а также воспрепятствовать отходу войск 57-го армейского корпуса немцев по Варшавскому шоссе от Малоярославца и Алешково через Медынь на Юхнов и прикрыть подходы к станции Мятлево от возможного контрудара противника из района Юхнова.

В состав десанта предполагалось включить 250-й стрелковый полк майора Н. Л. Солдатова¹, а также один батальон 201-й воздушно-десантной бригады капитана И. А. Суржика и парашютный отряд майора И. Г. Старчака, до этого успешно действовавший в полосе Калининского фронта, а затем высаживавшийся тактическим десантом накануне Нового года. Командиром десанта был назначен майор Солдатов.

250-й стрелковый полк общей численностью в 1425 человек ранее входил в состав прибывшей из Забайкалья 82-й стрелковой дивизии. Организационно он состоял из трех батальонов, отдельной батареи, минометной роты, взвода 45-мм противотанковых орудий. В середине декабря 1941 года полк был переименован в воздушно-десантный, но по сути так и остался стрелковым. Никакого опыта прыжков с парашютом его бойцы полка не имели, они были оснащены автоматами и прошли лишь краткое обучение бою в ночных условиях и подрывному делу. Поэтому основные силы десанта предполагалось высаживать посадочным способом.

3 января командующий войсками Западного фронта генерал Г. К. Жуков поставил лично майору Солдатову следующую задачу: после высадки основных сил захватить станцию Мятлево и хотя бы временно прервать все пути сообщения из Медыни на Юхнов. Кроме того, от десантников требовалось перерезать дорогу от Медыни на Кременское и все пути к северо-западу от Медыни, а также шоссе, ведущее от Полотняного завода — тем самым не допустив отхода противника от Медыни вплоть

¹ Впоследствии — генерал-лейтенант; у Г.П. Софронова он ошибочно именуется Солдатенковым.

до подхода в этот район основных сил 43-й армии. Позднее, после перенесения времени высадки полка на вторую половину января, эта задача в общих чертах сохранилась.

Обеспечить высадку 250-го полка должны были два парашютных отряда. Отряд майора Старчака в составе 202 человек предполагалось высадить на аэродроме у Большого Фатьянова (в 5 км восточнее Мятлево, на западном берегу реки Шани¹), захватить аэродром и подгото-

И. Г. Старчак (довоенное фото)

готовить его к приему 1300 человек посадочного десанта на самолетах ТБ-3 и ПС-84 (ДС-3, он же Ли-2). Второй отряд парашютистов под командованием капитана Суржика (348 человека из состава 1-го батальона 201-й воздушно-десантной бригады) выбрасывался в районе сел Гусево, Бурдуково и Гусаково в 12–15 км северо-западнее Медыни возле шоссе Медынь—Гжатск.

Задача этого отряда была сложнее. Он должен был захватить Кременское и мост через реку Шаня в поселке Шанский Завод и поставить здесь заслон от продвижения противника со стороны Гжатска. Затем от батальона капитана Суржика требовалось выйти на Варшавское шоссе, и, взорвав мост через реку Шаня на шоссе Юхнов—Медынь (в 10 км юго-восточнее Медыни), прикрыть район высадки основных сил от наступления противника со стороны Малоярославца.

¹ По реке Шане тянулась хорошо оборудованная, но не занятая войсками тыловая оборонительная полоса немцев.

Таким образом, всего предполагалось перебросить по воздуху 1850 человек. Однако для операции был выделен только 31 транспортный самолет — 21 машина ТБ-3 и 10 самолетов ПС-84. Поэтому план высадки спешно изменили, решив проводить ее в четыре рейса — сначала батальон капитана Суржика, на следующую ночь — отряд майора Старчака для захвата аэродрома, и уже потом — пехотинцы 250-го полка и снаряжение. В результате десантирование затягивалось до 6–7 января, хотя по первоначальному плану командования фронта 43-я армия должна была выйти в район выброски десанта уже 5 января.

В итоге 1-й батальон 201-й воздушно-десантной бригады высаживался совершенно отдельно в ночь на 3 января 1942 года. Выброска была осуществлена в районе деревни Гусево без противодействия противника; высаживавшийся первым командир группы подачей световых сигналов обеспечил сбор парашютистов. В течение суток десантники заняли деревни Гусево, Грибово и Маслово, где противника не оказалось. Первое столкновение с врагом имело место лишь 4 января; захваченный в этом бою пленный ефрейтор сообщил, что для борьбы с десантом немцы направили в этот район два батальона. Отряд капитана Суржика провел еще несколько боев, взорвал мост в тылу отступающего противника, а у поселка Кременское разгромил отходящую по дороге вражескую автоколонну, захватив 30 мотоциклов, 31 автомашину и 3 орудия, после чего соединился с наступающими советскими частями. Успеху действий батальона в немалой степени способствовало бездорожье, отсутствие у противника сплошной линии обороны, резервов и гарнизонов в большинстве деревень, а также быстрое наступление наших войск.

Отряд майора Старчака для захвата аэродрома Большое Фатьяново был отправлен сутками позже — в ночь на 4 января. При этом в последний момент численность его увеличили до 416 человек. Рейс делился на четыре

группы: первая захватывала аэродром, вторая, высаживаясь чуть в стороне, обеспечивала его прикрытие, третья являлась резервом командира отряда, вместе с ней высаживался сам Старчак. Четвертой прибывала стартовая команда — она должна была высаживаться посадочным способом.

Естественно, в реальности сохранить этот стройный порядок оказалось невозможным. Самолеты с десанниками начали подниматься с аэродрома Внуково около половины пятого вечера 3 января. По воспоминаниям И. Г. Старчака, уже находясь в воздухе в районе сбора, он получил радиogramму — не ждать остальные машины, а вместе с первыми четырьмя самолетами направляться к месту высадки.

Передовая группа под командованием самого Старчака достаточно легко захватила аэродром, частично перебив, частично разогнав немногочисленную охрану — аэродром немцы рассматривали как резервный и не использовали. И тут выяснилось, что полосы занесены снегом, и без лыж тяжелые ТБ-3 на них приземлиться не могут. Расчистить же полосы своими силами десанники быстро не могли, несмотря на то, что с подходом остальных самолетов число высадившихся на аэродроме парашютистов достигло трех сотен человек. При этом после высадки было собрано 85% парашютистов, что можно считать большим успехом.

Здесь начинается расхождение мемуаров Старчака с официальными описаниями высадки. Книги по истории советских воздушно-десантных войск дружно утверждают, что группа захвата не смогла установить контроль над аэродромом до вечера 4 января. Документы Западного фронта, на основе которых составлялись все последующие работы, живописуют героическую борьбу десантников с огневыми точками противника — однако сам Старчак про нее не упоминает ни разу. Затем якобы началась метель, окончательно занесшая аэродром.

В то же время И. Г. Старчак пишет, что захватить аэродром удалось быстро, еще до рассвета 4 января. За день парашютисты смогли расчистить часть поля, однако ни в ночь на 5-е, ни в ночь на 6-е самолеты с десантом так и не прилетели.

Утром 5 января над аэродромом появились два «МиГа», сбросившие вымпел для десантников — странное действие, с учетом того, что парашютисты имели радиацию и поддерживали связь со штабом ВВС фронта. Затем на аэродроме приземлился связной У-2 — но пилот, увидев подбегающих к нему десантников, принял их за немцев и снова взлетел.

В итоге высадка 250-го стрелкового полка на аэродром Большое Фатьяново была отменена, а группа Старчака получила приказ перейти к диверсионным действиям. Уже вечером 5 января десантники взорвали железнодорожный мост у платформы Костино. 8 января парашютисты внезапным налетом ворвались на станцию Мятлево, где уничтожили два воинских эшелона. 20 января 1942 года группа Старчака соединилась с силами направленной ей навстречу 34-й отдельной стрелковой бригады; к этому моменту в ней насчитывалось 87 человек.

2. Знаменский десант. Высадка 250-го полка с 18 по 22 января 1942 года

Следующая фаза Вяземской воздушно-десантной операции началась во второй половине января 1942 года. Собственно, большинство историков отечественных воздушно-десантных войск хронологическими рамками этой операции определяют 18 января — 28 февраля 1942 года. Однако 18 января у деревни Желанье высаживались те же самые силы, что участвовали в незавершенной высадке в районе Мятлево 3–4 января. Поэтому есть основания вслед за генерал-лейтенантом Г. П. Софроновым, автором книги «Воздушные десанты во Второй

Мировой войне», считать эти действия частями одной последовательной операции, планы которой постоянно изменялись.

7 января 1942 года была подписана директива Ставки ВГК, определявшая задачи стратегической операции по окружению и разгрому основных сил группы армий «Центр». Левое крыло Западного фронта силами 43-й, 49-й, 50-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса должно было нанести фланговый удар из района Калуги и Мосальска в общем направлении на Юхнов и далее на Вязьму с одновременным фронтальным наступлением армий правого крыла на Сычевку и Гжатск. Одновременно правое крыло Калининского фронта в составе 22-й и 39-й армий, имея в резерве 29-ю армию, наносило удар с севера на Ржев и Сычевку. Обе ударные группировки должны были встретиться в районе Вязьмы, довершив окончательный разгром основных сил группы армий «Центр».

8 января ударная группировка Калининского фронта прорвала вражескую оборону северо-западнее Ржева. Уже 10 января передовые части 39-й армии перерезали шоссе Ржев—Великие Луки и достигли района Сычевки. Штаб 9-й немецкой армии, оборонявшей ржевский участок фронта, чтобы не попасть в окружение, переместился в Вязьму. Командующий армией генерал-полковник Штраус подал в отставку и был заменен генералом Вальтером Моделем.

На юхновском направлении к середине января тоже намечился успех: подразделения 49-й армии подошли вплотную к станции Мятлево, части 43-й армии заняли Медынь и через Шанский завод продолжали наступление на запад. 14 января 1942 года командующий Западным фронтом Г. К. Жуков отдал приказ: 49-й армии — к 15 января выйти в район Погорелое, 43-й армии — не позднее 16 января овладеть Мятлево, 50-й армии — до 17 января взять Юхнов, 1-му гвардейскому кавалерий-

скому корпусу Белова — к 20 января прорвать оборону противника и выйти к Вязьме.

Для обеспечения этих действий в ночь на 16 января в помощь наступающим войскам в 20 км северо-западнее Медыни была выброшена усиленная парашютная рота из состава 1-го батальона 201-й вдбр¹. Десантники действовали на путях отхода немецких войск, а позднее соединились с вышедшими сюда частями 43-й армии.

Не исключено, что именно результатом действий этой десантной группы было решение немецкого командования отводить свои подразделения не на северо-запад, а на запад от Медыни. В результате во вражеской обороне образовалась брешь, куда по приказу Жукова была срочно направлена наступавшая севернее 33-я армия генерала М. Г. Ефремова. В результате локтевой контакт между 4-й танковой и 4-й общевойсковой армиями противника оказался нарушен, вражеская оборона потеряла целостность. Основные силы 4-й немецкой армии, насчитывавшие под Юхновым до 9 дивизий, оказалась под угрозой обхода с севера.

Южнее Юхнова к 20-м числам января подразделения правого фланга 10-й армии вышли на железную дорогу Вязьма—Брянск в районе Кирова, нарушив рокадное сообщение между 4-й танковой и 4-й общевойсковой армиями противника. Однако части 50-й армии и корпуса генерала Белова все еще стояли в 10–15 км от Варшавского шоссе, а основные силы 10-й армии совместно с 16-й армией были заняты ликвидацией окруженной в Сухиничах группы генерала фон Гильза (6 пехотных батальонов) и отражением контрудара 24-го танкового корпуса немцев, 16 января начавшего наступление из района Жиздры на Сухиничи с целью деблокировать город.

¹ В работе Софронова ошибочно указывается, что отрядом командовал командир батальона капитан И. А. Суржик, который на самом деле высаживался со следующей группой десанта.

В этих условиях командование Западного фронта решило поддержать наступление 50-й армии и корпуса Белова высадкой в тылу противника воздушного десанта. Местом высадки десанта был район поселка Знаменка и деревни Желанье в 40 км южнее Вязьмы. В задачу десанта входило перерезать шоссе из Вязьмы на Юхнов и железную дорогу Вязьма—Брянск, пресечь коммуникации противника и содействовать войскам Западного фронта в окружении его юхновской группировки. Одновременно наступлением в направлении деревни Темкино десант должен был содействовать продвижению 33-й армии.

Разработкой и организацией высадки занимался штаб военно-воздушных сил Западного фронта. Для непосредственного руководства операцией была создана оперативная группа, которую возглавил командующий ВВС фронта генерал-майор авиации Н. Ф. Науменко.

В состав десантной группы включался тот же 250-й воздушно-десантный полк, а также 1-й и 2-й батальоны 201-й воздушно-десантной бригады (из состава 5-го воздушно-десантного корпуса). Общая схема высадки оставалась той же, что и при несостоявшейся операции в районе Большого Фатьянова. Десант выбрасывался в три приема — сначала группа парашютистов должна была захватить аэродром близ деревни Знаменка, через 2,5 часа выбрасывалась стартовая команда для его оборудования и подготовки к приему посадочного десанта, а затем группами по 3—3 самолета (во избежание скопления большого количества техники) на аэродром перебрасывались пехотинцы. Для перевозки десантников был выделен 21 самолет ПС-84, а для транспортировки 45-мм противотанковых орудий предназначались 3 бомбардировщика ТБ-3 из состава 23-й авиадивизии. Исходным пунктом операции опять был назначен подмосковный аэродром Внуково.

Из-за сильной метели и низкой облачности намеченная на утро 17 января высадка была перенесена на

следующую ночь. Первая группа из 16 машин ПС-84 поднялась в воздух в 3:35. К 9 часам утра 18 января в районе Знаменки и Желанье с неё были выброшены подразделения 201-й вдбр — 2-й батальон капитана Н. Е. Калашникова и две роты 1-го батальона под командованием капитана И. А. Суржика общей численностью 452 бойца.

Вторая группа из 10 самолетов смогла подняться в воздух лишь вечером 18 января, вдобавок часть машин вернулась по причине плохой погоды. В итоге этой ночью удалось высадить только 190 парашютистов.

Всего к 8 часам утра 19 января в районе Желанье собралось 642 десантника (55 офицеров, 120 младших командиров и 467 человек рядового состава) с легким стрелковым оружием (256 винтовок, 325 автоматов и 33 ручных пулемета), а также 10 минометов, 5 противотанковых ружей, 7 раций и 350 кг взрывчатки. Куда-то пропали числящиеся высаженными 24 миномета, 6 ПТР и 2 противотанковые пушки. Общее командование высаженными силами принял капитан Суржик. Была установлена связь с находившимся в этом районе партизанским отрядом А. А. Петрухина (около 1000 человек, из которых имели оружие только 800).

Предпринятая утром 18 января попытка захватить аэродром у Знаменки не увенчалась успехом, поскольку подходы к нему оказались сильно укреплены. Однако в полутора километрах к югу от Знаменки разведывательной группой десанта по наводке партизан была обнаружена другая взлетная площадка, куда с 17:30 до 17:50 18 января удалось принять четыре самолета ПС-84 с 65 бойцами стартовой команды и команды обеспечения. Из-за отсутствия лыжного шасси с площадки, покрытой полуметровым слоем снега, смогло взлететь обратно только три самолета. На следующий день немцы атаковали аэродром и уничтожили четвертую машину, а стартовая команда и десантники отошли в район Желанье на соединение с главными силами отряда.

Тем временем бойцы капитана Суржика с помощью жителей близлежащих сел начали подготовку снежной взлетной полосы возле села Плеснево. Вечером 19 января командир воздушно-десантного батальона донес в штаб фронта: *«Посадка на колесах возможна, координаты 38535, шлите срочно. Суржик»*.

Готовые к вылету машины поднялись уже через несколько часов и к утру 20 января на площадку была принята первая группа самолетов. Из за малого количества транспортных машин и плохой погоды переброска 250-го воздушно-десантного полка продолжалась три ночи. Уже утром 20-го противник обнаружил аэродром и атаковал его с воздуха. В ходе этой и последующих атак за три дня было потеряно 3 самолета ПС-84, а также 27 человек убитыми и 9 ранеными.

Всего по воздуху удалось перебросить 1643 десантника из состава 250-го полка во главе с командиром полка майором Н. Л. Солдатовым, а также вооружение и боеприпасы — 7 раций, два 45-мм орудия, 34 миномета калибром 82 и 50 мм, 11 противотанковых ружей, 31 станковый и 73 ручных пулемета, 817 автоматов и 564 винтовки.

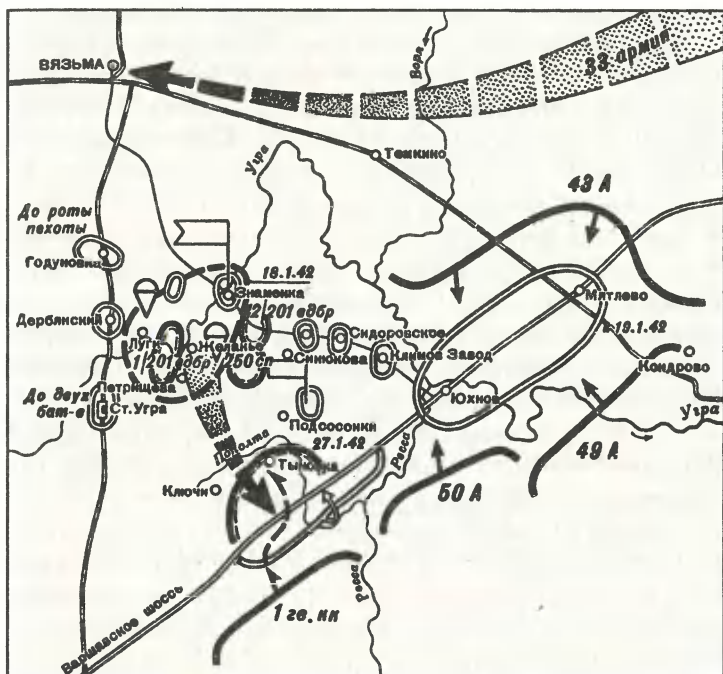
В 16:20 20 января 250-й полк получил по радио приказ генерала Г.К. Жукова:

«К утру 21 января частью сил захватить пункт, что в квадрате 7550 [Ключи] и ударом в тыл противника в направлении пункта, что в квадрате 8154 [Людиново] содействовать группе Белова и войти с ней в связь».

Вскоре последовало уточняющее распоряжение:

«ПЕРВОЕ — из района 4746 [Знаменка], 5342 [Желанье], 5338 [Луги] не уходить и во что бы то ни стало удерживать район, заняв 4746 [Знаменка]; ВТОРОЕ — наши части¹ 22.1 выходят в район 2774 [Темкино], им

¹ То есть соединения 33-й армии.

Высадка 201-й воздушно-десантной бригады в районе Знаменки и Желанье 18–22 января 1942 года

поставлена задача связаться с вами; ТРЕТЬЕ — Белову оказать помощь частью сил, примерно двумя батальонами; ЧЕТВЕРТОЕ — во что бы то ни стало прекратить движение войск противника по большаку 6588 [Юхнов], 1526 [Вязьма]».

Тем временем десантники начали действия на коммуникациях противника. Уже 20 января одна из рот 2-го воздушно-десантного батальона перерезала дорогу из Вязьмы на Юхнов между селами в районе Замошье и Мурашовка, захватив здесь обоз из 54 подвод.

22 января, выполняя приказ Жукова, 1-й и 2-й батальоны 201-й вдбр под общим командованием капитана Суржика были направлены в район Ключи для последующего наступления на Людиново. Пройдя по тылам противника, отряд Суржика занял населенные пункты Татьянаино, Бородино, Александровка, Андрияновка, Новое, уничтожив здесь вражеские гарнизоны. 28 января в деревне Тыновка отряд соединился с пересекавшими Варшавское шоссе кавалеристами генерала Белова и в дальнейшем действовал совместно с ними.

Тем временем основная часть десанта (так называемая «группа Солдатова») вместе с партизанами удерживала захваченный район. 22 и 23 января парашютисты совместно с партизанами Петрухина несколько раз пытались атаковать Знаменку, но были отбиты превосходящими силами противника. 1-й батальон 250-го полка атаковал станцию Угра на рокадной магистрали Брянск—Вязьма, занимаемую подразделениями 365-го немецкого резервного пехотного полка, и в двух местах разрушил большие участки железнодорожного полотна. 3-й батальон 250-го полка и часть 1-го батальона 201-й вдбр блокировали шоссе Юхнов—Вязьма, препятствуя движению войск противника.

24 января десантникам поступила очередная радиogramма, в которой ставилась дополнительная задача — разведать направление на Староселье и Семлево. С по-

лучением этого приказа полковник Солдатов выслал разведку на Семлево (15 километров юго-западнее Вязьмы), которая вскоре донесла о наличии здесь крупных сил противника. С утра 25 января подразделения 250-го полка вели бой за Городянку, в итоге противник отошел, оставив на поле боя до 60 человек убитыми, из них 12 офицеров.

В районе деревни Мурашовка десантникам удалось перехватить шоссе Юхнов—Вязьма и удержаться здесь, несмотря на ожесточенные атаки врага, продолжавшего удерживать села Богатыри и Липники. Однако Знаменка, являвшаяся крупным опорным пунктом на этом шоссе, все еще оставалась в руках противника — несмотря на возобновление атак в ночь с 29 на 30 января.

30 января основные силы десанта соединились с войсками 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. 4 февраля 250-й воздушно-десантный полк вошел в состав 329-й стрелковой дивизии 33-й армии и в дальнейшем действовал как стрелковая часть.

3. Первый этап высадки

4-го воздушно-десантного корпуса

Для завершения окружения вяземской и юхновской группировок немецких войск было решено выбросить новые воздушные десанты. С этой целью в оперативное подчинение командующего Западным фронтом был передан 4-й воздушно-десантный корпус генерал-майора А. Ф. Левашова.

Важно отметить, что на этот раз решение о проведении операции принималось на уровне Ставки, а не командования фронта. Поэтому разработка плана высадки и организация операции возлагалась на штаб ВДВ РККА. Задача командующему ВДВ генерал-майору В. А. Глазуну, вызванному для этого в Ставку вместе с начальником штаба ВДВ генерал-майором авиации П. П. Ионовым

Командир 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майор А. Ф. Левашов
(довоенное фото)

и командующим ВВС генерал-лейтенантом авиации П. Ф. Жигаревым, была поставлена 15 января. При этом были указаны: цель воздушно-десантной операции, состав войск десанта, исходный район для десантирования и срок готовности к началу высадки.

План воздушно-десантной операции был совместно разработан штабами ВДВ и ВВС к исходу 16 января. Поскольку время высадки определено еще не было, вопросы увязки взаимодействия десантников с наземными силами в этом плане не рассматри-

вались. Непосредственное руководство десантированием должно было осуществлять командование ВДВ с командного пункта в Калуге; командующий ВВС координировал вопросы обеспечения операции из своего постоянного штаба в Москве. Целью операции было перерезать коммуникации противника между Вязьмой и Смоленском, не допустить отхода противника из района Вязьмы на запад и содействовать войскам Калининского и Западного фронтов в окружении ржевско-вяземской группировки, то есть основных сил группы армий «Центр».

Для высадки корпуса было выделено 65 транспортных самолетов и 30 истребителей прикрытия. Однако фактически в распоряжении десантных войск оказалось только 80 машин: 22 самолета ТБ-3 из состава 23-й авиадивизии, 39 транспортных машин ПС-84 и 19 истребителей — четыре звена из 402-го истребительного авиаполка ПВО и отдельная группа двухмоторных истребителей Пе-3 из состава 9-го отдельного бомбардировочного авиа-

полка (последние вели дальнюю разведку в интересах операции). Для размещения этих сил и в качестве исходного района операции отводились три аэродрома в районе Калуги, в 180–200 км от места высадки и всего в 30–40 км от линии фронта.

Решение о проведении операции было принято еще 17 января — в этот день командующий воздушно-десантными войсками КА генерал-майор В. А. Глазунов поставил командиру корпуса генерал-майору А. Ф. Левашову задачу на сосредоточение частей корпуса. Первоначально высадка была намечена на 21 января. Однако направленный из-под Москвы в район Калуги по железной дороге 4-й воздушно-десантный корпус задержался в районе Алексина из-за взорванного моста через Оку и в район сосредоточения к нужному времени не прибыл. Поэтому дата высадки была перенесена на 27 января.

Тем временем корпус генерала Белова 26 января наконец-то сумел прорвать оборону 40-го танкового корпуса противника на узком участке между Мосальским большаком и рекой Попольта. В этот день 92-й полк 325-й стрелковой дивизии с четырьмя 45-мм орудиями прорвался к Варшавскому шоссе по восточному берегу реки Попольта и захватил мост через реку севернее деревни Подберезье. В ночь на 27 января 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, потеряв 55 человек убитыми и ранеными, прорвались через шоссе и двинулись в северном направлении.

Утром 27 января противник при поддержке четырех танков и трех бронемашин атаковал и сбросил наши

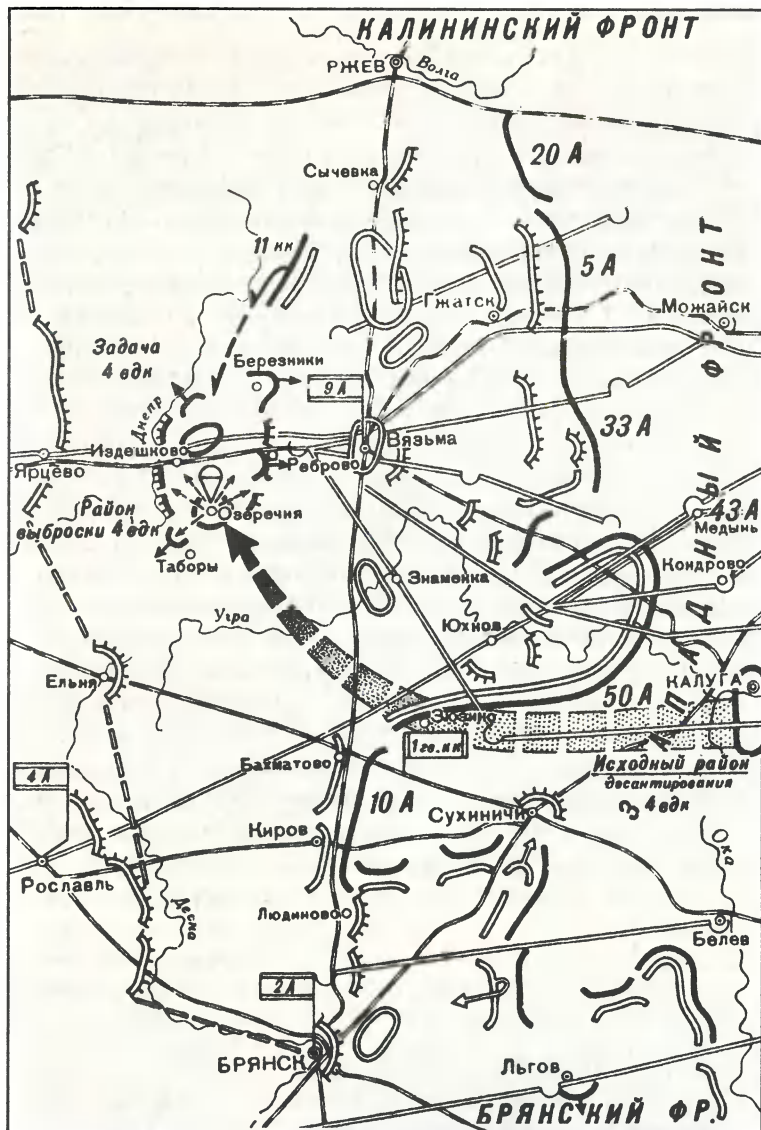
Командующий воздушно-десантными войсками КА в 1941–1942 годах генерал-майор (позднее генерал-лейтенант) В. А. Глазунов

части с моста, вынудив их отойти в лес на полкилометра южнее. В итоге прошедшие через шоссе части, двигавшиеся в основном в конном строю, без тылов и большей части артиллерии, оказались отрезаны от основных сил корпуса и потеряли связь со штабом Белова. К этому моменту части двух кавалерийских дивизий уже вышли в район Захарино и двигались по направлению к селу Хорошилово. Остальные силы группы Белова (1-я гвардейская, 41-ч, 57-я и 75-я кавалерийские дивизии, 115-й и 116-й лыжные батальоны) сосредоточились вдоль реки Попольта; 212-й полк 57-й кавдивизии охранял тылы корпуса в районе Мосальска.

Следующей ночью попытки прорыва через шоссе были продолжены. В результате к утру 28 января шоссе у реки Попольты пересекли 1-я гвардейская, 75-я и часть 57-й кавалерийской дивизии (216-й кавалерийский полк); к утру они заняли населенные пункты Федоткино, Захарино и Хорошилово. Перебросив сюда крупные силы, днем 28 января противник вновь закрыл прорыв, добавок отрезав часть сил 325-й стрелковой дивизии у деревни Подберезье. Однако к исходу того же дня 41-я кавалерийская дивизия, воспользовавшись успехом 115-го лыжного батальона, занявшего село Бесово, а также указанной местными жителями полевой дорогой от Бесово, без всякого противодействия противника вышла к шоссе между селом Глагольня и своротком на Мосальск.

На следующий день противник перекрыл и этот путь, однако четыре с половиной кавалерийских дивизии и часть штаба корпуса во главе с генералом Беловым уже оказались севернее Варшавского шоссе. Южнее шоссе остались второй эшелон штаба корпуса, дивизионная артиллерия и все части усиления, корпусной госпиталь и все тылы (позднее на базе этих соединений формировался второй состав корпуса).¹

¹ Обе стрелковые дивизии (325-я и 329-я) после этого были выведены из состава группы Белова.

Обстановка в полосе Западного фронта к 25 января 1942 года и план действий 4-го воздушно-десантного корпуса

Таким образом, ударная группа 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, насчитывавшая около 10 тысяч человек без артиллерии, двигалась к Вязме с юго-востока. С востока сюда же наступала западная группа 33-й армии под командованием М. Г. Ефремова (около 18 тысяч человек), буквально «пропихнутая» Жуковым в разрыв немецкой обороны. На севере, где войска Калининского фронта сумели прорвать вражескую оборону возле Сычевки, в прорыв была введена 29-я армия и 11-й кавалерийский корпус — конная группа полковника С. В. Соколова, устремившиеся на юг. Утром 26 января кавалеристы Соколова вышли на Минское шоссе и к железной дороге на Смоленск в 12 км западнее Вязьмы. Однако в прорвавшейся сюда группе (части 18-й, 24-й и 82-й кавалерийских и 107-й мотострелковой дивизий) было лишь 5800 человек, 5000 лошадей, 35 минометов калибра 82 и 120 мм, 47 противотанковых пушек и две 122-мм гаубицы, а также 7 тяжелых танков КВ.

За главной линией обороны немцев образовался «слоеный пирог»; коммуникации основных сил группы армий «Центр» — 9-й и 4-й танковой армий — оказались под угрозой перехвата советскими войсками¹. Приказ командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса № 009, отданный в 16:45 27 января 1942 года, гласил: *«1 гв. кавкорпус двумя ночными переходами выходит в рейд и соединяется с конной группой Соколова, отрезая Вязьму с запада и зажимая в кольцо окружения крупные силы противника».*

¹ Окончательно достичь такого успеха в 1942 году советским войскам не удалось, но в течении некоторого времени единственной коммуникацией 9-й и 4-й танковых армий группы «Центр» оставалось ведущее на Смоленск Минское шоссе, периодически перерезаемое кавалеристами и партизанами. Однако контрудар 5-й танковой и 208-й пехотной дивизий немцев в начале февраля не дал кавалеристам Калининского и Западного фронта войти в надежный контакт.

Такой была обстановка к моменту начала высадки. Поскольку за последние две недели (вплоть до прорыва группы Белова через Варшавское шоссе) на левом фланге Западного фронта она практически не изменилась, использование в плане десантной операции первоначальных наработок было вполне оправданным.

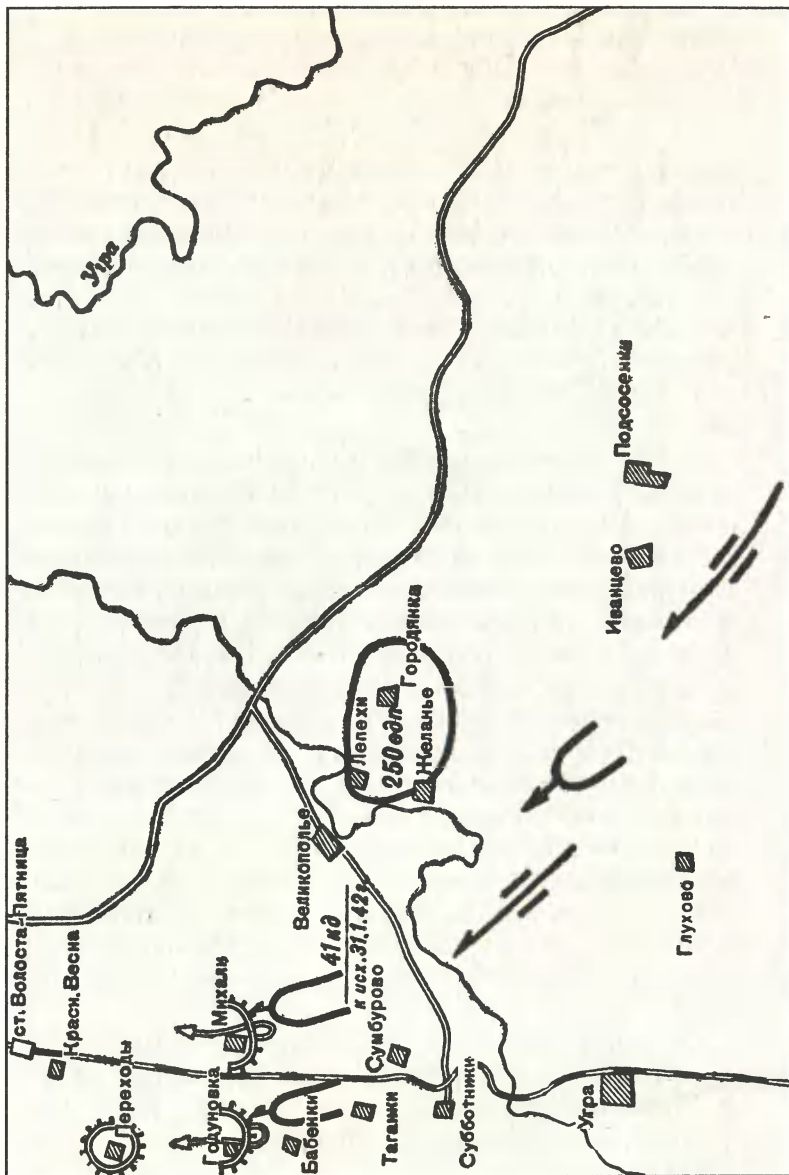
Еще 24 января командир корпуса получил от командующего Западным фронтом распоряжение на операцию:

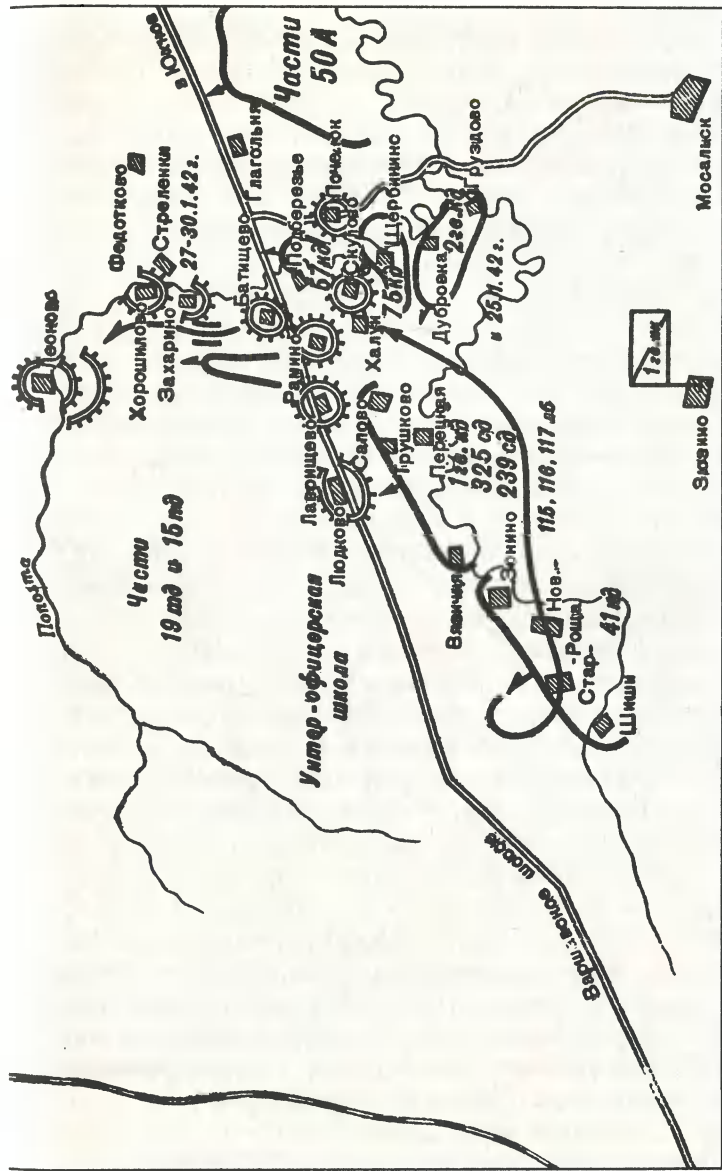
«Тов. Левашеву. Задача: 26–27.1 высадить корпус и занять рубежи согласно карте. Цель — отрезать отход противника на Запад. Жуков».

Согласно приложенной к приказу карте корпус должен был частью сил занять оборону на участке от Реброво до Березников по линии наших оборонительных сооружений осени 1941 года, но фронтом на восток. Этот фронт перехватывал железную дорогу и автостраду Москва—Минск западнее Вязьмы. Резерв корпуса (численностью до бригады) сосредотачивался западнее указанного рубежа в готовности к действиям как в сторону Вязьмы (на восток), так и в сторону Смоленска (на запад). Одним усиленным батальоном предполагалось занять оборону восточнее Днепра фронтом на запад.

Руководствуясь этой картой, в 18:00 26 января командир 4-го воздушно-десантного корпуса в присутствии Военного совета ВДВ, командира транспортной авиагруппы генерала Горбачевича объявил командованию бригад решение на высадку и дальнейшие боевые действия корпуса.

Основные силы корпуса следовало высаживать юго-западнее Вязьмы в районе Озеречня, Курдюмово, Комово. После высадки предполагалось захватить район Ямково, Мосолово, Плешково, Азарово, перерезать основные коммуникации вяземской группировки противника, воспрепятствовав как отходу противника из района Вязьмы

Прорыв 1-го гвардейского кавалерийского корпуса через Варшавское шоссе и выброска 8-й воздушно-десантной бригады

на запад, так и подходу резервов к Вязьме с запада. Часть сил выбрасывалась для разведывательно-диверсионных действий на важных путях подхода противника к району обороны десанта и для связи с кавалерийскими корпусами. Таким образом корпус должен был оказать содействие войскам Западного и Калининского фронтов в завершении окружения вяземской группировки противника.

Частям корпуса поставлены следующие задачи:

8-я вдбр подполковника А. А. Онуфриева (первый эшелон корпуса) должна была высадить передовой отряд (2-й батальон) в район Озеречни. Отряду надлежало выбрать здесь место для высадки остальных сил, очистить его от противника, организовать оборону, одновременно обозначив площадку приземления и обеспечив прием на нее бригады. После этого главные силы бригады занимали рубеж Реброво, Гридино, Березники с целью не допустить отхода противника из Вязьмы вдоль дорог Вязьма—Смоленск и Вязьма—Дорогобуж.

9-я вдбр после высадки вслед за 8-й бригадой должна была захватить рубеж Горяиново, Иванники, Попово и не допустить подхода резервов противника с запада.

214-я вдбр с артиллерийским дивизионом корпуса сосредотачивалась в центре обороняемого района (Ве-хоцкое, Плешково, Уварово) в готовности к проведению контратак против прорвавшихся частей противника и усилению обороны двух других бригад.

Кроме того, намечалось создать семь разведывательно-диверсионных групп по 20—30 парашютистов каждая и выбросить их на возможные пути подхода противника к району обороны десанта. Еще четыре небольшие группы выбрасывались для связи с кавалерийскими корпусами. Высадка этих групп осуществлялась одновременно с высадкой передового отряда 8-й вдбр.

Десантирование корпуса производилось с Калужского аэродромного узла на самолетах ПС-84 и ТБ-3 согласно предварительному плану десантирования. Всего

для переброски корпуса в тыл противника требовалось совершить 550–600 рейсов, то есть при имевшемся количестве машин высадка должна была занять двое-трое суток при условии 4–5 рейсов каждой машины в сутки. Продолжительность боевых действий корпуса в тылу врага до подхода войск 33-й армии и кавалерийских корпусов также определялась в двое-трое суток.

В 4 часа утра 27 января от Жукова поступила телеграмма:

«Сообщите Левашову, что в тот район, который был мною отмечен на карте, вышла конница группы Соколова. Поэтому обстановка для Левашова облегчена. Продумайте технику связи и дайте указания людям, чтобы не было недоразумений».

Первым во второй половине дня 27 января с аэродрома Жашково был отправлен 2-й батальон 8-й бригады, имевший задачу подготовить снежный аэродром для принятия остальных частей бригады. Батальоном командовал капитан М. Я Карнаухов, вместе с ним во флагманском самолете находился начальник разведотдела штаба корпуса капитан А. А. Цвион. Однако из-за ошибки пилотов десант был выброшен не у Озеречни, а в 15 км южнее, в районе деревни Таборы. Выброска проводилась в один заход, с большой высоты, поэтому десантников разбросало на очень большом пространстве (до 20–30 км). К утру 28 января к деревне Таборы, которая оказалась свободна от противника, вышли только 476 человек из 638 сброшенных. Но хуже всего обстояло дело с рациями батальона: радиста с мощной радиостанцией «Север» обнаружить так и не удалось, а с имеющихся раций установить связь с армейскими радиостанциями оказалось невозможно, так как кодовые таблицы были у начальника связи батальона, а его тоже не оказалось.

Не дожидаясь полного сбора отряда и сброшенных грузов, Карнаухов и Цвион с основными силами батальона

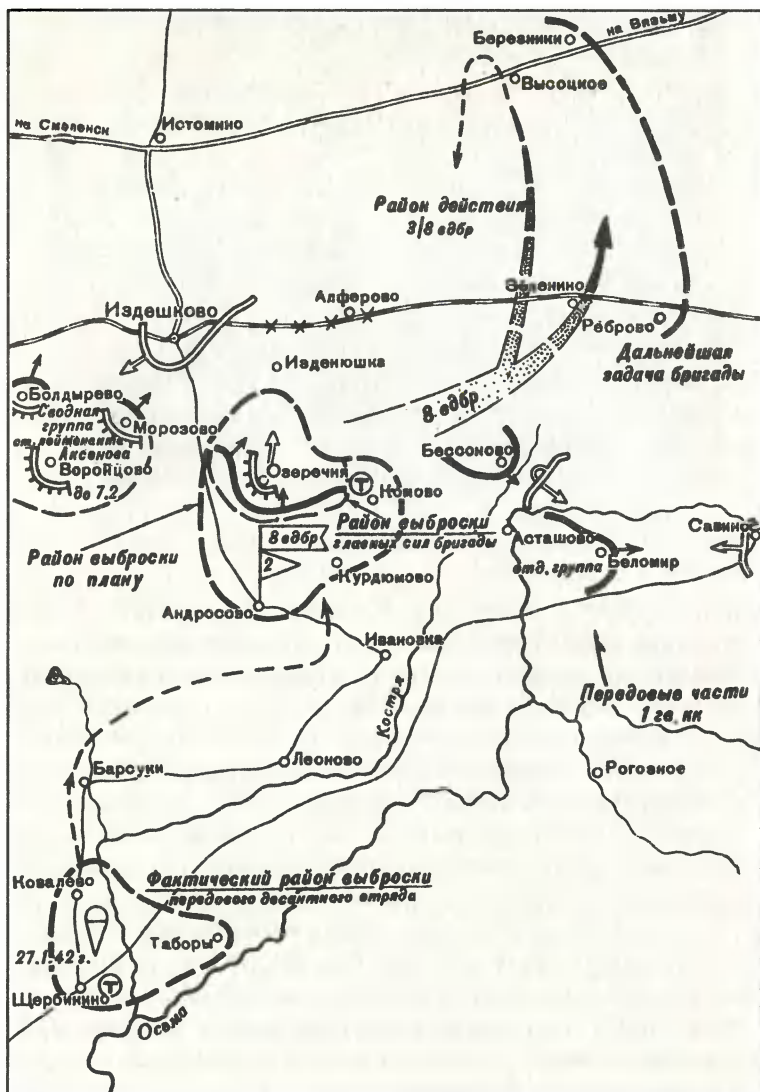

*Бойцы 8-й воздушно-десантной бригады перед посадкой
на самолеты*

направились к Озеречне. В Таборах была оставлена небольшая группа парашютистов с задачей собирать отставших и направлять их по маршруту, а также — на всякий случай — выложить опознавательные знаки для следующего эшелона высадки.

Не получив известий от передового отряда, командир корпуса решил продолжать высадку. В ночь на 28 января с того же аэродрома Жашково был отправлен 3-й батальон 8-й воздушно-десантной бригады (командир — майор А. Г. Кобец). На этот раз часть самолетов выбросили парашютистов в районе Озеречни, а часть, обнаружив сигнальные костры в районе деревни Таборы, сбросили десант здесь.

Не дожидаясь полного сбора батальона и сориентировавшись на местности, майор Кобец решил выполнять поставленную ему задачу и направился на север, к железной дороге и шоссе Вязьма—Смоленск. Десантники взорвали пути на перегоне Издешково—Алферово и в дальнейшем продолжали действовать здесь.

Действия 8-й воздушно-десантной бригады
с 27 января по 7 февраля 1942 года.

Тем временем вечером 28 января 2-й батальон подошел к Озеречне и атаковал ее. Две атаки были отбиты немцами, но на третий раз, уже в темноте, парашютисты ворвались в деревню, полностью уничтожив немецкий гарнизон.

Остальные части 8-й вдбр должны были десантироваться с аэродромов Грабцево и Ржавец. Однако немецкая разведывательная авиация обнаружила сосредоточение наших транспортных самолетов. В ту же самую ночь на 28 января немцы силами 24 самолетов Ju-88 и Me-110 атаковали аэродром Грабцево, в результате здесь было уничтожено 7 машин ТБ-3, один истребитель и склад горючего, имелись убитые и раненые среди десантников и личного состава транспортной авиации.

В результате вылеты с аэродрома Грабцево были прекращены вообще. В последующие ночи налетам подверглись остальные два аэродрома. Ранее ими пользовалась немецкая авиация, и немцы отлично знали их расположение, подходы и особенности обороны. Однако успех первого налета немцам повторить не удалось — вылеты на десантирование с аэродромов Жашково и Ржавец продолжались и далее.

В таких условиях до 2 февраля было десантировано только 2323 десантника 8-й вдбр¹ и 34 400 кг груза. Выброска парашютистов производилась на большой площади, поэтому в районы сбора вышли только 1320 человек, а 1003 человека (43% высадившихся) в бригаду так и не пришли.

Так и не получив донесений от командования бригады по радио, штаб корпуса был вынужден устанавливать с ней связь путем посылки разведывательных самолетов Пе-3 и офицеров связи на легких машинах У-2 с лыжным шасси. Впоследствии с помощью таких са-

¹ Согласно работе Софронова. В книге А.Г. Федорова «Авиация в битве под Москвой» указывается другая цифра — 2497 человека.

Командир 8-й воздушно-десантной бригады подполковник А. А. Онуфриев
и комиссар бригады И. В. Распопов (справа)

молетов штаб бригады, некоторое время находившийся в деревне Андросово в 12 км южнее поселка Алферово, устанавливал связь с другими подразделениями бригады.

6 февраля бригада, подобно 250-му воздушно-десантному полку, также была подчинена 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу. 7 февраля командир бригады подполковник Онуфриев получил от генерала Белова приказ перерезать железную дорогу Вязьма—Смоленск:

«...всеми силами 8 вобр наступать в восточном направлении и овладеть Гредякно (что у железной дороги), перехватить железную дорогу Вязьма—Издешково, не допуская движения поездов противника, войти в связь с 75 кд, которая наступает восточнее Гредякино, и с Соколовым (11-й кавалерийский корпус), о котором я писал Вам ранее».

10 февраля 8-я воздушно-десантная бригада после тяжелого боя за Песочню и Старое Поляново перешла к обороне района Мармоново и Дяглево. Потери бригады составили 140 человек убитыми и ранеными; согласно оперативной сводке штаба 1-го гвардейского кавкорпуса, были уничтожены штабы 176-го артиллерийского полка и 1-го батальона 13-го моторизованного полка 5-й танковой дивизии немцев, при этом захвачено свыше 200 автомашин.¹ По другим данным², в боях с 1 по 8 февраля частями бригады было захвачено 72 автомашины (очевидно, здесь имеются в виду только исправные), 4 танка, тягач, 19 мотоциклов и два полковых знамени.

4. Второй этап высадки 4-го воздушно-десантного корпуса

Еще 2 февраля корпус генерала Белова подошел к Вязме, накануне сюда же вышли передовые части наступавшей с востока 33-й армии. Юхновская группировка противника, то есть ядро сил 4-й немецкой армии, командующим которой с 21 января вместо генерала Кюблера был назначен пехотный генерал Хейнрици, утратила связь не только с левым крылом армии, но и со своим тылом и фактически была окружена.

Однако сил удержать кольцо у советских ударных частей уже не было. Части 11-го кавалерийского корпуса в первых числах февраля были отброшены от Вязмы на север. С 26 января в районе Шанского завода шли непрерывные бои — подразделения 4-й немецкой армии генерала Хейнрици пытались прорваться на север и соединиться с 4-й танковой армией генерала Руофа. В конце концов 3 февраля им это удалось — четыре дивизии

¹ *И. И. Лисов. Десантники (Воздушные десанты). М.: Воениздат, 1968. С. 109.*

² *Сборник материалов по изучению опыта войны. Выпуск 5 (март 1943 г.). М.: Воениздат, 1943. С. 30.*

33-й армии (113-я, и 138-я, 160-я и 329-я) были отрезаны от основных сил фронта и заняли круговую оборону юго-восточнее Вязьмы. Одновременно немецким войскам удалось восстановить целостность обороны по Варшавскому шоссе, и корпус Белова тоже оказался в окружении.

Всего из состава корпуса через Варшавское шоссе прорвалось около 10 тысяч человек. Из состава 33-й армии в прорыв до его закрытия немцами 3 февраля было введено около 18 тысяч человек.¹ Таким образом, южнее Вязьмы находилась группировка советских войск численностью до 30 тысяч человек. Однако она была разбросана на большой территории, имела крайне мало артиллерии, а единственным транспортом являлись лошади кавалерийских дивизий. Недостаток боеприпасов и снабжения некоторое время (до начала марта) удавалось компенсировать трофеями и местными ресурсами, в которые входили также и склады, оставленные советскими войсками в Вяземском окружении в октябре прошлого года...

Оперативный отдел 4-й немецкой танковой армии в донесении штабу группы армий «Центр» №517/42 от 9 февраля оценивал советские силы на 120-километровом фронте южнее и западнее Вязьмы в 12 тысяч человек боевого состава. Против них держали оборону 9 пехотных и 5 охранных батальонов *«с несколькими тяжелыми орудиями и небольшой, отчасти неподвижной артиллерией»*; еще два лыжных батальона перебрасывались в этот район. Всего противник имел здесь около 7 тысяч человек боевого состава.² В этом соотношении не учитывались силы

¹ На 11 марта в Западной группе армии насчитывалось 12 780 человек, общие потери группы с 1 февраля по 10 марта составили 5245 человек. См.: Военно-исторический архив, 1988, № 3. С. 160, 162. Правда, по другим данным потери группы с 1 февраля по 13 марта составили всего 3821 человек (там же, стр. 103).

² Военно-исторический архив, 1988, № 3. С. 160

20-й танковой дивизии 4-й танковой армии, действовавшие с востока против западной группировки 33-й армии¹, а также части, выделенные против кавалеристов и десантников из состава 13-го и 43-го армейских корпусов на юге и юго-востоке района.

В целом немцы оценивали обстановку под Вязьмой следующим образом:

«...Численное соотношение сил является для нас неблагоприятным. Русские силы являются значительно более подвижными в зимних условиях и имеют отличных связистов и разведчиков, которые в своей стране очень быстро ориентируются и информируют о наших медленно осуществляемых передвижениях войск.

*Этот недостаток не может быть полностью компенсирован тем, что русские имеют очень мало артиллерии. Но, несмотря на это, возможно, что отдельные группировки противника будут разбиты одна за другой. Для этого необходимо, однако, помешать русским осуществлять переброску новых сил и снабжение воздушным и сухопутным путем. Согласно имеющимся до сих пор неоднократным донесениям, русские, главным образом воздушным путем (десант) в районе вокруг Луги, а также сухопутным транспортом через Богородицкая, постоянно получают подкрепление людьми и предположительно различной матчастью».*²

Итак, после укрепления немецкого фронта по Варшавскому шоссе единственным средством переломить обстановку в районе Вязьмой оставалась «аэромобильная операция» — переброска по воздуху войск и снабже-

¹ По донесению штаба дивизии от 13 марта 1942 года в боях на оба фронта (против западной и восточной группировок 33-й армии) ею было потеряно убитыми, ранеными и заболевшими 3699 человек.

² Военно-исторический архив, 1988. № 3. С. 105.

ния для сил Белова, ведущих ожесточенную борьбу за коммуникации группы армий «Центр» в районе Вязьмы.

1 февраля распоряжением Ставки для руководства всеми операциями западнее Москвы было создано единое Главное командование Западного направления, во главе которого встал Г. К. Жуков. Командование решило возобновить выброску в помощь частям 1-го гвардейского кавкорпуса и 33-й армии оставшихся сил 4-го воздушно-десантного кор-

Командир 9-й воздушно-десантной
бригады полковник
И. Г. Курьшев

пуса. В состав десанта должны были войти оставшиеся две бригады корпуса — 9-я полковника И. И. Курьшева и 214-я подполковника Н. Е. Колобовникова, а также последний батальон 8-й бригады.

10 февраля корпус был передан из подчинения Ставке в подчинение командованию Западного фронта. В этот же день он получил от штаба фронта задачу на дальнейшую операцию. Местом высадки был назначен район все той же деревни Желанье восточнее станции Угра, где на этот момент действовала группа Солдатова (250-й вдп) и партизанский отряд полковника М. Г. Кириллова¹, к этому моменту насчитывавший около 1200 человек. После высадки десант должен был наступать на юго-восток, выйти в район поселка Песочня, заняв рубежи Куракино—Бородина—Подсосонки и Ключи—Тыновка—Ле-

¹ Бывший командир 38-й Донской дивизии, попавшей в окружение под Вязьмой в октябре 1941 года.

онова. В дальнейшем ему предписывалось нанести по противнику удар с тыла, выйти на Варшавское шоссе в 25–30 км юго-западнее Юхнова и соединиться с наступающими частями 50-й армии, таким образом вновь расчистив коммуникации группы Белова.

Руководство десантированием было возложено на командующего ВДВ РККА. Исходным районом операции назначался хорошо прикрытый силами ПВО московский аэродромный узел — аэродромы Люберцы и Внуково. Место высадки отстояло от него на 300 км. Для операции была создана специальная авиатранспортная группа в составе 64 машин — 23 корабля ТБ-3 и 41 самолет ПС-84.¹ Десант высаживался двумя группами: оставшаяся часть 8-й вдбр — в районе Путьково, Бели (25 км юго-восточнее Вязьмы), а остальные две бригады 4-го воздушно-десантного корпуса — в районе Великополье, Луги (40 км юго-восточнее Вязьмы). Кроме того, в ночь на 17 февраля этой же группой в районе станции Мончалово для поддержки частей 29-й армии, отрезанных в 15 км западнее Ржева, был выброшен 4-й батальон 204-й бригады 5-го воздушно-десантного корпуса под командованием лейтенанта П. Н. Белоцерковского.²

Из-за малого количества машин высадка вновь осуществлялась группами на протяжении нескольких ночей. Чтобы обеспечить точность выброски, предполагалось предварительно направить в район десантирования сигнальные группы с тремя радиостанциями, деятельность

¹ Согласно работе Федорова — 72 самолета.

² Из состава батальона (425 человек) было сброшено 312 десантников, еще 38 человек по ошибке десантировались в своем тылу (возле Старицы), а 75 бойцов прыжок не совершали и были привезены обратно. Однако в распоряжение 29-й армии пробились только 166 человек, при этом одной из групп десантников удалось уничтожить вражескую артиллерийскую батарею. Неделью спустя, в ночь на 24 февраля, подразделения 29-й армии прорвались в юго-западном направлении и соединились с частями 39-й армии.

которых должны были обеспечить партизаны. Однако «по техническим причинам» сделано это так и не было.

Впрочем, вряд ли задача *точного* наведения самолетов по трем слабым приводным радиостанциям была выполнима на практике — она требовала хорошей пеленгационной аппаратуры, высочайшей квалификации штурманов и радистов. К тому же активная работа раций неизбежно привлекла бы внимание противника к месту высадки и могла обеспечить самолетам с десантниками крупные неприятности.

Все командиры транспортных машин были строго предупреждены об ответственности за точность выброски парашютистов. В результате летчики предпочитали не выбрасывать свои группы и возвращаться обратно с десантниками, если выложенные на земле знаки вызывали сомнение. Это заметно повысило точность высадки — но одновременно привело к увеличению числа рейсов и затягиванию операции.

Первой в ночь на 17 февраля вылетела группа из 20 самолетов ТБ-3 с батальоном 214-й воздушно-десантной бригады. Однако 19 машин не нашли района высадки и вернулись обратно. Один самолет выбросил десант, но эти парашютисты с бригадой впоследствии так и не соединились, и сведений о них больше не поступало.

На следующую ночь с аэродрома Внуково в район Путьково, Бели вылетела группа самолетов ПС-84 с 4-м батальоном 8-й воздушно-десантной бригады. Однако выброску смогли осуществить всего 12 машин, ими было высажено 293 человека из состава 4-го батальона 214-й вдбр и 32 тюка с вооружением.¹ Остальные экипажи задания не выполнили, потому что приводные радиостан-

¹ А. Г. Федоров. *Авиация в битве под Москвой*. М.: Наука, 1971. С. 236. Таким образом, на одну машину приходилось 25 человек и 2–3 тюка!

Посадка десантников на самолеты, зима 1941/42 года

ции не работали, а на земле горело множество различных костров.

В ночь на 19 февраля началось десантирование 9-й и 214-й бригад в район Великополье, Луги. Оно проходило более успешно — за несколько часов до вылета штаб Западного фронта сообщил новый условный сигнал для выброски: семь костров буквой «Г». Всего за ночь транспортными самолетами типа ПС-84 и тяжелыми бомбардировщиками ТБ-3 было произведено 89 самолето-вылетов — то есть некоторые машины сделали по два рейса. Было выброшено 538 человек и 96 тюков груза.

В ночь на 20 февраля высадка была особенно массовой — в тылу противника высадился 2551 человек. В следующую ночь выброска десанта была ограничена в связи с ухудшением погоды (туман, высота облачности 300–400 м). Несмотря на это, высадку осуществили 37 экипажей, было выброшено 476 человек и 73 тюка с вооружением.

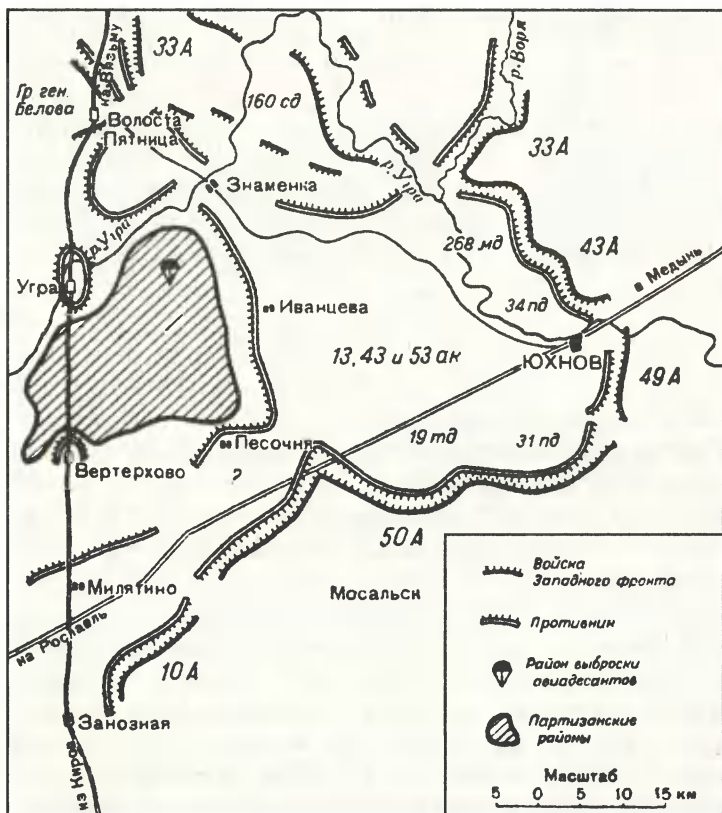
Ночью с 20 на 22 февраля высадка не проводилась. Зато в ночь на 22 февраля она опять была массовой — десантировано 1676 человек. 23 февраля высадилось 1367 человек. В эту ночь должен был высаживаться штаб воздушно-десантного корпуса; вопреки инструкциям, весь он находился в одном самолете ТБ-3. Надо же было случиться, что именно эта машина была атакована немецким ночным истребителем Ме-110! Пулеметным обстрелом был убит командир 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майор А. Ф. Левашов и ранено несколько офицеров его штаба. Однако пилоту Мосолову удалось посадить тяжело поврежденную машину на снег и спасти остальных десантников. В командование корпусом вступил начальник штаба полковник А. Ф. Казанкин.

В ночь на 24 февраля было произведено 38 самолето-вылетов и выброшено 179 десантников. На этом высадка корпуса завершилась.

Всего с 17 по 24 февраля для выброски воздушного десанта было произведено 612 самолето-вылетов, из них 443 — успешных. Не вернулись с боевого задания 3 экипажа. За это время было высажено и выброшено 7373 человека и 1524 тюка с боеприпасами, оружием, продовольствием и различным имуществом.¹

Однако по причине большой высоты сбрасывания (1–2 км вместо намеченных 600 метров) и ошибок в определении места выброски десантники все равно оказались разбросаны на большой площади. В результате сборы корпуса проходили медленно. В первые дни собралась только половина личного состава, а до 30% десантников так и не соединились со своими подразделениями. Часть из этих людей пропала без вести, около 1800 человек оказались среди партизан или других соединений группы Белова и 33-й армии (в распоряжение последней вышло 300 человек). Тем не менее уже в ночь

¹ А. Г. Федоров. Авиация в битве под Москвой. С. 237.

Общая обстановка на юхновском направлении
к 25 февраля 1942 года

*Командир 4-го воздушно-десантного корпуса полковник
А. Ф. Казанкин ставит парашютистам боевую задачу*

на 21 февраля основная часть 214-й воздушно-десантной бригады сосредоточилась в районе села Гряда юго-восточнее первоначального места высадки. Правее и дальше на юг от нее сосредотачивалась 9-я бригада. Окончательный сбор десанта был закончен к исходу 23 февраля.

Лишь к исходу 23 февраля корпус начал выполнение своей задачи по содействию 50-й армии. В ночь на 24 февраля 9-я вдбр начала наступление на деревни Пречистое и Куракино, но была остановлена огнем противника. Успеха добилась только одна из рот на правом фланге бригады, внезапной атакой захватившая станцию Вертерхово на железнодорожной рокаде Вязьма—Брянск, уничтожив немецкий гарнизон в 80 человек. 214-я бригада атаковала Иванцево, Костинки и Жердовку, но в течение ночи успеха не имела и лишь днем 24 февраля смогла занять Татьянино.

К исходу дня после тяжелого боя 9-я бригада вышла на рубеж Ключи, Дертовочка, 214-я бригада — Татьянино, Иванцева, Жердовка. Потери бригад за этот день

составили 280 человек. До переднего края 50-й армии оставался лишь какой-то десяток километров. Однако наступление армии, начавшееся 23 февраля, успеха не имело. Вдобавок командование корпуса не имело прямой связи со штабом 50-й армии, поэтому десантники не могли координировать свои действия с армейцами.

Несколько большего успеха добился правый фланг 9-й бригады, действовавшей вдоль железной дороги. Здесь были заняты разъезды Дербянский и Субботники, захвачено семь железнодорожных платформ с авиабомбами и вагон с боеприпасами, а также склад продовольствия.

В последующие дни продолжались тяжелые и в основном безрезультатные наступательные бои. Лишь 27 февраля частям 9-й бригады удалось захватить крупное село Ключи в 7 км от Варшавского шоссе. Здесь был разгромлен штаб 12-го пехотного полка немцев, взяты большие трофеи (в том числе 50 лошадей и до 200 повозок); по нашим данным, общие потери противника составили 600 человек. В последующих боях частям 214-й бригады удалось продвинуться еще на пару километров, заняв село Горбачи, однако на этом наступление заглохло. С начала марта корпус перешел к обороне на фронте в 35 км, практически параллельном фронту 50-й армии за Варшавским шоссе. Общие потери двух бригад корпуса к этому моменту составили 1200 человек убитыми и ранеными.

5. Действия 4-го воздушно-десантного корпуса в тылу противника с марта по июнь 1942 года

К 5 марта 1942 года в боевом составе корпуса (без 8-й вдбр и тылов) числилось 2484 человека, 7 противотанковых 45-мм орудий, 16 82-мм и 22 50-мм, а также 93 (!) 37-мм миномета, 39 противотанковых ружей, 126 руч-

ных пулеметов, 707 автоматов и 1276 винтовок. К этому моменту корпус обеспечивал восточную, южную и юго-восточную границы обширного района южнее Вязьмы, занятого советскими войсками. На севере и северо-востоке этого района оборонялась группа Белова, на западе (где противник был слабее) действовали партизаны, поддерживаемые отдельными кавалерийскими частями. Восточнее Белова находилась 33-я армия, однако в первых числах марта она была окончательно отрезана от основной нашей группировки и в дальнейшем действовала самостоятельно (за исключением 329-й стрелковой дивизии, включенной в состав группы Белова).

С этого момента корпус действовал как легкая стрелковая часть, вынужденная выполнять несвойственные ей задачи — вместо диверсионных действий в слабо защищенном тылу противника пытаться прорывать позиционный фронт.

Еще 4 марта командующий Западным фронтом передал командиру 4-го воздушно-десантного корпуса А. Ф. Казанкину и командующему 50-й армией И. В. Болдину приказ на новую операцию по прорыву немецких позиций вдоль Варшавского шоссе. При этом основная задача десантников оставалась прежней — перехват шоссе Вязьма—Смоленск. Еще 3 марта командующий 50-й армией отправил в распоряжение воздушно-десантного корпуса на самолете У-2 начальника разведывательного отдела штаба армии. Ввиду неудач наступления на прежнем направлении армия предполагала наносить главный удар в направлении высоты 253,2. Наступление планировалось на утро 6 марта. От Казанкина требовалось атаковать в направлении деревни Малышевка, затем наступать на Бобынино, находящееся всего в 800 метрах от Варшавского шоссе. Операция проводилась силами 9-й гвардейской воздушно-десантной бригады при поддержке части сил 214-й бригады.

Атака была назначена на 3 часа ночи 6 марта, однако уже накануне вечером 2-й батальон 9-й гвардейской

бригады в километре южнее деревни Ключи подвергся сильному обстрелу со стороны противника и залег, не продвинувшись далее. 3-й батальон скрытно подошел к Малышевке и на рассвете, не ожидая подхода других сил бригады, атаковал ее с северо-востока. Чуть позже с северо-запада Малышевку атаковал 4-й батальон. Десантникам удалось ворваться в деревню, однако закрепиться в ней они не смогли — во многом из-за разрозненности действий. Утром оба батальона были вынуждены отойти в исходное положение.

7 марта части воздушно-десантного корпуса безуспешно пытались выбить противника из Екатериновки и Песочни. На этом активные действия вновь прекратились — более того, в наступление перешел противник. Против десантников действовала 131-я пехотная дивизия, к которой постепенно подходили новые части — так, 18 марта были взяты пленные 107-го полка 34-й пехотной дивизии, переброшенного из района Юхнова.

11 марта немцы начали наступление с востока на Андроновку и Юркино против 4-го батальона 214-й бригады. Заняв Юркино, 13 марта противник атаковал село Горбачи, находящееся ближе всего к Варшавскому шоссе — в 4 км. Деревня оборонялась 4-м батальоном 9-й гвардейской воздушно-десантной бригады, вечером ей на помощь была переброшена одна рота 2-го батальона бригады. Двигаясь на лыжах, рота незаметно вышла на опушку леса севернее Горбачей и неожиданно атаковала немцев во фланг и тыл. Это решило исход боя — к 18 часам последние немцы были выбиты из деревни. По нашим данным, противник оставил на поле боя свыше 200 убитых. Было захвачено два противотанковых орудия и миномет, 4 станковых и 8 ручных пулеметов и 150 винтовок — последняя цифра косвенно подтверждает число убитых. Кроме того, в ходе боев за деревни Новая и Мохнатка в эти дни, по донесениям частей, было уничтожено 350 солдат противника.

На 15 марта в боевом составе двух бригад корпуса насчитывался 2001 человек, число 82-мм минометов увеличилось до 18, но остальных стало гораздо меньше (14 50-мм и 8 37-мм). Противотанковых ружей осталось всего 13, зато в корпусе появилось 6 противотанковых 45-мм пушек. На этот же момент в группе Белова имелось 6250 человек, 5160 лошадей, 24 орудия калибром 76 мм, 13 противотанковых пушек (из них две трофейных 37-мм) и 61 миномет разных калибров.

Ставка не оставляла надежд использовать действующую в немецком тылу группировку советских войск для перелома обстановки под Вязьмой и дальнейшего наступления против флангов и тыла группы армий «Центр». В 4:00 22 марта 1942 года командование Западного фронта отослало командующим 43-й, 49-й, 50-й и 5-й армий директиву за № 048/оп:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что ликвидация ржевско-гжатско-вяземской группировки противника затянулась, 1-й гв. кавкорпус, западная группировка 33-й армии и 4 вдк продолжают оставаться изолированными от всех тылов и других армий фронта.

Ставкой приказано:

1. Разгромить ржевско-вяземско-гжатскую группировку противника и не позднее 20 апреля выйти и закрепиться на прежнем нашем оборонительном рубеже по линии Белый, Гуляшево, Дорогобуж, Ельня, Снопоть, Красное.

2. Ближайшая задача Западного фронта — общими усилиями 43, 49 и 50-й армий не позднее 27.3 очистить от противника пути подвоза 33-й армии и группы Белова, соединиться с ними и в дальнейшем уничтожить группировку противника в районе Раляки, Милятино, Вязьма.

Справа — 5-я армия завершает прорыв сев.-вост. Гжатска с задачей не позднее 1 апреля овладеть

Гжатск, после чего ударом на Вязьма содействовать 33, 43, 49 и 50-й армиями в уничтожении противника под Вязьма. Слева — 10-я армия, активно обороняясь, обеспечивает фланг 50-й армии на рославльском направлении».

Противник тоже хорошо понимал, насколько опасная для него сложилась ситуация. Для наступления на советскую группировку с юга в тыловой полосе 4-й немецкой армии была создана специальная «группа Хаазе» под общим руководством начальника тыла группы армий «Центр». В группу вошли 211-я пехотная и остатки 10-й и 11-й танковых дивизий. Операция, получившая кодовое название «Мюнхен», имела следующие задачи:

1. Уничтожить партизанские силы южнее железной дороги Сухиничи—Смоленск и деблокировать Ельню.

2. Наступать на север вдоль железной дороги Киров—Вязьма и во взаимодействии с немецкими войсками в районе Вязьмы расцечь и в дальнейшем уничтожить советскую группировку севернее дороги Сухиничи—Смоленск.

18 марта «группа Хаазе» перешла в наступление. 211-я пехотная дивизия действовала в направлении на Ельню, части 10-й и 11-й танковых дивизий наступали на Вязьму против сил 4-го воздушно-десантного корпуса. Атакой в полосе 9-й бригады немцы заняли село Пушкино, поставив 4-й батальон 214-й бригады в районе села Ключи под угрозу окружения. Батальон был вынужден оставить Ключи и отойти западнее села Куракино, причем в нем осталось всего 30 человек.

20 марта с разрешения командующего фронтом десантники спрямили линию своей обороны, отойдя на рубеж станция Вертерхово, Богородицкое, Акулово, Пречистое, Куракино, Новинская Дача. На этот момент боевая численность корпуса сократилась до 1483 человек при четырех противотанковых пушках, пятнадцати ПТР, десяти 82- и восьми 50-мм минометах.

Однако на этом немецкое наступление прекратилось — противник тоже выдохся. 25 марта Жуков докладывал Сталину:

«... Части 4 вдк отбили атаки противника, пытавшегося захватить Куракино. В положении частей корпуса за день изменений не произошло.

...Изменений в положении частей группы [Белова] не произошло. Отряд в составе кавполка и 300 человек пехоты сосредоточен в Бол. Еленка. Разведкой в направлении Сизово уточняется положение противника для активных действий отряда в этом направлении».

В свою очередь 24 марта дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдера выражал серьезное беспокойство:

«Неблагоприятная обстановка в тылу группы армий „Центр” (Ельня), где партизаны совместно с оставшимися в окружении кадровыми частями ведут ожесточенные атаки. На переброску сюда достаточного количества наших сил потребуется не менее двух дней».

На следующий день Гальдер констатировал:

«Особое беспокойство внушает обстановка в тылу [группы армий „Центр”] (действия гвардейского кавалерийского корпуса против группы Хаазе)».

Таким образом, наличие в немецком тылу крупной организованной группировки советских войск с артиллерией и танками (у Белова имелись даже отремонтированные тяжелые КВ) не только дезорганизовало коммуникации группы «Центр», но и отвлекало значительные немецкие силы. Это уже само по себе оправдывало решение на проведение операции без достаточного ее обеспечения, принятое в конце января командованием Западного фронта.

25 марта после артиллерийской подготовки части 131-й пехотной дивизии атаковали Куракино, обороняемое

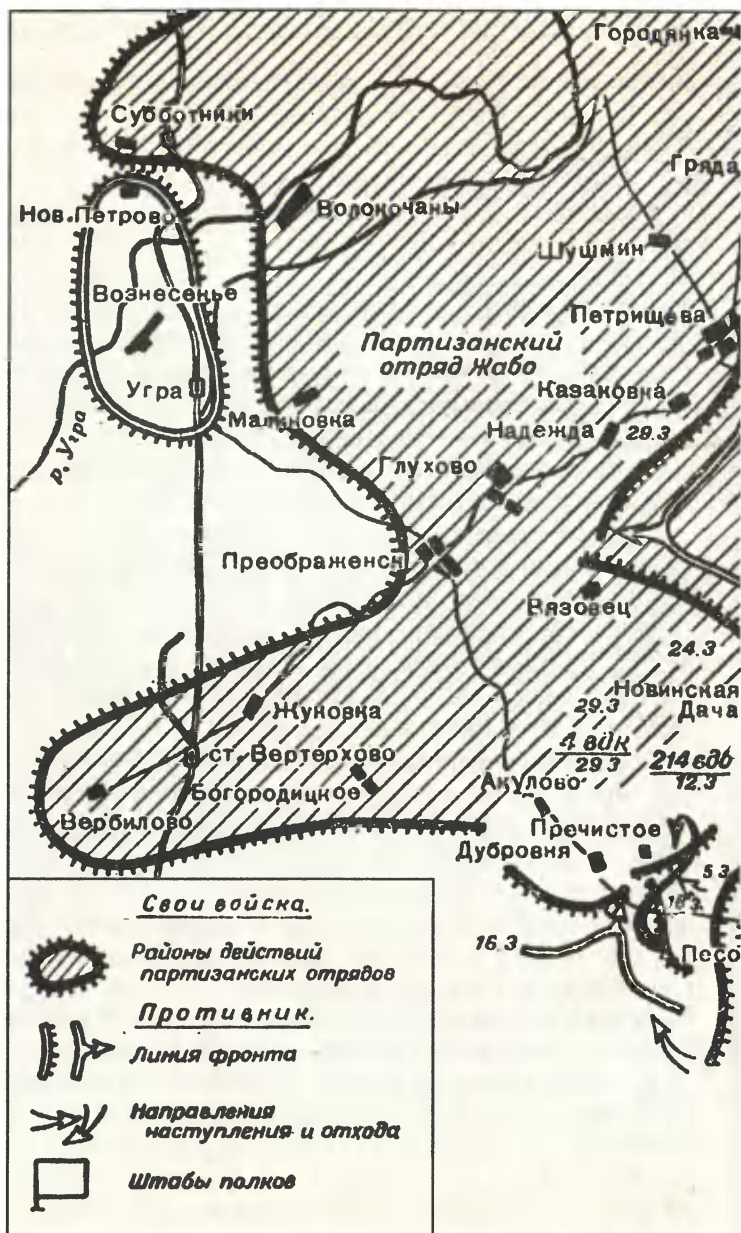
4-м батальоном 9-й воздушно-десантной бригады. Немцам удалось захватить восточную половину этого населенного пункта. Уличные бои продолжались весь день и всю ночь. Потери батальона только за первые сутки боя составили 38 убитых и 91 раненый. Бой продолжался до 27 марта, однако полностью занять село немцам так и не удалось.

31 марта противник силами трех батальонов при поддержке артиллерии, танков и авиации начал новое наступление. Ему удалось захватить деревни Дубровня, Пречистое и Куракино. Возникла опасность выхода немцев к железной дороге, где на станции Угра с 13 марта партизанами и частями Белова был блокирован крупный гарнизон противника (до 800 человек).

Утром 3 апреля немцы при поддержке танков атаковали позиции 214-й вдбр (отряд Лебедева), захватив села Акулово и Богородицкое (в 10 км восточнее станции Вертерхово) и угрожая расцечь занимаемый корпусом район. Бригада отошла в лес севернее Богородицкого, потеряв в этом бою 150 человек. Потери противника оценивались в 300 человек и 4 танка.

Одновременно восточнее этого района 2-й батальон 9-й бригады при поддержке артиллерии атаковал и к вечеру вновь захватил южную окраину села Пречистое, захватив здесь один станковый и 6 ручных пулеметов, 24 винтовки и подбитый танк; было убито до 30 солдат противника. В этом бою батальон потерял одного человека убитым и 7 ранеными. На левом фланге отряд майора Жабо своим 1-м батальоном в ночь на 3 апреля пытался атаковать деревню Вознесенье, но был отбит, потеряв одного бойца убитым и 15 ранеными.

В этот же день из состава группы Белова в корпус прибыли остатки 8-й воздушно-десантной бригады, насчитывавшей порядка 500 человек. Бригада заняла оборону севернее и северо-восточнее Вертерхово фронтом на запад, к станции Угра. Штаб корпуса размещался в селе Преображенское.

Операция «Мюнхен» и выход

немецких войск к концу марта

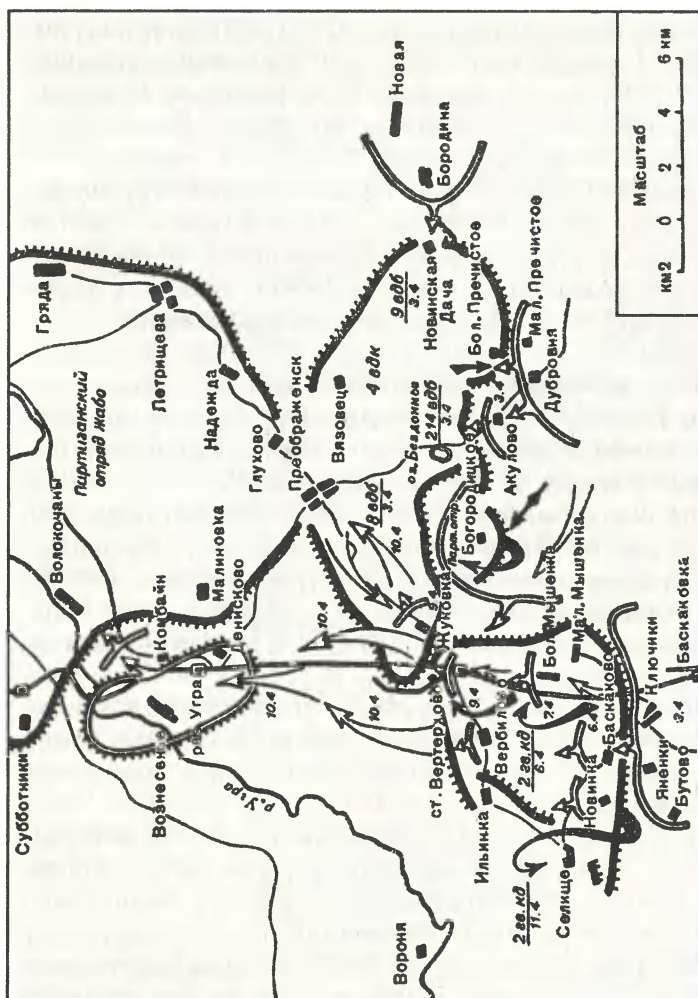
Тем временем противник начал наступление на Угру с юга, где за правым флангом 214-й бригады оборонялась малочисленная 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. В результате 9 января станцию Вертерхово пришлось оставить, а на следующий день немцы деблокировали гарнизон на станции Угра. 10 апреля Жуков доносил Ставке:

«...за истекший день 9.4.42... на фронте группы Белова шел бой с наступающим противником силою до двух батальонов пехоты. Частями 2 гв. кд под давлением противника на южном участке фронта оставлено Вербилово. Бой продолжается за Ильинка».

На этом фронт опять стабилизировался. Более того, немцам пришлось даже начать отход — 10 апреля дневник Гальдера констатировал: *«Группа Хаазе вырвалась вперед и теперь оттягивается назад».*

12 апреля противник оставили станцию Угра. Это стало для нас большим успехом, поскольку станция находилась практически в центре занимаемого советскими войсками района, между группой Белова и 4-м воздушно-десантным корпусом. Однако к этому времени командование Западного фронта рассталось с мыслью о захвате Вязьмы — хотя и стремилось держать как можно больше сил рядом с коммуникациями группы армий «Центр». 11 апреля 33-й армии был отдан приказ выходить из окружения на восток.

Еще раньше, 31 марта, командование 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантного корпусов получило от штаба Западного фронта задание — подготовить новую операцию для соединения с войсками 50-й армии, которая 5 апреля начала новое наступление против 40-го моторизованного корпуса 4-й немецкой армии на Варшавском шоссе. Однако приказом Жукова от 11 апреля командиру 1-го гвардейского кавалерийского корпуса было категорически запрещено ослаблять для

Положение 4-го воздушно-десантного корпуса к 3 апреля 1942 года и отражение немецкого наступления

этого другие участки обороны — в частности, в районе города Дорогобуж¹, занятого еще в середине февраля. Новое наступление должно было проводиться юго-западнее района прежней операции, вдоль железной дороги Вязьма—Киров—Брянск в направлении города Милятино, то есть прямо на юг. 4-й воздушно-десантный корпус был напрямую подчинен генералу Белову.

Наступление 50-й армии началось 13 апреля, 4-го воздушно-десантного и 1-го гвардейского кавалерийского корпусов — 14 апреля. 8-я и 9-я бригады начали продвижение по лесу слева от железной дороги, правее них действовала 214-я бригада, открытый фланг которой, в свою очередь, прикрывался партизанским отрядом Жабо; левее железной дороги действовала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия.

К исходу этого дня десантники заняли станцию Вертерхово, села Терехово, Большая Мышенка и Богородицкая, а в ночь на 15 апреля овладели деревнями Платоновка, Бараки, Плотки. На левом фланге наступления 214-я бригада заняла село Акулово, оставленное еще 4 апреля, однако дальше продвинуться не смогла. 2-я гвардейская кавдивизия, атакуя с запада, вела упорный бой за станцию Баскаковка в 10 км южнее Вертерхово.

16 апреля части 50-й армии возобновили атаки на Варшавском шоссе. Одновременно командование фронта решило усилить десантников высадкой с воздуха батальона парашютистов. Выброска началась вечером 15 апреля и продолжилась в ночь с 16 на 17 апреля. Всего до 18 апреля в районе действий корпуса было собрано 559 человек; в основном они поступили на усиление самой малочисленной 8-й бригады.

Вечером 17 апреля 8-я и 9-я бригады овладели станцией Буда в 8 км южнее Баскаковки, захватив здесь боль-

¹ Не путать со станцией Дорогобуж, продолжавшей оставаться в руках противника.

Наступление 4-го воздушно-десантного корпуса на Миятино

шие трофеи — 129 лошадей, 400 повозок, 12 ручных и 4 станковых пулемета, 185 винтовок и три склада; было взято 5 пленных. Однако вечером следующего дня противнику удалось отбить станцию. Дальнейшие атаки на нее, а также на Аскерово и Новое Аскерово (6 км юго-восточнее Буды) успеха не принесли. Эти села были последними опорными пунктами, разделявшими воздушно-десантный корпус и войска 50-й армии, до которой на этот раз оставалось всего 5–7 км. Но преодолеть их вновь не удалось — 50-я армия опять не смогла продвинуться вперед и к 18 апреля прекратила наступление. В этот день Жуков докладывал Ставке:

«...173, 146 и 198 сд, закрепившись на достигнутых рубежах, вели разведку, подвозили боеприпасы и готовились к продолжению наступления. Левифланговые дивизии ударной группы армии, наступавшие на фронте лес сев. Гореловский, Малиновский, продолжают бой, встречая упорное сопротивление противника».

К 23 апреля наступление было окончательно прекращено. Операция «Мюнхен» только частично достигла своих целей — была снята осада Ельни и рассеяна партизанская группировка южнее железной дороги Сухиничи—Смоленск. Севернее этой дороги, в районе действий 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантного корпусов, противник, несмотря на введение крупных сил, не добился никаких результатов.

К этому моменту в боевом составе воздушно-десантного корпуса (с учетом прибывших подкреплений) насчитывалось 2027 человек. 26 апреля приказом генерала Белова части корпуса были отведены назад для спрямления линии фронта. 8-я бригада заняла оборону на подступах к станции Вертерхово, 9-я — к селу Богородицкому; 214-я бригада продолжала обороняться на рубеже Дубровня, Пречистое, Новинская Дача.

В течение следующего месяца боевых действий в связи с распутицей и разливом рек практически не велось, воздушно-десантный корпус и группа Белова продолжали занимать прежние позиции. Были созданы посадочные площадки, на которые совершались регулярные рейсы самолетов с «Большой земли» — в том числе даже тяжелых ТБ-3. Обратными рейсами вывозились раненые — только с площадки в районе Большого Вертова было эвакуировано 1209 человек. С середины мая эвакуация по воздуху прекратилась, однако до этого момента удалось вывести около 3000 человек.

В это время командование Западного фронта вновь начало готовить наступательную операцию 50-й армии, в связи с чем 9 мая в распоряжение группы Белова на самолете прибыл начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор С. В. Голушкевич. Однако операция так и не состоялась.

На середину мая 1942 года 4-й воздушно-десантный корпус насчитывал 2300 человек кадровых бойцов, 1700 партизан, а также около 2000 раненых и больных. В корпусе имелось 7 противотанковых пушек, 37 ПТР, 34 батальонных 50-мм миномета.

В свою очередь, немцы подготовили операцию «Ганновер I» с целью полного разгрома группы Белова. Она должна была начаться 24 мая, в ней должны были принять участие следующие силы:

- XXXXVI танковый корпус — 5-я танковая, 23-я и 197-я пехотные дивизии;
- XXXXIII армейский корпус — 19-я танковая, 34-я и 131-я пехотные дивизии;
- 11-я танковая дивизия, 221-я пехотная дивизия, 442-я дивизия особого назначения, полк полевой жандармерии «Центр».

Общую численность выделенных для операции войск определить тяжело — но в любом случае она в разы превосходила численность советской группировки, оцененной немцами в 15–20 тысяч человек, из которых

кадровые подразделения (с учетом мобилизованных в немецком тылу) составляли менее 10 тысяч.

По плану операции первоначально предполагалось атаковать восточную часть района, очистить линию железной дороги Брянск—Вязьма, одновременно плотно блокировав советскую группировку с других сторон. Затем советские войска отеснялись на запад и там уничтожались, лишившись возможности прорваться через линию фронта.

Перед началом операции планировалось провести диверсионную акцию против штаба 1-го гвардейского кавалерийского корпуса для ликвидации его руководства. Для этого из набербованных в лагерях военнопленных была создана специальная группа «Граукопф» численностью около 350 человек. Группой командовал полковник Сахаров, действовавший под фамилией Рогожин. Его заместителем стал майор Бочаров (в некоторых документах и в мемуарах генерала Белова ошибочно именуется Богатовым) — бывший командир 462-го отдельного саперного батальона 160-й стрелковой дивизии 33-й армии, сдавшийся в плен 16 апреля, незадолго до разгрома остатков этой армии.

Однако 23 мая группа «Граукопф» была выдана своими же членами, перебежавшими к советским войскам — по немецким данным, это были два офицера, согласно мемуарам генерала Белова — старшина, фамилия которого так и осталась неизвестной. Основной отряд группы попал в засаду подразделений 8-й воздушно-десантной бригады и был рассеян. Для разгрома диверсантов срочно было выделено две роты 8-й воздушно-десантной бригады, которые устроили группе засаду на маршруте движения и рассеяли ее неожиданным огневым ударом. Большинство диверсантов было убито, несколько десятков взяты в плен; к немецким войскам смогло выйти лишь около сотни человек.

Тем не менее немцы расценили итоги действий группы «Граукопф» как «важный успех», особо отметив, что

она была «первой попыткой использовать в боевых действиях на нашей стороне русскую часть». Они искренне посчитали, что «в первой фазе операции „Ганновер” противник был лишен единой системы руководства войсками... Несмотря на трудные условия местности, часть эта вызвала значительные беспорядки и сковала крупные силы противника».¹

На совещании 26 мая командир XXXXIII армейского корпуса нарисовал радужную картину результатов действий группы «Граукопф»:

«...Само появление белогвардейского отряда в советском тылу наверняка внесло неразбериху... телефонная связь была нарушена, комиссары и политруки были убиты, несколько сот солдат противника были взяты в плен, а захваченное у противника оружие уничтожено; подразделение внесло вклад своим участием в нескольких сражениях с вызванными по радиции или телефону отрядами противника, понесшими крупные потери, в результате чего возникла настоящая паника...

В конце концов красные в неразберихе стреляли друг в друга (по утверждениям пленных)... Комиссары и политруки позволили ввести себя в заблуждение и сдавали оружие вместе со своими подчиненными...

Продолжительный контакт с противником привел к крупным потерям в соединении (в настоящий момент из 350 человек вернулись всего около 100)...»²

Приведенные примеры хорошо иллюстрируют характерное свойство немецких отчетных документов — буйство фантазии при отсутствии точных данных или когда эти данные не содержат хороших известий. В действительности же акция группы «Граукопф» лишь раскрыла

¹ Военно-исторический архив, 1988, № 3. С. 101.

² Дж. Армстронг. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941—1943. М.: Центрполиграф, 2007. С. 67.

предстоящую операцию «Ганновер» — захваченный в плен майор Бочаров сообщил, что немцы готовят наступление против группы Белова.

24 мая немцы атаковали расположение воздушно-десантного корпуса одновременно с юга и с севера вдоль железной дороги; на остальных участках советской обороны активных действий пока не велось. В первый день операции дневник Гальдера оценивал ее результаты как «хорошие», однако уже на следующий день они превратились в «незначительные». Лишь 27 мая действия вновь начали «приносить успехи».

В результате создалась угроза плотного окружения, поэтому командир воздушно-десантного корпуса принял решение — через район южнее станции Угра и реку Угра выходить на запад для непосредственного соединения с группой Белова. В период с 26 по 31 мая этот маневр был осуществлен.

Немецкое командование придавало большое значение уничтожению группы Белова — результаты действий против нее отмечаются в дневнике Гальдера (к этому времени ставшем крайне скудным) едва ли не каждый день.

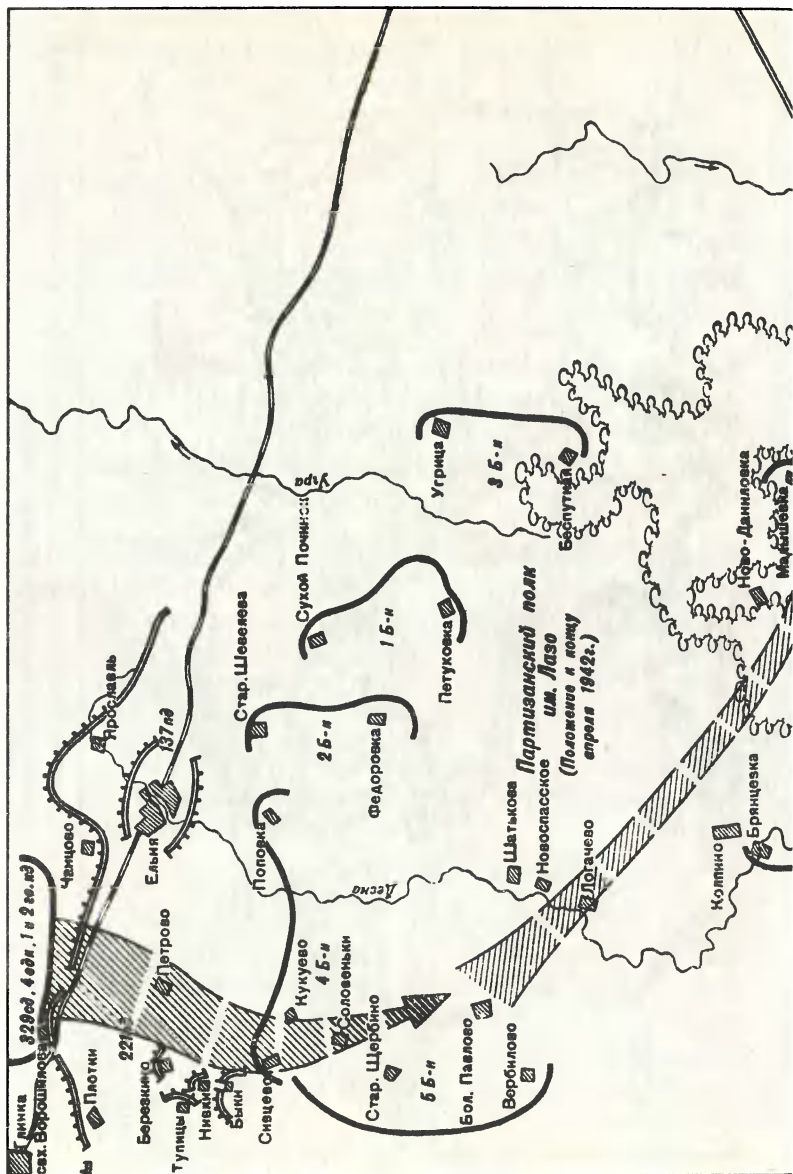
10 июня дневник Гальдера зафиксировал очередную победную реляцию:

«В центре достигнуты новые успехи по ликвидации остатков противника в тылу. Прорвавшиеся войска Белова преследуются».

На следующий день добавилась новая запись:

«Ликвидация остатков противника в тылу 4-й армии проходит успешно. К сожалению, основные силы кавкорпуса Белова и 4-й авиадесантной бригады [правильно — корпуса] уходят на юг».

Однако уже 16 июля Гальдер был вынужден констатировать: *«На фронте группы армий „Центр” войска русского генерала Белова снова прорвались в направлении Кирова. Нам это не делает чести!»* На следующий день Гальдер фактически подвел итог всей операции: *«Кавалерийский корпус*

Командир 23-й воздушно-десантной
бригады полковник
А. Г. Мильский

генерала Белова действует теперь западнее Кирова. Как-никак он отвлек на себя в общем 7 немецких дивизий».¹

По немецким данным, в ходе операции «Ганновер I» только в полосе XXXXIII корпуса (на который легла основная тяжесть операции) было убито 2943 человека, другими немецкими соединениями было убито еще около 1150 человек. Всего немцы захватили 5630 пленных — скорее всего, большую их часть традиционно составляли местные жители всех возрастов. По данным американского историка Г. Уайберга (в коллективной работе под редакцией Дж. Армстронга) немцы за время операции потеряли 468 человек убитыми, около 200 пропавшими без вести и около 1300 ранеными.

Скорее всего, эти цифры занижены — немецкая статистика традиционно учитывала безвозвратные потери задним числом, после продолжительных уточнений; в армейские и корпусные отчеты уточненные данные попадали далеко не всегда, тем более если подразделение передавалось из одного объединения в другое. Известно, что одна только 221-я пехотная дивизия лишь пропавшими без вести потеряла 133 солдата.

¹ По другим данным, против советской группировки действовало даже 9 дивизий. См.: Дж. Армстронг. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М.: Центрполиграф, 2007. С.

С начала июня об удержании в тылу немцев крупного района уже не могло быть и речи. Теперь 4-й воздушно-десантный корпус действовал в плотной группировке с остатками 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. С 29 мая по 3 июня 1942 года на усиление этой группы были выброшены 23-я (полковник А. Г. Мильский) и 211-я (полковник М. И. Шилин) воздушно-десантные бригады — всего около 4 тысяч человек. С ними было послано 131 противотанковое ружье, 184 ручных пулемета и 48 батальонных минометов.

В это же время командование Западного фронта дало согласие на просьбу генерала Белова — разрешить выход его группы и десантников из немецкого тыла. Выход было решено производить кружным путем. Для этого надо было совершить рейд в 160–200 км по большой дуге — сначала уйти на юго-запад вдоль Варшавского шоссе, а затем с запада выйти к выступу обороны 10-й армии в районе Кирова. Отход группы Белова с 4 июня прикрывала свежая 23-я воздушно-десантная бригада, державшая оборону у сел Гаврюково и Волочек. В ночь на 6 июня бригада последней отошла на новый рубеж.

14 июня при прорыве через Варшавское шоссе части 4-го воздушно-десантного корпуса разгромили крупную группировку противника и захватили знамя 398-го пехотного полка. Из-за того, что шоссе сразу смогла преодолеть только часть сил корпуса, его командир решил изменить маршрут и двигаться южнее намеченного ранее, с ожиданием в партизанской зоне юго-западнее Кирова. С 18 по 21 июня с партизанского аэродрома в лесу севернее Копали были вывезены имевшиеся в группе тяжелораненые. В ночь на 28 июня остатки 4-го корпуса в количестве 2800 человек вышли в полосу обороны 10-й армии возле Жилино (северо-западнее Кирова), потеряв в этом бою 120 человек убитыми и ранеными.

Двумя днями раньше непосредственно западнее Кирова фронт перешли управление и часть сил 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Генерал Белов и ко-

миссар корпуса А. В. Щелаковский по приказу Жукова были вывезены самолетами У-2 еще 24 июня, когда до фронта оставалось 50 км. Остальные части кавалерийского корпуса выходили из немецкого тыла до конца июня, а мелкие группы — и в июле.

Основная литература:

Г. П. Софронов. Воздушные десанты во Второй Мировой войне. М.: Воениздат, 1962.

И. И. Лисов. Десантники (Воздушные десанты). М.: Воениздат, 1968.

Советские воздушно-десантные. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1986.

А. Г. Федоров. Авиация в битве под Москвой. М.: Наука, 1971.

М. М. Малахов. Удар конногвардейцев. Очерк о боевых действиях 1-го гвардейского кавалерийского корпуса (ноябрь 1941 — июнь 1942 года), М.: Воениздат, 1961.

П. А. Белов. За нами Москва. М.: Воениздат, 1963.

И. Г. Старчак. С неба — в бой. М.: Воениздат, 1965.

Б. М. Шапошников. Разгром немецких войск под Москвой (Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. — 31 января 1942 г.). М.: Воениздат, 1943.

Сборник материалов по изучению опыта войны. Выпуск 5 (март 1943 г.) М.: Воениздат, 1943.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15 (4—1). М.: Терра, 1997,

Военно-исторический архив, 1988, № 3.

Н. Солдатов, А. Корольченко. Знаменский десант // Военно-исторический журнал, № 12, 1972.

Я. Самойленко. Из опыта управления воздушными десантами в годы войны // Военно-исторический журнал, № 12, 1979.

Ф. Гальдер. Военный дневник. Том 3, книга вторая. М.: Воениздат, 1971.

К. Рейнгартд. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1980.

Дж. Армстронг. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941—1943. М.: Центрполиграф, 2007.

Мирослав Морозов

СУДЬБА ТАНКОВ ДЕСАНТА

Прорыв подготовительной обороны в годы Второй мировой войны всегда был сложной проблемой для атакующей стороны. К нему тщательно готовились, массировали силы и средства, подбирали место и время. Каким же мог быть исход операций, в которых войска переходили в наступление ночью или в сложных метеоусловиях, фактически без артподготовки, а в самой атаке принимали участие лишь подразделения, вооруженные легким стрелковым вооружением?

«Абсурд, — скажите вы, — такая операция обречена на провал». А ведь именно так можно охарактеризовать подавляющее большинство наших десантных операций первого и второго периодов Великой Отечественной войны! Достаточно сказать, что из 52 морских десантов, осуществленных советским военно-морским флотом в 1941—1945 годах, лишь в двух случаях в боях за высадку принимали участие подразделения танковых войск, без которых едва ли обходилось хотя бы одно наступление на суше. Перед вами рассказ о наиболее крупном «танковом десанте» Великой Отечественной войны...

В ходе сражений 1942 года мы последовательно убедились в том, что немцев можно бить, и в том, что до победы еще очень далеко. После новой полосы трудностей и неудач последовала великая победа на Волге. В результате целого ряда взаимосвязанных наступательных операций южное крыло германского фронта рухнуло, и части «победоносного Вермахта», как и год назад молниеносно покатались вспять. Наши войска, которые еще вчера отступали и вели ожесточенные оборонительные бои, перешли к преследованию.

Особенно разительными эти перемены были на Кавказе. Противник стремительно оставлял с таким трудом завоеванную территорию, но дать ему беспрепятственно отступить означало упустить возможность крупной победы. Это прекрасно понимали в Ставке Верховного Главнокомандования. Еще 26 ноября, то есть всего через трое суток после завершения окружения Сталинградской группировки противника в адрес Закавказского фронта (командующий — генерал армии И. В. Тюленев) поступила директива на подготовку плана крупной наступательной операции.

Вскоре такой план был составлен. В его основе лежало стремление отрезать пути отхода германских войск в обоих возможных стратегических направлениях — на Ростов и на Таманский полуостров. Совершенно логично, что в наступлении на таманском направлении должен был принять активное участие Черноморский флот (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский), который в то время был непосредственно подчинен командованию фронта. Участие флота планировалось весьма широко, в том числе и в форме десантной операции в тыл противника.

Любопытно отметить, что указание о планировании десанта было отдано флоту сразу же по получению директивы Ставки — то есть задолго до того, как был определен замысел самого наступления и уж тем более оперативная задача для десантирующихся соединений.

Вследствие этого не совсем понятно, когда и исходя из чего был определен состав высаживающихся войск. По отечественным меркам он был весьма значителен: две бригады морской пехоты, одна стрелковая бригада, 563-й отдельный танковый батальон и подразделения усиления. Такая концентрация сил выводила операцию, которая впоследствии получила название Южно-Озерейской, на третью по величине позицию в Великой Отечественной войне.

К сожалению, о 563-м отдельном танковом батальоне удалось найти лишь отрывочные данные. По всей видимости, эта часть была сформирована в начале лета 1942 года в Сумгаитском танковом лагере. 31 августа батальон вошел в боевой состав Закавказского фронта и принимал участие в боевых действиях в районе Моздока и Нальчика в составе 37-й армии. Точной информации о типе машин, находившихся на вооружении в тот период, нет, но с большой долей уверенности можно сказать, что изначально это были британские танки «Валентайн» и американские М3 «Генерал Стюарт». В первых числах декабря батальон был снят с фронта и переброшен в район Туапсе, где ему предстояло доукомплектоваться и готовиться к операции. Там же он был полностью перевооружен на М3.

Южно-Озерейской десантной операции принадлежит абсолютное лидерство среди других десантных операций по такому важному показателю, как длительность подготовки. В самом деле, первоначальная дата проведения (15 декабря) неоднократно подвергалась корректировке. Прошел декабрь, затем январь, а приказа на проведение операции все не было. Тем временем десантные войска напряженно тренировались. Это приносило свои плоды. В скупых строках архивных документов отмечается, что танкисты стреляли только на «отлично». Темы занятий, кроме обычных, в соответствии со специальностями, включали и специальные: высадка и бой на берегу, погрузка на корабли и т.д.

На последнем вопросе необходимо остановится особо. Роль отсутствующих десантных кораблей в операции должны были сыграть так называемые «болиндеры». Интригующее название, означавшее на самом деле имя шведской моторостроительной фирмы, скрывало под собой мелкосидящие самоходные баржи, строившиеся в России еще до революции. К моменту описываемых событий Черноморский флот имел всего три таких судна; к тому времени они уже давно утратили возможность передвигаться самостоятельно и использовались в качестве временных пристаней или на буксире. Другими кандидатурами на роль танкодесантных кораблей флот просто не располагал!

Как бы ни были хороши танки, боевой техникой они становятся только после того, как ощутят под гусеницами твердую почву. До этого момента они являются лишь грудой железа с отрицательной плавучестью. Таким образом, их боевые возможности сильно зависят от того, насколько быстро удастся покинуть палубу десантного корабля. В свою очередь, эта скорость во многом зависит от конструкции и характеристик самого судна.

По плану с болиндеров надлежало высадить 30 танков 1-го эшелона, другую технику и около 1000 морских пехотинцев! После высадки, вновь вернувшись в разряд причалов, суда должны были обеспечить разгрузку техники и личного состава с канонерских лодок, тральщиков и транспортов, которые сами не могли приблизиться к берегу из-за большой осадки. Хотя перед высадкой болиндеры отремонтировали, это никак не могло отразиться на их скоростных качествах и живучести. И то, и другое было равно нулю.

Справедливости ради нужно отметить, что и командование понимало зависимость успеха всей операции от возможности трех «плавучих чемоданов» подойти к берегу в назначенных пунктах. Система огневых точек противника, которая была полностью вскрыта советской разведкой, должна была быть подавлена мощной

авиационной подготовкой и огнем корабельной артиллерии. Дезориентировать резервы противника планировалось демонстративными действиями кораблей, а обезглавить его боевое управление — диверсантами-парашютистами. На пляж первыми высаживались с катеров 300 моряков штурмового отряда, и лишь по сигналу с катера командира этой группы болиндеры должны были начать приближение к берегу. Шансы на успех этого плана были, особенно если учесть, что высадка осуществлялась ночью, а оборону береговой черты держали не немецкие части, а подразделения 10-й пехотной дивизии румын.

Анализируя неудачные операции Великой Отечественной войны, не раз убеждаешься в том, что корни их неуспеха лежат не столько в самих замыслах, сколько в отсутствии запасных вариантов, даже теоретических возможностей что-либо скорректировать в условиях изменяющейся боевой обстановки. Еще более парадоксальным может показаться то, что в некоторых случаях изменяли и усугубляли обстановку не тяжелые реалии войны, а сами наши военачальники.

Так получилось и на этот раз. Хотя десантные войска были в целом готовы, операция в течение всего января откладывалась. Отсутствовал главный составляющий фактор ее успеха — прорыв на сухопутном фронте. Победоносного наступления, которого постоянно требовала Ставка, не было, и именно это заставило генерала Тюленева принять решение первым бросить в огонь десант.

В данном случае «перестановка слагаемых» (сухопутного прорыва и морского десанта) серьезно повлияла на сумму. Ведь даже очень хорошо подготовленные десантные части ввиду отсутствия специальных кораблей и, соответственно, техники не были предназначены для отражение серьезного, полномасштабного натиска на берегу.

Эта «случайность», возникшая в результате субъективного решения командующего фронтом, словно открыла дорогу широкому потоку объективных случайностей, всегда имеющих место на войне.

Днем 3 февраля началась посадка людей и техники. 563-й отдельный танковый батальон грузился в Геленджике. Из-за отсутствия комендантской службы и соответствующей моменту неорганизованности посадка морских пехотинцев затянулась до вечера. Наконец в 19:40, с опозданием на полчаса, 1-й эшелон десанта начал вытягиваться на внешний рейд. Здесь суда встретило 2–3 балльное волнение, которое для этого времени года на Черном море является фактически минимальным — однако в плане оно почему-то предусмотрено не было!

Сразу же выяснилось, что мореходность целиком загруженных танками и грузовиками болиндеров значительно хуже, чем предполагалось. Тяжело осевшие на воде баржи обрывали буксирные концы, и для того, чтобы завести их вновь, требовалось до 40 минут! График операции трещал по швам, караван кораблей и судов растянулся. Вскоре стало ясно, что десант сможет достичь указанного района высадки никак не раньше, чем на 1,5 часа позже назначенного, то есть много позже артиллерийской и авиационной подготовки, демонстративных высадок и т.д. Отдавая себе отчет в том, что это означает провал всей операции, командир сил высадки капитан 1 ранга Н. Е. Басистый запросил командующего операцией (комфлотом Октябрьский) сдвинуть время на соответствующий временной промежуток. Командующий не поддержал данного предложения, но из-за отвратительной организации связи в штабе отряда высадки об этом узнали лишь спустя 45 минут после «времени Ч» по старому варианту!

Таким образом, речь о внезапности просто не шла — первой ударила авиация, затем корабли (стреляли хоть и много — выпущено 2011 снарядов — но без корректировки). Только потом подошел десант.

Первыми в 03:35 4 февраля к берегу рванулись шесть сторожевых катеров с морскими пехотинцами штурмового отряда. пляж, казавшийся на протяжении 2,5 часов предыдущих обстрелов безжизненным, сразу же осветился

прожектором, ракетами, а затем и многочисленными трассами и разрывами. Огонь накрыл катера и вывел из строя два из них. Вскоре СКА-051 взорвался. Указанные потери не только ослабили штурмовой отряд на треть (было высажено 200 вместо 300 человек) но и обезглавили передовой отряд катеров, так как находившийся на СКА-051 командир отряда капитан 3 ранга А. П. Иванов погиб.

Подать болиндерам сигнал о подходе стало некому. Несмотря на это, им было приказано двигаться к берегу. Самые уязвимые суда десантных сил двинулись первыми — и это предрешило не только их судьбу, но и судьбу танков десанта.

Спустя примерно 20–25 минут после начала высадки, в то время, как высаженные на заминированный берег моряки штурмового отряда под шквальным пулеметным и минометным огнем пытались овладеть первой линией румынских траншей, вражеский прожектор, расположенный на правом фланге высадки, внезапно выхватил из темноты медленно ползущие к берегу баржи. Сразу же на них обрушился шквал огня.

Хотя на участке высадки противодесантная оборона и располагала 2–3 полевыми батареями и одной тяжелой зенитной, главным слагаемым огневой мощи обороняющихся являлись минометы. Уже первые попадания мин и снарядов нанесли тяжелейшие повреждения болиндеру № 2 и буксиру «Геленджик». Вскоре оба судна загорелись, потеряли ход и начали тонуть. В этот момент до берега оставалось еще 250–200 метров при довольно большой глубине. Находившемуся на борту личному составу — 350 морским пехотинцам и танкистам — не оставалось ничего иного, как прыгать в ледяную воду и пытаться достичь берега вплавь. Нужно ли напоминать, что все это происходило под ураганным огнем?

Танкистам, находившимся на болиндере № 4, повезло не намного больше. Несмотря на сильное противодействие с берега, баржа продолжала упорно приближаться

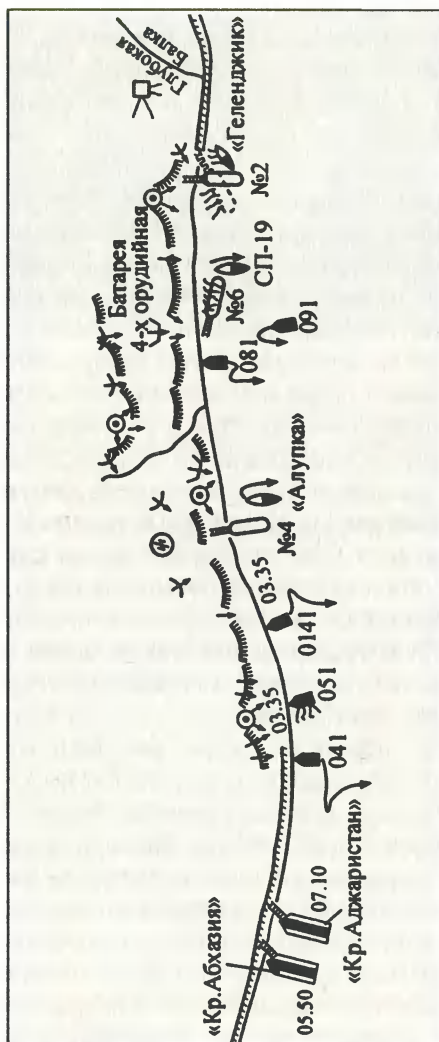

Схема высадки у Южной Озерейки 4 февраля 1943 года

к пляжу. До суши оставалось около 100 метров, когда люди ощутили сильный толчок — болиндер налетел на установленный на малой глубине стальной «еж». Вода поступала в трюм очень быстро, и вскоре судно село на грунт. К счастью, ни глубина, ни положение баржи не препятствовали высадке танков, которые один за другим стали съезжать в воду. Тем временем неподвижный болиндер стал точкой прицеливания для десятка орудий и минометов врага. Вскоре он загорелся. Хотя экипаж судна и десантники приняли энергичные меры к тушению пожара, огонь постепенно охватил всю баржу. Прохорхотал взрыв — на борту взорвались боеприпасы десанта. До этого момента по сходням успело съехать 7–8 танков.

Оказавшись на берегу, танкисты сразу вступили в бой, но первоначально добиться многого им не удалось. На берегу кипел ожесточенный бой, в условиях ночной темноты зачастую переходивший, в рукопашные схватки. Наблюдение из танков было затруднено, в то время, как сами они, освещенные ракетами и пожарами на затонувших судах, были как на ладони. Не исключено, что пара машин стала жертвами находившейся непосредственно у Южной Озерейки германской зенитной двухорудийной 88-мм батареи. Но тем не менее неожиданное появление советских танков произвело на румынских солдат сильное впечатление.

Прошел примерно час боя, как у берега показался отставший на переходе болиндер № 6. К тому времени огонь с берега уже несколько ослабел, но все-таки противнику удалось поджечь и эту баржу — в тот момент, когда она уже практически достигла берега. Имел попадания и буксир СП-19. Буксирный конец был перебит или отдан раньше времени, и болиндер начало разворачивать лагом. Вскоре он уперся в грунт и начал высадку танков. К тому времени судно уже полыхало вовсю. Из примерно 6 съехавших машин некоторые были объаты пламенем. На фотографиях хорошо видны как минимум два танка с сорванными от взрыва боекомплекта

Подбитые советские танки у Южной Озерейки. На заднем плане — предположительно болиндер № 6, далее за ним болиндер № 2 и затопленный буксир «Геленджик». Хорошо видно, что болиндер № 2 разгружен

башнями. Хочется надеяться, что танкисты успели заблаговременно покинуть обреченные машины...

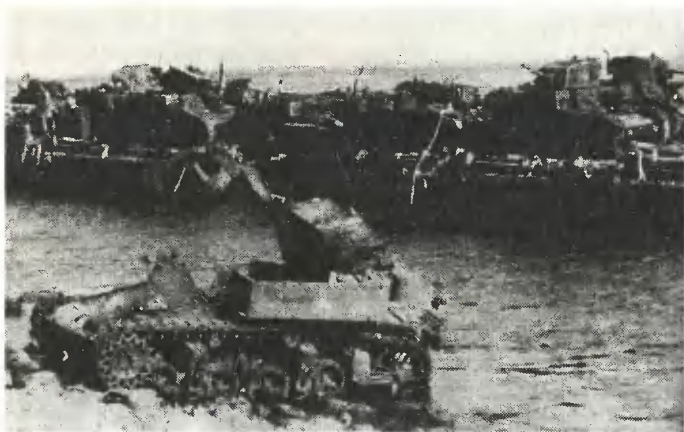
Уничтожение всех трех болиндеров и продолжающийся обстрел с берега крайне затруднили планировавшуюся высадку десанта с канонерских лодок и тральщиков. До 06:00 корабли несколько раз пытались подойти к берегу, но каждый раз натывались на ожесточенное противодействие и с потерями отходили назад. Приближался рассвет, и, опасаясь гипотетических ударов вражеской авиации (которой, кстати, по данным нашей же разведки в тот момент на Тамани не было), капитан 1 ранга Басистый в 06:20 отдал силам высадки сигнал к отходу. К этому моменту на берегу находились, кроме 563-го отб, 142-й и частично два других батальона 255-й морской стрелковой бригады, экипажи потопленных кораблей — всего до 1500 человек, но ни одной исправной радиостанции. Штаб командира десанта — штаб 255-й мсбр (командир — полковник А. С. Потапов) так и не высадился с канонерской лодки «Красный Аджаристан».

Болиндер (предположительно № 2), затонувший возле самого берега и успевший разгрузиться

Несмотря на уход кораблей, с рассветом положение высаженных подразделений, как ни странно, улучшилось. Хотя бой не прекращался ни на минуту, оставшиеся командиры объединяли вокруг себя группки бойцов, договаривались о совместных действиях с экипажами уцелевших танков, засекали огневые точки и организовывали их ликвидацию — короче, начали руководить боем, что было крайне затруднительно в ночных условиях. Многие танкисты с погибших машин, вооружившись танковыми пулеметами и другим стрелковым вооружением, влились в состав пехотных подразделений.

Вскоре удалось нащупать тонкое место в обороне румын — берега проходившей через крутое ущелье реки Озерейка не охранялись. Внезапной атакой большая группа бойцов 255-й мсбр и 563-го отб обошла правый край обороны противника и атаковала его тылы — позиции у деревни Южная Озерейка. Кто его знает, может, румыны и смогли бы удержать оборону, но тут не выдержали нервы у командира германской 164-й резервной зенитной 88-мм батареи. Посчитав положение безнадёжным, он взорвал орудия и оставил позиции.

Болиндер № 6, вставший лагом к берегу и сумевший выгрузить лишь один или два танка. Это фото, как и предыдущее, сделано в марте 1943 года; можно предположить, что танки были взорваны немцами уже после боя

Для румын это послужило сигналом к всеобщему бегству. Отступив в беспорядке, они, по показаниям очевидцев, оставили на поле боя более 500 убитых и раненых, а кроме того — около 100 пленных из состава 2-го батальона 53-го полка. Таким образом, вскоре после рассвета Южная Озерейка была взята, но в строю десанта осталось не более 700—800 человек при 8 танках.

Все дальнейшие события являются плодом авторской реконструкции по крайне скудным отечественным и трофейным материалам, так как никаких официальных отчетов о действиях на берегу не было, как и не было единого штаба, который бы ими руководил. По всей видимости, руководство действиями ядра десанта взял на себя командир 142-го батальона капитан Кузьмин. Неизвестно, что именно послужило причиной решения продвигаться далее вглубь территории противника: стремление выполнить поставленную задачу (овладеть селом Глебовка) либо желание пробиться к «своим» — но десантный отряд продолжил наступление.

В этот момент противник не располагал достаточными силами, чтобы блокировать десант, но продолжал оказывать ожесточенное сопротивление. В частности, уже в 12:35 штаб 17-й армии докладывал в штаб группы армий «А», что находящийся в районе Южной Озерейки противотанковый дивизион 73-й пехотной дивизии подбил три «Стюарта».

Тем не менее к вечеру 4 февраля моряки достигли Глебовки и заняли ее южную окраину. Тем временем германское командование подтянуло в район прорыва весьма значительные силы: горнострелковый и танковый батальоны, 4 артиллерийские и 2 противотанковые батареи, группу зенитных орудий. Были перегруппированы и румынские части, которые вечером вновь заняли оставшийся ничейным пляж. В результате подошедшие с наступлением темноты из Геленджика для установления связи с десантом два катера вновь подверглись обстрелу и вернулись в базу. Посчитав десант погибшим, адмирал Октябрьский отказался от высадки подкреплений.

Однако «заживо похороненные» моряки и танкисты продолжали яростно сражаться еще целые сутки. Хотя наша авиация и докладывала об этом, для снабжения окруженных не было предпринято никаких мер. К этому моменту командования фронта и флота уже приняли решение о переносе направления удара на плацдарм, занятый демонстративным десантом в районе Мысхако и Станички (небезызвестная «Малая Земля») и не желали тратить на снабжение окруженных даже малой толики сил и средств. Теснимые со всех сторон, не имея боеприпасов, десантники несли огромные потери. У оставшихся танков кончились снаряды, и две последних машины, у которых боезапас оставался только к пулеметам, были выделены для обороны блиндажей с ранеными. Вскоре противник сжег и их.

К исходу суток лишь около сотни десантников могли еще держать оружие. Общие же потери десанта по

Танки М-3л «Стюарт», взорванные экипажами в районе Глебовки

германским данным составили примерно 630 убитыми и 542 пленными. Очевидно, недостающие 200 человек утонули при высадке.

Ночью остатки отряда разделились. 75 человек во главе с комбатом Кузьминым решили прорываться на Мыс-хако, а остальные 25 ушли к побережью в направлении озера Абрау. Им повезло — они встретили партизан, имевших связь с «Большой землей», и вскоре были эвакуированы катерами. Из основной группы спустя 22 дня после высадки на мысхакский плацдарм вышло только пять человек. Среди вернувшихся не было ни одного танкиста...

Владислав Гончаров

ДНЕПРОВСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Последним случаем крупномасштабного применения советских воздушно-десантных войск в Великой Отечественной войне стала Днепровская десантная операция, проведенная осенью 1943 года при форсировании Днепра и иногда неправильно называемая «Каневским десантом». Неправильно — потому что первоначально к городу Каневу операция никакого отношения не имела и должна была проводиться для поддержки войск на Букринском плацдарме.

В начале сентября 1943 года германское командование приняло решение об эвакуации Левобережной Украины. Немцы, скованные необходимостью вывоза большого количества техники, запасов и материальных ценностей, вынуждены были отводить свои войска к имеющимся переправам в районе Киева, Канева и Запорожья. При этом им надо было успеть занять позиции по всей линии Днепра до подхода советских войск.

Войска правого крыла Воронежского фронта вместе с левофланговыми армиями Центрального фронта (13-й и

60-й) наступали на Ромны, Прилуки, Киев и к южному течению реки Десна, в то время как центр и левый фланг фронта до середины сентября задержались на рубеже реки Псел и в районе Полтавы.

План наступления к Днепру был разработан командованием Воронежского фронта еще 9 сентября. Он предусматривал выход подвижных соединений фронта к реке 26–27 сентября, а главных сил армий — с 1 по 5 октября. К этому моменту подвижные войска должны были «по возможности» захватить плацдармы на западном берегу реки, с которых в дальнейшем планировалось начать освобождение Правобережной Украины.

Уже на этом этапе было принято решение использовать для форсирования Днепра воздушно-десантные войска. Для этого в подчинение командования Воронежского фронта передавались три воздушно-десантные бригады — 1-я, 3-я и 5-я. Поскольку бригады предполагалось использовать совместно, они были объединены в воздушно-десантный корпус. Командиром корпуса стал заместитель командующего воздушно-десантными войсками генерал-майор И. И. Затевахин, штаб его в спешном порядке был сформирован из офицеров управления ВДВ. Фактически штаб бригады являлся административно-хозяйственным органом, поскольку реального управления войсками он не осуществлял — все приказы командиры бригад получали непосредственно от командования фронта.

Всего в корпусе насчитывалось около 10 тысяч человек, 24 противотанковых 45-мм орудия, 180 минометов

Заместитель командующего ВДВ И.
И. Затевахин
(довоенное фото)

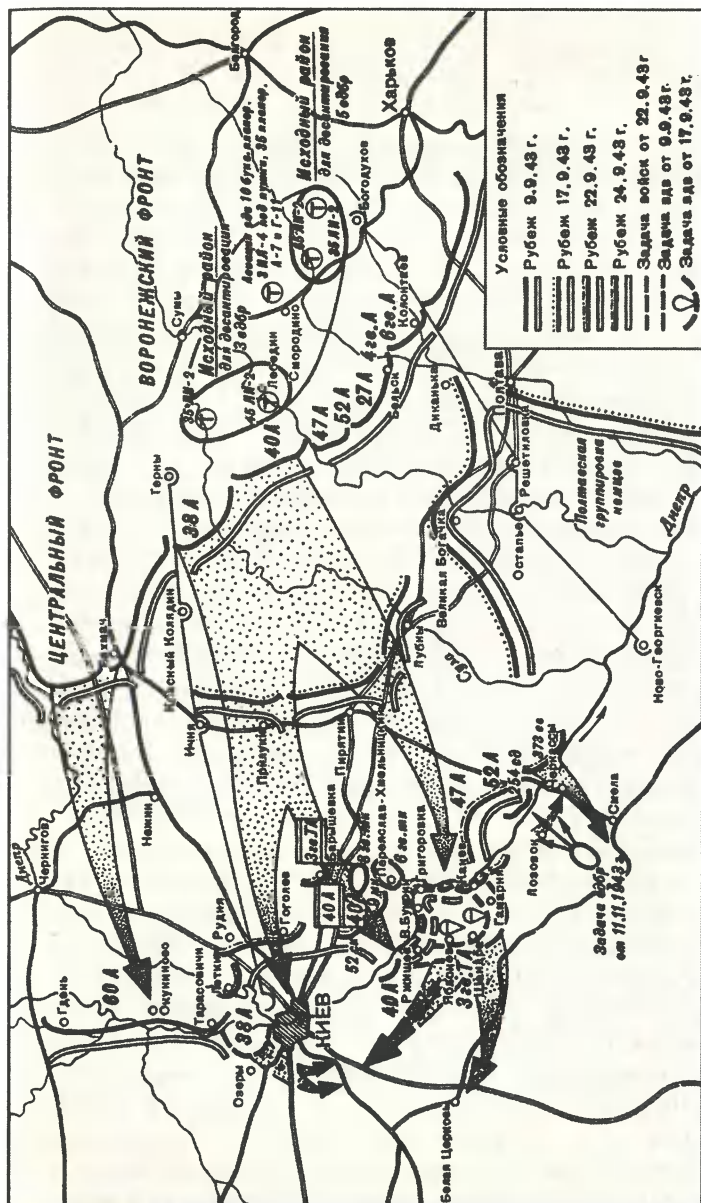

Командующий ВДВ
в 1943–1944 годах генерал-майор
А. Г. Капитохин

калибра 82 и 50 мм, 328 противотанковых ружей и 540 станковых и ручных пулеметов. Для десантирования предполагалось выделить самолеты из состава транспортной авиации и бомбардировщики от авиации дальнего действия, а также машины, принадлежащие непосредственно авиации ВДВ.

К 17 сентября штабом Воронежского фронта был разработан достаточно подробный план операции, предусматривавший взаимодействие с бомбардировочной и штурмовой авиацией, а также сухопутной артиллерией — для чего в состав десанта предполагалось включить офицеров связи от этих родов войск. ВВС фронта должны были не только поддерживать высадку десанта, но и выделить специальную эскадрилью самолетов-корректировщиков. Для подвоза людей и грузов к аэродромам взлета фронт выделил в распоряжение командира воздушно-десантного корпуса 100 автомашин.

Принимать решение на операцию и ставить задачи напрямую командирам воздушно-десантных бригад должен был лично командующий фронтом; ответственность за подготовку к высадке возлагалась на командующего ВДВ генерал-майора А. Г. Капитохина, а непосредственно за проведение десантирования — на заместителя командующего АДД генерал-лейтенанта авиации Н. С. Скрипко. Авиационное обеспечение десанта осуществляла 2-я воздушная армия генерал-полковника С. А. Красовского, а руководство таким обеспечением осуществлялось начальником штаба ВВС Красной Армии. Уже одно

только перечисление ответственных за разные аспекты операции заставляет вспомнить поговорку про семь нянек...

19 сентября план был одобрен представителем Ставки маршалом Г. К. Жуковым, который потребовал максимального соблюдения секретности при подготовке и проведении операции.

Однако момент для использования воздушно-десантных сил все еще оставался неясным; вдобавок из-за трудностей с железнодорожным сообщением на только что освобожденных территориях вплоть до 17 сентября бригады продолжали оставаться в местах постоянной дислокации. Согласно плану операции, в исходный район для десантирования бригады должны были прибыть к 21 октября, на деле же это произошло еще позже.

С 16 сентября было отмечено резкое ослабление сопротивления немецких войск — начался «бег к Днепру». К этому времени немцы еще не успели занять позиции по высокому правому берегу Днепра. По донесениям воздушной разведки, в излучине Днепра между Ржищевом и Каневым значительных сил противника не имелось. Однако советские войска также не имели достаточного количества автотранспорта, чтобы успеть выйти к реке раньше противника. Вся надежда оставалась на подвижные войска.

Поэтому в тот же день 16 сентября командующий Воронежским фронтом приказал командованию переданной в его распоряжение из резерва Ставки 3-й гвардейской танковой армии ускорить сбор и сосредоточение частей и, двигаясь в общем направлении на Прилуки, Яготин, как можно быстрее выйти к Днепру в районе Переяслав-Хмельницкого и начать форсирование реки. Оперативной директивой № 0038/оп от 18 сентября предусматривался выход войск 38-й и 47-й армий на линию Днепра, а от командования 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армии требовалось быть в готовности к захвату плацдармов на правом берегу реки.

Однако из-за задержки с подвозом тылов и матчасти выдвижение танковой армии из района сосредоточения западнее Ромны удалось начать только в ночь на 20 сентября. Лишь 21 сентября передовые части армии вступили в боевое соприкосновение с противником на рубеже реки Супой.

Темп продвижения армий составлял 60–70 км в сутки, а передовые отряды двигались еще быстрее. В результате уже вечером 21 сентября разведывательные части 9-го механизированного и 6-го гвардейского танкового корпусов вышли на левый берег Днепра южнее Переяслав-Хмельницкого. Утром 22 сентября мотострелковый батальон 69-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса, переправившись через реку на подручных средствах, без боя занял село Зарубенцы. Чуть позже, к 15 часам того же дня через реку переправился и 51-й батальон гвардейской танковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса, захватив село Григоровка.

Первоначально высадка воздушного десанта была намечена на 21 сентября, то есть парашютисты должны были захватывать позиции на правом берегу и содействовать переправе через Днепр передовых частей фронта. Однако из-за перегруженности железных дорог сосредоточить воздушно-десантные бригады в районе Богодуховского аэроузла к намеченному сроку не удалось, фактически же оно завершилось только к 24 октября.

Непосредственное руководство операцией должно было осуществляться командующим ВДВ РККА и его заместителем по авиации генерал-майором М. П. Спириным, авиационным обеспечением руководил начальник штаба ВВС РККА. Для высадки десанта из состава авиации дальнего действия (АДД) было выделено 150 бомбардировщиков Ил-4 и Б-25 «Митчелл» из состава 101-го полка АДД под командованием В. Гризодубовой, а также 180 транспортных Ли-2 (лицензионное исполнение все того же DC-3).

В свою очередь, авиация ВДВ выделила 10 машин Ил-4 для выброски снаряжения и легких орудий, буксировщики планеров, а также 35 десантных планеров А-7 и Г-11.

Утром 23 сентября командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин прибыл на командный пункт 40-й армии. Ознакомившись с обстановкой в полосе армии, он принял решение использовать в районе букринского плацдарма воздушно-десантные войска. Цель операции была поставлена довольно оригинально — не захватить плацдарм (он уже был занят), а прикрыть разворачивающиеся на правом берегу Днепра войска от подходящих немецких резервов, дав частям 40-й и 3-й танковой армий возможность занять как можно больше территории до начала контратак противника. Таким образом, действия десанта изначально должны были носить пассивный характер, обеспечивая прикрытие развертывания уже переправившихся войск. Захват новых плацдармов планом высадки не предусматривался.

Формально воздушно-десантные бригады были переданы в оперативное подчинение фронта, но фактически Ватутину пришлось связываться с ними через командующего воздушно-десантными войсками РККА А. Г. Капитохина. Сделать это удалось только к середине дня, поэтому от первоначальной идеи выбросить десант следующей ночью пришлось отказаться — тем более, что из машин, предназначенных для участия в операции, на Богодуховский аэроузел к этому времени прибыло только 8 самолетов. В результате высадка была перенесена на ночь с 24 на 25 сентября. Увы, днем раньше в район Букринского плацдарма начали выходить немецкие войска — как переброшенные из резерва, так и переправившиеся с восточного берега. К исходу 24 сентября здесь уже находились части 19-й танковой, 10-й моторизованной, 112-й, 167-й и 255-й пехотных

дивизий противника, из тыла подтягивались 7-я танковая и 73-я пехотная дивизии.

Подразделениям десанта были поставлены следующие задачи:

3-й вдбр полковника П. А. Гончарова — высадиться в районе станции Лазурцы между селами Тулинцы, Бересняги и Черныши, укрепиться на рубеже Липовый Рог—Македоны—Синявка—Казаровка и удерживать его до подхода частей 40-й армии, наступающих с Букринского плацдарма, отбивая атаки резервов противника, выдвигающихся к плацдарму с запада и юго-запада;

5-й вдбр подполковника П. М. Сидорчука — высадиться северо-западнее Канева в районе Ковали, Костянец, Гришенцы, захватить рубеж Горкавщина—Степанцы—Ситники и не допускать подхода противника к плацдарму в излучине Днепра с юга и юго-запада.

Всего в намеченных к высадке бригадах насчитывалось 6598 человек. 1-я вдбр полковника П. И. Красовского, не закончившая сосредоточения, оставалась в резерве корпуса и должна была выбрасываться на третью ночь.

Подготовка к высадке проходила в состоянии крайней спешки, усугубленной многоступенчатым руководством и отсутствием данных об обстановке. Перед десантированием офицерами из штаба ВДВ были составлены специальные таблицы, по которым строились расчеты на загрузку людей и техники, распределения их по машинам, графики вылетов и возвращений.

В целях секретности передовые части на Букринском плацдарме должны были получить извещение о высадке десанта только после ее осуществления. Даже личный состав воздушно-десантных бригад узнал о сроках предстоящей операции за полтора часа до посадки на самолеты. В результате бойцы и командиры о своих задачах были информированы в самых общих чертах: район выброски, район сбора и примерный рубеж, который

надлежало оборонять. Естественно, никаких специальных тренировок перед высадкой не проводилось.

Вдобавок начались неурядицы с транспортом. Вместо намеченных планом 65 транспортных машин под посадку 5-й воздушно-десантной бригады вечером 24 сентября было подано только 48 самолетов, а четыре бензозаправщика появились лишь за полчаса до вылета. В итоге вылет первого эшелона пришлось отложить на полтора часа. Второй эшелон в воздух вообще не поднялся, так как выяснилось, что на аэродром не подвезли горючее. Поэтому следующие группы десантников вывозились на отдельных самолетах по мере заправки их топливом. В итоге из состава 5-й вдбр было десантировано только два неполных батальона — чуть более 1000 человек, после чего горючее на аэродроме исчезло окончательно.

Высадка 3-й вдбр, осуществленная в ту же ночь, была организована несколько лучше. Правда, самолетов под посадку ей тоже было подано меньше, чем предполагалось планом, а в самый последний момент выяснилось, что изношенность моторов у машин не позволяет им брать штатное количество груза. Многие Ли-2 могли поднять только 15–18 парашютистов или мягких парашютно-десантных мешков — вместо расчетного минимума в 20 единиц (16–18 человек, 2–4 контейнера). В результате в таблицы десантирования пришлось вносить срочные изменения.

Взлет первых самолетов с частями 3-й вдбр начался в 18:30, с частями 5-й вдбр — в 20:30. Поскольку выброску намечалось осуществлять в три рейса, изначально планировалось, что самолеты каждого рейса вылетят одновременно и вернуться в одно и то же время. Однако из-за нехватки автозаправщиков (несмотря на двухнедельную подготовку операции, она обнаружилась в самый последний момент) самолеты пришлось выпускать поочередно, в результате и возвращались они как попало; вдобавок многие пилоты не выдерживали заданного маршрута и режима полета.

Всего за вечер 24 и в ночь на 25 сентября транспортные машины совершили 296 самолето-вылетов вместо 500 запланированных. При этом 13 машин с десанниками вернулись на свои аэродромы, не найдя района высадки, два самолета высадили десантников в глубоком тылу противника, один сбросил парашютистов прямо в Днепр, а еще один — высадил группу во главе с заместителем командира 5-й вдбр подполковником М. Б. Ратнером... в собственном тылу на левом берегу Днепра. Впоследствии мы увидим, что это нелепое событие оказалось большой удачей.

Оказалось, что пилоты транспортной авиации не имеют никакого опыта сбрасывания парашютистов — ссылаясь на сильный огонь зенитной артиллерии, они осуществляли выброску с высоты порядка 2000 метров вместо 600—700 метров по нормативам. К тому же высадка производилась на чересчур высокой скорости — около 200 км/ч.

В результате к утру 25 сентября из состава обеих бригад было выброшено 4575 парашютистов¹ (из них 230 — над своей территорией) и 666 мягких контейнеров со снабжением. 2017 человек — 30% личного состава — выброшено не было. Вдобавок оказалось не выброшено 590 контейнеров из 1256. Поскольку группа обеспечения (предусмотренная первоначальным планом) выброшена не была, с земли район выброски десанта никто не обозначал. Штурманы транспортных самолетов ориентировались по рельефу местности — в первую очередь по хорошо заметной в темноте серебряной ленте Днепра — а также по вспышкам выстрелов на земле и огням горящих деревень, отмечавших линию фронта. В итоге парашютисты были рассеяны по очень большой площади. Артиллерия (45-мм орудия) сброшена вообще не была.

¹ Г. П. Софронов (а вслед за ним и П. Карель) ошибочно относит это число только к 3-й вдбр.

Однако самые главные трудности начались после высадки. Большинство проблем стало результатом спешки, в которой была организована посадка на самолеты. Выяснилось, что командир 3-й бригады полковник Гончаров взял в свой самолет начальника штаба майора В. В. Фофанова (хотя правилами им предписывалось лететь на разных машинах) — однако забыл захватить рацию!

Несмотря на большое количество радиостанций, в некоторых самолетах их не оказалось вообще, зато в других — по три и даже по шесть штук. Многие радисты остались без раций, а рации — без радистов. Батареи радиостанций сбрасывались отдельно от них, и часть раций просто оказалась без питания. Из 31 радиостанции после приземления смогли работать только 5, причем все они были малой мощности (типа РП-5). Четыре мощные радиостанции оперативной группы штаба корпуса найти так и не удалось. Но хуже всего — из-за требований секретности радисты не имели радиокодов, которые находились у офицеров-связистов, то есть неизвестно где. Поэтому когда одна из раций все же связалась с радиостанцией штаба фронта, с ней просто отказались разговаривать. В итоге рации можно было использовать только для связи между группами парашютистов на правом берегу Днепра.

Хотя десант имел своей задачей занятие обороны, выяснилось, что большие саперные лопаты никто взять не догадался: парашютисты имели при себе лишь малые лопатки и небольшое количество топоров. Не были взяты противотанковые мины — по сути, единственное доступное десантникам реальное противотанковое средство. Более того, парашютисты не имели с собой даже плащ-палаток, хотя уже стояла пусть украинская, но все же осень. Каждый десантник имел при себе полтора комплекта боеприпасов и две сутодачи сухого пайка; еще один комплект боеприпасов сбрасывался вместе с парашютистами в грузовой таре.

Поскольку в районе высадки уже находились немецкие войска, десантники были вынуждены сразу же вступать в бой, в лучшем случае успев собраться в небольшие группы под командованием случайных и незнакомых офицеров, а зачастую — и вовсе поодиночке. Так, командир 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады подполковник Сидорчук к утру 25 сентября смог собрать вокруг себя только пять человек, а десантников, летевших с ним на одном самолете, встретил только на девятый день после приземления. Случались и курьезы: так, боец Дроздов приземлился в селе Черныши прямо на немецкую полевую кухню, разогнал поваров и перевернул кухню, уничтожив обед для целой немецкой части.

Командир 5-й воздушно-десантной бригады подполковник П. М. Сидорчук

Правда, противник, появившийся в этом районе буквально накануне, тоже не успел пока разобраться в обстановке и наладить управление своими войсками. Во многих местах появление десантников застало немцев врасплох и дезорганизовало их тылы. Ближе к фронту, там, где находились боевые части, десанникам пришлось гораздо хуже. Например, парашютисты 3-й вдбр в районе села Дудари оказались выброшены прямо на выдвигавшиеся к фронту колонны 10-й моторизованной и 19-й танковой дивизий. По описанию начальника оперативного отдела 19-й танковой дивизии подполковника Биндера это выглядело так:

«Первый десант был сброшен в 17:30. Еще в небе русские попали под огонь пулеметов и автоматического

20-мм зенитного орудия. Советское формирование было совершенно открыто — большие машины появлялись по одной, самое большое по две, с интервалом в полминуты, и так сбрасывали своих парашютистов. Это делало наше противодействие еще более эффективным. Некоторые самолеты, по всей вероятности, заметив неладное, повернули обратно на север. Наш мощный заградительный огонь и повсюду сияющие белые сигнальные ракеты, очевидно, лишили русских присутствия духа. Они начали сбрасывать людей беспорядочно, в разных местах. Разбитые на маленькие и очень маленькие группы, они были обречены. Они пытались укрыться в узких оврагах, но очень скоро их отыскивали, убивали или брали в плен».¹

5-й воздушно-десантной бригаде повезло больше — она высаживалась северо-западнее 3-й и не попала под удар в момент приземления. Однако в итоге подразделения обеих бригад оказались разбросаны мелкими группами на огромной территории, в основном южнее предполагаемой зоны высадки. К исходу 25 сентября, то есть сутки спустя после начала операции, таких групп насчитывалось порядка 35, их общая численность достигала 2300 человек — чуть более половины от сброшенных во вражеском тылу парашютистов (4350 человек).

В это число не вошли погибшие десантники и бойцы из разгромленных групп, а также те парашютисты, которые прибились к партизанам или выходили через линию фронта поодиночке. Так, в лесу восточнее села Грушево после кровопролитного боя немцами была уничтожена группа из состава 3-й воздушно-десантной бригады в количестве 150 человек. Всего немцы зафиксировали западнее и северо-западнее Канева выброску 1500 парашютистов, из них в первые сутки в плен было захвачено 209 человек — в том числе якобы и командир

¹ Цит. по: П. Карель. Восточный фронт. Книга 2. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Эксмо, 2003. С. 266.

5-й воздушно-десантной бригады¹; еще 692 человека немцы посчитали убитыми.

К чести попавшего в плен командира, на допросе он приложил все усилия, чтобы напугать немцев масштабом десанта. Вслед за первой высадкой ожидалось две других, юго-восточнее Канева должны были десантироваться танки (!) и артиллерия. Поскольку из-за ошибок при выброске часть парашютистов действительно высадилась в этом районе, немцам такая версия показалась вполне правдоподобной — по крайней мере, еще в 60-е годы они считали, что неудача двух воздушно-десантных бригад (они считали, что высаживались три бригады) привела к отмене более грандиозной операции.²

В итоге наиболее крупные группы десантников собрались в районе Каневского леса (600 человек) и у села Черныши (200 человек), еще четыре группы общей численностью до 300 человек действовали в районе Яблорова.

К концу сентября выявились два основных района сосредоточения десантников — севернее и южнее Канева. Группой в Каневском лесу, состоявшей в основном из частей 3-й вдбр, руководил командир 5-й вдбр подполковник Сидорчук, прибывший сюда с отрядом парашютистов 5 октября. Севернее, в районе сел Глинча и Бучак, действовала группа майора Н. С. Льва, состоявшая в основном из бойцов 3-й вдбр. Она образовалась 29 сентября путем слияния трех групп — двумя другими командовали лейтенанты С. А. Здельник и Г. Н. Чухрай³.

¹ См.: *П. Карель*. Восточный фронт. Книга 2. С. 267. На самом деле 5-й вдбр командовал подполковник Сидорчук. Возможно, речь идет о полковнике В. К. Гончарове — однако по воспоминаниям участника операции П. Н. Неживенко (http://old.vko.ru/article.asp?pr_sign=archive.2005.23.27_18) полковник Гончаров был ранен и позднее эвакуирован за Днепр на самолете У-2.

² *П. Карель*. Восточный фронт. Книга 2. С. 267.

³ Командир роты связи 5-й вдбр, впоследствии — известный советский кинорежиссер.

Днепровская десантная операция и действия

парашютистов в октябре-ноябре 1943 года

Некоторые группы, пользуясь радиостанциями, сумели установить контакт и объединиться, однако связь со штабом фронта командиры этих отрядов наладить не смогли — точнее, радиостанции фронта отказывались поддерживать такую связь из-за отсутствия кодов. Не имея никаких сведений от десанта, штаб фронта в ночь с 27 на 28 сентября отправил в район высадки три связных группы с радиостанциями, но ни одна из групп никого из десантников не нашла. Посланный днем 28 сентября самолет У-2 был сбит противником над линией фронта. В результате дальнейшая высадка десанта и доставка снабжения высаженным войскам была прекращена.

Лишь в начале октября в штабе фронта кто-то догадался посадить к рации заместителя командира 5-й вдбр подполковника Ратнера (как мы помним, оказавшегося «высаженным» на левом берегу). В результате 6 октября командир 5-й вдбр подполковник Сидорчук, упорно пытавшийся установить связь с «Большой землей», вышел на Ратнера и был им опознан после нескольких контрольных вопросов. Позднее опознанием радистов на слух занимался вышедший через Днепр для установления связи лейтенант Чухрай.

Тем временем 27 сентября на Букринский плацдарм была переправлена 27-я армия из резерва фронта. Однако противнику удалось блокировать расширение плацдарма — к 30 сентября он имел только 12 км по фронту и 6 км в глубину. Надежд на быстрое развитие наступления с плацдарма больше не оставалось. Поэтому когда подполковнику Сидорчуку удалось связаться со штабом фронта, десантникам были переданы новые указания — перейти к диверсионной деятельности и заняться дезорганизацией тыла противника.

Группа Сидорчука к этому моменту именовалась «5-й воздушно-десантной бригадой», хотя основной ее состав происходил из 3-й бригады. Она была реорганизована в три батальона, а также саперный взвод, разведв-

звод, взводы связи и ПТР. В период с 8 по 11 октября оперативной группой командования ВДВ была организована доставка десантникам продовольствия и боеприпасов по воздуху — как путем сбрасывания, так и посадкой самолетов У-2. Однако к 11 октября противник смог локализовать место действий основной группы десанта и предпринял попытку «зачистить» Каневский лес. В связи с этим командование бригады приняло вполне разумное решение — перейти дальше от фронта, где плотность войск противника будет меньше.

В качестве места базирования был выбран Таганчанский лес, расположенный между реками Россь и Россава юго-западнее Канева, в 15–20 километров севернее города Корсунь-Шевченковский и станции Корсунь. Сюда бригада перешла к 13 октября. Десантники организовали несколько диверсий на железной дороге, уничтожили ряд гарнизонов противника и разгромили штаб 157-го запасного батальона в Буде-Воробиевской. К концу октября 5-я вдбр, усилившаяся за счет присоединения других частей, насчитывала уже около 1000 человек. Так, 21 октября сюда вышла группа под командованием начальника штаба 3-й вдбр майора Фофанова, занявшего должность начальника штаба объединенной бригады.

Однако 23 октября противник при поддержке танков и бронетранспортеров начал наступление на новое место дислокации бригады. Поэтому десантники вновь были вынуждены уходить из-под удара. Воспользовавшись беспечностью противника и отсутствием сплошного фронта окружения, в ночь на 24 октября десантники просочились по глубокому оврагу мимо вражеских дозоров, вырвались из кольца и до 26 октября совершили 50-километровый марш на восток, перейдя в Черкасский лес.

Здесь, западнее города Черкасы, в заболоченном междуречье Ольшанки и Ирдыни уже действовали партизанские отряды, хорошо знакомые с местностью. После того присоединения нескольких мелких групп

десантников, а также выхода в Черкасский лес отряда старшего лейтенанта Ткачева численностью 300 человек¹ общая численность бригады Сидорчука достигла 1200 человек. За счет этого с 27 по 30 октября был сформирован четвертый батальон и несколько других подразделений. Всего к началу ноября в бригаде имелось 12 станковых пулеметов, 6 противотанковых ружей, а также винтовки и автоматы на весь личный состав.

В этом же районе находилось несколько партизанских отрядов, в общей сложности насчитывавших 800—900 бойцов, правда из партизан личное оружие имела только половина. Однако бригада Сидорчука поддерживала радиосвязь только со штабом 1-го Украинского фронта; связи со штабом 52-й армии 2-го Украинского (бывшего Степного) фронта, в полосе которой они теперь действовали, ни партизаны, ни десантники не имели. Согласно данным, полученным штабом армии от штаба 1-го Украинского фронта, на 27 октября парашютисты и партизаны находились в двух группах: одна в районе отметки 173,9 (4 км южнее Мошны) и другая в урочище Васильевка.

В связи с предстоящим наступлением левого крыла 2-го Украинского фронта на Криворожском направлении командующий фронтом генерал армии И. С. Конев решил провести силами правофланговой 52-й армии отвлекающую операцию на черкасском направлении. Армия, в трех дивизиях которой насчитывалось всего 25 тысяч человек, должна была форсировать Днепр, занять Черкассы и отвлечь хотя бы часть немецких войск с направления главного удара.

При этом фронтовые средства (авиация и артиллерия) армии не придавались. Единственными ее «бонусами» было наличие на западном берегу Днепра в 30 км

¹ П. Н. Неживенко пишет про батальон десантников во главе с гвардии старшим лейтенантом Н. В. Ворониным.

выше Черкасс небольшого плацдарма в районе села Крещатик — а также группы 5-й воздушно-десантной бригады, которую можно было использовать как для ударов по коммуникациям противника, так и для обеспечения форсирования Днепра.

Приказ о наступлении был отдан 11 ноября, само наступление должно было начаться в ночь на 13 ноября одновременной переправой через реку в нескольких местах. Такая разбросанность действий позволяла скрыть направление главного удара — в полосе 254-й стрелковой дивизии между селами Елизаветовка и Свидовок, в 15 км северо-западнее Черкасс и непосредственно вблизи от леса, где находились десантники.

Командование воздушно-десантной бригады было информировано о предстоящей операции через штаб 1-го Украинского фронта в ночь на 12 ноября — менее чем за сутки до начала операции. Одновременно для установления непосредственной связи с бригадой этой же ночью в ее расположение на связном самолете У-2 был направлен помощник начальника оперативного отдела штаба 52-й армии майор Дергачев. Майор привез радиостанцию, таблицу сигналов и приказ — следующей ночью десантники должны были ударом по противнику с тыла овладеть Елизаветовкой и Свидовком.

По плану командира бригады два батальона парашютистов (2-й и 4-й) должны были атаковать Свидовок, в котором ранее находилась паромная переправа; 1-й батальон наступал на Секирну, 3-й батальон — на Лозовок. Одновременно партизаны должны были занять село Будище и перехватить единственную дорогу, идущую вдоль берега в обход болота, раскинувшегося в междуречье Ольшанки и Ирдыни. Таким образом командование 3-го танкового корпуса немцев, державшее свои основные силы (панцергренадерская дивизия СС «Викинг», 332-я и 57-я пехотные дивизии) против плацдарма у Крещатика, лишалось возможности перебрасывать

их в район Черкасс, где оборонялась одна 72-я пехотная дивизия.

К часу ночи 13 ноября части бригады заняли исходное положение для атаки. За час до этого началась переправа через Днепр двух полков 254-й стрелковой дивизии, в целях скрытности проводившаяся без артиллерийской подготовки. Переправа 929-го стрелкового полка в районе северо-западнее Секирны была обнаружена и отбита противником, однако благодаря шуму боя движение плавсредств 933-го стрелкового полка севернее села Свидовок немцами замечено не было. В результате части полка без потерь достигли вражеского берега, будучи обнаружены вражеским охранением лишь на западном берегу. К 7 часам утра 13 ноября после завершения переправы полк вышел на северо-восточную окраину села Свидовок, уничтожив при этом три танка противника.¹

Тем временем перешли в наступление десантники. Внезапным ударом атаковав немцев с тыла, они ворвалась в Лозовок, Елизаветовку, Будище, а частью сил завязали бой на южной окраине Свидовка. При этом в Лозовке были захвачены две артиллерийские батареи и до 40 автомашин.

К 5 часам утра части бригады заняли оборону от села Будище по юго-западной окраине Лозовка и далее по реке Ольшанка до Днепра фронтом на запад. К 11 часам 1-й батальон бригады занял Секирну. Однако удержать этот район так и не удалось из-за малочисленности десантников и отсутствия решительного успеха частей 52-й армии. Следующей ночью Лозовок, Будище и Се-

¹ Зачастую даже в серьезных работах по истории воздушно-десантных войск захват плацдарма для переправы частей 52-й армии беспочвенно приписывается десанникам 5-й вдбр; более того, некоторые авторы (в частности, И. И. Лисов) ошибочно переносят время форсирования Днепра с 13 на 14 ноября.

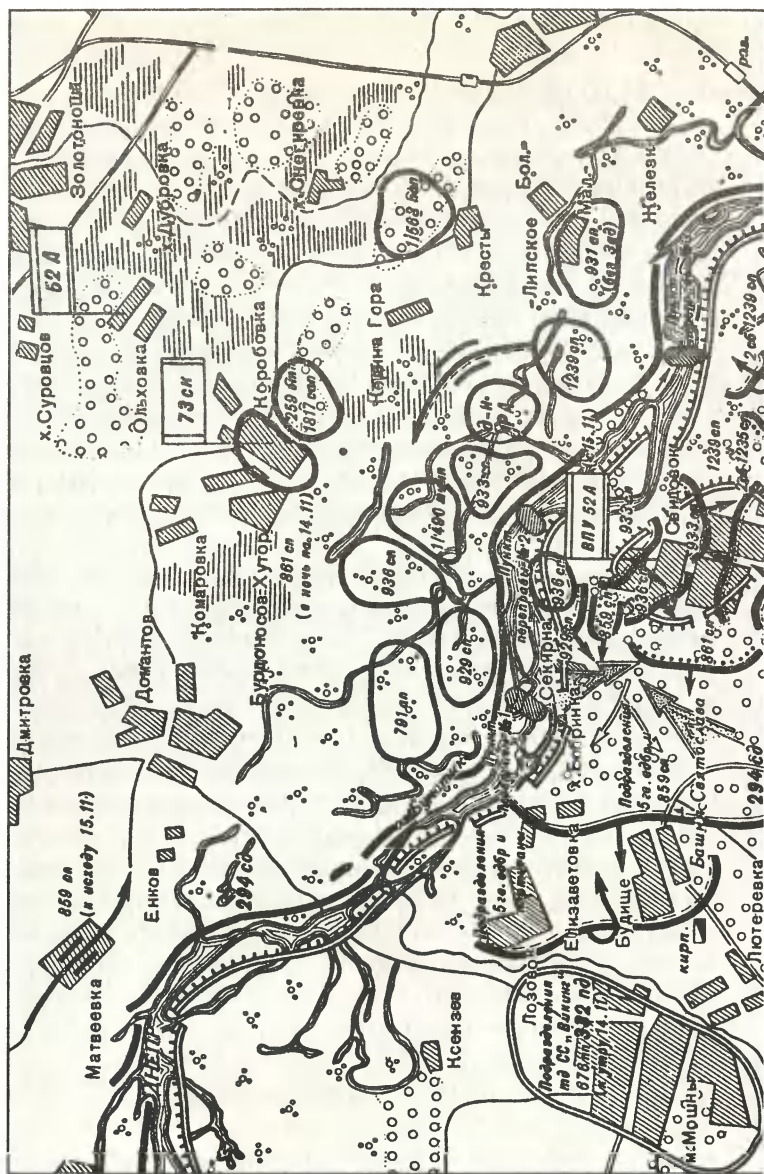
кирна были оставлены, а части бригады отошли в болотистые заросли между Лозовком и Секирной у берега Днепра по обе стороны устья реки Ирдынь.

Во второй половине дня 13 ноября через боевые порядки противника северо-западнее села Свидовок к позициям воздушно-десантной бригады пробилось до роты бойцов из состава 933-го стрелкового полка 254-й дивизии. Одновременно сюда для уточнения боевой задачи и увязки вопросов взаимодействия были высланы офицеры из штаба 73-го стрелкового корпуса.

В итоге к исходу дня 13 ноября севернее села Свидовок образовался плацдарм 254-й стрелковой дивизии в 4 км по фронту и до 3 км в глубину. Сюда было переправлено два стрелковых полка общей численностью 2473 человека при 17 станковых и 46 ручных пулеметах, 25 противотанковых ружьях, 4 противотанковых орудиях и 28 минометах.

Авиадесантной группе по радио было передано приказание — на следующий день совместно с партизанами овладеть рубежом Елизаветовка, Будище, обеспечивая наступление ударной группировки северо-запада, а также отрезать противнику пути отхода на Геронимовку и Дахновку. Однако весь день 14 ноября на плацдарме шли тяжелые бои, противник непрерывно контратаковал при поддержке танков и артиллерии. Лишь к исходу дня основные силы 254-й стрелковой дивизии, атаковавшие с севера и северо-востока, при содействии наступавших с юга десантников смогли овладеть большей частью села Свидовок. Одновременно 929-му стрелковому полку дивизии удалось выйти восточнее Секирны, а главное — десантники наконец-то сумели вновь захватить село Будище, прервав ближайшую связь между восточной и западной группировками 3-го танкового корпуса.

К утру 15 ноября часть сил воздушно-десантной бригады вела бой в селе Свидовок, часть — в лесу северо-западнее от него, вместе с 929-м полком атакуя Секирну, гарнизон которой, по нашим донесениям, состоял из полка

пехоты, 20 танков и до двух артиллерийских дивизионов. Группа десантников, овладевшая накануне селом Будище, временно была подчинена командиру 73-го стрелкового корпуса; она должна была к исходу 16 ноября занять и прочно удерживать прежний рубеж по реке Ольшанке от Лютеревки до Елизаветовки, обеспечивая с запада наступление главных сил 73-го стрелкового корпуса. Одновременно командующий армией приказал руководство действиями десантников и партизан возложить на командира авиадесантной группы.

15 ноября переправленные на плацдарм части 52-й армии отразили несколько контратак противника и к 19:00 совместно с десантниками полностью заняли Свидовок. Утром 16 ноября 3-й и 4-й батальоны воздушно-десантной бригады совместно с частями 254-й стрелковой дивизии выбили противника из Секирны, но позднее опять были вынуждены ее оставить. В результате к исходу этого дня плацдарм был расширен до 8 км по фронту и 6 км в глубину.

В ночь на 17 ноября 936-й стрелковый полк, воспользовавшись проводниками-партизанами, вместе с полковой и батальонной артиллерией обошел по лесу фланг противника, уничтожил его боевое охранение и к 4 часам утра 17 ноября достиг деревни Геронимовка, расположенной в 10 км от берега Днепра. Одновременно к ее северной окраине вышла «подвижная группа» армии — 10 танков и САУ 259-го отдельного танкового и 1817-го самоходно-артиллерийского полка с десантом автоматчиков. В половине пятого утра 17 ноября после короткого огневого налета Геронимовка была захвачена быстрой атакой; таким образом, силы армии получили выход на оперативный простор.

Днем 17 ноября противник последний раз попытался контратаковать плацдарм с северо-западного направления. До батальона пехоты с 10 танками и 2 штурмовыми орудиями перешли в наступление из района Секирны против правого фланга 861-го стрелкового

полка, действовавшего западнее Свидовка. В какой-то момент танкам противника удалось прорваться к западной окраине села. Одновременно атакой силами до полка пехоты из местечка Мошны на Будище немцам удалось прорваться через боевые порядки авиадесантной группы и выйти на дорогу Секирна—Свидовок.

Однако это была последняя атака противника. Потеряв (по нашим данным) от огня 2-й батареи 350-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона четыре танка и одно штурмовое орудие, немцы повернули назад. Вечером части 294-й стрелковой дивизии возобновили наступление на Секирну и, обойдя ее с севера и юго-запада, в ночь на 18 ноября заняли этот населенный пункт.

Таким образом, плацдарм, захваченный войсками 52-й армии, к исходу 18 ноября был расширен до 16 км по фронту и 9 км в глубину. В боях с 13 по 18 ноября войска армии уничтожили 41 танк, 10 бронемашин, 10 пулеметов и 6 минометов противника. Первый этап Черкасской операции был успешно завершён. Наши войска захватили 33 пулемета, 7 орудий, 5 танков, 1 бронемашину, 37 автомобилей и 5 интендантских складов. И это при том, что войска 52-й армии как минимум не превосходили противника в численности личного состава и почти не имели танков — в то время как на 1 декабря 1943 года одна только дивизия СС «Викинг», согласно месячному «мелдунгу», все еще имела в своем составе 12 414 человек, 21 танк и САУ, 19 бронетранспортеров. Потери дивизии с 1 по 30 ноября составили 117 убитых и пропавших без вести, 385 раненых и больных.

28 ноября 1943 года 5-я воздушно-десантная бригада была снята с плацдарма, выведена в тыл и вновь перешла в резерв Ставки. Подполковник П. М. Сидорчук был удостоен звания Героя Советского Союза. Больше воздушно-десантных операции советское командование не проводило; с этого момента все имевшиеся воздушно-десантные войска использовались исключительно в качестве наземных.

Основная литература

Г. П. Софронов. Воздушные десанты во Второй Мировой войне. М.: Воениздат, 1962.

И. И. Лисов. Десантники (Воздушные десанты). М.: Воениздат, 1968.

Г. Чухрай. Моя война. М.: Алгоритм, 2001.

Советские воздушно-десантные. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1986.

Наступление 1-го Украинского (Воронежского) фронта на Киевском направлении в 1943 году. М. Воениздат, 1946.

Форсирование Днепра 52-й армией в районе Черкасс (ноябрь-декабрь 1943 г.) // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 12. М.: Воениздат, 1953.

Я. Самойленко. Из опыта управления воздушными десантами в годы войны // Военно-исторический журнал, № 12, 1979.

П. Карель. Восточный фронт. Книга 2. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Эксмо, 2003.

Андрей Кузнецов

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЭЛЬТИГЕНСКОГО ПЛАЦДАРМА,
ДЕКАБРЬ 1943 ГОДА)

1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Керченско-Эльтигенская операция 1943 года — одна из крупнейших десантных операций в истории нашего Отечества. По масштабам с ней может поспорить (да и то не во всем) только десант на тот же полуостров в 1941 году.

События ноября-декабря 1943 года в районе Керченского пролива вообще отличались крайним драматизмом. Но даже на этом фоне выделяются последние дни обороны Эльтигена, прорыв десантников из окружения и последовавшая затем Митридатская операция. Этим событиям и посвящена данная статья.

Предыстория событий в сжатом виде выглядела следующим образом. В октябре 1943 Ставкой было принято решение о высадке Северо-Кавказского фронта (СКФ)

в Крым. Считалось, что противник не будет оборонять полуостров. Действительно, немецкий генералитет от начальника Генерального штаба и до командиров дивизий в Крыму выступал за эвакуацию. Но Гитлер, принимая во внимание в основном политические факторы, решил иначе. 28 октября уже отданный командующим 17-й армией приказ об эвакуации был отменен, и Крым был объявлен «крепостью».

Противоречивость приказов вызвала путаницу на местах. Ранее отданные приказы отменялись с большим запозданием. Поэтому уничтожение объектов инфраструктуры в некоторых случаях продолжалось и после 28 октября. Например, отдельные портовые сооружения в Керчи взрывались и поджигались даже 31 октября. Все это было хорошо видно с нашего берега Керченского пролива. Стоит ли удивляться, что у командования Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота не возникало сомнений в правильности ранее сделанного вывода — противник уходит. Первые сведения об отмене эвакуации были получены только через неделю после начала десантной операции. До этого все действия противника расценивались как попытки прикрыть отход.

Штабы Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота как будто планировали полноценную десантную операцию, однако в действительности на серьезное сопротивление не рассчитывали. Это заметно сказалось на качестве планирования. Для операции собрали все, что могло держаться на воде, включая речные баркасы с Волги. Но плавсредств все равно не хватало. Чтобы подогнать расчеты под требуемые сроки переправы, не стали учитывать будущие потери и выход катеров из строя, а также неизбежные перерывы в перевозках во время штормов. С учетом малой мореходности основной массы плавсредств погода становилась одним из основных факторов, влиявших на ход операции.

Была запланирована одновременная высадка 56-й армии на Еникальский полуостров (силами Азовской

военной флотилии под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова), а 18-й армии — в район Эльтигена (силами специально созданной 3-й группы высадки во главе с командиром Новороссийской ВМБ контр-адмиралом Г. Н. Холостяковым). Вопреки ряду утверждений, позднее появившихся в отчетах по операции, при выборе мест высадки фактически учитывалось всего два момента. Рельеф берега должен был позволять высадку пехоты с легким вооружением; район высадки должен был находиться в пределах дальности огня артиллерии с восточного берега пролива. Поскольку осень характерна большим числом нелетных дней, рассчитывать на постоянную поддержку авиации не приходилось. Только артиллерия могла обеспечить устойчивость обороны плацдармов в первые дни.

Основной десант высаживала 56-я армия. Ширина пролива здесь составляла менее 5 километров. Мощная группировка артиллерии, сосредоточенная на косе Чушка, могла воздействовать на оборону противника на большую глубину. Узость пролива, малые глубины и многочисленные батареи делали вмешательство немецкого флота весьма рискованным делом. Все это обещало успех высадки.

Напротив, ширина пролива в месте высадки 18-й армии составляла не менее 17 км. Ограниченные силы артиллерии (группа подполковника М. С. Малахова), которые удалось «впихнуть» в район мыса Тузла¹, могли обеспечить оборону лишь в узкой прибрежной полосе у Эльтигена. Размещение сколько-нибудь заметного числа орудий на косе Тузла по ряду причин исключалось. Кроме того, южная половина пролива давала простор для действий немецкого флота.

Все это заставляет думать, что само решение о высадке вспомогательного десанта было неоправданным

¹ Значительную часть этого района занимали соленые озера и заболоченные участки.

Командующий Северо-Кавказским
фронтом И. Е. Петров
(фото 1942 года)

риском. Если бы противник начал эвакуацию, вспомогательный десант действительно мог сыграть важную роль в преследовании. Но при серьезном противодействии наращивание сил и их снабжение превращалось в трудноразрешимую проблему. По плану этот «гордиев узел» разрубался захватом порта Камыш-Бурун ударом с эльтигенского плацдарма. Но артиллерия с таманского берега не могла обеспечить оборону этого порта — а переброска достаточного количества орудий в Крым при имеющемся тоннаже и уровне противодействия должна

была занять неприемлемое время. Даже если бы десантники взяли Камыш-Бурун, удержать порт без поддержки артиллерии они не смогли бы. Встречающиеся в документах и послевоенной литературе утверждения, что взятие Камыш-Буруна решало все проблемы, основаны на ошибочных (в первоисточниках — сознательно односторонних) умозаключениях.

Первая попытка высадки состоялась в ночь на 28 октября. Из-за начавшегося шторма погрузка войск 56-й армии была отменена в 16:00 27 октября. Между тем попытки погрузить войска 18-й армии продолжались еще 3 часа. То есть к собственному решению об одновременной высадке обоих десантов командование СКФ уже тогда отнеслось не очень серьезно.

Вечером 31 октября войска 4-го Украинского фронта вышли к Перекопу и отрезали Крым с суши. Стре-

мь не дать уйти якобы отходящему противнику, командующий СКФ генерал армии И. Е. Петров назначил высадку в ночь на 1 ноября. Днем 31 октября было получено штормовое предупреждение, но после некоторых колебаний приказ был оставлен в силе. В результате Азовская флотилия вообще не смогла высадить первые два эшелона 56-й армии.

В южной половине пролива шторм был слабее, и 3-я группа высадки смогла принять 1-й эшелон 18-й армии. Он состоял из трех стрелковых полков 318-й дивизии, 386-го отдельного батальона морской пехоты (обмп), сводного батальона 255-й отдельной морской стрелковой бригады (омсбр), двух штрафных рот и некоторых частей усиления. Командовал 1-м эшелоном командир 318-й сд полковник В. Ф. Гладков.

Из-за шторма десантные отряды прибыли на линию развертывания с большим опозданием, высадка началась незадолго до рассвета. В первом броске погибла или вышла из строя большая часть высадочных средств, поэтому катера с большой осадкой не смогли разгрузиться. С рассветом они под сильным артогнем отошли в пункты погрузки. Из почти 6 тысяч десантников на плацдарме оказались лишь около двух тысяч.

В 3-й группе высадки в первую же ночь из 105 самоходных единиц погибли 26 и вышли из строя 34, главным образом из-за шторма. На ходу осталось менее половины катеров. Далее ситуация только ухудшалась с переменной

Командир 384-й стрелковой дивизии В. Ф. Гладков
(послевоенное фото)

скоростью. Даже если бы высадка проводилась в более благоприятных условиях, с учетом малой мореходности и изношенности плавсредств быстрое сокращение числа катеров в строю было неизбежным. Дополняло картину отсутствие порта и необходимость разгружаться на необорудованный берег неприспособленными для этого средствами.

В общем, будущая десантная группа в Эльтигене была обречена на тяжелые проблемы с того самого момента, когда немцы решили оборонять Крым. Средства, которые могли бы обеспечить более быструю переправу 56-й армии и более качественное ее снабжение, были израсходованы в безнадежной борьбе вокруг Эльтигена.

Скоро средств для переправы войск не осталось. Оставшиеся катера и со снабжением уже высаженных частей справлялись все хуже. Поэтому о наступательных действиях из Эльтигена пришлось забыть. Семь дней вокруг плацдарма шли тяжелые бои. Немцы пытались сбросить десант в море, но командование 5-го армейского корпуса также допустило ряд ошибок. Ставя раз за разом решительные цели, оно не выделяло достаточных сил и средств, хотя и располагало ими.

В ночь на 3 ноября на Еникальском полуострове успешно высадилась 56-я армия. На первых порах это почти не принесло облегчения защитникам Эльтигена. Напротив, немцы попытались срочно ликвидировать Эльтигенский плацдарм, чтобы развязать себе руки для борьбы на главном направлении. Благодаря выдающейся стойкости наших десантников, а также эффективной поддержке артиллерии (а первые два дня — и мощной поддержке с воздуха), все атаки были отражены. Затем наступление 56-й армии вынудило немцев полностью переключиться на оборону Керчи. Участок у Эльтигена вскоре был передан румынам.

Немецкий флот несколько суток действовал на удивление беспомощно — вообще не мешал перевозкам. Возможно, сказалась неразбериха последних дней ок-

тября, а также проблемы с подготовкой некоторых командиров групп. Есть также подозрение (впрочем, не подкрепленное документами), что «Адмирал Черного моря» Г. Кизерицки, который не верил в успех обороны Крыма, сознательно берег силы для будущей эвакуации. Однако, получив нагоняй от вышестоящих инстанций, адмирал постепенно организовал эффективную блокаду Эльтигенского плацдарма. К этому времени 3-я группа высадки уже была обескровлена и не имела сил для борьбы с блокадными силами. Для борьбы с ними и для доставки грузов пришлось привлечь ударную авиацию. Оказавшаяся на голодном пайке группа Гладкова постепенно потеряла способность к активным действиям, но прочно удерживала занятый пятачок.

На основном плацдарме 11 ноября войскам 56-й армии удалось выйти к северо-восточной окраине Керчи. Но здесь они уперлась в линию высот на выходе с Еникальского полуострова. Попытки вырваться на оперативный простор 11–14 и 20–21 ноября были отражены противником, хотя и не без труда. Фронтовая операция забуксовала. Директивой Ставки от 15 ноября Северо-Кавказский фронт 20 ноября был реформирован в Отдельную Приморскую армию (ОПА). В нее вошли войска расформированной 56-й армии, а также 20-й стрелковый корпус. В оперативном подчинении ОПА остались 4-я воздушная армия и Черноморский флот. 18-я армия, перспективы которой переправиться в Эльтиген растаяли, была переброшена на Днепр, за исключением 20-го корпуса.

Немцы морем и по воздуху перебрасывали в Крым подкрепления с других участков Восточного фронта и из Западной Европы. Имея больше людей, чем вместе взятые ОПА и 51-я армия 4-го Украинского фронта (действовала у Перекопа и на Сиваше), командование 17-й немецкой армии перешло к планированию активных действий. Было решено выбить слабые звенья в кольцо

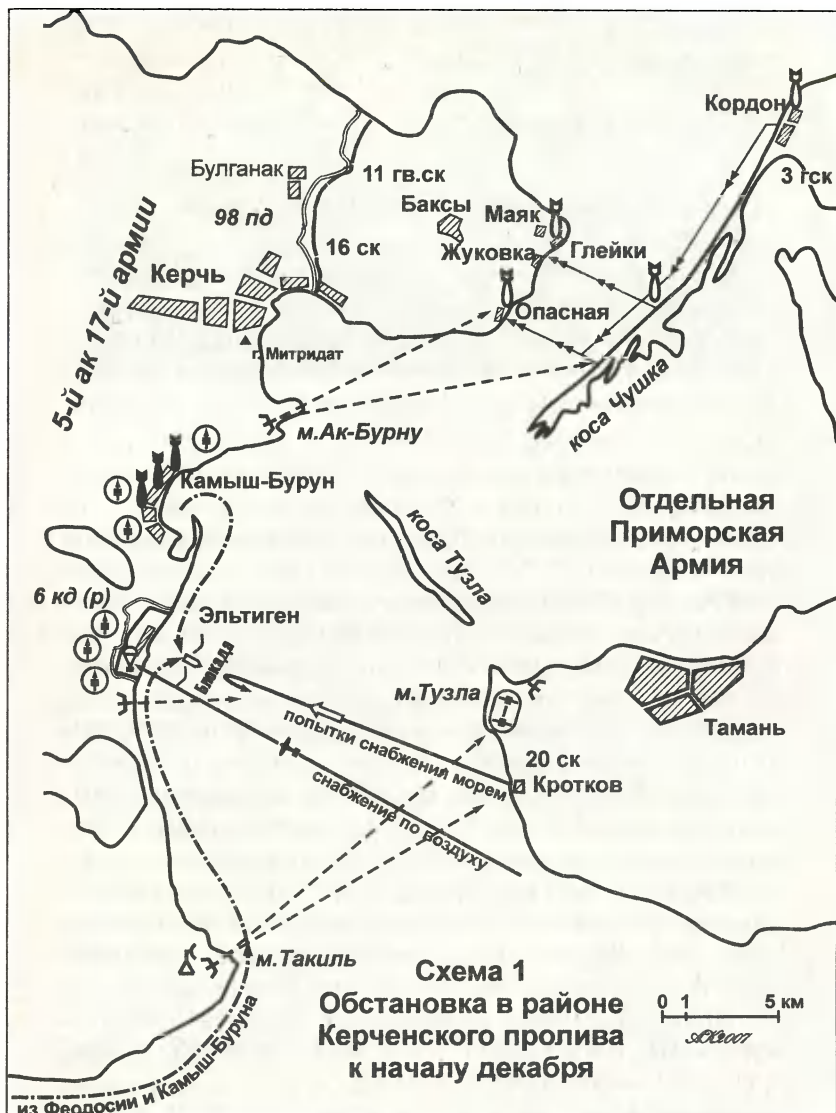
окружения Крыма. Таковыми были плацдармы 51-й армии на южном берегу Сиваша и Эльтигенский плацдарм. Истощенная блокадой Эльтигенская группа представлялась самой уязвимой целью. Она и попала под удар.

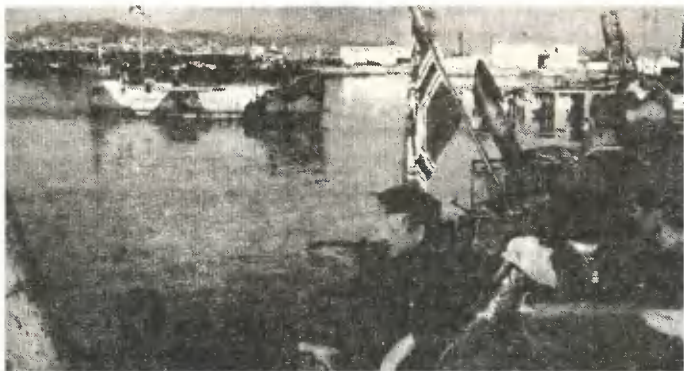
2. СИТУАЦИЯ К КОНЦУ НОЯБРЯ

К концу ноября 1943 года ситуация в районе Керченского пролива выглядела следующим образом (схема 1). На севере Отдельная Приморская армия заняла Еникальский полуостров и вела бои на линии восточная окраина Керчи — Булганак — берег Азовского моря. На плацдарм размером примерно 10 километров в ширину и 11 в глубину переправились неполных три стрелковых корпуса, танковые части и некоторые части артиллерии РГК. Основная масса артиллерии РГК оставалась на косе Чушка, откуда до противника доставала уже с трудом, а до батарей в глубине обороны не добивала вообще. Та часть артиллерии, которая переправилась на плацдарм, не имела особых проблем с досягаемостью по дальности, но страдала от нехватки боеприпасов.

Войска на плацдарме «висели» на тонкой нитке переправы. Хотя ширина пролива в самом узком месте была менее 5 км, для маломореходных и изношенных катеров Азовской флотилии в условиях осенних штормов эта полоска воды была серьезной преградой. Дополнительные трудности создавала выгрузка на наспех построенные пристани или вообще на необорудованный берег, так как ни одного порта в Крыму пока освободить не удалось. Часто переправа прерывалась из-за шторма, в результате сроки подготовки наступлений срывались. Флотилия обеспечивала снабжение на пределе своих возможностей.

Немцы прекрасно понимали роль переправы и регулярно обстреливали места погрузки и выгрузки, а также периодически бомбили их. К счастью для нас, действия

Немецкие боевые корабли в Керчи, сентябрь 1943 года

немецкого флота в районе переправы были крайне затруднены. После неудачных попыток в первую неделю операции немецкие БДБ больше в этой части пролива не появлялись.

Совершенно иная ситуация сложилась южнее. Группа Гладкова занимала в районе Эльтигена пятачок размером примерно 3×1 км. Этот плацдарм стал настоящей ловушкой. Его было невозможно ни эвакуировать, ни нормально снабжать. Близость базы немецких БДБ в Камыш-Буруне и слабость 3-й группы высадки позволяла противнику по ночам эффективно блокировать Эльтиген. Днем снабжению по морю препятствовала береговая артиллерия. К концу ноября число боеготовых катеров 3-й группы высадки уменьшилось в десять с лишним раз. Немногочисленные пополнения не компенсировали потери. Маломощная ремонтная база, наспех созданная в Сенной, не справлялась с большим объемом работ.

Попытки открытых прорывов в Эльтиген прекратились — на это не хватало сил. Иногда отдельным катерам удавалось проскочить на плацдарм незаметно — в тумане или в вечерние и утренние сумерки, когда флот противника уже отходил в базы, а видимость оставалась еще недостаточной для эффективного огня береговых батарей.

Основная нагрузка по снабжению Эльтигена уже несколько недель лежала на ударной авиации. Штурмовики сбрасывали грузы на парашютах днем, а легкие ночные бомбардировщики У-2 — мешки без парашютов по ночам.

Единственным эффективным средством борьбы с блокадными силами оставалась авиация. Штурмовики и пикирующие бомбардировщики наносили удары по базе в Камыш-Буруне, реже — по Феодосии и причалам на мысе Киик-Атлама (в Двужкорной бухте). Если бы немецкий флот удалось изгнать из Камыш-Буруна, блокада была бы снята. Поддержание ее только из дальних баз по ряду причин исключалось. К сожалению, непрерывного воздействия по базам не получилось. Мешало большое количество нелетных дней, сказывалось и отвлечение штурмовиков на снабжение Эльтигена, проблемы с организацией боевой работы авиации. В результате блокадные силы неприятеля продолжали базироваться на Камыш-Бурун.

Однако противнику приходилось нелегко. Он нес невиданные с начала войны на Черном море потери в десантных баржах. Приходилось снимать все новые и новые БДБ со снабжения Крыма, что могло сказаться на боеспособности 17-й армии. Необходимость освободить немецкий флот от тяжелого бремени блокады стала одним из побудительных мотивов для ликвидации Эльтигенского плацдарма.

Командование Отдельной Приморской армии видело решение Эльтигенской проблемы только в успешном наступлении под Керчью, в результате которого противник ушел бы с Керченского полуострова.

3. СОСТАВ И СООТНОШЕНИЕ СИЛ К 4 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА

Отдельная Приморская армия (генерал армии И. Е. Петров) состояла из 4 корпусов (3-й горнострелковый, 11-й

гвардейский, 16-й и 20-й стрелковые) — всего 9 стрелковых и 3 горнострелковые дивизии, а также две морские стрелковые бригады. Из них в Крыму находились 8 стрелковых дивизий и одна бригада. Группировка на основном плацдарме под Керчью насчитывала 46 731 человека, на Эльтигенском плацдарме — 3958 человек в строю и 700 раненых, которых было невозможно эвакуировать.

Эльтигенскую группу возглавлял командир 318-й стрелковой дивизии полковник В. Ф. Гладков. На плацдарме находились: большая часть 318-й дивизии, 335-й гвардейский стрелковый полк 117-й гвардейской дивизии (сама эта дивизия убыла на Украину вместе с 18-й армией), 386-й батальон морской пехоты, сводный батальон 255-й морской стрелковой бригады, две штрафные роты, 490-й истребительно-противотанковый арtpолк, 195-й горно-минометный полк, зенитно-пулеметная рота армейского 272-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка — все части и соединения в неполном составе. Имелось:

76-мм полковых пушек — 7,
45-мм противотанковых орудий — 14,
120-мм минометов — 7,
107-мм горных минометов — 10,
82-мм минометов — 23,
зенитных пулеметов ДШК — 10,
ПТР — 69.

Большой проблемой было отсутствие дивизионной артиллерии. Но болезненнее всего ощущалась нехватка боеприпасов.

Поскольку Василий Федорович Гладков стал главным героем описываемых событий, уместно привести его характеристику из мемуаров начальника штаба СКФ генерал-лейтенанта И. А. Ласкина.

«Это был человек кремнисто-твердый, храбрый, по-солдатски прямолинейный, искренний, внутренне очень собранный. Он обладал железной волей и не боялся идти

на риск, на смелые и дерзкие решения, принимая на себя всю ответственность за их последствия. А огромный боевой опыт выработал в нем самообладание, отвагу, решительность, развил умение разгадывать замыслы противника. Василий Федорович обладал и еще одним драгоценным качеством — исключительным спокойствием даже в самых критических ситуациях боя, что благотворно сказывалось на всех его подчиненных, командирах и рядовых».

В мемуарной литературе комплиментарные характеристики — не редкость. Но в данном случае Ласкин не погрешил против истины. В немецких документах также отмечены командирские качества и железная воля Гладкова.

У немцев Крым обороняла 17-я армия (генерал-полковник Э. Енеке), а непосредственно Керченский полуостров — 5-й армейский корпус (генерал от инфантерии К. Альмендингер). В состав корпуса входили 98-я пехотная, части 50-й пехотной и 153-й учебно-полевой дивизий, группа полковника Кригера, а также румынские 6-я кавалерийская, 3-я горнострелковая и 19-я пехотная дивизии. На 5 декабря 17-я армия насчитывала 226 451 человека на довольствии, не считая «Организации Тодта».

5-й армейский корпус на 4 декабря имел на довольствии 63 тысячи человек. Если добавить сюда мощный 27-й зенитный полк Люфтваффе и флотские части, находившиеся на Керченском полуострове, мы получим не менее 75 тысяч человек.

Силы, действовавшие против основного плацдарма, возглавлял командир 98-й пехотной дивизии генерал-лейтенант М. Гарайс. Дивизия с частями усиления 4 декабря имела на довольствии 26 тысяч человек, не считая военнослужащих Люфтваффе и флота. Против Эльтигена действовала 6-я румынская кавдивизия (бригадный генерал К. Теодорини) с частями усиления. Она имела

на довольствии 9700 человек — также без учета Люфтваффе и флота.

Под Керчью соотношение сил было в нашу пользу, но отнюдь не подавляющее. Если по общей численности оно составляло примерно 1:1,8, то по числу штыков оно вряд ли приближалось к 1:1,5 (к сожалению, полных данных на 4 декабря нет). С учетом того, что предстояло наступать на хорошо подготовленные эшелонированные позиции, этого было недостаточно¹. Отчасти ситуация смягчалась безусловным превосходством в бронетехнике. Но пересеченная местность не благоприятствовала ее применению.

К исходу 3 декабря на основном плацдарме находились 63-я танковая бригада, 85-й и 244-й танковые полки, 1449 самоходно-артиллерийский полк — в общей сложности 87 танков (5 КВ, 45 Т-34, 3 Т-70, 10 М-3с, 17 М-3л, 7 МК-3) и 10 СУ-122.

Противник имел на Керченском полуострове к 4 декабря 191-й дивизион штурмовых орудий (22 Stug III, в т.ч. 20 боеготовых), 223-ю роту трофейных танков (15 «Рено» R35, из них 6 на ходу), 51-ю и 52-ю румынские танковые роты — 8 танков 38(t), все исправные.

¹ Командование 98-й немецкой дивизии достаточно трезво оценивало наши силы на плацдарме — но при этом не стеснялось в некоторых донесениях и документах утверждать, что русские имеют немыслимое численное превосходство. В журнале боевых действий дивизии за 4 ноября, например, отмечено 10–20 кратное превосходство (!) и наличие на плацдарме танков (реально первые танки были переправлены 9 ноября). Учитывая, что в штабах 5-го армейского корпуса и 17-й армии вполне здраво судили о наших силах, сложно понять, как все это сочеталось с прямотаки мюнхгаузеновскими историями. Такое вполне представимо в какой-нибудь фронтовой газете, но странно смотрится в оперативных документах. Известно, что у нас тоже достаточно вольно подходили к оценке соотношения сил (чаще в отчетах, чем в оперативных документах) — но такой гротеск все-таки встретишь не часто.

Легкие танки оставались в тылу и в боях не участвовали. 191-й дивизион штурмовых орудий был в полном составе сосредоточен против Эльтигена и сыграл большую роль в ликвидации плацдарма.

По числу орудий и минометов Приморская армия превосходила противника в два раза, но по ряду причин реализовать это превосходство не получалось. На 1 декабря в составе ОПА имелось (включая приданную береговую артиллерию ЧФ) 806 орудий (6 — 203-мм, 126 — 152-мм гаубиц-пушек, 45 — 122-мм пушек, 92 — 122-мм гаубиц, 4 — 100-мм морских пушки, 278 — 76-мм дивизионных, 58 — 76-мм полковых и 197 — 45-мм противотанковых пушек), а также 375 минометов (185 — 120-мм, 63 — 107-мм, 127 — 82-мм). Итого без учета 45-мм орудий 984 орудия и миномета.

У противника в 5-м корпусе с частями усиления имелось около 500 орудий калибра 75-мм и выше и минометов калибра 81-мм и выше. Нужно учесть, что некоторая часть артиллерии противника оставались на Ак-Монайских позициях и в других тыловых районах. С другой стороны, немцы широко использовали против наземных и надводных целей зенитную артиллерию. У них имелось около 80 88-мм орудий и до 240 зенитных автоматов (37-мм, 25-мм и 20-мм). Основная часть была сосредоточена в районе Керчь — Эльтиген, некоторые батареи прикрывали в район Феодосии. Наши зенитки, напротив, за всю операцию выпустили по наземным целям лишь несколько снарядов — стволов и без них хватало. Зенитная артиллерия Отдельной Приморской армии с учетом частей ПВО 4-й воздушной армии имела 95 — 85-мм и 32 — 76-мм орудий, 256 — 37-мм автоматов и 21 — 20-мм авиапушку ШВАК. Основной задачей частей ПВО было прикрытие переправы и войск на основном плацдарме.

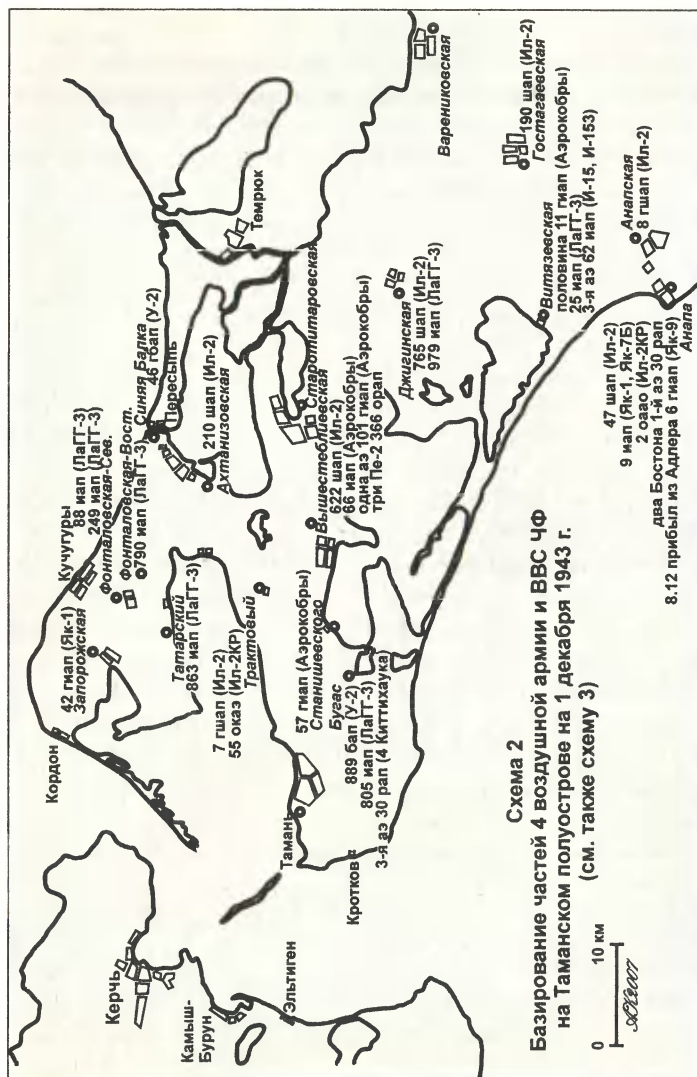
По реактивной артиллерии преимущество также оставалось за нами. Отдельная Приморская армия (без частей, выведенных в резерв Ставки и без учета 4 горных

установок М-8, заброшенных в горный Крым к партизанам) имела 96 машин БМ-13, а также 286 установок М-30 и 26 горных М-8. Противник имел небольшое количество «небельверферов»¹ и установок калибром 28/32 см. Последние использовались при ликвидации Эльтигенского плацдарма (выпущено 53 РС).

Соотношение сил в воздухе нельзя оценить однозначно. Подавляющее превосходство в числе самолетов оставалось за нами (цифры приведены ниже). Но противник компенсировал это большей интенсивностью использования авиации. Например, в первый день атаки на Эльтиген ему удалось сбросить больший тоннаж бомб, чем нашей многочисленной ударной авиации. Разница в средней подготовке летчиков и в уровне организации боевых действий также была не в нашу пользу.

Офицеры Генштаба и командиры сухопутных войск оценивали действия наших истребителей как малоуспешные. Впрочем, анализ показывает, что истребители неплохо справлялись с сопровождением ударной авиации. Другие задачи ими действительно выполнялись хуже. Действия штурмовой авиации, напротив, оценивались в целом положительно. Отмечалась самоотверженность, с которой наносили удары экипажи «Илов». Немцы, судя по многочисленным жалобам на действия штурмовиков, также были склонны выставить нашей штурмовой авиации положительную оценку. Основной претензией к штурмовой авиации было отсутствие должной массированности и тактического взаимодействия с пехотой. Среди бомбардировщиков выделялись легкие ночные, в первую очередь У-2, которые совершали

¹ На 1 ноября во всем Крыму было 15 — 150-мм установок NbW.41, две из них были потеряны 8 ноября. О поступлении в ноябре-декабре новых установок в Крым упоминаний в документах 17-й армии и 5-го корпуса обнаружить не удалось.

по несколько вылетов за ночь. Активность авиации ограничивалась лимитами на горючее и на расход летного ресурса.

У немцев наиболее эффективно действовали пикирующие бомбардировщики. Это неоднократно отмечалось в документах Приморской армии. Истребительные части имели в среднем очень опытный состав, в том числе ряд асов с умопомрачительными счетами побед. Реальные их успехи в ходе операции были в 2—3 раза меньше заявленных. Но более существенно то, что немецкие истребители мало препятствовали ударам нашей штурмовой авиации. В большинстве случаев они предпочитали атаковать отставшие самолеты на отходе. Результат получался парадоксальный. Самолетов сбивалось много, но наземные войска противника практически не ощущали прикрытия с воздуха и в дни активных действий нашей штурмовой авиации испытывали большие трудности. Аналогичная картина наблюдалась и во время налетов на базу флота в Камыш-Буруне.

К 4 декабря участвовавшие в операции части ВВС ЧФ и 4-й воздушной армии имели число самолетов,

Тип \ назначение	Бомбардировщики	Пикирующие бомбардировщики	Легкие ночные бомбардировщики	Штурмовики	Истребители	Разведчики	Итого
Бомбардировщики	84				42	126	
Пикирующие бомбардировщики		49					49
Легкие ночные бомбардировщики			28				28
2-моторные истребители				7	5	12	
1-моторные истребители					50		50
Разведчики (FW-189)					3	3	
Итого	84	49	28	7	50	50	268

Примечание: число легких ночных бомбардировщиков (все или большинство — Go-145) дано предположительно, число разведчиков-корректировщиков FW-189 в Крыму также точно неизвестно (предположительно одно звено).

указанное в таблице (боеготовые/небоеготовые, без учета учебных).

Обращает на себя внимание большая доля боеготовых самолетов, несмотря на пять недель активных боевых действий — 84,7%. Чтобы оценить размер авиационной группировки, нужно вспомнить, что к концу 1943 года всего на действующих фронтах, флотах, действующих частях войск ПВО страны и АДД имелись 10200 боевых самолетов.

Состав и базирование авиации показано на схемах 2 и 3.

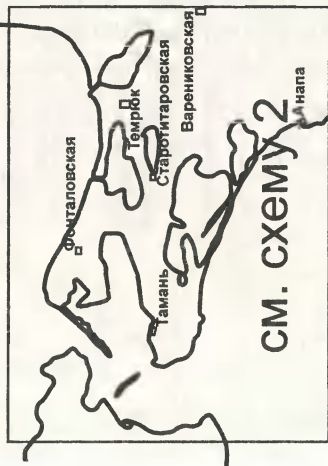
Нет ни одной части немецкой и румынской авиации, которая действовала бы в начале декабря исключительно в районе Керченского и Таманского полуостровов. **Крым находился в зоне 4-го воздушного флота. В районе полуострова действовал в основном 1-й авиакорпус, частично — 4-й авиакорпус.** Базирование частей, принимавших участие в боях в районе Керченского пролива в начале декабря, показано на схеме 4. Эти части действовали также против 4-го Украинского фронта, а некоторые — и против других Украинских фронтов. Число армейских самолетов на 1 декабря приведено в таблице:

Тип\назначение	Бомбардировщики	Легкие ночные бомбардировщики	Штурмовики	Истребители	Разведчики и корректировщики	Итого	Всего
Бомбардировщики	87/7				19/2	106/9	115
Легкие ночные бомбардировщики		66/14				66/14	80
Штурмовики			170/36		9/2	179/38	217
Истребители				303/50	4/8	307/58	365
Итого	87/7	66/14	170/36	303/50	32/12	658/119	777

Примечание. Данные по численности авиации в документах несколько разноречивы. Таблица составлена по отчетам о движении матчасти, отчетам и донесениям соединений и частей и т.п.

Схема 3

Базирование частей 4 воздушной армии и ВВС ЧФ
на Кубани на 1 декабря 1943 г.

Ольгинская

Тимашевская
926 иап (ИлТТ-3, Ла-5)

650 бап (Су-2, Р-5)
366 орап (Пе-2, Бостоны) (без 3 Пе-2)
Славянская

244 бап (Бостоны)
277 бап (Бостоны)
387 бап (ДБ-3)
две аз 101 гиап (Аэрокобры)
Краснодар

Анастасиевская
43 гшап (Ил-2)

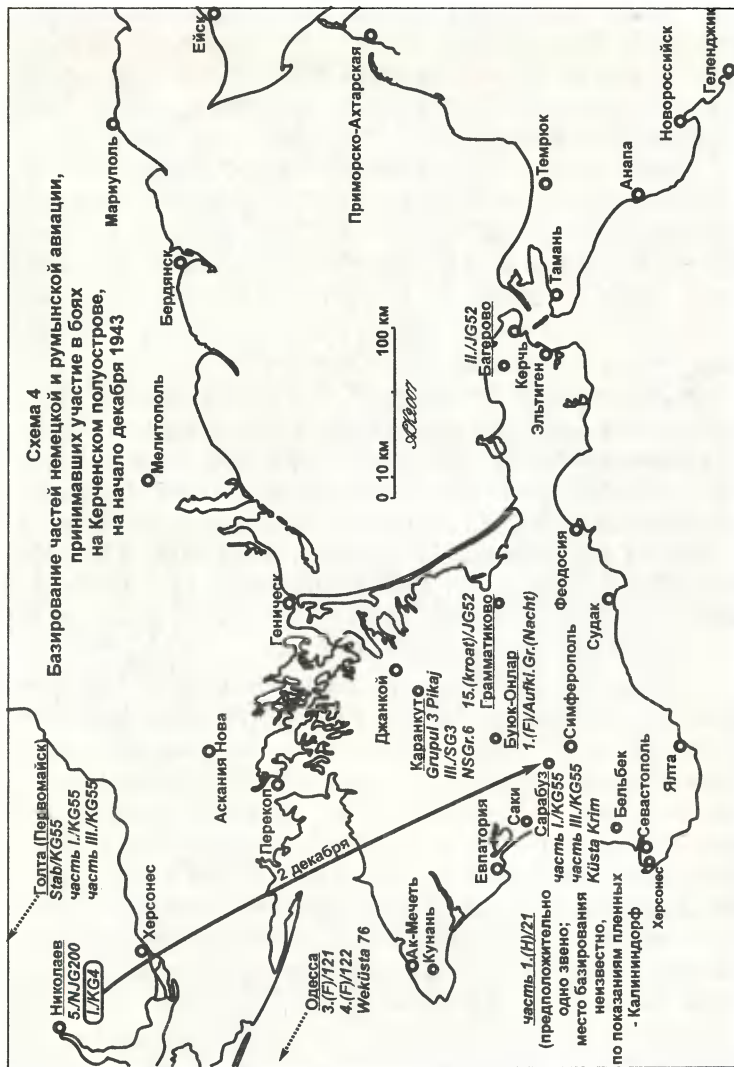
Киевская
63 бап (Бостоны)
Харьковская
Абинская

Новороссийск
Мысхадо
Упр. и 2-я аз 30 рап (Бостоны)
23 шап (Ил-2) без 3-й аз
половина 40 гшап (Пе-2)
половина 36 дсап (Бостоны)
5 гшап (Ил-4) без 2-й аз
Геленджик
18 аз 119 мрап (МБР-2)

0 20 км

Схема 4

Базирование частей немецкой и румынской авиации, принимавших участие в боях на Керченском полуострове, на начало декабря 1943

Хуже всего была ситуация на море (схема 5). В узком и мелководном проливе могли действовать только легкие силы. А безоговорочное превосходство в них оставалось за противником. Имеет смысл привести соотношение сил на 28 ноября (день, когда стало известно о будущем ударе по Эльтигену) и на вечер 3 декабря (канун наступления).

3-я группа высадки на вечер 28 ноября имела в строю всего 9 единиц: малый катер МКМ-0164, бот ПВО-17, десантные боты ДБ-5, ДБ-12 и ДБ-20, катера-тральщики КАТЩ-570 и КАТЩ-5881, речные тральщики (бывшие баркасы) РТЩ-398 и РТЩ-415. «Малых охотников» и бронекатеров в строю не было, то есть средства для прорыва блокады отсутствовали.

В 22:40 из Анапы прибыли ТКА-105, АКА-96 и АКА-106, но это ситуацию не меняло. С начала операции число боеготовых катеров в 3-й группе упало более чем в 10 раз. До 4 декабря изменить ситуацию не удалось, несмотря на большие усилия ремонтников. На вечер 3 декабря в строю находились 12 единиц (ТКА-105, АКА-96, КАТЩ-570, РТЩ-105, РТЩ-398, РТЩ-415, ПВО-19, ПВО-21, ПВО-25, ПВО-28, ПВО-29, ДБ-5) плюс ограниченно боеспособный КМ-057.

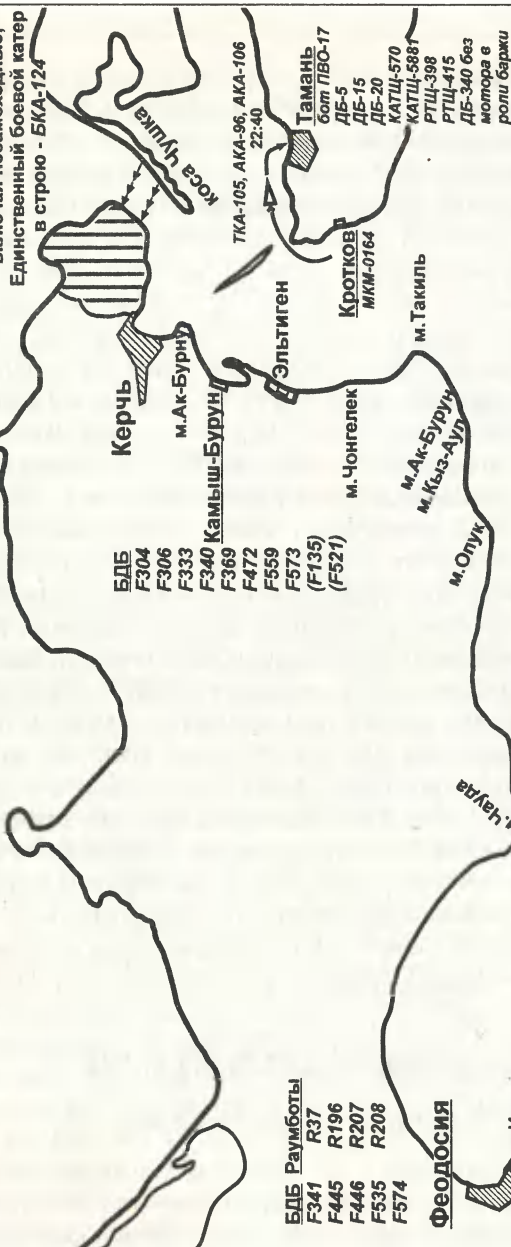
Установить по сохранившимся документам поименный список катеров Азовской флотилии, находившихся в строю на 28 ноября, невозможно. В течение суток в перевозках участвовали 32 единицы. Это было максимальное число за неделю с 22 по 28 ноября (в среднем в перевозках участвовали 26 единиц). Часть из них были самоходными — сейнеры, моторные катера и т.п., а также колесный пароход «Коммунар». Они использовались в основном в роли буксиров. Остальные были несамоходными (баржи, дубки, армейские паромы). Из боевых катеров в строю находился только БКА-124. Во время шторма 28–29 ноября флотилия сильно пострадала — было выброшены на берег не менее 13 единиц, из оставшихся на плаву многие оказались повреждены. Передать

Схема 5

Базирование флотов в районе Керченского пролива 28 ноября 1943 г.

АВФ:

На перевозках 32 единицы, включая несамостоятельные; Единственный боевой катер в строю - БКА-124

что-либо в 3-ю группу высадки не представлялось возможным. Азовская флотилия еле-еле справлялась со снабжением основного плацдарма. Благодаря усилиям ремонтников число плавсредств в строю удавалось поддерживать примерно на одном уровне. 2 декабря в перевозках участвовала 31 единица (3 декабря — 16 единиц, но это не показательно, так как часть суток перевозки не велись из-за шторма).

Немцы к вечеру 28 ноября имели в Камыш-Буруне 10 БДБ (в строю F304, F306, F333, F340, F369, F472, F559, F573, выведенные из строя F135, F521), в Феодосии 5 БДБ (F341, F445, F446, F535, F574 — все боеспособны), 4 «раумбота» (R37, R196, R207, R208 — все боеспособны), в Киик-Атламе 5 торпедных катеров (S26, S47, S49, S51, S52 — все боеспособны). Итого 24 единицы, из них 22 в строю.

К вечеру 3 декабря силы противника несколько сократились, несмотря на полученные пополнения. Это произошло в основном благодаря усилиям нашей авиации. В Камыш-Буруне остались всего 3 БДБ (F333, F369, F559 — все боеспособны), в Феодосии — 8 БДБ, в том числе 5 боеспособных (F305, F342, F445, F535, F578), и 3 выведенных из строя (F304, F340, F472), а также 5 «раумботов» (R37, R196, R207, R208, R216 — все боеспособны). В Киик-Атламе находилось 6 торпедных катеров (S26, S47, S49, S51, S52, S72 — все боеспособны). Итого 22 единицы, из них 19 в строю. При этом немецкие боевые катера заметно превосходили наши в огневой мощи и мореходности.

4. НАКАНУНЕ ПОСЛЕДНИХ БОЕВ

4.1 Эльтиген: жизнь в осаде

Прежде чем перейти к развязке Эльтигенской трагедии, коротко остановимся на периоде почти месячного затишья. Начиная с 9 ноября снабжение плацдарма сни-

зилося до опасного уровня. Изредка прорывались катера с грузами. Для снабжения десантников пришлось использовать авиацию, но она доставляла слишком мало и со слишком большими издержками. Вскоре дневной рацион дошел до 100 граммов сухарей (в удачные дни до 200), полбанки консервов и кружки кипятка. Были проблемы с пресной водой, приходилось собирать дождевую воду. Не было теплого обмундирования, а дни становились все холоднее.

Но сложности носили не только материальный характер. Жизнь на осажденном пятачке выматывала душу. Горячка первых дней, когда шли ожесточенные бои, прошла. Наступили изнурительные голодные будни. Люди вели ночной образ жизни, так как днем по насквозь простреливаемому плацдарму было невозможно открыто передвигаться. 18-я армия ушла на Украину, основные силы завязли под Керчью. Частые ночные обстрелы с моря напоминали, что блокада крепка. Враг с помощью громкоговорителей и листовок постоянно пытался убедить эльтигенцев, что десант брошен и списан со счетов.

В общем, перспективы выглядели мрачно. Но командование делало все, чтобы подбодрить людей, и боевой дух десантников в течение долгих недель блокады оставался на хорошем уровне. В ночь на 18 ноября на плацдарме получили радиogramму с Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников Эльтигенского десанта. 34 человека, включая самого Гладкова, получили звание Героев Советского Союза. Многие были награждены орденами и медалями. Получение заслуженных наград, конечно же, подняло настроение десанникам. В этот день выдали аж по 300 граммов сухарей — немалый подарок для голодных людей.

Как всегда, большую роль играло получение почты от родных — ее сбрасывали по ночам с самолетов. Сам факт того, что десантников в таких сложных условиях снабжают по воздуху, что о них не забыли, поддерживал бойцов. Девушки-летчицы 46-го гвардейского ночного

бомбардировочного авиаполка, сбрасывая со своих У-2 мешки с боеприпасами и продуктами, иногда выкрикивали что-нибудь ободряющее. В воспоминаниях десантников можно прочесть об этом самые теплые слова. Любопытно, насколько избирательна человеческая память. Женский полк участвовал в снабжении Эльтигена всего три ночи (4–6 декабря), а основную нагрузку по ночам нес «мужской» 889-й полк. Но запомнились именно девушки.

Конечно, поддержание дисциплины на плацдарме иногда требовало и крутых мер. В мемуарах Гладкова есть упоминание о расстреле двух человек. Они растаскивали продукты, сброшенные самолетами, и при задержании схватились за автоматы. Полностью прекратить сокрытие части сброшенных продуктов не удавалось. Особенно это касалось передовой, где за мешками иногда приходилось пробираться почти к вражеским окопам. Легко было оправдать себя тем, что это «законная добыча». Очевидно, в аналогичных ситуациях такая проблема возникала неизбежно. Можно вспомнить, например, что творилось с расхищением сброшенного продовольствия немцами в Сталинградском котле. На Эльтигенском плацдарме удалось удержать ситуацию под контролем. Был создан небольшой запас продовольствия, который использовался в нелетные дни.

В общем, Гладков и его офицеры проявляли постоянную заботу о бойцах и одновременно жестко пресекали все, что могло подорвать боевой дух. В результате удалось в экстремальной ситуации сохранить высокую боеспособность войск до самого конца. Конечно же, это заслуга и самих бойцов, стойко переносивших выпавшие на их долю невзгоды.

Как комплимент звучат слова разведсводки штаба 5-го немецкого корпуса, относящиеся к оценке боевого духа десантников:

«Стойкость командиров всех степеней и поведение в бою рядовых даже в очень трудном для них положении»

нии значительно выросли. Наша пропаганда, даже в период критического положения, плохого снабжения, совершенно на них не действовала. Большевистская идеология является их убеждениями и укрепляется дальше, особенно после больших успехов, достигнутых Красной Армией в этом году. Только в последние часы сопротивления наша пропаганда могла как-то воздействовать на их психологию».

4.2 Немецкое решение ликвидировать Эльтигенский плацдарм

По оценке немецкого командования, наша подготовка к очередному наступлению под Керчью должна была занять не меньше десяти суток. Противник решил воспользоваться этой паузой и ликвидировать самое слабое звено — Эльтигенский плацдарм. К этому сухопутное командование подталкивали как очевидные общие соображения, так и постоянные призывы Адмирала Черного моря. Кизерицки, а после его гибели Бринкман регулярно докладывали, что блокада плацдарма обходится флоту слишком дорого и наступит момент, когда сил для ее поддержания не останется.

Альмендингер считал, что после начала наступления на Эльтиген наши войска на Еникальском плацдарме в любом случае нанесут удар, чтобы облегчить положение группы Гладкова. Командующий 5-м корпусом решил пойти на риск ради максимальной концентрации сил против Эльтигена. 98-я дивизия, державшая фронт у Керчи, временно оставалась без части артиллерии РГК, без авиационной поддержки и без единого штурмового орудия.

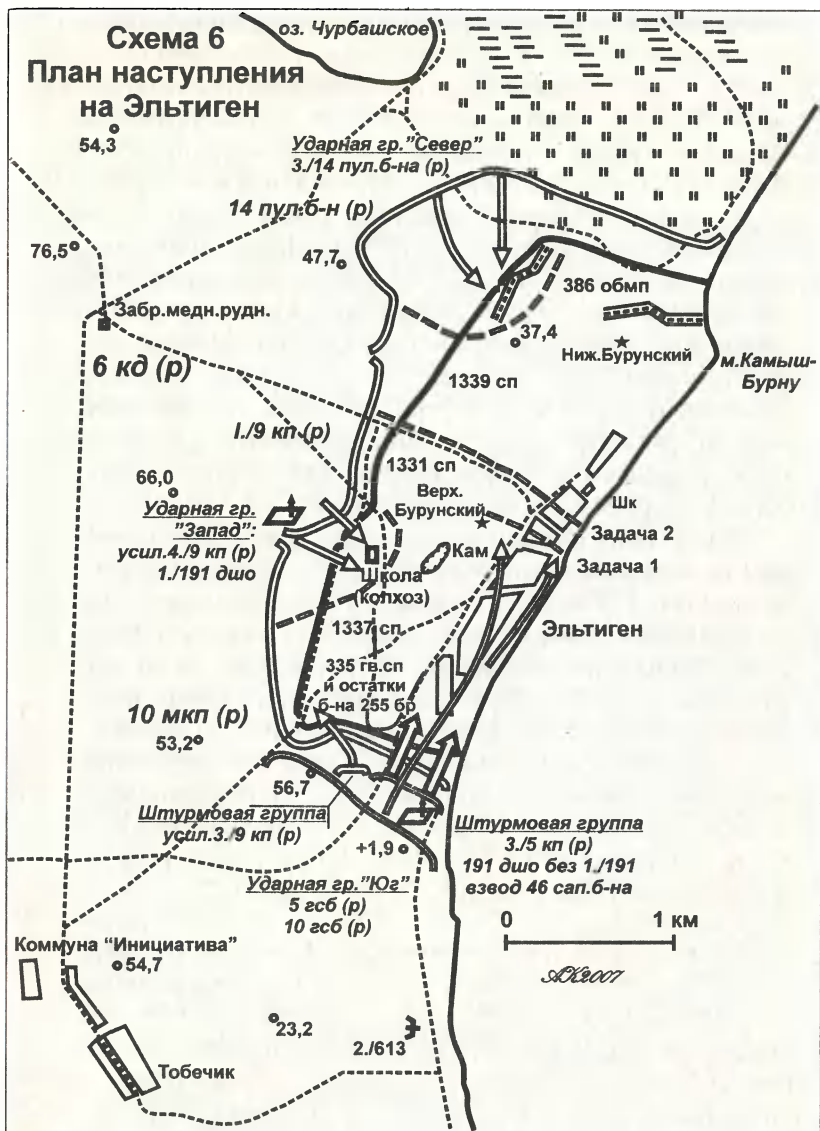
Решение о ликвидации плацдарма командир 5-го армейского корпуса принял еще 21 ноября, когда определилась неудача советского наступления под Керчью. Сложилась уникальная ситуация: против первоклассной, но истощенной блокадой 318-й дивизии можно было с

успехом использовать второсортные войска. Альмендингер решил побереечь немецкую пехоту. В роли пушечного мяса должны были выступить румыны. 22 ноября 6-я кд получила приказ о подготовке к наступлению, намеченному на 4 декабря. Для него были выделены следующие силы: 6-я кавалерийская дивизия в полном составе, 5-й горнострелковый батальон (3-й гсд), 10-й горнострелковый батальон (2-й гсд), 191-й дивизион штурмовых орудий в полном составе в сопровождении одного взвода 46-го отдельного саперного батальона, 3 огнемета с расчетами из 3-й румынской горнострелковой дивизии.

Для артподдержки и борьбы с нашей артиллерией через пролив выделялись, без учета полковой и батальонной артиллерии, 99 орудий (30 стволов 150–173 мм, 45 стволов 100–122 мм, 24 ствола 75–76,2 мм), в том числе береговая артиллерия флота. От ударов с воздуха ударную группировку прикрывали размещенные в районе Эльтиген — Камыш-Бурун четыре 8,8-см батареи, три 3,7-см батареи и две 2-см батареи 27-го зенитного артполка Люфтваффе. По штату это составляло 24 88-мм орудия, 27 — 37-мм и 24 — 20-мм автомата. Укомплектованность зенитных подразделений была близка к штатной, часто имелись сверхштатные зенитные автоматы. 88-мм орудия, как уже упоминалось, широко использовались для борьбы с наземными и морскими целями. Все орудия были хорошо обеспечены боеприпасами. Планировалась мощная авиационная поддержка.

При планировании операции немцами был допущен серьезный просчет в оценке численности нашей группировки. Штаб 5-го корпуса исходил из того, что в строю находится 2000 человек, то есть занизил численность почти в два раза. Радиопереговоры десантников с «большой землей» прослушивались, время от времени брались пленные, поэтому ошибка вызывает немалое удивление. В решимости десантников обороняться до последнего немцы не сомневались. Также отмечалось, что командир

Схема 6 **План наступления** **на Эльтиген**

(Гладков) полностью контролирует ситуацию на плацдарме.

План наступления выглядел следующим образом (схема 6). Главный удар наносился с юга вдоль берега, два вспомогательных — в центре с запада в направлении колхоза (школы)¹ и с севера в направлении высоты 37,4.

До начала наступления поисковые группы должны были захватывать пленных и вынудить защитников преждевременно расходовать боеприпасы. 149-й корпусной штаб артиллерии имел задачу организовать изнурение десантников артогнем, подавление батарей, обстрел мест выгрузки, с началом наступления — поддержку артогнем. Авиация должна была сорвать снабжение плацдарма по воздуху, поддержать наступление, расчистить воздух. На флот возлагалась блокада Эльтигена, патрулирование между Камыш-Буруном и Керченской бухтой.

Перед наступлением во вражеских войсках была проведена большая «политработа». Так, согласно боевому донесению 191-го дшв, каждому члену экипажа каждого штурмового орудия была разъяснена важность быстрой ликвидации плацдарма. Бойцам объяснили, что штурмовые орудия призваны сыграть решающую роль в ударе, указали поставленные каждому «штугу» цели.

1 декабря дата наступления (4 декабря) была сообщена командирам 6-й кавдивизии и 1-го авиакорпуса, а также Адмиралу Черного моря. Начало наступления было намечено на 06:00 (08:00 по Москве)², но 3 декабря перенесено на 05:00 (07:00). 1 декабря в рамках

¹ Важный в тактическом отношении объект в 1 км западнее центра поселка Эльтиген. В наших документах он назывался школой, в немецких — колхозом, а иногда — совхозом. По воспоминаниям Гладкова, на самом деле это был скотный двор.

² Здесь и далее после средневропейского времени, указанного в немецких документах, в скобках дано московское время (в период операции опережало средневропейское на 2 часа).

подготовки к удару начались налеты Не-111 по позициям и блиндажам на плацдарме, в основном — в южной части.

4.3 Подготовка к отражению удара

Советской стороне о планах ликвидации плацдарма впервые стало известно 28 ноября. Накануне ночью группа разведчиков взяла двух «языков» из 14-го румынского пулеметного батальона. На допросе они сказали, что ожидается подход свежих сил, в ближайшее время будет наступление. 30 ноября те же данные были получены от немецких пленных с двух БДБ, севших на мель у косы Тузла (об этой истории будет рассказано ниже). Впрочем, точная дата оставалась неизвестной. Лишь 3 декабря Гладков сообщил генералу Петрову: видимо, наступление начнется завтра.

2 декабря Петров передал радиограммой обращение к десантникам. В нем сообщалось о грядущем наступлении противника. Кроме того, командарм обещал помощь и требовал стойкости. Обращение было зачитано во всех подразделениях. Конечно, Петров понимал, что нормально снабжать Эльтиген не сможет. В то же время оставалась надежда, что десантники при поддержке артиллерии и авиации выдержат первые удары, а тем временем основные силы армии вырвутся с Еникальского пятачка на оперативный простор. Тогда немцам станет не до Эльтигена. Впрочем, сомнения в благополучном исходе были, поэтому 3 декабря Петров послал Гладкову достаточно пессимистическую радиограмму:

«...Рекомендую вам собрать военный совет, где решить, куда вам пробиваться. Помочь вам живой силой не могу. Артиллерия и авиация будут действовать по вашему указанию. Рекомендую маршрут через Камыш-Бурун, Горком на мыс Ак-Бурун».

Рекомендация маршрута была откровенно неудачной, поскольку путь проходил бы по усиленно обороняемому побережью. Гладков не показал радиограмму даже ближайшим помощникам, чтобы не подрывать боевой дух, и строго предупредил принимавшего радиограмму офицера о молчании. Перед комдивом встала страшная проблема: как быть в случае прорыва с многочисленными ранеными? На их эвакуацию надежды не было. И он ответил, что не может согласиться на прорыв. Однако завершил ответ словами: *«Посмотрим, что покажет первый день боя»*.

Итак, наше командование узнало о будущем наступлении на Эльтиген за 6 дней до его начала. Что же было сделано за это время? Во-первых, Петров полностью переключил на поддержку и снабжение плацдарма всю штурмовую авиацию. Основные усилия ночной авиации были направлены туда же. Во-вторых, он усилил давление на флот, требуя решительной борьбы с блокадой. В-третьих, была активизированы действия артиллерийской группы Малахова, поданы боеприпасы. Часть батарей, ранее отведенных с огневых позиций из-за отсутствия снарядов, возвратилась на место.

К 4 декабря в состав артгруппы входили 214-й, 251-й, 252-й, 253-й отдельные подвижные артдивизионы (опад) и 167-й отдельный артдивизион (все из состава береговой обороны ЧФ), а также артиллерия РГК — 1167-й апап и три батареи 1174-го иптап. Имелось 4 — 100-мм морских стационарных орудия, 30 — 152-мм гаубиц-пушек (в том числе 18 армейских), 35 — 122-мм пушек и 12 — 76-мм дивизионных пушек. Большая часть была сосредоточена в треугольнике Кротков — мыс Тузла — Гадючий Кут, а на косе Тузла находились только две 122-мм пушки батареи БП-688 251-го опад и 12 — 76-мм пушек 1174-го иптап. Часть подвижных батарей вообще не участвовала в декабрьских боях, так как снарядов на всех не хватило. 5 декабря была введена в строй БС-743 (три морских орудия 130/55), 7 декабря — БС-723 (два

130/50). Обе стационарные батареи входили в состав 167-го дивизиона и успели принять участие в боях.

ВВС ЧФ с приданной 214-й штурмовой авиадивизией (шад) после 7 ноября вплоть до 4 декабря по наземным целям в районе Эльтигена вообще не работали, если не считать ударов по запасным целям и по немецкой ПВО во время сброса грузов и налетов на Камыш-Бурун. Кроме того, вечером 15 ноября был проведен один налет на береговую батарею 2./613 в рамках подготовки к ночному морскому бою 15/16 ноября. Зато с конца месяца начала работать 230-я штурмовая авиадивизия. Воздушная разведка установила стягивание войск и артиллерии к Эльтигену еще до получения первых сведений о наступлении. Поэтому первые налеты (24 самолето-вылета) по батареям, скоплениям автомашин и войск 7-й гвардейский штурмовой авиаполк (гшавп) этой дивизии сделал еще 27 ноября. 28 ноября помешала погода, а с 29 ноября по 2 декабря «Илы» 230-й шад сделали 189 (188)¹ вылетов по наземным целям перед плацдармом, включая 4 самолето-вылета на подавление ПВО во время сброса грузов.

В это же время резко возросла активность истребительной авиации сторон в районе Эльтиген — Камыш-Бурун. Немецкие истребители пытались помешать снабжению Эльтигена и налетам на Камыш-Бурун, а также сопровождали бомбардировщики. Наша истребительная авиация активно противодействовала. Самые тяжелые воздушные бои прошли 2 декабря. Немецкие летчики отчитались о 23 сбитых советских самолетах (по журналу боевых действий 5-го армейского корпуса — даже о 25), зенитчики — еще о двух. Действительно, за день над Керченским полуостровом и проливом мы потеряли в

¹ Здесь и далее в скобках дано число самолетов-вылетов без учета не выполнивших боевое задание. Причиной невыполнения в подавляющем большинстве случаев были плохие метеословия или отказы матчасти.

воздушных боях 10 самолетов, еще 2 сели на вынужденную в чистом поле, один из них разбился. От зенитного огня погибли 2 самолета, еще 4 совершили вынужденную посадку вне аэродромов.

Наши истребители доложили о 16 сбитых и 2 подбитых самолетах, зенитчики — о 3 сбитых. С 30 ноября У-2 132-й ночной бомбардировочной авиадивизии (нбад) также подключились к бомбежке войск и артиллерии противника. В целом активность нашей авиации создала противнику определенные трудности, но помешать своевременному сосредоточению сил не смогла.

Ничего существенного не удалось сделать и флоту. Военный Совет ЧФ доложил, что к 30 ноября будет располагать торпедными катерами для ударов по БДБ. Военный Совет армии предложил флоту не позднее 1 декабря начать удары торпедными катерами и под их прикрытием подать в Эльтиген 100 тонн боеприпасов.

Пока же в проливе все шло своим чередом. 3-я группа высадки в ночь на 30 ноября из-за плохой погоды и отсутствия сил к Эльтигену не выходила. Немецкие баржи под утро обстреляли плацдарм. Но затем обычная рутина сменилась драматическими событиями. Южнее Эльтигена находилась группа лейтенанта-цур-зее Хольцберга (F341 и F574) из Феодосии. После дозора она должна была прибыть в Камыш-Бурун. Но по пути в базу баржи сбились с курса и оказались на мели у северо-западной оконечности косы Тузла. Хольцберг ошибочно считал, что оказался у Эльтигена, о чем и дал радиogramму. Правильно указать свое место он смог лишь с третьей попытки в 05:53 (07:53). К этому времени баржи уже находились под огнем наших батарей. Немцы предприняли несколько безуспешных попыток спасти своих людей, но сильный ветер согнал в проливе воду, и подойти на БДБ ближе 800 метров оказалось невозможно. В конце концов обер-лейтенант-цур-зее Бастианс отправился спасать людей на штурмботе. Когда тот подошел к борту F341, потерявшие самообладание мо-

ряки одновременно бросились на бот и перевернули его. Погибли все 4 спасателя и неизвестное число спасаемых.

Часть людей решила, что пересечь пролив при 4-балльном волнении безопаснее, чем оставаться под огнем. В 09:10 три резиновых лодки (примерно по 6 человек) и шлюпка-двойка (3 человека) отошли от барж. Дважды из Камыш-Буруна на помощь этим лодкам выходили БДБ, но наши батареи оба раза заставили их вернуться. В конце концов три моряка выбрались к своим, а 8 оказались на Еникальском полуострове и попали в плен.

Весь день батареи обеих сторон расстреливали баржи, чтобы те не достались противной стороне. К вечеру немецкие наблюдатели заметили трех человек на F341. Отправленные к ним трое спасателей на шлюпке бесследно исчезли. А трое с баржи под покровом темноты все же добрались до своих на шлюпке-двойке.

Вся эта драма протекала на фоне новых налетов на Камыш-Бурун. За день 11-я шад выполнила 24 (23) самолето-вылета Ил-2, в том числе 4 на подавление ПВО. Впервые с начала операции часть «Илов» несла бомбы ФАБ-250. В ходе атак немцы потеряли баржу F306 (два прямых попадания, по другим данным — два близких разрыва), а F304 получила серьезные повреждения в результате близкого разрыва. Наши группы были встречены сильным зенитным огнем и потеряли два Ил-2 (один из них совершил вынужденную посадку прямо на улице поселка Эльтиген), еще два штурмовика были подбиты, один из них сел вне аэродрома.

В этот день адмирал Бринкман решил в случае дальнейших потерь перебрасывать в пролив десантные баржи из западной части Черного моря в ущерб снабжению Крыма. Все было нацелено на поддержание блокады в те несколько дней, что оставались до наступления на Эльтиген.

Вечером 30 ноября контр-адмирал Холостяков выслал для осмотра севших на мель барж катера АКА-96 и

АКА-106 под командованием Пилипенко. В 18:50 Пилипенко обнаружил 3 БДБ, которые, как он заключил, охраняли сидевшие на мели баржи. В результате залпа РС с АКА-96 одна из барж загорелась и потом после серии взрывов затонула. Если АКА-96 действительно куда-то попал, то это была одна из барж на мели. Немецкие дозоры не пострадали и атаку не зафиксировали. По брошенным баржам ночью вела огонь немецкая артиллерия, так что пожар на одной из них, скорее всего, был вызван артогнем.

Сил для снабжения Эльтигена по-прежнему не было. 6 оставшихся в строю в Камыш-Буруне БДБ плотно блокировали плацдарм и под утро традиционно обстреляли его.

1 декабря командующий Черноморским флотом во исполнение боевого распоряжения Военного Совета Отдельной Приморской армии приказал:

«1) Командиру 1-й бригады торпедных катеров: а) начиная с 1 декабря систематическими ударами торпедных катеров по десантным баржам противника, блокирующим Эльтиген, обеспечить свободное плавание наших плавучих средств на коммуникации Кротков — Эльтиген; б) для проведения этих боевых действий, кроме торпедных катеров 1-й бригады, прилагаются все находящиеся в строю торпедные катера 2-й Новороссийской бригады торпедных катеров.

2) Командиру высадки 3-й десантной группы: а) одновременно с действиями 1-й бригады торпедных катеров организовать доставку эльтигенской группе не менее 100 т боезапаса; б) все находящиеся в строю торпедные катера и торпедные катера с реактивным вооружением передать в оперативное подчинение командира 1-й бригады торпедных катеров; в) продолжать постановку мин Р-1 на путях движения быстроходных десантных барж противника в проливе; г) артиллерии береговой обороны Керченской военно-морской базы и

приданной артиллерии Отдельной Приморской армии вести огонь по быстроходным десантным баржам противника.

3) Командующему военно-воздушными силами флота: а) в течение 1 декабря всеми наличными силами нанести удар по быстроходным десантным баржам противника в Камыш-Буруне; б) в дальнейшем последовательными ударами не допустить базирования быстроходных десантных барж и катеров противника в Камыш-Буруне».

Не все это можно было сделать в ближайшие дни. Последние два бронекатера 3-й группы высадки (БКА-306 и БКА-321) 30 ноября отправились на ремонт в Ейск¹, мины ставить было некому. Холостяков запросил у командующего ЧФ взамен хотя бы два бронекатера из Азовской флотилии. С торпедными катерами тоже вышла заминка. К утру 1 декабря в Геленджике сосредоточились 6 ТКА 1-й бригады (ТКА-13, ТКА-33, ТКА-43, ТКА-53, ТКА-83, ТКА-22), введенные в строй в южных базах. Они имели пока по одной торпедой. С 23 ноября в Геленджике также находились ТКА-41, ТКА-51 и ТКА-81, но они готовились к удару радиоуправляемым ТКА-41 по Камыш-Буруну и пока для действий в проливе не предназначались. На Азовском море к этому времени ни одного торпедного катера в строю не осталось. Три катера (ТКА-105, АКА-96, АКА-106) находились в строю в Тамани, они должны были войти в подчинение командира 1-й бригады.

В 14:45 30 ноября командир 1-й бригады торпедных катеров Филиппов получил приказ командующего ЧФ: не дожидаясь вторых торпед, выдвигаться в пролив. В 16:30 5 катеров вышли в море, а ТКА-43 из-за неисправности мотора остался в Геленджике. Из-за сложной минной обстановки отряд был задержан у Соленого озера, а с ухудшением погоды отошел в Анапу.

¹ Оба введены в строй к началу Митридатской операции.

Надежда оставалась только на авиацию. Как раз установилась благоприятная погода. 11-я штурмовая авиадивизия и 40-й полк пикирующих бомбардировщиков (пбап) с утра до вечера наносили удары по Камыш-Буруну. Бомбардировщики Пе-2 произвели 3 налета — 23 (22) самолето-вылета. «Илы» выполнили 27 самолето-вылетов для ударов по баржам и еще 5 на подавление ПВО в порту. Все группы встречал сильный огонь с земли, одна из групп Пе-2 была атакована парой Ме-109. «ЛаГГи» 25-го истребительного авиаполка (иап), сопровождавшие группу, доложили о сбитом «мессере», но в результате немецкой атаки один Пе-2 взорвался в воздухе. Зенитным огнем были сбиты 4 Ил-2, еще два штурмовика получили незначительные повреждения. Были подбиты 2 Пе-2, из них один дотянул до аэродрома, а второй сел на вынужденную в чистом поле. Еще один Пе-2 был поврежден осколками.

Потери оказались довольно тяжелыми, но результаты оправдывали их. Удалось потопить F573, вывести из строя F472 и F340, серьезно повредить F559 (переведена в категорию ограниченно боеспособных). Камыш-Бурунский порт превратился в свалку битой техники. В строю остались лишь две БДБ (F333 и F369).

Окончательно вывести Камыш-Бурун из игры мешало то, что обе штурмовые дивизии 4-й воздушной армии в налетах не участвовали. 230-я шад работала по войскам и артиллерии вокруг Эльтигена. Среди результатов ее атак оказался и вывод из строя одного 173-мм орудия на батарее 2./613. 214-я авиадивизия, а с вечера еще и 210-й полк 230-й штурмовой авиадивизии снабжали Эльтиген, сделав 63 (62) самолето-вылета и сбросив 9100 кг грузов.

1 декабря довольно активно действовали наши батареи. Накануне поступили 252 100-мм снаряда, общее их количество было доведено до 485 штук. С боеприпасами для подвижных батарей дело обстояло гораздо хуже — 122-мм снарядов имелось 79 штук, а 152-мм — всего

4 штуки. 100-мм батареи БС-640 и БС-663 выпустили (главным образом, по севшим на мель баржам) 297 снарядов, еще 22 выстрела сделала 122-мм батарея БП-720. В результате ответного огня на батарее БС-640 вышли из строя оба орудия и 5-метровый дальномер.

Гладкову срочно требовались новые аккумуляторные батареи для раций. Холостяков отправил шлюпку-шестерку на буксире у АКА-96. Катеру удалось проскочить на Эльтигенский рейд вечером до начала блокады. Дальше шлюпка с аккумуляторными батареями и шестью сопровождающими дошла на веслах до плацдарма, где и осталась. АКА-106 высадил на торчавший в проливе остров транспорта «Чехов» разведгруппу из трех человек для наблюдения за десантными баржами. При возвращении катер ударился о затонувшее судно и вышел из строя. Далее для доставки разведчиков на косу Тузла (они должны были осмотреть севшие на мель баржи) пришлось использовать АКА-96. Он подошел к косе, насколько позволяла осадка, а остаток пути разведчики проследовали на резиновой лодке.

Поскольку в Камыш-Буруне остались только две исправных десантных баржи, Бринкман вынужден был в ночь на 2 декабря послать в пролив 5 «раумботов». Этой ночью против немецкого флота впервые были использованы самолеты У-2. Немецкие дозоры в проливе время от времени обстреливали бипланы, летавшие на сброс грузов в Эльтиген. Вот и в этот раз в 20:40 один из У-2 889-го ночного легкого бомбардировочного авиаполка (нлбап), возвращаясь от Эльтигена, был поврежден огнем с катеров. Командир 132-й нбад приказал наказать врага. За ночь 889-й полк сделал 74 самолето-вылета на сброс грузов (сброшено 7200 кг продовольствия) и 15 самолето-вылетов (5 экипажей по 3 вылета) для борьбы с плавсредствами.

Основные усилия 46-го авиаполка были направлены против войск и огневых точек, но и этот полк сделал 18 самолето-вылетов по морским целям. Выглядело это так:

У-2 время от времени сбрасывали САБы, после чего «раумботы» вынуждены были давать ход и расходиться в разные стороны (обычно в дозоре они стояли на стопе и прослушивали гидрофонами, не подходят ли наши катера). Вслед им летели бомбы АО-25 и АО-2,5 с бипланов. В 05:05 один из экипажей 889-го полка наблюдал прямое попадание в катер. В действительности «раумботы» не пострадали, однако из-за постоянных атак с воздуха отказались от запланированного обстрела плацдарма.

Утром по уходившей в Феодосию немецкой группе сделали 18 (16) вылетов «Илы» 11-й шад. Отход раумботов прикрывали немецкие истребители. В докладах ведущих групп наших штурмовиков вообще не упоминается присутствие вражеской авиации. Видимо, немцы по обыкновению и не пытались противодействовать, а ждали, когда после атаки кто-нибудь отстанет. Но штурмовики ушли организовано, а вот ведущий истребителей сопровождения 2-й группы «Илов» (6 ЛаГГ-3 25 иап) потерял управление своей группой. В результате ас из 6./JG52 лейтенант Х. Липферт последовательно сбил 3 ЛаГГ-3.

2 декабря 230-я шад, как и накануне, работала по войскам противника у эльтигенского плацдарма. 214-я дивизия и часть сил 210-го полка сбросили около 11 т грузов десантникам, сделав 58 (49) самолето-вылетов и еще 18 вылетов — на подавление ПВО во время сброса. До ухудшения погоды 11-я шад смогла направить против Камыш-Буруна всего одну группу (6 Ил-2), которая нанесла безрезультатный удар.

Адмирал Холостяков запланировал операцию по снабжению Эльтигена — удалось ввести в строй несколько плавединиц. В Тамани к выходу готовились два армейских парома с двумя РТЩ в качестве буксировщиков, 3 бота ПВО и 2 десантных бота. Ждали только торпедных катеров из Анапы, но они из-за погоды так и не прибыли. Поэтому выход перенесли.

Блокаду Эльтигена в ночь на 3 декабря осуществляли 3 БДБ (включая ограниченно боеспособную F559) и

3 «раумбота» при поддержке двух торпедных катеров. Ночью дозорные группы подвергались атакам У-2 (13 самолето-вылетов с этой целью). Перед уходом в базы «раумботы» и ТКА обстреляли плацдарм.

Весь день 3 декабря была нелетная погода, штормило. К Эльтигену с грузами снова никто не вышел, торпедные катера Филиппова так и не смогли перейти в пролив. Защитники Эльтигена оставались на скудном пайке, сбрасываемом самолетами. Раздраженный Петров устроил настоящий разнос Холостякову. После этого контр-адмирал передал командующему флотом адмиралу Л. А. Владимирскому шифrogramму следующего содержания:

Командующий Черноморским флотом в 1943 году
Л. А. Владимирский

«Генерал армии Петров сегодня по прямому проводу указал мне, что серьезного желания у флота выполнять задачу не имеется, обвиняет меня в стремлении не выполнять задачу, ссылаясь на объективные причины. Сейчас погода не позволяет выходить на выполнение задач. Филиппов донес, что выйти не может».

Чтобы перебросить в течение ночи как можно больше грузов, на аэродром 889-го полка были переброшены 10 У-2 46-го полка. Всего бипланы сделали 144 самолето-вылетов с грузами, сбросив около 14 200 кг продовольствия.

Бринкман считал, что в ночь на 4 декабря будет попытка провести к плацдарму большой конвой. Поэтому

для блокады вышли все 6 боеготовых торпедных катеров. Один из них из-за неисправности вернулся, а остальные прибыли к Эльтигену и в 18:40 (20:40) начали обстрел плацдарма. На этот раз «шнельботы» не остались безнаказанными. Как и в прошлые ночи, полеты на сброс грузов обеспечивали несколько «противока-терных» экипажей У-2 46-го гвардейского нлбап (9 самолето-вылетов). Подсветив место атаки САБами, они сбрасывали ФАБ-50. Наблюдались прямые попадания в два катера. В действительности в 21:10 осколками на S49 был выведен из строя один мотор, разбит главный компас, один человек получил легкое ранение. Поврежденный «шнельбот» вошел в строй только 8 декабря, когда ему поставили новый компас.

ТКА-105 и АКА-96 выходили снимать разведчиков с остова транспорта «Чехов». После выполнения задания они несколько раз встречались с противником. АКА-96 дал два безрезультатных залпа РС, а торпедный катер выпустил одну торпеду, которая взорвалась на берегу.

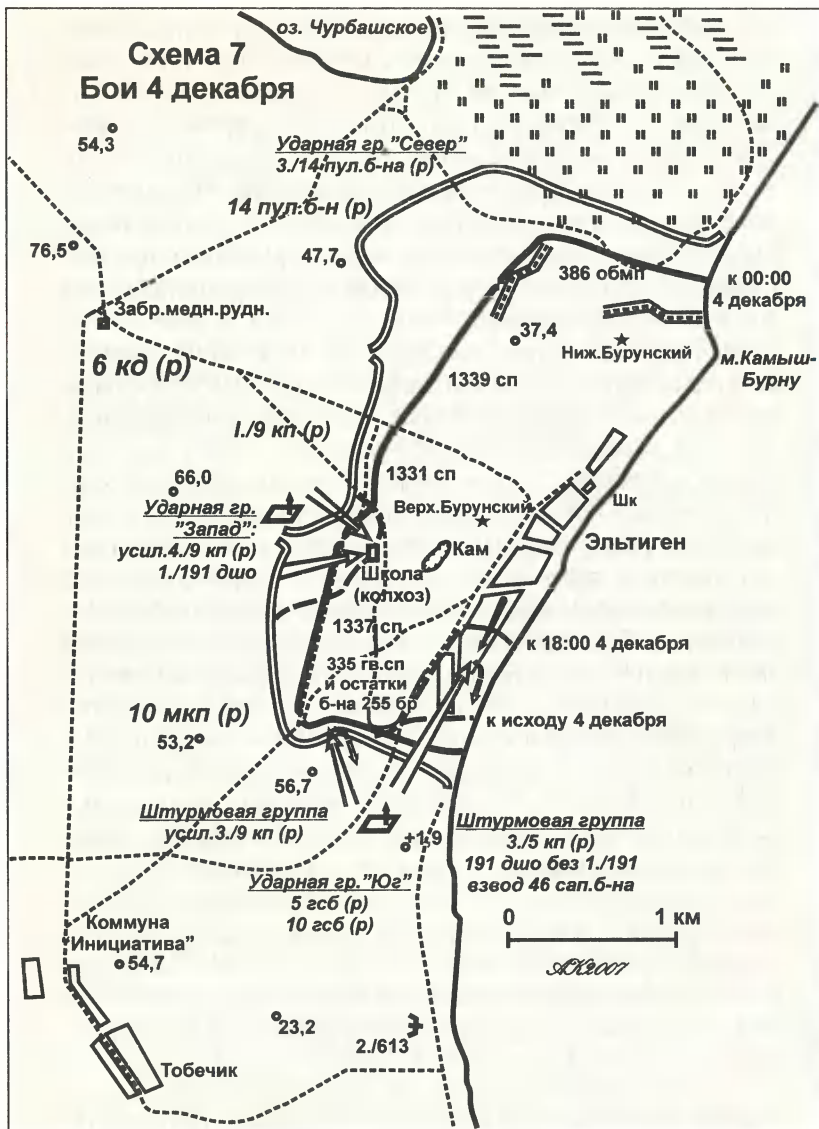
Так флот и авиация провели последние дни перед наступлением на Эльтиген. Единственным достижением 3-й группы высадки оказалась доставка аккумуляторных батарей на шлюпке. В то же время авиация смогла почти полностью вывести из игры Камыш-Бурунскую группировку БДБ, а также доставить десантникам некоторое количество грузов. Но удары по изготовившимся к атаке войскам нужного эффекта не дали.

5. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЭЛЬТИГЕНСКОГО ПЛАЦДАРМА

5.1. 4 декабря

Около 6 часов утра 4 декабря артиллерия противника открыла ураганный огонь по Эльтигенскому плацдарму. С 06:40 авиация начала усиленно «долбить» позиции

Схема 7 **Бои 4 декабря**

десантников. Бомбардировщики наносили удары практически по всем значимым целям, включая КП дивизии. Над плацдармом завязались ожесточенные воздушные бои. В 07:00 (по нашим данным, в 06:50) началось наступление.

Противник сформировал три ударные группы (схема 7). Основной удар наносила группа «Юг» вдоль моря, группа «Запад» должна была захватить колхоз (школу) в центре, группа «Север» наносила отвлекающий удар в направлении высоты 37,4.

Штурмовые орудия в сопровождении взвода саперов (для преодоления минных полей и препятствий) с усиленным 3-м эскадрон 5-го румынского кавалерийского полка прорвали фронт 335-го полка и продвинулись вдоль берега на север примерно на километр. При этом пехота постоянно отсекалась огнем и прижималась к земле. Штурмовые орудия многократно возвращались назад, пытаясь повести за собой румын. Однако каждый раз в атаку поднималась только небольшая часть бойцов, которые шли в атаку, прячась за корпусами «штугов».

Основные силы румын, которые должны были наступать за первой группой, залегли под фланкирующим огнем нашего узла сопротивления севернее высоты 57,6 (там оборонялся 2-й батальон 335-го полка). Атаки против этого опорного пункта были отбиты.

В центре плацдарма атака с запада на колхоз (частично «танковым» десантом на штурмовых орудиях) вскоре захлебнулась. Правда, «штуги» ворвались в колхоз, но наши бойцы отсекали румынскую пехоту огнем, и штурмовые орудия отползли назад. В середине дня они были выведены из боя и переброшены на южный участок. Пехота закрепилась на западной окраине колхоза.

Ударная группа «Север» из-за сильного, как показалось румынам, огня с высоты 37,4 даже не смогла подняться в атаку. Ее участие в событиях дня на этом закончилось. Нужно напомнить, что защитники Эльтигена

испытывали острый недостаток боеприпасов и поэтому вынуждены были расходовать их очень экономно.

В 9 часов утра командир 5-го армейского корпуса Альмендингер прибыл в Сараймин, чтобы иметь возможность оперативно реагировать на ситуацию у Эльтигена. К 4 часам дня немцы оценивали обстановку так: русские ослаблены и измотаны огнем артиллерии и налетами, однако успехов практически нет, так как румынская пехота не идет за штурмовыми орудиями. Задачи первого дня выполнены не будут; желательно использовать один немецкий батальон. Если завтра успеха не будет, возможно, придется привлечь к атаке группу Мариенфельда. Впрочем, на эту группу претендовала и 98-я пехотная дивизия, которая отражала наступление под Керчью.

Сила сопротивления десантников произвела впечатление на командование 17-й армии. Начальник штаба армии даже предложил прекратить операцию, если есть ощущение, что она не приносит успеха.

Наша штурмовая авиация весь день буквально висела в районе плацдарма. Хотя в тот же день началось наступление Приморской армии под Керчью, основные усилия авиации пришлось на Эльтиген. Здесь штурмовики сделали 196 (189) самолето-вылетов по войскам противника, а под Керчью — только 38. Кроме того, впервые с начала операции были использованы днем 14 бомбардировщиков «Бостон». Несмотря на интенсивную работу зенитной артиллерии и участие истребительной авиации, противник весь день сильно страдал от атак с воздуха. Немецкие и румынские бомбардировщики сделали 122 самолето-вылета, но средняя бомбовая нагрузка на самолет у противника была значительно выше, чем у нас. За день было сброшено (видимо, в том числе под Керчью) 118,6 тонн бомб. Наши штурмовики и бомбардировщики ответили 63,8 тоннами. Впрочем, нужно учитывать, что «Илы» плюсом к бомбовой нагрузке израсходовали у Эльтигена около 550 РС, 23 тысячи авиационных снарядов и 65 тысяч патронов.

Артиллерия с Таманского берега с утра активно участвовала в отражении атак. Но к полудню у группы Малахова закончились снаряды. Очевидец (начальника штаба 195-го горного минометного полка майор П. П. Молибога) сделал в тот день следующую запись:

«Наша артиллерия с Тамани ведет интенсивный огонь, но к 12-00 уже не стало 122-мм снарядов. Зуйков просит огня, а командующий артиллерией 20 дск полковник Собанов не смог дать такового. При мне послали 6 машин в Старотитаровку за снарядами. Вот так готовились?!».

Майор возмутился бы еще больше, если бы узнал, что произошло с этими машинами. Вот запись переговоров командарма Петрова по прямому проводу:

«У аппарата Долгов [начальник штаба 20-го корпуса].

Петров: — ...Как со снарядами?

[Долгов:] — Крайне необходимы 122-мм, которых совершенно не осталось. 152-мм пушки снаряды имеют, но до нужных целей не достают. Холостяков направил за снарядами для Малахова 18 автомашин, но они еще не вернулись... Из-за отсутствия снарядов используются только две 152-мм. Автомшины, посланные за боеприпасами, задержаны дорожным отделом Армии, который заставил их в Вышестеблиевской возить песок».

В другом разговоре по прямому проводу упоминается, что для 122-мм пушек снаряды есть «где-то в вагонах, Холостяков приказал их искать». Как отголосок возникшего скандала звучат слова флотских оперсводок о том, что боезапас непрерывно поступает со складов.

Такая подготовка не может не удручать. За 6 дней, имевшихся до начала наступления, не смогли подвезти

боеприпасы, хотя они имелись! Наше счастье, что 4 декабря была летная погода, и авиация смогла обеспечить непрерывное воздействие на атакующие войска.

Противник за день израсходовал под Эльтигеном 236,5 тонн боеприпасов (не считая флота и 9-й зенитной дивизии) — 120 840 патронов, 3750 мин и 7766 снарядов (в том числе «штуги» — 1981). На каждое из 20 исправных к утру штурмовых орудий пришлось почти по 100 выстрелов — около двух боекомплектов! К утру следующего дня в строю остались 15 штурмовых орудий, то есть было выведено из строя не менее пяти — а возможно, и больше, если были введены в строй «штуги», ранее находившиеся в ремонте или подбитые в течение этого дня.

С наступлением темноты румынские горные стрелки благодаря прибывшей с центрального участка 1-й батаре 191-го дивизиона штурмовых орудий смогли продвигаться вслед за ударной группой. Впрочем, и сама ударная группа смогла удержать за собой лишь треть той территории, которую днем «проутюжили» штурмовые орудия. В темноте «штуги» были отведены на исходные позиции, а румынская пехота встретила сопротивление отдельных групп советских бойцов и продвинулась вглубь плацдарма всего на 300 метров.

К исходу первого дня десантники удержали практически все позиции. Однако обострилась нехватка боеприпасов, части понесли тяжелые потери. В бой пришлось бросить даже единственный резерв — учебную роту (50 человек). К счастью, ночью ее удалось снова вывести в резерв. Территория плацдарма в результате непрерывных обстрелов и бомбардировок оказалась во многих местах буквально перепахана, траншеи разрушены или засыпаны. Днем из-за вражеского огня было временами невозможно передвигаться, линии связи постоянно рвались. Все это затруднило управление боем. Командный пункт дивизии в течение дня подвергался

ударам бомбардировщиков и уцелел практически чудом. За ночь упорным трудом многое удалось восстановить, КП был перенесен на северную окраину поселка. На центральном участке, где ожидался основной удар, саперы поставили дополнительные противотанковые мины. Поскольку 335-й гвардейский полк понес большие потери, на юг были переброшены рота 386-го батальона и часть сил 1337-го полка.

Когда в темноте бои затихли, Гладков собрал командиров. Было понятно, что шансов удержать Эльтиген осталось немного. Комдив ознакомил офицеров с решением прорываться с плацдарма. При обсуждении ситуации мнения разошлись. Часть командиров настаивала на продолжении обороны, так как здесь была обеспечена поддержка артиллерией. Другие предлагали прорываться к партизанам. Но большинство склонялось к решению пробиваться на соединение с основными силами Приморской армии.

Прорыв был назначен на вечер 5 декабря. Оставался самый тяжелый вопрос — о раненых. Вот как описывает момент принятия решения сам В. Ф. Гладков:

«В тот же миг я встретился взглядом с начальником санитарной службы. В глазах Чернова было столько муки и беспокойства, что в душе все перевернулось.

— Как быть с ранеными? — взволнованно спросил он.

— Раненые пойдут с нами. Все, кто сможет идти.

— А кто не сможет?..

За всю мою долгую военную службу ни до той ночи, ни после нее мне не приходилось принимать более тяжелого решения. Советоваться тут было невозможно. Разделить такую страшную ответственность было не с кем. Всю ее тяжесть должен был взять на себя старший начальник „огненной земли”.

— Пойдут все, кто способен идти. Нести с собой тяжелораненых десант не сможет».

Затем Гладков, как мог, постарался смягчить ситуацию: *«У нас в распоряжении сутки, может быть, немного больше. За это время командование примет все меры для эвакуации раненых. Возможно, подойдут корабли»*. Конечно, он понимал, что полная эвакуация тяжелораненых маловероятна. Но пытался успокоить других — а, возможно, и себя самого. Какого-либо выхода из этой ситуации просто не было.

Штаб 3-й группы высадки, рассчитывая на прибытие торпедных катеров, готовил в ночь на 5 декабря операцию по снабжению Эльтигена. К вечеру в Кроткове сосредоточился отряд лейтенанта В. С. Синенко (командир отряда ботов ПВО) — АКА-86, ПВО-21, ПВО-25, ПВО-28, ПВО-29, РТЩ-105, РТЩ-398, РТЩ-415, а также груженные боеприпасами ДБ-5 и паромы № 3 и № 7 (из сдвоенных дюралевых понтонов).

По замыслу отряд торпедных катеров прогонял десантные баржи, затем тральщики-буксировщики доставляли паромы и десантный бот к плацдарму. Выход обеспечивала авиация и артиллерия. Поскольку море несколько успокоилось, долгожданный отряд торпедных катеров (капитан 3 ранга Довгай) наконец вышел в пролив «морским фарватером» (рекомендованный курс вдали от берега в обход немецких и наших заграждений). На переходе из-за тряски на большой волне вышли из строя моторы на ТКА-13 и ТКА-53, они остались в Анапе. В Кротков прибыли 4 катера (ТКА-33, ТКА-43, ТКА-22, ТКА-83), каждый с двумя торпедами на борту.

«Адмирал Черного моря» поставил задачу категорически воспретить снабжение Эльтигена. Ради этого он снял со снабжения Крыма очередные 6 БДБ. Ночью с 4 на 5 декабря они под командованием обер-лейтенанта Тьяркса должны были блокировать плацдарм. На головной БДБ F342 в море вышел лично начальник морской обороны Кавказа капитан-цур-зее Граттенауер. До подхода этих барж из Феодосии блокаду должна была поддерживать

камыш-бурунская группа лейтенанта-цур-зее Бендера (3 БДБ). С юга баржи подстраховывали «раумботы» R37, R196 и R208.

Довгай, прибыв в Кротков в 18:30, уточнил задачу и через полчаса вышел в пролив, получив в подкрепление ТКА-105 без торпед. В девятом часу группа Бендера была обнаружена и атакована. Катера безуспешно выпустили 6 торпед (еще одна не вышла по неисправности). После этого ТКА-43, ТКА-33 и ТКА-22 ушли в Анапу, а Довгай остался с ТКА-83 и ТКА-105, имея на двоих одну торпеду.

Хотя торпедный удар не дал результатов, в 21:25 отряд Синенко получил приказ выходить. При выходе на рейд паром № 7 с 9 тоннами боеприпасов затонул из-за сильной течи. Его буксировщик (РТЩ-105) остался, а остальной отряд двинулся 4-узловым ходом. Синенко на АКА-86 ушел вперед на разведку.

В это время подошли баржи из Феодосии, а группа Бендера ушла в дозор к Камыш-Буруну. В 00:25 наш конвой подошел к Эльтигенскому рейду. Дальнейший путь перекрывали 6 БДБ. Синенко на АКА-86 и боты ПВО атаковали их, несмотря на большое неравенство в силах, а ДБ-5 и РТЩ-398 с понтоном двинулись напролом к месту высадки. Завязался ожесточенный бой.

Полностью связать противника боем не удалось. Речной тральщик и паром были расстреляны и затонули в 200 метрах от берега. Пользуясь общей неразберихой, ТКА-83 выпустил по баржам последнюю торпеду, наблюдалось попадание — к сожалению, ошибочно. В бою пострадали катера ПВО-28 и РТЩ-415. Но усилия и жертвы все же не пропали даром. Десантный бот ДБ-5 проскочил к берегу, выгрузив 4200 кг боеприпасов и 12 человек. Забрав 19 раненых и 7 командированных, бот со второй попытки смог обойти вражеский дозор и пришел в Кротков. Он стал последним катером, доставившим грузы в Эльтиген.

У немцев огнем ботов была повреждена и имела потери в личном составе F342, ранение получил и командир группы Тьяркс. Подбитая баржа ушла в Камыш-

Бурун, а Граттенауер перешел на F395 и возглавил оставшиеся БДБ. Но столкновений больше не было. Немцы остались в уверенности, что к Эльтигену не прорвался никто. По этому поводу моряки даже получили особую благодарность от командующего 17-й армией.

Итоги ночи оказались для нас малоутешительны. Торпедные катера, которых так ждали, ничего не добились. Хотя считалось, что ТКА-83 удалось потопить одну баржу, было очевидно, что отогнать вражеские дозоры не удалось. Несколько тонн, доставленных ДБ-5, ситуацию не меняли, хотя для десантников и эти боеприпасы были как глоток воздуха.

Выход отряда Синенко обеспечивался ночной эскадрилей 62-го иап, которая с 18:30 до 22:15 сделала 11 самолето-вылетов (9 И-15 и 2 И-153) на подавление огневых точек и прожекторов. Один И-15 был подбит зенитным огнем, но благополучно приземлился на своем аэродроме. Бипланы ночных полков 4-й воздушной армии за ночь сделали 94 самолето-вылета на снабжение Эльтигена и сбросили 9300 кг продовольствия.

Утром 5 декабря произошло «наказание невиновных». Три «раумбота», которые в ночном бою не участвовали, отходили в Феодосию без истребительного прикрытия — все самолеты были заняты под Эльтигеном и Керчью. В 07:45 вражеский отряд обнаружила в Феодосийском заливе утренняя пара «Киттихауков» 30-го разведывательного авиаполка (рап). Наши разведчики действовали с традиционной для 3-й эскадрильи 30-го рап энергией. Они сделали 4 захода на штурмовку и наблюдали пожар на головном «торпедном катере». Хотя повреждения на R37 оказались незначительными, три человека получили тяжелые ранения.

5.2. 5 декабря

За ночь противник перестроил ударные группы. Теперь главный удар наносился в центре, с запада

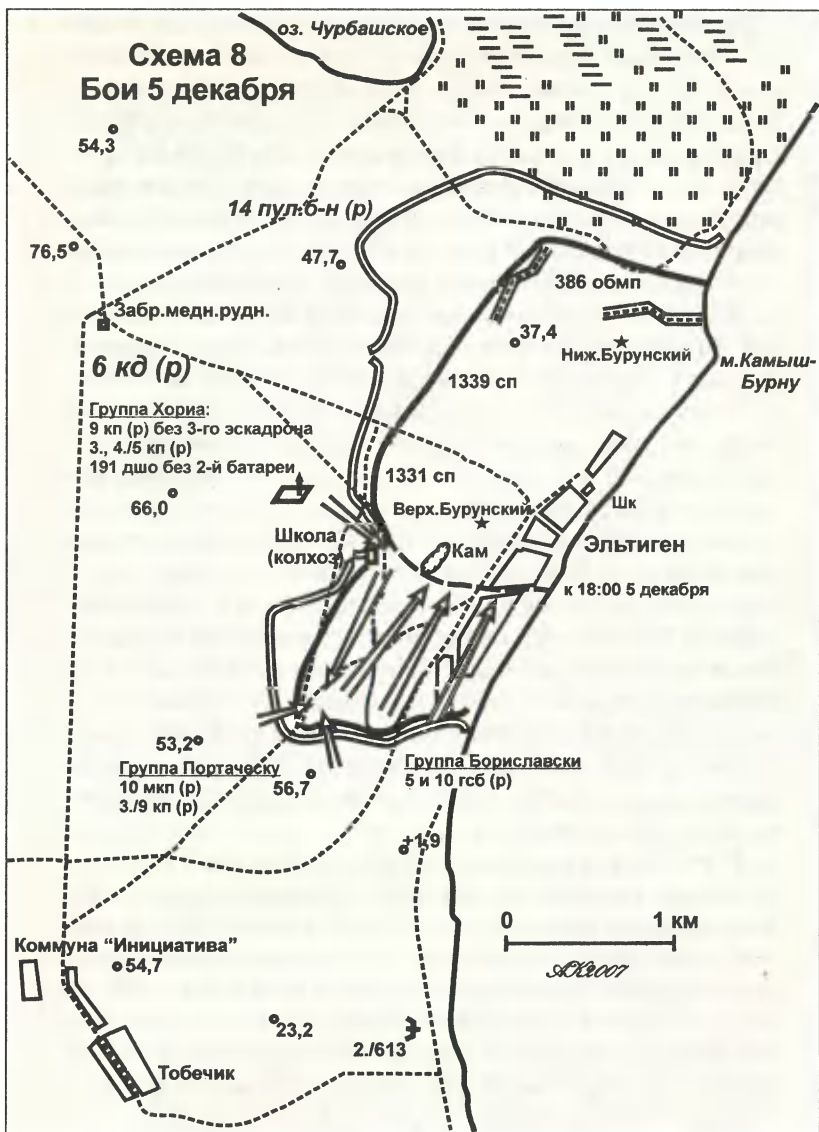
на восток (состав групп см. на схеме 8). 14-й пулеметный батальон румын, накануне показавший полное отсутствие наступательного порыва, активных задач не получил. 2-ю батарею штурмовых орудий (самую слабую, всего 3 «штуга») пришлось перебросить под Керчь.

Утро 5 декабря началось с мощной артподготовки. Впервые в ней участвовали 210-мм гаубицы и реактивные установки 280/320 мм. В 07:00 (09:00) противник пошел в атаку. Один эскадрон группы Хориа был посажен на броню «штугов», но под огнем румыны практически сразу спрыгнули и залегли. Тем не менее «штуги» без пехоты дошли до каменоломен в 500 м восточнее колхоза. За ними вновь поднялась пехота. Поредевший и засыпаемый снарядами 1337-й полк с трудом сдерживал натиск. Чтобы подбодрить бойцов, в траншею пошел командир полка Блбулян и наравне с солдатами отражал атаки огнем из автомата. Большую помощь в отражении атак оказывали наши штурмовики.

В 13:10 (15:10) штаб 5-го армейского корпуса получил приказ Енеке продолжать наступление, не считаясь с потерями. В основу этого решения легло несколько преувеличенное донесение флота о том, что ночью с 4 на 5 декабря на плацдарм не прорвался ни один катер. Отсюда следовало, что с боеприпасами у десантников совсем плохо. Как бы робко ни атаковали румыны, но расходовать боеприпасы по ним придется. И недалек тот час, когда русским будет нечем стрелять.

Между тем атаки продолжались. Прорвавшиеся штурмовые орудия повернули на юг и ударили с тыла по нашему узлу сопротивления в юго-западной части плацдарма, севернее высоты 56,7. Здесь оборонялся 1331-й полк, который фланкирующим огнем сдерживал продвижение вдоль берега группы Бориславски и успешно отражал лобовые атаки группы Портаческу. После удара штурмовых орудий с тыла полк был вынужден оставить свои позиции. Теперь у противника появилась возможность начать наступление на маячную высоту.

Схема 8 **Бои 5 декабря**

В середине дня ударные группы были переформированы. Во вновь созданную группу Паса (командир 5-го кавалерийского полка) вошли 9-й кавполк, 4-й эскадрон 5-го кавполка, 1-й и 3-й эскадроны 10-го мотокавалерийского полка, 14-й пулеметный батальон, 3-я батарея 191-го дшо. Группа Портаческу теперь состояла из 10-го мотокавалерийского полка (без двух эскадронов), 5-го горнострелкового батальона и 1-й батареи 191-го дшо. У Бориславски остался только 10-й горнострелковый батальон.

Наступление возобновилось в 14:30, а к 16:00 вся южная часть плацдарма перешла в руки врага, несмотря на ожесточенное сопротивление наших бойцов. 1337-й полк к исходу дня отошел в третью траншею, которая тянулась вдоль западной окраины поселка Эльтиген. От позиций полка до пристани оставалось чуть больше километра. Вечером противник применил огнеметы.

Наша ударная авиация 5 декабря полностью переключилась на Эльтиген, хотя продолжалось наступление под Керчью. Штурмовики сделали 182 (181) самолето-вылета по войскам противника и оказали большую помощь в отражении атак, заплатив за это четырем сбитыми и тремя подбитыми «Илами». Положение с боеприпасами у десантников вынудило снова привлечь штурмовики к доставке грузов. В 13 самолето-вылетах они сбросили 1900 кг боеприпасов, потеряв от зенитного огня один самолет.

Еще 24 (23) самолето-вылета Ил-2 и 12 (11) Пе-2 пришлось на удары по баржам в Камыш-Буруне. В течение нескольких часов F305 и F369 получили по 5 прямых попаданий бомбами и затонули, F447 загорелась от единственного прямого попадания. Три человека с большим риском для жизни вывели ее на середину гавани и потушили пожар, несмотря на взрывающиеся время от времени боеприпасы. Баржа осталась на плаву, но полностью вышла из строя.

Столь результативные налеты (попало в цель 7,3% сброшенных бомб — 11 из 150) проходили под сильнейшим

зенитным огнем. Были подбиты и совершили вынужденные посадки три Ил-2 (один из них разбился) и один Пе-2. «Мессершмитты» находились в воздухе, но помешать попытались всего один раз, да и то безуспешно.

В целом немецкие истребители не смогли помешать работе нашей ударной авиации. Из заявленных 27 сбитых самолетов (1 «Бостон», 12 Ил-2 и 14 истребителей) они реально сбили всего один Ил-2 (еще один совершил вынужденную посадку успешно), а также 4 истребителя (еще один разбился при вынужденной посадке). Зенитная артиллерия при 15 заявленных успехах сбила 4 «Ила» и один ЛаГГ-3, один Пе-2 и 6 Ил-2 были подбиты и сели на вынужденную (из них один разбился).

«Бостоны», учитывая потери предыдущего дня, было решено использовать после наступления темноты. Они сделали 17 самолето-вылетов двумя группами, еще один бомбардировщик разбился при взлете.

В отличие от авиации, батареи с Таманского берега не показали заметных результатов. 152-мм артиллерия почти не доставала до противника, имелись случаи падения снарядов на свои войска или в воду перед плацдармом. Батареи получали в основном снаряды ОФ-530, обеспечивавшие меньшую дальность, чем ОФ-540. Впрочем, ускоренный износ матчасти привел к тому, что и ОФ-540 уже не доставали до врага. Поэтому огонь вели в основном 122-мм и 100-мм пушки. Первые испытывали нехватку снарядов и также не покрывали всю тактическую глубину войск противника. Дальнобойные стационарные 100-мм орудия доставали повсюду и были достаточно обеспечены боеприпасами, но их имелось всего четыре. В течение дня на двух из них артогнем противника были выведены из строя прицелы. Правда, к вечеру впервые открыла огонь только что закончившая установку 130-мм морская стационарная батарея БС-743. Ее дальнобойности хватало для борьбы с любыми целями в районе Эльтигена, но в ней имелось всего три орудия.

5-й армейский корпус израсходовал под Эльтигеном 150,5 тонн боеприпасов, в том числе штурмовые орудия 1023 снаряда. Учитывая, что к утру 5 декабря перед плацдармом были 12 исправных «штугов», расход на орудие получился немногим меньше, чем накануне. За день были выведены из строя не менее 5 штурмовых орудий. Авиация в 14 вылетах He-111 и 102 Ju-87 сбросила на оба плацдарма 76,6 тонн, уступив на этот раз нашей (80,2 тонны).

В 18:00 Гладков сообщил Петрову:

«К исходу дня противник овладел западной окраиной Эльтигена. Боеприпасы на исходе. Потери большие. Если ночью не поможете, буду выполнять ваш приказ 05 [о прорыве с плацдарма]. Срочно жду указаний».

В 22:30 в ответ пришла радиограмма:

«Боеприпасы вам сегодня сбрасываются самолетами. Кроме того, организована морем подача эшелонов с боеприпасами — всего 65 тонн. Приказываю: весь день 6 декабря 1943 года прочно удерживать занимаемый район, не давая противнику разрезать ваши боевые порядки. В течение дня тщательно готовить выполнение приказа 05. Команду на исполнение дам я. Петров, Баюков. 5.12.1943 22.00».

В полночь пришла еще одна радиограмма:

«Гладкову. Завтра примите все меры, но до вечера продержитесь. С наступлением темноты собрать все боеспособное для действия по 05. Время ночью определите сами и донесите. При отсутствии донесения буду считать, что начинаете в 22 часа. Авиация, артиллерия будут действовать, как указано в директиве. Делаю все, что могу. Уверен, бойцы, сержанты и офицеры выполнят свой долг до конца. Петров, Баюков. 5.12.1943 23.15».

За ночь удалось разведать участок будущего прорыва. Оказалось, что Чурбашское озеро вполне можно перейти вброд. Кроме того, был взят «язык» из 14-го румынского пулеметного батальона, от которого получены полезные сведения.

В ночь на 6 декабря контр-адмирал Холостяков выслал к Эльтигену отряд Синенко. Но из-за ухудшившейся погоды отряд вернулся обратно. К утру на берег был выброшен волной ПВО-25.

Для обеспечения этого выхода из Анапы отправился отряд капитан-лейтенанта К. Г. Кочиева (ТКА-13, ТКА-53, ТКА-103, ТКА-82). На подходе к Кроткову ТКА-103 погиб на mine. Присоединив к своему отряду ТКА-83 и ТКА-105, Кочиев вышел к плацдарму. ТКА-13 вскоре поломал винт при ударе о подводный предмет, а остальные катера обнаружили баржи. В атаку смог выйти только ТКА-53. Его единственная торпеда взорвалась на берегу у северной окраины Эльтигена у нового КП. Эта торпеда попала в мемуары Гладкова.

«Отданы все распоряжения на 6 декабря. Офицеры разошлись по частям. Я остался один в капони́ре. ... Голова, как налитая свинцом, опустилась на руки. В такой позе и уснул. Снилось мне, что стою, весь охваченный пламенем, но одежда на мне не горит. Разбудил отчаянной силы взрыв. Воздушная волна, хлынув через амбразуру, сбросила на пол телефонный аппарат. Винченко доложил: недалеко от КП разорвалась морская торпеда».

В 4 часа ночи в Тамань морским фарватером прибыли с юга СКА-031, СКА-036 и СКА-0141 с пятью десантными ботами. После длительного перерыва в составе 3-й группы высадки снова появились исправные «малые охотники».

Адмирал Черного моря выслал в дозор все 6 оставшихся в строю барж. Понесенные в ходе дневных налетов

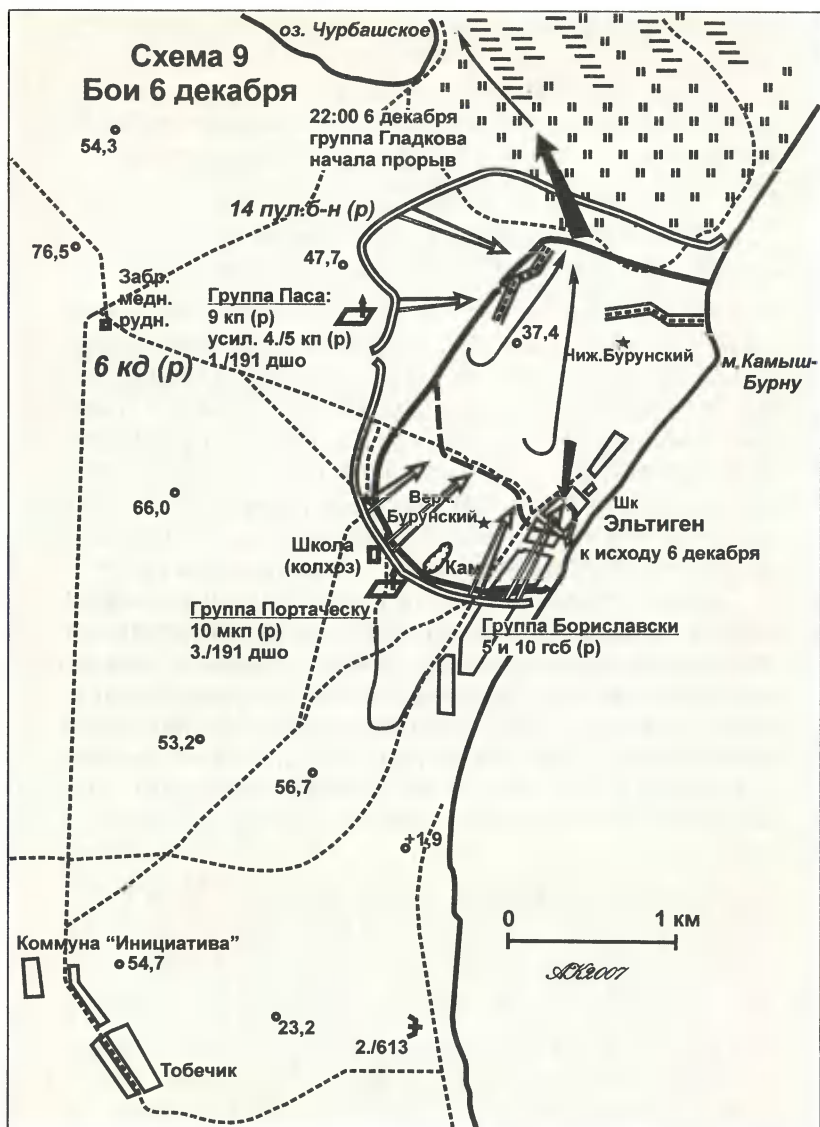
потери позволили Бринкману еще раз напомнить командующему 17-й армии, на какие большие жертвы идет флот ради поддержания блокады.

У-2 сделали за ночь 120 (118) самолето-вылетов на снабжение Эльтигена и сбросили 11 300 кг грузов.

5.3. Бои 6 декабря и прорыв

Ночью силы 6-й кавалерийской дивизии вновь были перетасованы между ударными группами (схема 9). Наступление началось в 07:00 (09:00). Группа Бориславски, не имевшая штурмовых орудий, продвигалась очень медленно. Защитники Эльтигена за ночь грамотно организовали систему огня на новой линии. Группа Портаческу, наступая через каменоломни, при поддержке штурмовых орудий вышла на южные и юго-восточные склоны маячной высоты. Здесь враг натолкнулся на особенно ожесточенное сопротивление и залег. Бойцы группы Паса смогли пройти лишь 100 метров и были прижаты к земле огнем с высоты 37,4 и с маячной высоты. Надежд на то, что задача дня будет решена, не осталось. Командующий 17-й армией предупредил, что больше не может выделять столько боеприпасов. Желая все же ликвидировать плацдарм, Альмендингер решил утром 7 декабря бросить в бой группу Мариенфельда.

Однако после обеда ситуация изменилась. Сказался недостаток боеприпасов у десантников, мощный вражеский артогонь и налеты пикирующих бомбардировщиков. Около 14 часов начался штурм маячной высоты. После двухчасового ожесточенного боя она пала. Кроме того, врагу удалось захватить южную половину поселка Эльтиген. Попала в плен часть тяжелораненых, лежавших в подвалах домов. Возникла угроза, что до темноты плацдарм будет рассечен на части, и десантная группа перестанет существовать как организованная сила. Гладков решил провести контратаку. С наиболее

спокойного северного участка были сняты рота 386-го обмп и рота 1339-го сп. Вместе с учебной ротой они составили небольшую ударную группу. Перед контратакой Гладков дал на «большую землю» последнюю радиограмму:

«Противник захватил половину Эльтигена. Часть раненых попала в плен. В 16.00 решаю последними силами перейти в контратаку. Если останемся живы, в 22.00 буду выполнять ваш 05»¹.

Перед контратакой удалось даже организовать короткую артподготовку. Командующий артиллерией дивизии вызвал огонь с Таманского берега, и батареи 5 минут вели огонь по южной окраине Эльтигена. В результате боя, временами переходившего в рукопашную, половину поселка вместе с ранеными удалось вернуть. Оказалось, что часть раненых была убита противником. Это добавило десантникам ожесточения в последующих боях.

Благодаря героической, без всякого преувеличения, борьбе удалось выстоять до темноты. К вечеру командование противника пришло к заключению, что завтра с плацдармом будет покончено. Однако сила сопротивления оказалась такой, что Альмендингер продолжал испытывать колебания. Вечером он сначала отменил решение о вводе в бой группы Мариенфельда, а затем все же перебросил ее к Эльтигену. Группа должна была

¹ В итоговой оперсводке ОПА за 20.11–31.12.43 приводится еще одна радиограмма: *«Яростные атаки отбивать больше не в силах. Вступаем в неравный бой. Идем с именем Сталина, во славу нашей любимой Родины. Героический десант шлет вам привет»*. Этот же текст приведен в книге «Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии» (М, 1982), но без слов «с именем Сталина». Телеграмма была подписана Гладковым и начальником политотдела дивизии полковником М. В. Копыловым. Судя по стилю, ее писал политработник. Насколько все-таки ярче передает трагизм ситуации сдержанный тон первой телеграммы, чем «высокий штиль» политработников!

вступить в дело при малейшей заминке в ликвидации плацдарма.

Наша ударная авиация продолжала действовать исключительно в интересах группы Гладкова. Однако погода резко ухудшилась, десятибалльная облачность высотой 400–500 метров вынудила снизить активность. Штурмовики сделали по войскам 100 (98) вылетов, еще в 10 вылетах сбросили 1900 кг боеприпасов. Из-за сжатия плацдарма условия для сброса грузов стали гораздо хуже. Плохие погодные условия повлияли и на качество сопровождения. Один «Ил» был сбит истребителями, еще два подбиты (сели на вынужденную, подлежали ремонту); кроме того, сбит один ЛаГГ-3 и подбита «Аэрокобра». Продолжала свирепствовать зенитная артиллерия — ею были сбиты 4 «Ила» и 1 ЛаГГ-3, подбиты и сели на вынужденную 2 «Ила» (в том числе один на свой аэродром, но с убранным шасси). Днем 14 самолето-вылетов по войскам сделали 14 «Бостонов». Обошлось без потерь, несмотря на сильный зенитный огонь.

Немецкая авиация также основные усилия направила против Эльтигена. Из-за облачности He-111 не действовали, а «штуки» произвели 179 самолето-вылетов, сбросив 86 тонн бомб на очаги сопротивления (для сравнения — наша авиация сбросила 29,1 тонну). Расход боеприпасов под Эльтигеном составил 270,7 тонн. 8 штурмовых орудий, участвовавших в бою, сделали 874 выстрела, то есть продолжали использоваться очень интенсивно.

К вечеру 6 декабря у Гладкова осталось 2300 бойцов и 800 раненых. По немецким данным (согласно показаниям наших пленных), в прорыве должны были участвовать все, кроме 300 тяжелораненых.

В 20:00 на КП 318-й дивизии собрались командиры полков. Были даны последние распоряжения перед прорывом. Документы сожгли, тяжелое оружие привели в негодность и закопали. Бойцам раздали последние боеприпасы. Запасов продовольствия хватило на горсть сухарей каждому и банку мясных консервов на двоих.

Всего собралось более 2000 человек, включая раненых, способных передвигаться. В их числе были даже как минимум два офицера, из-за ранений потерявшие зрение — морской комендант Эльтигена капитан-лейтенант Н. А. Кулик и летчик сбитого штурмовика 7-го гшп И. М. Моргачев. Раненые также были вооружены. Остатки 1339-го полка и 386-го батальона составили группу прорыва, слева и справа шли соответственно остатки 1337-го и 1331-го полков. В арьергард был назначен 335-й гвардейский полк (около 100 человек), в центре боевого порядка находился медсанбат с 200 ранеными.

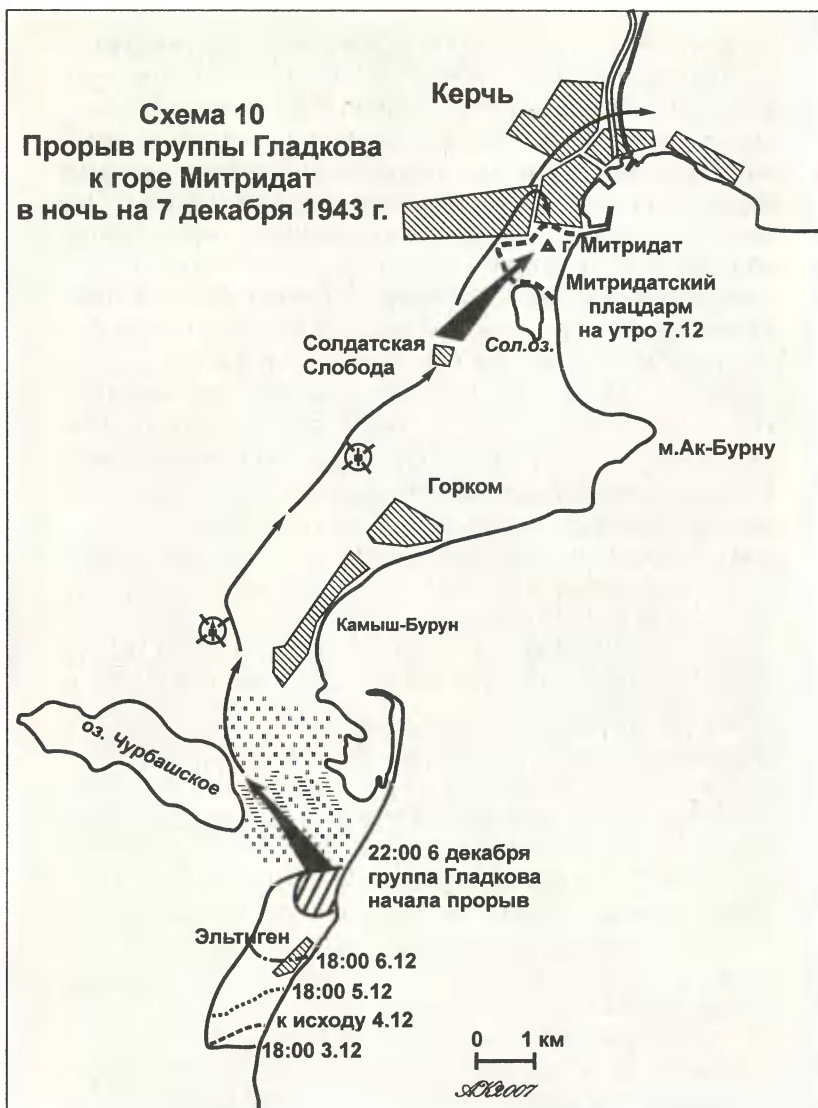
Перед началом прорыва наша артиллерия открыла огонь перед рубежом прорыва, 14 «Бостонов» нанесли удар по скоплению войск на южной окраине Эльтигена, затем еще 20 «Бостонов» бомбили различные цели западнее и южнее Эльтигена. Один самолет сбили зенитки.

В 22:00 в небо взвилась красная ракета, и десант без единого выстрела в крошечной темноте пошел на прорыв (схема 10). 150 метров удалось пройти беспрепятственно, потом ударил пулемет. Десантники рывком преодолели оставшееся до вражеских траншей расстояние. Перебив оказавшихся на пути румын из 14-го пулеметного батальона, эльтигенцы перешли вброд по колено в воде и грязи заболоченную часть Чурбашского озера и вырвались в степь.

Люди были истощены голодом, в последние дни почти не спали из-за непрерывных боев и обстрелов, некоторые потеряли в болоте сапоги и шли босиком (в декабре!). Тяжелее всего приходилось раненым. Но кольцо окружения осталось позади, и это придавало сил. Уничтожая попавшиеся на пути батареи¹ и тыловые

¹ Количество уничтоженных батарей в разных источниках указывается разное. Это неудивительно, так как донесения составлялись по памяти. Из немецких документов известно, что погиб личный состав по меньшей мере двух батарей — 37-мм батареи 89-го легкого зенитного дивизиона 27-го зенитного полка и 3-ей батареи артдивизиона 3-й румынской горнострелковой дивизии.

Схема 10
Прорыв группы Гладкова
к горе Митридат
в ночь на 7 декабря 1943 г.

подразделения противника, основная группа во главе с Гладковым вышла к Солдатской Слободке. Там был захвачен продовольственный склад. Измученные переходом по изрезанной балками степи, десантники впервые за многие недели смогли досыта поесть. Среди трофеев оказался даже шоколад. Затем последовал еще один переход, и к 5 часам утра основная группа вышла к подножию горы Митридат.

В штабе бригады Фаульхабера, оборонявшей Керчь, первое сообщение о прорыве было получено в 23:30 6 декабря (01:30 7 декабря). Однако оно не вызвало никаких опасений. Штаб 6-й румынской дивизии сообщал, что на север прорвались около 50 человек. Их преследование было поручено 14-му пулеметному батальону. Тем не менее, полковник Фаульхабер предупредил свои подразделения и выслал в степь дозоры. Через двадцать минут сообщение о прорыве получил и штаб 5-го корпуса. Больше никаких сообщений не поступало до 3 часов ночи, когда стали известны результаты допроса раненого советского офицера, попавшего в плен. Он сказал, что ночью из Эльтигена прорвались около 2500 человек, и они будут пробиваться через Керчь. Немцам эти сведения показались фантастическими. Никаких сообщений от высланных дозоров и из подразделений не поступало. Тем не менее после некоторых колебаний Фаульхабер приказал имевшимся в его распоряжении резервам (две пехотные и одна саперная роты, самокатный и саперный взводы 282-го полка, а также рота охраны порта) занять оборону на цепи высот горы Митридат. Но приказ уже опоздал. В 04:15 (06:15) поступило первое сообщение о бое у высоты 108,4. Затем донесения о столкновениях посыпались из самых разных мест.

Тем временем десантники после 20-километрового марша по пересеченной местности приводили себя в порядок и готовились к атаке Митридата. Гладков со своими командирами составили следующий план. Северо-восточные склоны атакуют остатки 1139-го полка и 386-го

батальона, восточные склоны — остатки 1137-го полка, берег и южное предместье Керчи — 1131-го полка.

Бойцы 335-го гвардейского стрелкового полка во главе с комполка Нестеровым в темноте отстали и пробирались небольшими группами — часть из них попала в каменоломни к партизанам, сам Нестеров с помощью партизан пересек линию фронта через два месяца. Одна из групп обошла Керчь с запада и погибла в бою у Булганака. Вообще мелкие группы выходили на Еникальский плацдарм в течение долгого времени. Так, 15 декабря в распоряжение 16-го стрелкового корпуса вышла группа бойцов во главе с ведущим хирургом медсанбата 318-й сд майором В. А. Трофимовым.

Примерно в полшестого утра десантники пошли в атаку. Стараясь не шуметь, они преодолели провололочные заграждения и ворвались на высоты. На Митридате находились наблюдательные пункты артиллерии, подразделения артиллерийской разведки и т.п. Атака оказалась совершенно неожиданной. Многие немцы проснулись только тогда, когда к ним в блиндажи влетели гранаты. Не все, кто попытался сдаться в плен, успели это сделать. К семи часам утра все четыре высоты горы Митридат и участок берега у судоремонтного завода и бочарной фабрики оказались в наших руках. Несколько групп ворвались в Керчь и продвигались к северу, уничтожая штабы, узлы связи, технику и отдельные подразделения, встретившиеся на их пути. В частности, был разгромлен штаб 22-го румынского горно-стрелкового батальона и захвачено его знамя. 18 человек прошли через весь город, перешли незамеченными линию фронта и вышли к своим на основном плацдарме. Этот случай даже вызвал скандал, поскольку бойцы дошли до огневых позиций нашей артиллерии в тылу, и никто их ни разу не спросил, кто они такие и откуда.

На Митридате удалось захватить слегка поврежденную немецкую рацию. Бойцы одного из флотских корпостов ввели ее в строй, и вскоре после 7 часов утра Гладков смог передать Петрову первую радиogramму:

«Обманули фрицев. Ушли у них из-под носа. Прорвали фронт севернее Эльтигена. Прошли по ранее намеченному маршруту. К 7.00 захватили Митридат и пристань. Срочно поддержите нас огнем и живой силой».

Через полчаса Петров ответил:

«Ура славным десантникам! Держите захваченный рубеж. Готовлю крупное наступление. Вижу лично со своего НП ваш бой на горе Митридат. Даются распоряжения командиру 16-го ск генералу Провалову о переходе в наступление для захвата Керчи и соединения с вами. Петров».

Командарм также немедленно направил сообщение об успехе десантников Сталину.

В это время подходила к концу трагедия Эльтигенского плацдарма. В 05:30 (07:30) после артподготовки началось наступление румын на оставшийся небольшой пятючок. Кроме тяжелораненых и части медперсонала, там остались небольшие разрозненные группы, по разным причинам не успевшие уйти с основными силами. Они продолжали оказывать сопротивление, поэтому командир 6-й кавалерийской дивизии Теодорини смог доложить о ликвидации плацдарма лишь через час после начала наступления. Многие из оставшихся в живых защитников Эльтигена и в этой безнадежной ситуации предпочли сдаче в плен попытку самостоятельно пересечь пролив на подручных средствах и даже вплавь. 125 человек были подобраны в проливе нашими катерами (об этом немного ниже). Эльтигенская трагедия закончилась.

Что же предпринял флот для спасения оставшихся на плацдарме? В 18:00 6 декабря контр-адмирал Холостяков получил приказ забрать десант из Эльтигена. Конечно же, полностью снять оставшихся было невозможно. Днем 6 декабря в проливе бушевал шторм, в Тамани

затонул только что снятый с мели ПВО-11. Катера из-за шторма не могли находиться в Кроткове и направились в Тамань. На переходе они попали под огонь 150-мм батареи 1./613 с мыса Такиль. ПВО-28 получил попадание (видимо, был пробит навывлет), тяжело ранен лейтенант Синенко. После прихода в Тамань ПВО-28 был выброшен на сваи, но вскоре снят.

К вечеру 3-я группа высадки к вечеру располагала следующими боеготовыми катерами: СКА-031, СКА-036, СКА-0141, АКА-96, ПВО-16, ПВО-18, ДБ-5, ДБ-20, ДБ-387, ДБ-503, ДБ-509, ДБ-514, РТЩ-105 — всего 13 единиц. ДБ-520 прибыл с юга неисправным, ДБ-10 с 5 декабря числился в строю, но к Эльтигену не посылался, так как во время ремонта на нем был смонтирован прожектор для участия в задуманной операции ботов-торпедоносцев. ТКА-53, ТКА-82, ТКА-83, ТКА-105 из-за шторма не смогли заправиться в Тамани и стояли исправные, но без топлива. На ходу был также КМ-057 (без динамо-машины, с ограниченной дальностью плавания). Самостоятельно шедший с юга в Тамань ПВО-22 сбился с курса и сел на мель у северной оконечности косы Тузла, где впоследствии был разбит штормами.

Понятно, что с такими силами 3-я десантная группа за ночь не смогла бы эвакуировать всех десантников даже при полном отсутствии противодействия. А противодействие было. Бринкман, как и в прошлую ночь, выслал из Камыш-Буруна 4 БДБ для блокады Эльтигена, а остальные две боеготовые БДБ — в дозор перед базой. С юга блокаду поддерживали 3 «раумбота». Задача была прежней — ни в коем случае не допустить снабжения или усиления войск на плацдарме.

К 20:00 погода была по-прежнему плохой (ветер норд-вест 5 баллов, море 3 балла). Через полчаса из Сенной к Эльтигену для эвакуации раненых вышел отряд капитан-лейтенанта А. И. Кэба — СКА-036, СКА-0141, СКА-031 с ботами ДБ-503, ДБ-509, ДБ-387 на буксире. Из-за сильного ветра и плохой видимости СКА-0141 и СКА-031 сели

на мель восточнее Тамани. СКА-031 вскоре смог сняться, а СКА-0141 остался на мели до вечера 7 декабря.

В 22:50 из Сенной вышел второй отряд — РТЩ-105, ДБ-20, ДБ-514, ПВО-16, ПВО-18 во главе с командиром РТЩ-105. Выходил также ДБ-5, но сразу же сел на мель.

Связь с плацдармом прервалась еще в 21:30. После ухода основных сил на прорыв оставшиеся в заслонах бойцы и часть раненых выходили на берег и пытались переправиться через пролив на плотах, досках, ящиках, бочках и других подручных средствах, а некоторые и просто вплавь. В 01:50 группа обер-лейтенанта-цур-зее Шубеля, блокировавшая плацдарм, обнаружила две бочки, с которых были взяты 7 пленных. После этого немцы в лучах прожекторов регулярно обнаруживали плоты и бочки, разбросанные по проливу. По ним велся огонь из 75-мм орудий и «Эрликонов», но из-за плохой видимости результаты не наблюдались. Шубель решил сузить дозорную полосу и приблизиться вплотную к берегу у северной части плацдарма, еще остававшейся в наших руках. К счастью, плохая видимость затруднила немцам охоту на незащищенных людей, и несколько часов они безрезультатно ходили вдоль берега. Около 6 часов утра баржи провели короткий безрезультатный бой с двумя катерами — вероятно, СКА-031 и СКА-036. При этом десантные баржи уклонились к югу от плацдарма. Вероятно, в это время к берегу проскочил ПВО-18 — единственный катер, сумевший той ночью забрать с плацдарма людей и благополучно вернуться. Не исключено, что тогда же прорвался к берегу и РТЩ-105. В штабе группы высадки предполагали, что он погиб на обратном пути, имея на борту раненых с плацдарма.

Группа Шубеля продолжала блокировать Эльтиген и на рассвете. В 07:20 были обнаружены *«3 полностью загруженных десантных катера»*. Два из них якобы удалось потопить, а один уходил, отбиваясь пулеметным огнем. В катер наблюдались попадания из «Эрликонов», однако преследование пришлось прервать, так как стало со-

всем светло. Видимо, отбившимся от врага катером был ПВО-18, хотя он не имел 37-мм орудия (было снято из-за неисправности). Утром поврежденный бот прибыл в Кротков, имея на борту 14 здоровых и 15 раненых десантников. Возможно, в этом же бою погиб со всем экипажем РТЩ-105 — данные о времени его гибели противоречивы, а свидетелей с нашей стороны не осталось... Больше потерь в катерах у нас ночью не было. Кроме ПВО-18 и, возможно, РТЩ-105, на плацдарм никто не прорвался.

До 07:35 группа Шубеля уничтожила еще одну большую и две малых лодки, а также плот или бочку, с которой взяли еще 5 пленных. В проливе наблюдались еще 30—40 плотов, бочек и т.п. Шубель вызвал для их уничтожения авиацию и ушел в Камыш-Бурун.

С утра в пролив для спасения людей вышли ТКА-82 и ТКА-105, СКА-031, СКА-036, затем АКА-96. Их действия обеспечивали батареи и истребители. При проходе Тузлинской промоины СКА-031 подрывался на mine. СКА-036 отбуксировал его в Кротков. Катера снимали людей с плотов и прочих плавсредств при свете дня под огнем батарей. В отдельных случаях снаряды рвались совсем близко. Однажды на ТКА-82 даже заглохли двигатели от сотрясения, но экипажу быстро удалось дать ход. Повреждения оказались минимальными — на ТКА-82 разбилось стекло командирской рубки, а ТКА-105 получил одну осколочную пробоину. Немецкая батарея 1./613 отчиталась о потоплении одного катера.

Высадив в Кроткове спасенных людей, АКА-96 пошел к мысу Такиль для обследования двух шлюпок, обнаруженных с воздуха. Людей в них не оказалось, а катер в 11:58 атаковала пара Ме-109. «Мессеры» сделали 6 заходов. АКА-96 получил многочисленные повреждения, начал терять ход и заполняться водой. 2 человека погибли, 5 получили ранения. В числе раненых был и командир катера лейтенант В. С. Пилипенко (с 16.05.44 Герой Советского Союза). Он продолжал вести огонь

по самолетам. По наблюдениям команды, на шестом заходе в 12:25 один Ме-109 был сбит. Второй истребитель сделал еще один заход и ушел. На помощь из Кроткова вышел ТКА-82. Он сняли с катера людей, все люки на АКА-96 задраили. Доставив спасенных в Кротков, ТКА-82 вместе с ТКА-105 и СКА-036 пошел к АКА-96 для буксировки. Однако изрешеченный катер уже не мог держаться на плаву и в 13:10 затонул.

С утра и до вечера катера в южной части пролива прикрывал 66-й иап 329-й иад. Почти все время в воздухе находилась четверка «Аэрокобр». Но как раз в момент начала расстрела АКА-96 (11:58) происходила «пересменка». Одна четверка в 12:00 вернулась на свой аэродром (Вышестеблиевская), а следующая взлетела в 12:02. В районе Эльтиген — Камыш-Бурун на «прикрытие войск» (предполагалось, что в Эльтигене еще может обороняться часть десантников) в 11:15–12:20 летала четверка Як-1 42-го гиап 229-й иад. По донесению ведущего, в южной части пролива они встретили и прогнали на запад пару Ме-109. Возможно, их связала боем одна пара немецких истребителей, а вторая в это время расстреляла АКА-96. В оперсводке 42-го гиап рядом с записью о вылете этой четверки «Яков» стоит весьма показательный комментарий: *«Командир 229 тиад полковник Степанов приказал вылет боевым не считать»*. Не исключено, что это связано именно с гибелью катера.

Больше в течение дня атак с воздуха по нашим катерам не было. 25-й иап ВВС ЧФ, который иногда упоминается как виновник плохого прикрытия катеров, в данном случае ни при чем. Вылеты его «ЛаГГов» начались только в 12:40 — видимо, из-за негодности аэродрома.

По «Отчету по десантной операции в Эльтиген», всего катера спасли в проливе 125 десантников. Вероятно, в спасении людей участвовали не только перечисленные выше катера, но данных об этом найти не удалось.

7 декабря блокада Эльтигена закончилась в связи с исчезновением плацдарма. Одновременно возник Мит-

ридатский плацдарм, но он находился в операционной зоне Азовской флотилии. 3-я группа высадки заканчивала свое непродолжительное, но бурное существование. В час дня 7 декабря контр-адмирал Холостяков получил приказ отправить свои катера на косу Чушка в распоряжение АВФ.

6. БОИ ЗА МИТРИДАТ И ДЕЙСТВИЯ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ. МИТРИДАТСКАЯ «ДЕСАНТНАЯ» ОПЕРАЦИЯ.

6.1. Последние попытки добиться перелома

Описание наступления Приморской армии 4–6 декабря выходит за рамки данной статьи. Но для понимания происходивших событий нужно коротко упомянуть и о нем.

Как и в предыдущие разы, артподготовка не дала нужного эффекта, а ударная авиация в это время практически полностью переключилась на поддержку группы Гладкова. В первый день штурмовики сделали для поддержки наступления только 38 самолето-вылетов, в последующие дни — вообще ни одного. Пехота и танки, атакуя неподавленную оборону, понесли тяжелые потери. В целом Приморская армия действовала настолько неудачно, что противник принял наступление с решительными целями за удар, нанесенный преждевременно для отвлечения сил от Эльтигена.

К утру 7 декабря наступательные возможности Отдельной Приморской армии были практически исчерпаны, резервы израсходованы, боеприпасы расстреляны. После трех дней боев некоторые стрелковые роты вообще перестали существовать, а в остальных осталось в среднем по 16–18 бойцов. Тем не менее Петров отдал приказ 339-й стрелковой дивизии наступать на Керчь

на соединение с прорвавшейся к Митридату группой. В 09:30 жидкая цепочка пехоты поднялась в атаку, но вскоре залегла под огнем. В расположении дивизии остались только три танка КВ, остальные после тяжелых боев были выведены в тыл.

В 10:00 63-я тбр и 85-й тп были подняты по тревоге и направлены на южный участок фронта. К 14:00 18 Т-34 и 10 КВ-1С сосредоточились на восточной окраине Колонки. Еще 3 танка КВ на марше вышли из строя (лишнее свидетельство технического состояния танкового парка). После короткой артподготовки в 16:00 пехота с танками перешла в атаку, но под огнем вскоре залегла. Танки с небольшими группами бойцов вклинились во вражескую оборону на 100 метров и отразили одну контратаку. Но затем под огнем с разных направлений им пришлось отойти на исходные позиции. В 63-й бригаде 2 Т-34 были подбиты и эвакуированы.

В 08:30 штаб немецкого 5-го корпуса получил донесение командира 6-й кд Теодорини о ликвидации Эльтигенского плацдарма. Но немцам в тот момент было не до румынских победных реляций. Потеря Митридата могла привести к краху всей обороны на полуострове. Во-первых, бригада Фаульхабера могла не устоять в первые часы перед согласованным наступлением сил Приморской армии с фронта и одновременным ударом десантников с тыла. Во-вторых, если бы десант и переброшенные ему в помощь части смогли прочно закрепиться на Митридате, там обязательно появились бы корпосты артиллерии. Поскольку с Митридата прекрасно просматривался немецкий тыл на большую глубину, эффективность огня увеличилась бы на порядок. Сами немцы потеряли на горе свои НП и корпосты, что затрудняло использование артиллерии. И, наконец, в тылу у немцев образовался новый плацдарм, надежная блокада которого с моря практически исключалась. Создалась опасность, что наша армия сможет накопить там силы, достаточные для сильного удара в дополнение к мощной фронтальной атаке.

В общем, Митридат следовало как можно быстрее отбить обратно. Часть сил, которые Фаульхабер хотел использовать в качестве гарнизона Митридата, ему пришлось оставить для обороны южных кварталов Керчи и для создания фронта вокруг нового плацдарма. Однако удалось собрать ударную группу для немедленной контратаки (до трех рот). Она атаковала высоту 108,4 (самую западную и самую высокую из четырех). Измотанные десантники, не имевшие тяжелого оружия, после ожесточенного боя к 11:30 оставили высоту. С юга вдоль берега контратаковали подразделения 22-го румынского горнострелкового батальона. Однако дальнейшие контратаки ударной группы и подошедших войск удалось отразить (схема 11).

Значительная часть сил противника была связана боем в городских кварталах. Там отчаянно оборонялись небольшие группы десантников, проникшие в город на рассвете. Часть румынских подразделений пришлось выделить для усиления обороны берега в районе мыса Ак-Бурну — немцы опасались новой высадки.

Группе Гладкова срочно требовались боеприпасы. В светлое время доставка по морю исключалась, поэтому снова были привлечены штурмовики. Несмотря на 10-балльную низкую облачность, они сделали 15 самолето-вылетов и сбросили 2900 кг патронов и гранат. Поскольку в районе Эльтигена до сих пор вспыхивали отдельные перестрелки и ситуация там была для нашего командования не ясна, еще 4 (3) «Ила» во второй половине дня сбросили у эльтигенской школы 600 кг боеприпасов. Артиллерия группы Малахова частью сил также вела огонь по целям в районе Эльтигена. Дальнобойные 100-мм и 130-мм батареи в основном действовали по запросам Гладкова. Их артогонь, а также действия штурмовиков — 63 (62) самолето-вылета — помогли защитникам Митридата отстоять большую часть нового плацдарма до темноты.

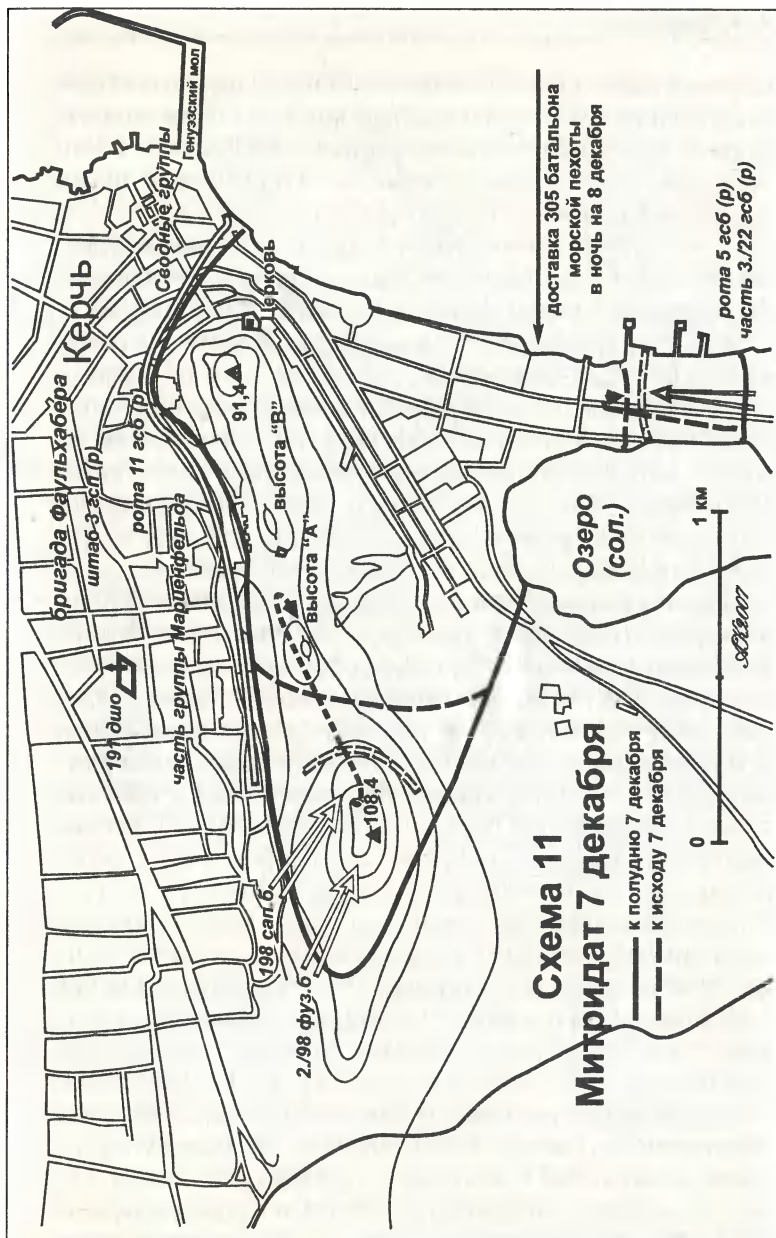
Вылеты небольшими группами были организованы так, что с десяти часов утра и до темноты в воздухе

почти постоянно находились несколько штурмовиков. Безусловно, это сковывало противника. Его авиация из-за тяжелых метеоусловий почти не действовала. Днем 12 Не-111 отбомбились по войскам Приморской армии в районе Колонки.

Командование 5-го корпуса спешно создавало группировку для ликвидации Митридатского плацдарма. Перебрасывались к новому плацдарму части от Эльтигена — группа Мариенфельда, 191-й дивизион «штугов» (без 2-й батареи; осталось 7 боеспособных «штугов»), румынские 5-й и 10-й горнострелковые батальоны и 10-й мотокавалерийский полк (последний понес тяжелые потери в боях у Эльтигена и был малобоеспособен). Для переброски был привлечен весь доступный автотранспорт, включая автомашины флота. Но эти войска все равно не успевали до наступления темноты.

Силы группы Гладкова оценивались противником всего в 600–800 человек, эта оценка была занижена примерно в два раза. Тем не менее, считалось, что выделенных немецких и румынских войск недостаточно. Атаку назначили на утро 8 декабря, а пока подтягивали артиллерию, чтобы огнем измотать десантников, а также предотвратить подход подкреплений морем. Для обработки Митридатского пятка были сосредоточены 92 орудия армии и флота (1 — 210-мм, 9 — 173-мм, 24 — 150–155-мм, 3 — 130-мм, 33 — 105-мм, 22 — 75-76, 2-мм. Кроме того, для обстрела плацдарма и в первую очередь для борьбы с катерами были привлечены также несколько тяжелых и легких зенитных батарей 9-й зенитной дивизии.

Пока армия безуспешно билась о немецкую линию обороны, флот в авральном порядке готовился к доставке войск на новый плацдарм. Начиналась так называемая Митридатская десантная операция (схема 12). Десантной ее можно назвать с некоторой натяжкой, поскольку войска высаживались на уже занятый берег.

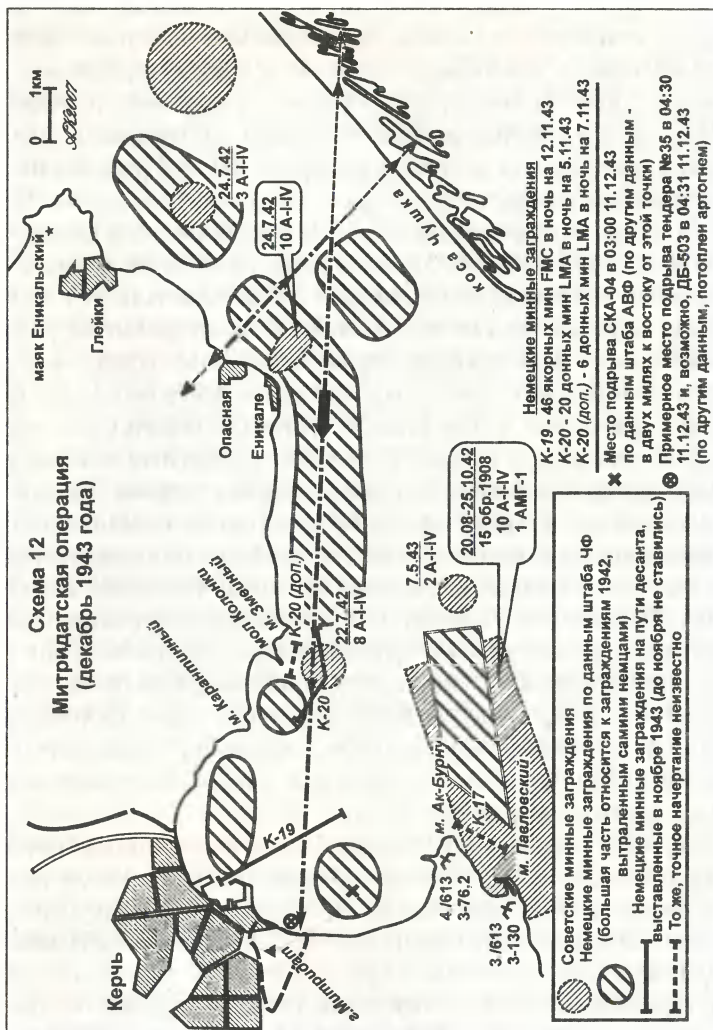

Впрочем, задача была весьма непростой. Предстояло при отсутствии внезапности пройти через заминированную Керченскую бухту мимо немецких батарей, в том числе двух береговых в районе мыса Ак-Бурну, оснащенных трофейными орудиями: 3./613 (три 130-мм) и 4./613 (три 76,2-мм). Весьма вероятным было и противодействие немецкого флота. Действительно, на ночь с 7 на 8 декабря Бринкман выслал в дозор в Керченскую бухту 4 БДБ.

Азовская флотилия с трудом справлялась со снабжением армии на основном плацдарме. После провала очередного наступления войска остро нуждались в боеприпасах и пополнении. Отвлечение плавсредств на новую высадку ставило армию в сложное положение. Но отказаться от попытки сохранить Митридатский плацдарм было невозможно — слишком много мог дать этот неожиданный успех. К 7 декабря на перевозках были заняты несколько барж и паромов с буксирами. Их для перехода по малым глубинам к Митридату использовать было нежелательно, и они остались на переправе.

В строю в районе пролива имелись БКА-124, БКА-306, БКА-321 и более 10 тендеров. Был сформирован штаб высадки, командиром группы высадки стал капитан 3 ранга Ф. В. Тетюркин. Для переброски были выделены 400 человек из 83-й морской стрелковой бригады. Поскольку на траление времени не было, ограничили назначением одного курса вдоль предполагаемой кромки немецкого минного заграждения. Точность движения обеспечивалась ведущим створом на косе Чушка. По счастливой случайности курс выбрали между немецкими заграждениями. Границы участка высадки должны были обозначить кострами войска митридатской группы.

Для разведки фарватера и для установления связи с десантниками был выделен БКА-321. Но из-за задержки группы разведчиков БКА вышел из р-на Глейки только в 21:00, на 3 часа позже запланированного. Ему удалось выполнить оба задания скрытно, однако при возвращении,

около 23 часов, в районе завода Войкова на катере вышли из строя моторы, и он потерял ход. Радиограмма о результатах разведки из-за неисправности радиоаппаратуры БКА до командира высадки не дошла. Серия аварий с БКА-321 показывает, в каком состоянии находились катера к концу операции. Заодно это говорит о том, что в спешке был выбран и не проверен фактически неисправный катер.

Отряд Тетюркина (БКА-124, БКА-306 и 10 тендеров — №№15, 31, 34, 43, 44, 51, 53, 75, 86, 95) к 20:00 сосредоточился у причалов в Опасной. К полуночи погрузка была завершена. Так и не дождавшись результатов разведки, в 02:45 8 декабря отряд начал сниматься с якорей. Построение в колонну закончилось в 03:15, и отряд направился к Митридату. Один бронекатер шел во главе колонны, а второй в качестве охранения — впереди и слева от отряда. Погода, с одной стороны, затрудняла движение (норд-ост 3-4 балла), из-за тумана плохо были видны створные огни. С другой стороны, туман позволил отряду пройти весь путь незамеченным и без потерь. Замедляли движение постоянно встречавшиеся сваи с переплетенными рыбацкими сетями. К 05:30 в 5—7 кабельтовых от цели стали видны сигнальные костры. Катера и тендеры развернулись в строй фронта и пошли к берегу. При подходе тендер №34 ударился о грунт, потерял винт и срезал вал. После разгрузки его увел на буксире тендер №44.

С 06:15 до 06:45 без всякого противодействия был высажен 305-й батальон 83-й бригады (380 бойцов под командованием капитана Д. Д. Мартынова), выгружены одна 45-мм пушка, 6 минометов, 12 ПТР, 7 станковых пулеметов, боеприпасы и продовольствие. Флагманский бронекатер и часть тендеров разгружались прямо на полуразрушенную пристань судоверфи. Приняв 300 раненых, отряд Тетюркина в 06:47 начал отход. Только в этот момент противник среагировал на происходящее. В 06:48 катера были освещены прожекторами и обстре-

ляны артиллерией, через две минуты от Бочарной пристани и из порта открыли огонь «Эрликоны». Бронекатера поставили дымзавесу, и под ее прикрытием отряд к 08:45 прибыл в Опасную. Несколько тендеров получили повреждения, имелись убитые и раненые. Тендер №15 (старшина 1 статьи Р. М. Барцыц, моторист Г. П. Буров) пострадал сильнее других и не смог следовать за отрядом. Команда замаскировала тендер у берега. В светлое время суток Барцыц и Буров устранили повреждения, и с наступлением темноты вечером 8 декабря привели тендер в Опасную. Самоотверженные моряки были удостоены звания Героя Советского Союза.

К моменту обнаружения нашего отряда немецкий дозор уже покинул Керченскую бухту, чтобы пройти Павловский канал до рассвета. Противник совершенно неправильно оценил происходящее. Видимо, из-за плохой видимости и из-за дымзавесы отряд был замечен не полностью. В результате Бринкман пришел к выводу, что катера не высаживали подкрепления, а лишь доставили боеприпасы и эвакуировали раненых. Правда стала известна немцам лишь позднее, из показаний пленных.

В общем, первый рейс прошел успешно. Удручает только незначительное число переброшенных. Офицер Генштаба подполковник Лебедев при анализе операции указал, что надо было решительнее давить на флот, чтобы обеспечить переброску достаточного числа бойцов. Заодно он отмечал, что нужно было выбрать для переброски не 83-ю бригаду, где было много молодых необстрелянных бойцов, а более боеспособное соединение.

Последний упрек в устах подполковника звучит странно. В другом своем отчете в Генштаб он сам писал, что к 7 декабря пехота на Еникальском полуострове фактически кончилась. Откуда же было взять в достаточном количестве боеспособный личный состав? На Таманском берегу оставался 3-й горнострелковый корпус. Но из него на пополнение дивизий первой линии было уже взято все, что можно. Другое дело, что можно было бы

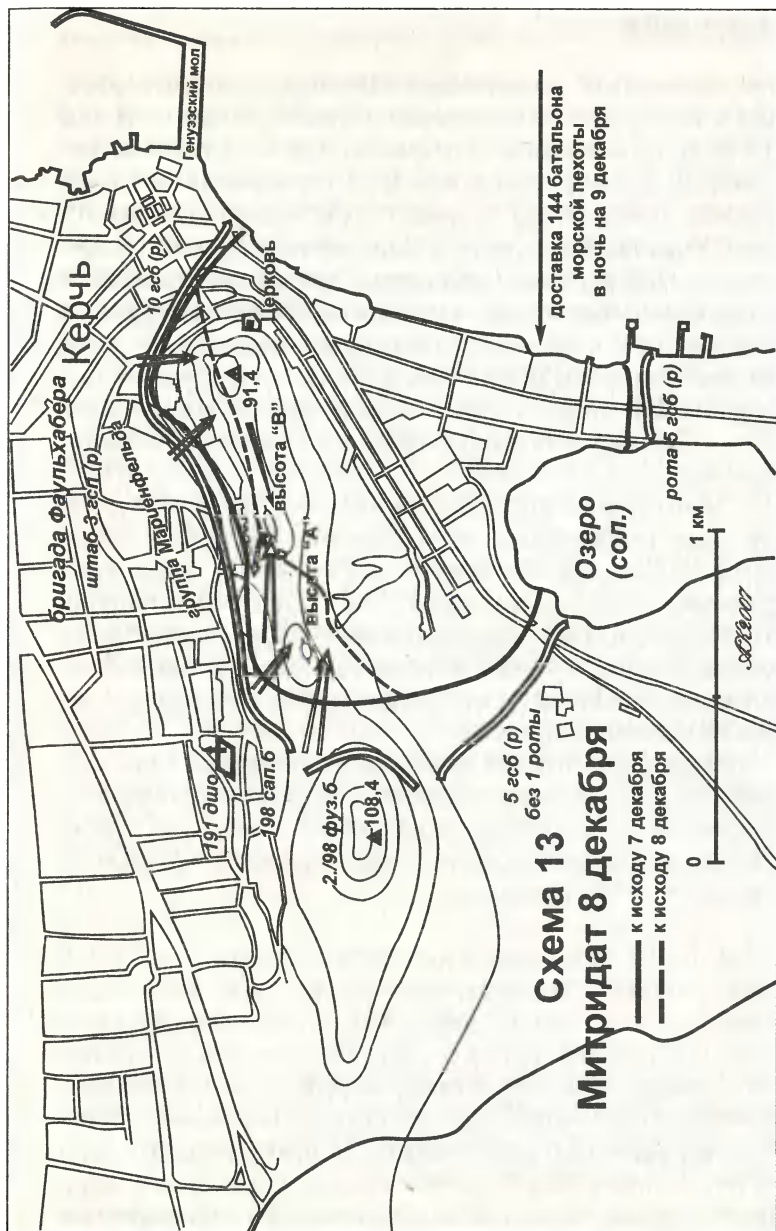
спланировать и осуществить два рейса за длинную декабрьскую ночь и доставить дополнительный батальон. Длина пути от места погрузки до выгрузки с учетом движения по створам, то есть не кратчайшим путем, составляла всего 8 миль. В остальном за полдня подготовки на операцию было выделено все, что можно было использовать. Использование в Керченской бухте несамоходных паромов и барж с буксирами вряд ли бы закончилось добром.

В ночь на 8 декабря части нашего 16-го корпуса вели подготовку к наступлению. К рассвету четыре полка 383-й и 339-й дивизий сосредоточились на окраине Колонки. По числу штыков эти полки напоминали скорее усиленные стрелковые роты. С 11:00 части несколько раз поднимались и сразу же вновь ложились под ударами артиллерии и авиации (бомбовый удар нанесли около 10 He-111). 16-й стрелковый корпус перешел к обороне. Силы Приморской армии окончательно иссякли, и в оставшиеся до конца операции дни она больше не пыталась наступать.

За ночь с 7 на 8 декабря противник сосредоточил для атаки на митридатский плацдарм ударную группу, которая включала и весь 191-й дивизион штурмовых орудий, в котором оставалось 8 исправных «штугов». Руководство ликвидацией Митридатского плацдарма было поручено полковнику Фаульхаберу. Немцы считали, что ночью флоту удалось предотвратить высадку новых войск на плацдарм. Эта ошибка сказалась на планировании и результатах следующего дня. Подготовка к атаке затянулась, она началась только в 10:15 (12:15).

При поддержке штурмовых орудий и мощного артотряда к 13:00 противнику удалось захватить высоту «А» и ворваться на высоту «Б»¹ (схема 13), где в капони́ре

¹ Высоты «А» и «Б» — немецкие обозначения. В наших документах они фигурируют как две безымянные высоты 1 км северо-восточнее высоты 108,4 и юго-восточнее высоты 91,4 соответственно.

находился штаб десантников. После долгого ожесточенного боя в 14:58 был окружен штабной капонир, а к 17:30 немцы полностью заняли всю высоту — за исключением этого капонира. Из его амбразур отстреливались штабные работники во главе с самим комдивом. Управление войсками было потеряно на несколько часов. Пожалуй, это был один из самых драматичных моментов за всю операцию. По радиии удалось вызвать огонь на себя, и пехота противника не могла подняться. Выбрав момент, Гладков под огнем выбежал из капонира и сумел проскочить к высоте 91,4. Там он собрал небольшую группу и сам повел ее в контратаку.

Силы немцев были уже на исходе. Они не выдержали удара и откатились на высоту «А». Штаб был деблокирован, высота «Б» осталась за нами. Во время контратаки погиб командир 1331-го полка подполковник Н. М. Челов. Часть сил противника была связана боем в самой Керчи, где лишь к вечеру удалось подавить отчаянное сопротивление отдельных групп, еще утром 7 декабря вошедших в город.

Штурмовая авиация, несмотря на плохую погоду, сделала 86 (85) самолето-вылетов по войскам противника и еще 16 — с грузами (сбросили 3,1 т боеприпасов). После захода солнца удар по войскам вокруг Митридата нанесли 14 «Бостонов».

В штабе Отдельной Приморской армии искали выход из тупика. 8 декабря возникла идея высадить десант прямо в Керченский порт. Для этого планировалось использовать оставшуюся морскую пехоту и один полк из состава 16-го стрелкового корпуса. Затем ударом с трех сторон (с основного плацдарма, из порта и с Митридата) намечалось не позднее 10 декабря овладеть Керчью. Но даже при беглом подсчете стало ясно, что у флота не хватит сил на снабжение двух плацдармов и одновременно на десантную операцию.

Сам замысел десанта говорит о том, что командование Приморской армии совершенно разуверилось в способности вверенных ему войск прорвать фронт. В то же время полученный в последнее время опыт показывал, что немцам не удастся отражать высадки с моря. Видимо, так произошло бы и в этом случае. Когда в январе 1944 года дело все же дошло до высадки в порт, десантники смогли занять значительную часть порта и города, хотя немцы готовились к отражению десантов. Другое дело, что первоначальный успех развить вновь не удалось, и линия фронта застыла среди городских кварталов до апреля.

Хотя с падением Эльтигена ситуация на море разрядилась, десантные баржи могли угрожать новому плацдарму. Борьба с ними продолжалась. Вечером 7 декабря в Кротков с юга прибыли 6 торпедных катеров (ТКА-14, ТКА-33, ТКА-34, ТКА-43, ТКА-54, ТКА-65), но состояние моря не позволило нанести запланированный удар по Камыш-Буруну. Утром 8 декабря воздушная разведка обнаружила в Камыш-Буруне семь БДБ. За день по базе при сильном противодействии отработали 24 Ил-2. Кроме того, баржи обстреливала артгруппа Малахова — впервые с 21 ноября ее огонь корректировал Ил-2КР 2-го отряда. Наблюдалось потопление одной БДБ и повреждения двух других. По немецким данным, в результате интенсивного артогня несколько барж получили легкие повреждения, 2 человека были тяжело ранены. Воздушные налеты оказались безрезультатными. Видимо, это связано с тем, что удары проводились в сложных метеословиях.

Днем 8 декабря Петров приказал командующему Азовской флотилией контр-адмиралу Горшкову в ночь на 9 декабря высадить на Митридатский плацдарм 1000 человек с 12 орудиями, 7 рациями, 12 пулеметами, 7 минометами и 20 т разных грузов. Штаб АВФ доложил о готовности и просил подавить артиллерией и авиацией

батарей и прожектора, не допустить прорыва десантных барж в район высадки, запретить нашим прожекторам освещать свои плавсредства на переходе.

За день успели частично отремонтировать пострадавшие тендеры. Те из них, которые не удалось ввести в строй, были заменены другими (находились в ремонте, но были в авральном порядке введены в строй). Кроме того, прибыл ДБ-520. Теперь отряд состоял из БКА-124, БКА-306, 10 тендеров (№№ 21, 31, 35, 51, 53, 61, 75, 91, 94, 95) и ДБ-520.

В 21:50 в Опасной началась посадка войск. Однако через 8 минут немцы обстреляли район причалов. Прямых попаданий не было, но погрузка задержалась. Всего было принято 580 человек из состава 144-го бмп под командованием майора М. И. Зыкова, две 45-мм пушки и 17 тонн грузов. Сигнал сниматься для выхода на рейд был дан в 00:20, в 01:15 отряд двинулся к плацдарму. В 03:35, когда до участка высадки оставалось 7 кабельтовых, Тетюркин дал сигнал развертывания в строй фронта.

Пока все развивалось так же удачно, как в предыдущую ночь. Но через 4 минуты два прожектора с мыса Ак-Бурну осветили бухту, и противник открыл по отряду интенсивный огонь. Бронекатера поставили дымзавесу и в течение всей высадки стреляли прямой наводкой по огневым точкам. Сама высадка продолжалась с 03:50 до 04:50 под огнем. Неприятнее тяжелых и средних батарей были «Эрликоны», бившие по месту высадки из многих мест, в том числе в упор с Генуэзского мола. По батареям должны были работать У-2, но помешала сплошная низкая облачность. Даже высланный «на пробу» самый опытный экипаж не смог обнаружить батареи.

После разгрузки на борт были приняты более 350 раненых, и к 07:50 отряд вернулся в Опасную. Остались не выгруженными с тендера № 31 подарки десанникам от Военного Совета Армии (вероятно, теплые вещи, махорка, продукты и т.п.). Интендант, сопровождавший подарки, не нашел приемщика грузов с документами и не

дал выгрузить имущество — редкий пример бюрократического идиотизма под огнем. Одобрения командования педантичный интендант не получил.

Почти все катера и плавсредства были повреждены, в том числе 4 тендера — тяжело. Более серьезных последствий удалось избежать благодаря тому, что бронекатера непрерывно и умело ставили дымзавесы. Командиры были хорошо проинструктированы и ставили завесы по обстановке, не дожидаясь сигналов.

Уже упоминавшийся офицер Генштаба Лебедев считал, что высадка прошла неорганизованно по вине флота. По его выражению, моряки «сильно боялись слабого обстрела». Тендеры № 31 и № 61, перевозившие минометную батарею, выгрузили матчасть и боеприпасы в воду, а старшина одного из тендеров и командир батареи, требовавший выгрузки на причал, «за небольшим не подрались». Вполне возможно, что команды отдельных тендеров проявили нерешительность под огнем (который сами немцы оценивали как интенсивный). Но очевидны и попытки со стороны командования 83-й бригады жалобами на флот сложить с себя вину за неудачные действия на плацдарме.

Как и в предыдущую ночь, немцы на море не оказали никакого противодействия. Почему же это произошло? Вечером 8 декабря из 6 имевшихся БДБ четыре (группа Бендера — F333, F395, F401 и F559) вышли в южную часть Керченской бухты, а остальные две — в дозор между Камыш-Буруном и Павловским каналом. Баржи прибыли в Керченскую бухту в 18:30. В 03:00 они вынуждены были выйти из бухты, так как задул зюйд-вест силой до 6 баллов и возникла опасность сдрейфовать на собственные минные заграждения. Это произошло за полчаса до обнаружения нашего отряда немецкими береговыми постами. Баржи смогли вернуться в бухту лишь в 05:30 (без F395, которая вышла из строя из-за поломки моторов). Но и теперь перехватить возвращающийся от горы Митридат отряд не удалось. Между нашими

катерами, шедшими близко к берегу, и вражеским дозором лежали минные заграждения, выставленные немцами при уходе из Керченского порта в начале ноября.

Вечером 9 декабря наконец состоялся набег торпедных катеров на Камыш-Бурун. Отряд из 4 катеров (ТКА-82, ТКА-53, ТКА-33, ТКА-43) под командованием капитан-лейтенанта А. И. Кудерского в 18:20 вошел незамеченным в Камыш-Бурунскую бухту. В 18:27 и 18:37 катера попарно дали прицельные залпы по силуэтам БДБ (из 8 торпед одна не вышла из-за плохой подготовки торпедного вооружения). Не встретив вообще никакого противодействия, отряд вернулся в Кротков. Кудерский доложил о трех потопленных баржах, но по результатам воздушной разведки были засчитаны две. В немецких документах эти атаки вообще не зафиксированы, хотя отмечены гораздо менее значимые события, чем торпедные удары по кораблям в базе. В донесении Кудерского отмечено, что в районе Камыш-Буруна встречались полосы тумана, створные огни на косе Тузла не горели, что затрудняло подход к «точке». Все это вкупе с полным отсутствием противодействия (а между первым и вторым залпом прошло 10 минут — достаточно, чтобы хотя бы осветить акваторию порта ракетами и прожекторами) заставляет предположить, что катера по ошибке отстрелялись по берегу в стороне от базы. А отдаленные взрывы торпед для немецких наблюдателей «затерялись» на фоне взрывов бомб, которые постоянно сбрасывали наши ночные бомбардировщики.

В любом случае сам замысел операции вызывает недоумение. Из опыта предыдущих недель было прекрасно известно, что баржи выходят в дозор с наступлением темноты. То есть после окончания вечерних сумерек в Камыш-Буруне можно было застать только небоеспособные БДБ, удар по которым мало что менял. В данном случае в базе стояла у стенки только выведенная из строя F447. Кроме того, в разных местах на бере-

гу лежали вытасченные из воды остовы нескольких разбитых барж.

В дозор к мысу Ак-Бурну выходило звено капитан-лейтенанта А. Ф. Африканова (ТКА-14 и ТКА-54). Они провели бурный вечер, так как оказались на линии дозора немецких барж. В 19:17 и 19:18 оба катера атаковали тремя торпедами одинокую F559. По наблюдению, все три торпеды взорвались в районе цели. F559 не пострадала, но с нее наблюдали следы двух торпед. БДБ открыла ответный огонь, наблюдались попадания в оба катера — такие же «достоверные», как и попадания торпед. В 19:54 наши катера обнаружили еще 2 БДБ (видимо, F342 и F578), и через 3 минуты ТКА-14 выпустил последнюю торпеду. В районе цели наблюдался взрыв. Командование по итогам выхода посчитало, что эта атака закончилась промахом, и было право — немцы атаку даже не заметили.

Поскольку бои за Митридат неожиданно для немцев затянулись, с 00:00 (02:00) 9 декабря была сформирована группа Гарайса. Помимо 98-й пехотной дивизии с многочисленными частями усиления, в группу вошла 3-я румынская горнострелковая дивизия (6-й, 12-й, 21-й горнострелковые батальоны, 1-й и 3-й горные артдивизионы). Румынская дивизия спешно направлялась к Керчи по железной дороге и автотранспортом. Фактически внутри 5-го армейского корпуса был сформирован «малый армейский корпус». Немецкое командование убедилось, что на Митридатском плацдарме гораздо больше сил, чем считалось ранее. Теперь было решено основательно подготовиться и ликвидировать плацдарм 11 декабря. Разработанная операция получила название «Посейдон». До решительного удара следовало стремиться к сужению плацдарма. На утро 9 декабря планировалась частная атака для захвата высоты «Б».

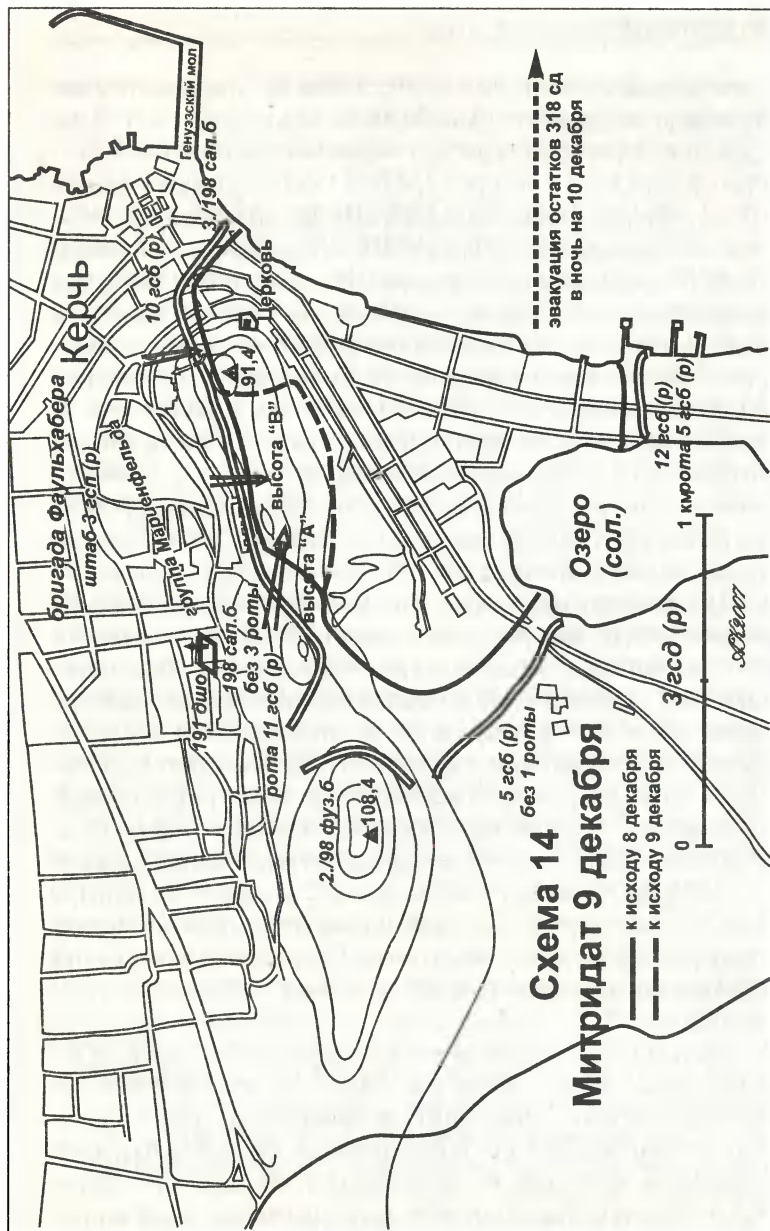
В 05:30 (07:30) 9 декабря сильная ударная группа 282-го полка внезапно атаковала высоту при мощной

артподдержке (схема № 14). Несмотря на это, десантники ожесточенно сражались буквально за каждый метр. Однако силы были неравны, и через час высота попала в руки противника. Об упорстве оборонявшихся говорят наши потери. Немцы насчитали 160 убитых бойцов и только 26 пленных (видимо, большей частью раненых). Подвиг защитников высоты сыграл свою роль. После ее захвата немцы планировали немедленно атаковать высоту 91,4. Однако слишком большие силы были израсходованы в бою за высоту «Б», сила сопротивления впечатляла, и в этот день противник отказался от дальнейших атак.

К сожалению, погода была практически нелетная (10-балльная облачность высотой 100 метров), поэтому утром наша авиация ничем не смогла помочь. Первая четверка «Илов» появилась над целью в 12:03. Всего за день штурмовики сделали 33 (34) самолето-вылета по войскам, артиллерии и штурмовым орудиям, применяя против последних ПТАБы. Снова отличились флотские разведчики из 30-го рап. Утренняя пара «Киттихауков» попутно с разведкой штурмовала различные цели на Керченском полуострове, в том числе в 08:25 подожгла в капонирах на аэродроме Багерово один Ме-109. В дневном донесении немецкой 9-й зенитной дивизии подтверждается уничтожение одного самолета на земле. Это, насколько известно, единственный результативный удар по аэродрому противника в ходе операции. Любопытно, что сгоревший истребитель (Bf109G-6 из II./JG52) числится в списке потерь генерал-квартирмейстера Люфтваффе поврежденным на 15%.

6.2. Эвакуация с Митридатского плацдарма

9 декабря командованию Приморской армии стало ясно, что удержать плацдарм не получается. Петров запросил мнение Гладкова об эвакуации. Комдив согласился, что в сложившихся условиях эвакуация неизбежна. В результате на третью ночь Митридатской операции

Азовская флотилия получила прямо противоположный приказ — эвакуировать войска.

Снова отряд Тетюркина собрался у Опасной — СКА-04, БКА-321, 11 тендеров (№№ 11, 15, 21, 31, 35, 44, 51, 53, 75, 86, 95), 4 бота (ПВО-23, ДБ-503, ДБ-514, ДБ-520), два сейнера (№ 2223 и КАТЩ-176), буксирный катер (КАТЩ-182), а также 2 катера ЗИС в роли посыльных и дымзавесчиков. Сейнеры, которые не могли подойти к берегу, должны были принимать десантников с тендеров и ботов. Предусматривалась поддержка артиллерией и ночной авиацией. 00:30 10 декабря началась съемка с якоря, в 01:30 катера легли на курс. Погода: ветер норд-ост 4 балла, море 2—3 балла, видимость 20 кабельтовых, луна в 1-й четверти. Кроме этих катеров, в 00:45 из Опасной в дозор между мысом Ак-Бурну и Генуэзским молом Керченского порта вышел АКА-126.

Не подозревая о том, что наше командование уже отказалось от борьбы за плацдарм, командир немецкого 5-го корпуса запланировал ликвидацию этой «заны» на 11 декабря. Он попросил у «Адмирала Черного моря» ни в коем случае не допустить доставки подкреплений Митридатской группе. Но Бринкман с сожалением констатировал, что блокада по типу Эльтигенской невозможна — этому мешают собственные минные поля, поэтому остается надежда только на береговые батареи.

Вечером 9 декабря в море вышли 5 оставшихся в строю БДБ. Командир 613-го дивизиона морской артиллерии получил приказ установить на молах дополнительные станковые и ручные пулеметы, а также 20-мм зенитные автоматы.

При проходе мыса Змеиный отряд Тетюркина осветили прожектора с мыса Ак-Бурну. На этот раз их было не два, а четыре. Противник открыл огонь, когда до места оставалось 25—30 кабельтовых. В обстреле приняли участие и зенитные батареи. В 03:25 Тетюркин с борта СКА-04 дал сигнал о начале артподготовки. За 35 минут ведения огня нашей артиллерии так и не удалось пога-

сить прожекторы. Затем огонь был перенесен вглубь вражеской обороны. По нашим данным, артподготовка не оказала заметного влияния на интенсивность огня немецкой артиллерии¹.

На этот раз огонь по нашим катерам вели не только батареи, но и пара БДБ Керченского дозора. Они маневрировали в районе Генуэзского мола, то есть практически на пути у нашего отряда. При этом наши катера на фоне берега барж не видели. Не обнаружил их и АКА-126, линия дозора которого почти совпадала с немецкой. Еще в 01:40 он дал сигнал о том, что проход свободен. Казалось бы, внезапная встреча с БДБ при подходе к берегу неизбежна. К счастью, часть снарядов с наших батарей упали (видимо, случайно) в западной части бухты. В результате прямых или осколочных попаданий на F333 вышли из строя 75-мм орудие и один мотор, 2 человека были убиты и 2 ранены. Немецкие моряки считали, что им перепало и от своих батарей (возможно, перелеты при обстреле Митридатского плацдарма), и ушли в Камыш-Бурун. Там командир группы обер-лейтенант-цур-зее Мейер выгрузил убитых и раненых и собирался вернуться в Керченскую бухту, но ему якобы помешал туман. Так или иначе, но путь нашему отряду оказался расчищен.

АКА-126, пытаясь обеспечить подход отряда, проскакивал от мыса Ак-Бурну до Генуэзского мола и обратно, обстреливая прожекторы и батареи, а также ставя дымзавесы. Отчет командира катера младшего лейтенанта Ф. П. Бублика изобилует малореальными эпизодами — уничтожение огнем РС одного за другим двух прожекторов на мысе Ак-Бурну и одной батареи на молу. Вероятность попадания хотя бы одного РС с катера в беспокойном

¹ 10 декабря батареи 3./613 и 4./613 подвергались сильным обстрелам. При этом на батарее 4./613 в строю осталось одно орудие из трех, а прожектор был выведен из строя так, что требовал замены. Однако неизвестно, когда все это произошло — в ночь 9/10 декабря, днем 10 декабря или следующей ночью.

море по малоразмерным целям практически равнялась нулю. Тем не менее отважный экипаж принес несомненную пользу постановкой дымзавес, а также тем, что отвлекал на себя часть вражеского огня.

В 04:00 Тетюркин дал сигнал к разворачиванию. В 04:20 к берегу подошли три тендера и два десантных бота, но войск не обнаружили. Через 7–15 минут катера начали отход от берега, так как огонь противника стал невыносим. В это время к берегу вышли 35 десантников. Их успел принять ДБ-520. От десантников стало известно, что выход основных сил к берегу сорван артогнем противника. Тетюркин приказал всем катерам, осадка которых позволяла подойти к берегу, идти к плацдарму. ДБ-520 пересадил 35 спасенных на сейнер и также пошел к берегу. Тендер № 35 вышел правее рекомендованного курса и в 04:30 погиб на mine со всей командой. Через минуту погиб на mine ДБ-503 (по другим данным, потоплен прямым попаданием снаряда). Первым в 05:00 к берегу подошел тендер №51, остальные подходили вплоть до 05:30.

Посадка людей проходила под сильным огнем и закончилась к 06:40, когда Тетюркин дал сигнал об отходе. Всего удалось вывезти 1080 человек — главным образом личный состав 318-й сд во главе с Гладковым. Старшим на плацдарме остался командир 83-й бригады¹. В 9 часов утра отряд прибыл к Опасной. Помимо погибших тендера и бота, 5 тендеров, 2 бота и КАТЩ-176 получили повреждения (некоторые из них — тяжелые). Команды катеров потеряли 22 человека убитыми и 38 ранеными.

Немцы оценили наши потери от артогня в 9 катеров (в действительности — в лучшем случае один десантный бот). Зенитчики заявили о потоплении двух десантных катеров, еще 4 катера загорелись. БДБ наблюдали попадания, но на потопление каких-либо катеров не претендовали. То, что БДБ смогли поучаствовать в бою, не-

¹ По документам бригады, командиром был подполковник Ф. Д. Овчинников, но офицер Генштаба в своем докладе называет его Мурашевым.

смотря на досадное наличие собственных минных заграждений, было расценено Бринкманом как немалый успех. Немцы ошибочно посчитали, что советский отряд безуспешно пытался доставить подкрепления. Адмирал Черного моря с немалым самомнением отметил, что благодаря успеху береговых батарей и БДБ армия получила шанс быстро ликвидировать «крайне опасный плацдарм».

Гарайс запланировал атаку высоты 91,4 на 10 декабря (схема 15). Чтобы собрать достаточные силы, он включил в ударную группу немецкие войска, державшие фронт против северного участка Митридатской группы, а на их место срочно перебросил 9-й румынский кавполк. Атака началась в 05:15 (07:15) после сильной артподготовки. Ударную группу (подразделения 282-го пп, 2-й эскадрон 150-го разведдивизиона, 2-я рота 71-го саперного батальона, 198-й саперный батальон) возглавил лично Фаульхабер. При поддержке штурмовых орудий высотой удалось овладеть к 09:30. Срочно началась подготовка следующей атаки — против южной части Керчи.

Собранная группировка намного превосходила оставшиеся на плацдарме силы. При поддержке артиллерии и авиации противник начал атаку в 16:00 и к исходу дня занял значительную часть плацдарма, в том числе прибрежную полосу. Лишь после этого немецкое командование почувствовало, что плацдарм обречен.

Почему немцы в предыдущие дни встречали жесткий отпор, а 10 декабря так легко заняли гору Митридат? Дело в том, что ночью в связи с будущей эвакуацией Гладков сдал оборону высоты 91,4 командиру 83-й бригады. Но тот впоследствии утверждал, что оборону не принимал, а уход 318-й дивизии негативно повлиял на личный состав его бригады. Так или иначе, подразделения бригады заняли оборону на южных скатах, а на вершину высоты не вышли. Практически ключевая позиция была отдана немцам без боя, что серьезно затруднило эвакуацию. Наши штурмовики за день сделали

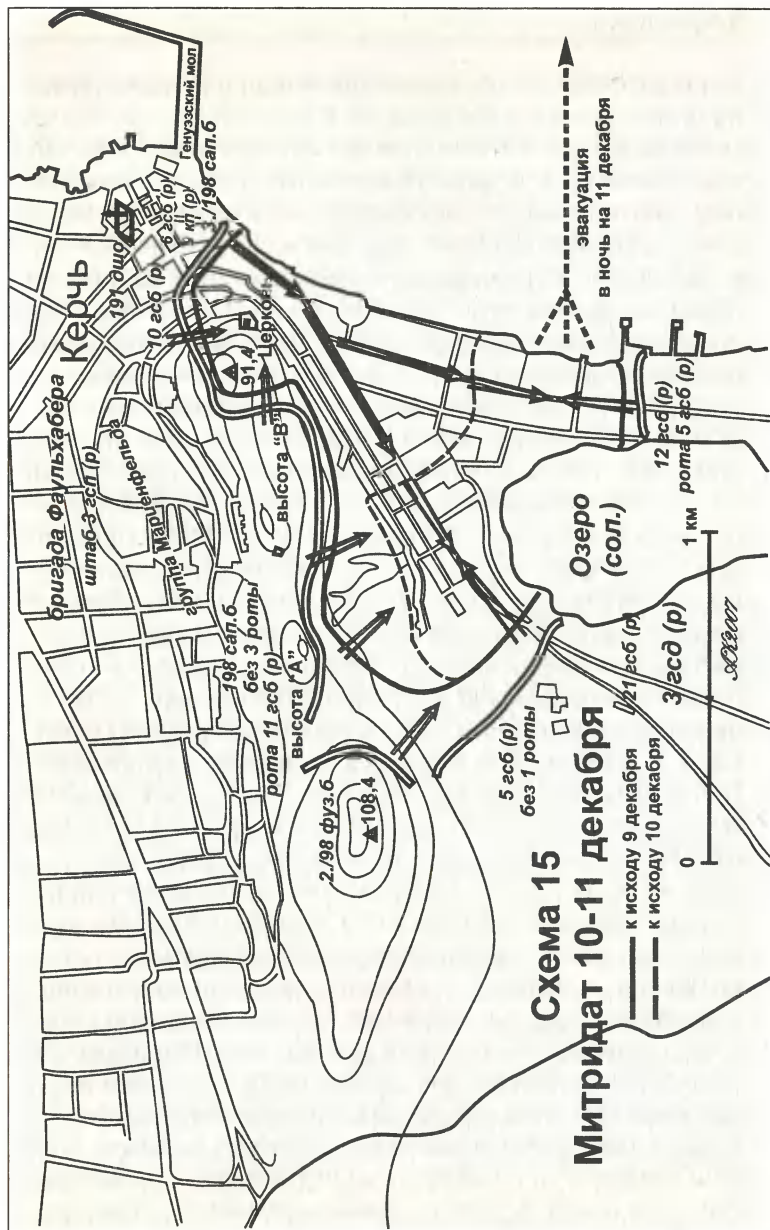
13 самолето-вылетов. Немецкая авиация нещадно бомбила плацдарм.

Личный состав 83-й бригады по своим качествам оказался не готов заменить 318-ю дивизию. Люди были морально подавлены. К исходу дня часть бойцов оставила позиции и начала вязать плоты из подручных средств. Комбриг потерял управление, сначала запрещал, а потом разрешил подготовку плотов. К счастью, противник не смог организованно провести атаку в темное время, иначе последняя ночь закончилась бы полной катастрофой.

Сами немцы посчитали, что причиной их неожиданных успехов 10 декабря стало убийство Гладкова со штабом 318-й сд — на плацдарме не чувствовалось единого руководства. Но о том, что эвакуация уже началась, немцы не догадывались. Поэтому днем 10 декабря командир 1-й десантной флотилии получил от «Адмирала Черного моря» приказ любой ценой, невзирая на возможные потери, не допустить доставку подкреплений следующей ночью. В строю оставались 4 БДБ. Две из них остались в дозоре у базы, а F342 и F578 во главе с оберштойерманом Кохом направились в Керченскую бухту.

Отряд Тетюркина к 21:00 10 декабря в четвертый раз собрался у Опасной. На сей раз он состоял из СКА-04, СКА-036, АКА-126, 5 тендеров (№№ 11, 15, 34, 41, 61), 6 ботов (ПВО-19, ДБ-5, ДБ-20, ДБ-509, ДБ-514, ДБ-520), катеров-тральщиков (сейнеров) КАТЩ-182 и «Таганрог», а также катеров ЗИС № 1780 и № 1788 в роли посыльных и дымзавесчиков. Отряд должен был вывезти остатки десанта с плацдарма. Снова была запланирована арт- и авиаподдержка. В 00:03 катера начали сниматься с якорей. Движение к плацдарму началось в 01:15 после построения в одну кильватерную колонну. Погода: ветер норд-ост 2 балла, море 2 балла, видимость 15 кабельтовых.

В 20 кабельтовых от берега отряд был освещен прожекторами, после чего противник открыл сильнейший огонь, в том числе и из зенитных орудий. В ответ начали артподготовку и наши батареи. Как и раньше, их

огонь по огневым точкам был не слишком эффективен, но одного им точно удалось добиться: десантные баржи ушли из бухты и в бою участия не приняли. Впрочем, как отмечено в немецких флотских документах, прицельный огонь был бы все равно невозможен из-за большого числа всплесков от падения снарядов с батарей.

Десантные баржи, остававшиеся южнее входа в бухту, обнаружили наш отряд в 03:30 («4 СКА и около 20 ДКА»). Вопреки драматическому приказу Бринкмана, командир группы отказался от атаки советских катеров, якобы опасаясь попасть по немецким позициям в порту.

Сквозь стену разрывов в 04:00 к берегу прорвались 3 тендера, в 04:20 — один бронекатер и один десантный бот. Сторожевые катера и АКА-126 непрерывно ставили дымзавесы и вели обстрел огневых точек и прожекторов. СКА-04, ведя огонь по батареям на мысе Ак-Бурну, уклонился влево от рекомендованного курса и погиб на mine. Погибли шесть человек экипажа и театральный режиссер капитан Лившиц — очевидно, собиравший материал для очередной постановки в театре при Политуправлении ЧФ. Остальных, включая Тетюркина и штаб высадки, подобрал тендер и катер ЗИС. Штаб высадки перешел на СКА-036, а сам командир остался на катере ЗИС, с которого и продолжал управлять боем, метаясь между катерами по бухте.

К 06:45 основная масса десантников, вышедших к берегу, была снята. Когда в 06:47 к берегу подошел тендер № 51, его встретил огонь немецких автоматчиков и штурмовых орудий. Через 6 минут тендер подошел к другому месту, но и там берег уже был занят противником. С большим числом пробоин тендер смог уйти от берега.

В 07:02 Тетюркин дал сигнал отходить. Однако для спасения самостоятельно эвакуирующихся десантников с воды несколько плавсредств были оставлены. Они осмотрели район вплоть до мели у западной оконечности косы Тузла. Кое-кого удалось подобрать. Известно, что ДБ-509 и ДБ-514 подобрали людей у мыса Павлов-

ский и недалеко от косы Тузла. Всего за ночь было снято с берега и подобрано из воды 360 человек.

Немецкие батареи повредили несколько катеров, но потопить не удалось никого. Немцы оценили результаты своей стрельбы на редкость неадекватно. «Адмирал Черного моря» посчитал, что были потоплены 4 больших и 8 малых катеров, а остальные не смогли подойти к берегу. По мнению командира 5-го армейского корпуса, было потоплено не менее 15 катеров! Командир 9-й зенитной дивизии засчитал своим батареям 3 больших и 4 малых десантных катера потопленными, а еще 3 больших десантных катера — поврежденными. Очевидно, и выживание катеров под ураганным огнем, и немецкие ошибочные оценки объясняются эффективным использованием дымзавес.

В 08:30 один десантный бот и катер ЗИС вышли из Опасной в надежде подобрать из воды спасающихся на подручных средствах десантников. Но никого обнаружить не удалось. Еще один безрезультатный поиск произвели в ночь на 12 декабря между Керчью и заводом имени Войкова ДБ-511, ДБ-512 и ПВО-21.

В общем, отряд Тетюркина в течение четырех ночей действовал достаточно удачно и ни разу не сорвал выполнение поставленных задач. Действовать пришлось в сложнейших условиях — отсутствие времени на подготовку, предопределенность маршрута, известного противнику; относительно тесная и сильно заминированная бухта; большое количество батарей, в том числе вооруженных зенитными автоматами и в большинстве своем расположенных на очень небольшом расстоянии. В таких условиях отряд понес на удивление малые потери — сторожевой катер, десантный бот и тендер. Ни один катер не подрывался на рекомендованном курсе. Оба подрыва стали следствием вынужденного или случайного отклонения с «фарватера» и для тех условий должны рассматриваться как самые минимальные жертвы.

Последняя ночь эвакуации прошла хаотически, но при отсутствии организованного сопротивления 83-й

бригады на берегу трудно было ожидать иного. Армейское командование осталось очень недовольно тем, как был организован вывоз войск. Но можно ли было нормально принимать на борт людей, когда по берегу в месте посадки разъезжали немецкие штурмовые орудия?

Отдельные группы, отрезанные от берега, продолжали сопротивляться. Бои под Митридатом закончились только к двум часам дня.

Днем 11 декабря, когда бои уже практически закончились, авиация Черноморского флота нанесла очередной удар по Камыш-Буруну. Две шестерки «Илов», несмотря на ограниченно летную погоду, противодействие истребителей и зенитной артиллерии, добились прямого попадания ФАБ-100 в баржу F559. Бомба прошла через надстройку и взорвалась в трюме. БДБ приняла очень много воды и выбросилась на берег. Сначала немцы посчитали ее полностью потерянной, но потом подняли и отбуксировали на ремонт в Одессу. Успели ли они отремонтировать баржу до августа 1944 года — пока установить не удалось.

11 декабря штаб 3-й группы высадки был расформирован, а Керченская база выведена из подчинения Холостякову и оперативно подчинена командующему Азовской флотилией. Керченско-Эльтигенская операция завершилась.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Замысел высадки на Керченском полуострове был построен на ошибочных предположениях об уходе немцев из Крыма. Запланированные объемы и темпы переправы не были обеспечены средствами. Вмешательство серьезных сил немецкого флота не ожидалось и в планах не учитывалось. Все это особенно сильно сказалось на вспомогательном направлении — в Эльтигене. Если бы немцы, в свою очередь, не наделали серьезных ошибок в первые дни ноября, история Эльтигенского десанта могла бы оказаться совсем короткой.

Но десантники проявили настоящие чудеса героизма и удержали то, что при других обстоятельствах можно было удержать скорее теоретически, чем на практике — узкую полосу земли, на которой была возможна поддержка артиллерии с другого берега. Противник по достоинству оценил высокую боеспособность и боевой дух 318-й дивизии, а также командирские способности и волевые качества Гладкова. 4 ноября, призывая командира 98-й пехотной дивизии Гарайса к стойкости на фронте перед 56-й армией, командир 5-го армейского корпуса Альмендингер заявил: «Наши солдаты должны сделать то же, что русские сделали в Эльтигене» [т.е. выстоять]. Такие «признания врага сквозь зубы» часто использовались в художественных произведениях, чтобы подчеркнуть героизм наших солдат. Но в реальных документах подобные высказывания встречаются очень редко.

Десантники выдержали не только первую неделю ожесточенных боев, когда критические и закритические ситуации следовали одна за другой. Они смогли сохранить боевой дух и в изматывающих условиях четырехнедельной глухой блокады, пережили голодные беспросветные будни и давление вражеской пропаганды.

Ситуация вокруг Эльтигена лежала тяжелым камнем на душе у командующего фронтом Петрова и его штаба. Они своими руками загнали 318-ю дивизию в ситуацию, редкую (если не уникальную) для нашей армии во второй половине войны. И теперь единственное, чем командование могло помочь десанникам — это дорогой ценой обеспечивать им блокадный паек.

Немцы существование Эльтигенского плацдарма также переносили нелегко. Особенно страдал флот, вынужденный держать свои силы в Камыш-Буруне под ударами нашей авиации и изнурять экипажи постоянными ночными выходами. Организатор блокады, «Адмирал Черного моря» вице-адмирал Г. Кизерицки, сам 19 ноября сложил свою голову в Камыш-Буруне. Он, а после его гибели контр-адмирал Г. Бринкман, регулярно обращались к

армии с предложениями, суть которых можно передать примерно так: «Ну сделайте наконец что-нибудь с Эльтигеном, прекратите этот кошмар!»

В декабре эльтигенцы выдержали трое суток атак превосходящих сил врага. Дело дошло до того, что командующий 17-й армией задумался о прекращении операции. Вероятно, если бы Приморской армии и флоту удалось доставить группе Гладкова боеприпасы, враг в очередной раз отступился бы от Эльтигена. Но переправить смогли лишь жалкие крохи.

Когда наше очередное наступление под Керчью постигла та же судьба, что и предыдущие, последняя надежда на спасение группы Гладкова угасла. Отдавая приказ о прорыве на север, Петров вряд ли верил в его счастливый исход. Это показывает и полная неготовность командующего использовать внезапный успех десантников, и его бурная радостная реакция — вплоть до немедленного донесения Сталину о свершившемся чуде.

Прорыв к горе Митридат стал самой яркой гранью многодневного подвига Эльтигенской группы. Противник несколько часов вообще не мог поверить, что после всего случившегося основные силы десанта смогли вырваться из кольца, сохранив организацию и боеспособность. И уж тем более неожиданным для немцев стал захват этими истощенными людьми с одним стрелковым оружием и почти без боеприпасов ключевой позиции в районе Керчи.

Конечно, трагедия осталась трагедией. В руки противника попали тяжелораненые бойцы, оставленные в Эльтигене. Первоклассная дивизия понесла тяжелые потери. Но ее костяк сохранился, после пополнения 318-я дивизия быстро вернулась в строй. Вышедшие из пекла бойцы чувствовали себя победителями. Прорыв превратил неудачную операцию в героическую эпопею.

Противник, безусловно, улучшил свое положение. Но уход группы Гладкова от неминуемой гибели или плена смазал у врага ощущение победы. Например, один из основных участников боев на Керченском полуострове —

командир 98-й дивизии М. Гарайс — в своей книге о боевом пути родного соединения даже назвал захват Эльтигенского плацдарма «победой» в кавычках. Воля к борьбе и высокая боеспособность десантников в тяжелейших условиях произвела немалое впечатление на противника. Наличие таких боеспособных соединений и моральный дух их бойцов не сулили врагу ничего хорошего.

Фотографии эльтигенского пляжа с разбросанными телами наших бойцов и разбитыми катерами появились в немецких газетах. Думали ли оккупанты в Крыму, глядя эти снимки, что многие из них видят свое недалекое будущее? Всего через полгода остатки 17-й армии усеяли своими трупами и брошенной техникой последний клочок крымской земли — мыс Херсонес.

ОТ АВТОРА: Когда сборник уже был в верстке, мне удалось найти координаты немецких минных заграждений, выставленных в Керченской бухте после октября 1943 года, данные по которым так и не были переданы нам бывшими противниками после войны. При наложении на схему этих заграждений курса нашего отряда выяснилось, что фактически он пересекал две линии донных и якорных мин под очень острым углом, причем через последнюю линию наши катера в декабре ходили не менее восьми раз! При этом за 4 ночи случилось всего 2 подрыва, и оба — в стороне от имевшихся заграждений, то есть на дрейфующих минах.

Можно предположить что с конца 1943 года взрыватели немецких донных мин содержались в ненадлежащих условиях, либо же мины готовились к постановке с серьезными нарушениями. Якорные же мины ФМС, которые обычно работали исправно, в ночь на 12 ноября, когда немецкий флот уходил из Керчи, были выставляли в спешке и в незапланированном месте. Возможно, эти мины также плохо готовились к постановке.

Автор выражает признательность за помощь *Н. Н. Баженову, Р. И. Ларинцеву, А. А. Лучко, Т. В. Кузнецовой, М. Э. Морозову, С. В. Патянину, Л. А. Токаревой, а также коллективу Центрального Архива Министерства Обороны.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТУЛОКСИНСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

(Ладожское озеро, 1944 год)¹

Задачи десанта и общая обстановка

Тулуксинская десантная операция была проведена частями 7-й армии Карельского фронта совместно с Ладожской военной флотилией с 23 по 27 июня 1944 года. Она является частной операцией, цель которой состояла в том, чтобы высадкой десанта в тылу противника перерезать его основные коммуникации на восточном побережье Ладожского озера и, создав угрозу окружения, содействовать тем самым разгрому олонекской группировки финнов.

С 10 июня 1944 года войска Карельского фронта начали деятельную подготовку к наступательной опера-

¹ Печатается по: Сборник материалов по изучению опыта войны. Выпуск 15, ноябрь-декабрь 1944 г. М.: Управление по использованию опыта войны ГШ КА. Воениздат, 1945. С. 140—157. Текст подвергся незначительной правке. (*Прим. ред.*)

ции на участке между Онежским и Ладожским озерами. В порядке подготовки к операции командование Карельского фронта поставило перед Ладожской военной флотилией 14 июня 1944 года следующую задачу:

«Высадкой десанта в период 21—22 июня¹ в районе рек Олонка и Видлица и артиллерийским огнем кораблей с озера содействовать наступлению левофланговых частей 7-й армии вдоль восточного побережья Ладожского озера».

Во исполнение этого указания штаб флотилии разработал план операции, который и был утвержден командованием фронта.

Командующий ладожской военной флотилией, принимая решение на высадку десанта, учитывал, что противник на Ладожском озере активности не проявлял, его корабельный состав находился преимущественно в районе баз. Состав вражеской флотилии определялся до двенадцати СКА², из которых до восьми постоянно находились в базах западного побережья, а остальные в базах восточного побережья (Видлица, Сальми). Кроме того, в базах Кексгольм и Лахденпохья находились ТКА типа «Сису»³. Четыре десантные баржи «Зибель»⁴

¹ Наступление Карельского фронта началось в 8 часов утра 21 июня. (Прим. ред.)

² Имеются в виду катерные тральщики типа «Муйку» их действительно было 12. (Прим. ред.)

³ Три 12-тонных катера — «Винха», «Сиексю» и «Нуоли». Вооружение каждого состояло из двух 20-мм автоматов и трех мин заграждения, торпедные аппараты были сняты. Катер «Сису» в 1942 году был выведен в Финляндию. (Прим. ред.)

⁴ На самом деле финны имели на Ладоге лишь два парома Зибеля (по два 105-мм орудия и два 20-мм автомата) и четыре артиллерийских баржи типа МАЛ (БДБ по советской классификации, два 88-мм орудия, один 37-мм и четыре 20-мм автомата). (Прим. ред.)

и 5–6 десантных катеров И-6¹ находились до последнего времени в шхерном районе Лахденпохья.

Авиация противника базировалась таким образом: один истребительный полк (до 16 машин Кертис-36 и ФД-21) на аэродроме Нурмалица и один бомбардировочный полк на аэродромах Сортавала, Нива, Риста-лахти, Иознсу. Здесь отмечалось до 34 самолетов Ю-88, Хе-111, До-215 и «Бристоль-Бленхейм».

Большая глубина озера в районе восточного побережья позволяла постановку минных заграждений. Однако данных о постановке противником мин на Ладожском озере не имелось. Отсутствие мин в районе предполагаемой высадки подтверждалось тем, что из устья рек Олонка, Тулокса, Видлица шла оживленная перевозка леса в северо-западные финские порты, причем буксиры с баржами не придерживались постоянно одного и того же фарватера.²

Разведка установила, что береговую оборону Ладожского озера и островов осуществляет ладожская бригада береговой обороны финнов. Подходы к базам и участком восточного побережья, достижимые для десантов, противник защищал развитой сетью береговых батарей, установленных в районе Видлица, на островах Оало и Гачь, в районе Габаново и Гумборица.

На побережье между реками Тулокса и Видлица имелось проволочное заграждение в 1–2 кола, более развитое в устьях этих рек. Здесь же визуальной корабельной и воз-

¹ Очевидно, имеются в виду 78-тонные моторные катера типа VMV, вооруженные одним 57-мм орудием и одним 20-мм автоматом. Таких катеров у финнов на Ладоге было четыре VMV-101, VMV-103, VMV-104 и VMV-105. В целом следует отметить, что советская сторона имела подробную и достоверную информацию о боевом составе финской Ладожской флотилии. (*Прим. ред.*)

² Финны действительно ставили минные заграждения на Ладоге в очень ограниченном количестве. Всего было выставлено 124 мины — 120 южнее, восточнее и юго-восточнее острова Мантсинсаари, в 30 км северо-западнее места высадки, и еще 4 мины — в бухте Саунаниemi на западном берегу острова. (*Прим. ред.*)

душной разведкой было отмечено до восьми ДЗОТ или землянок и несколько наблюдательных пунктов. На побережье в этом районе имелось сильное охранение. Усть-Видлица, аэродром Видлица и станция Котчила прикрывались зенитной артиллерией и истребительной авиацией.

Учитываю группировку сил и средств противника, а также характер местности, командующий Ладожской военной флотилией выбрал два участка высадки: основной участок — от устья реки Тулокса до точки в 2 км северо-западнее и запасный участок — в районе мыса Охта.

Первый участок удовлетворял всем требованиям для действий как сухопутных, так и морских войск. Десятиметровая изобата подходит на 5 кабельтовых (925 м) к берегу. Отсутствие валунов и подводных камней позволяет высадочным средствам подходить вплотную к берегу. Берег представляет собой песчаный пляж, тянувшийся полосой шириной до 100 м. Далее берег покрыт лесом и возвышается над уровнем озера от 3 до 6 м.

Железнодорожный путь и шоссе в этом месте подходят к озеру на 700—1000 м. что давало возможность десанту сразу же перехватить эти дороги. Но противник мог попользоваться железную дорогу для действий бронепоезда, а также подбросить к месту высадки нашего десанта резервы и по железной дороге, и по шоссе.

Расстояние от места высадки до главной базы Ладожской военной флотилии (Новая Ладога) 65 миль (120 км) и до линии фронта 35 миль (65 км)

При принятии решения также учитывалось, что точность подхода к месту высадки обеспечивалась знаками на острове Крестовый, у Видлица и триангуляционным знаком на мысе Дальний.

Силы и средства десантной операции

Десантные войска. Решением командующего Карельским фронтом в качестве десанта была выделена 70-я отдельная морская стрелковая бригада¹ в составе:

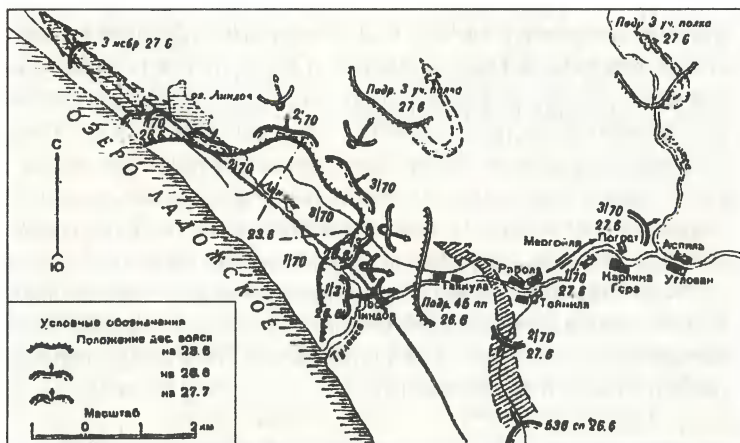
¹ Командир — подполковник А. В. Блак. (Прим. ред.)

бойцов — 3667;
76-мм орудий — 12,
45-мм орудий — 18;
120-мм минометов — 8,
82-мм минометов — 27,
50-мм минометов — 27;
ПТР — 72;
станковых пулеметов — 36;
ручных пулеметов — 72;
огнеметов — 6;
автомашин разных — 71;
повозок и двуколок — 253;
лошадей — 790;
боеприпасов и разных грузов — 135 т.

Командующий 7-й армией поставил 70-й морской стрелковой бригаде задачу: высадиться в районе озера Линдоя, река Тулокса, перерезать идущие по побережью железную и грунтовую дороги, не допустив отхода противника от города Олонец, а также подхода его резервов со стороны Погран. Кондуши, Видлица, и прочно удерживать захваченный плацдарм до подхода главных сил 7-й армии с юга.

Корабельный состав. Ввиду того что операция проводилась в период белых ночей, что не обеспечивало скрытности подхода и высадки десанта, решено было строить расчет на быстроту действий и силу удара. Из этих соображений к участию в операции были привлечены все боевые корабли Ладужской военной флотилии, мореходность которых позволяла выходить в озеро. Участвовало в операции 5 канонерских лодок, 2 бронекатера, 7 катеров «морской охотник», 2 торпедных катера, десантная баржа, 4 тральщика, спасательное судно «Связист», 2 парусно-моторные шхуны, 10 одинарных и 3 спаренных тендера, 14 катеров «КМ», 8 катеров «ЗИС», 8 мотоботов, 3 буксира и 5 озерных (несамоходных) барж.

Все боевые корабли и транспортные средства разделялись на четыре отряда.

Отряд артиллерийской поддержки десанта в составе пяти канонерских лодок и двух бронекатеров. Отряд имел задачу произвести тщательную артиллерийскую обработку участка высадки, содействовать огнем закреплению десанта на берегу и дальнейшему его продвижению, а также быть готовым прикрыть десантные подразделения с озера на случай контратаки их противником.

Отряд охраны в составе шести катеров «МО», двух торпедных катеров и одной десантной баржи ДБ-51¹ имел задачи: непосредственно охранять десантные части, прикрыть огнем и дымовыми завесами движение высадочных средств к берегу, подавить огневые средства и живую силу противника в момент высадки, содействовать десанту в закреплении на берегу и прикрывать частью сил десантный отряд с озера вместе с канонерскими лодками.

Отряд транспортов в составе трех транспортов, спасательного судна, двух шхун и двух тральщиков.

Отряд высадочных средств в составе двенадцати катеров типа «КМ», семи катеров «ЗИС», девяти одинарных и трех спаренных тендеров и девяти мотоботов.

Отряды транспортов и высадочных средств имели задачей погрузить части 70-й отдельной морской стрелковой бригады в Новой Ладогe и высадить в районе устья реки Тулокса. Кроме того, им было приказано частью освободившихся транспортов и высадочных средств непрерывно питать десант и перевозить раненых с участка высадки в базы. На всякий случай отряды транспортов и высадочных средств должны были быть готовыми к обратной приемке высаженного десанта.

Авиация. Десантную операцию поддерживали три штурмовых авиаполка (90 самолетов Ил-2), два бомбардировочных авиаполка (48 самолетов Пе-2), 60 самолетов прикрытая и разведки.

¹ Десантный паром-катамаран типа «Зибель», захвачен 22 октября 1942 года в бою у острова Сухо. (Прим. ред.)

Перед авиацией были поставлены следующие задачи:

- подавить и уничтожить береговые и подвижные батареи противника на плацдарме до высадки десанта;

- подавить ожившие батареи и вновь обнаруженные узлы сопротивления в период боя за высадку;

- подавить и уничтожить вновь обнаруженные огневые точки по целеуказаниям командира десанта;

- разрушить узлы сопротивления, препятствующие продвижению десанта, и действовать по тактическим резервам;

- прикрыть с воздуха корабли на всех этапах операции;

- после захвата плацдарма непрерывным патрулированием истребительной авиации содействовать продвижению десантного отряда, уничтожая подходящие резервы противника;

- обеспечить десант разведкой участка высадки и поля боя.

20 июня на аэродром Новая Ладога был передислоцирован 21-й истребительный авиационный полк с задачей прикрытия кораблей в пути следования к месту высадки.

Подготовка к десантной операции

Разведка и подготовка кораблей. Получив задачу, штаб Ладужской военной флотилии начал разведку района высадки. После тщательного анализа и систематизирования имевшихся разведывательных данных по этому району был составлен план разведки, причем» на его выполнение отводились весьма короткие сроки. Задачей разведки являлось: проверить данные по береговой обороне и инженерному оборудованию побережья, уточнить дислокацию озерных сил противника в базах восточного побережья и контролировать использование финнами прибрежных аэродромов.

Необходимость соблюдать полнейшую скрытность подготовка операции (белые ночи), а также тщательная охрана побережья противником препятствовали ведению разведки всеми имеющимися средствами; в частности, пришлось отказаться от разведки береговой обороны путем обстрела побережья канонерскими лодками и катерами. В основном разведка производилась силами авиации при помощи аэрофотосъемки и обследования побережья подводной лодкой¹. Для выполнения визуальной воздушной разведки использовались самолеты Пе-2. Аэрофотосъемка побережья производилась самолетами Як-9 с высоты до 2000 м, что обеспечило надежную дешифровку аэрофотоснимков.

Воздушная разведка установила состав озерных сил, базировавшихся на восточном побережье, выявила три зенитные батареи в Видлице, 8 ДЗОТ в районе высадки, 4 наблюдательных пункта, 2 землянки и провололочные заграждения в районах устья рек Видлица и Тулокса. Было установлено, что истребительная авиация противника периодически использует аэродром Видлица; зафиксировано движение по железной дороге 18 эшелонов противника. Данные, полученные от разведки, позволили уточнить район высадки десанта и в дальнейшем обеспечили успешное подавление береговой обороны.

К участию в операции привлекалось большое число судов, которые к моменту получения задачи находились в разных базах. Поэтому штаб должен был быстро сосредоточить их в Новой Ладоге, для того чтобы своевременно подготовить суда и личный состав кораблей и десанта к предстоящим действиям.

К 17 июня прибыли все высадочные средства, на следующий день канонерские лодки, а к 19, июня — бронекатера. После проверки технического состояния и снабжении кораблей были проведены подготовительные

¹ Лодка М-90 провела разведку побережья в районе устьев рек Видлицы и Олонки 20–21 июня. (*Прим. ред.*)

мероприятия. На тендерах была установлена противопульная и противоосколочная защита, а также имелось до 13 крупнокалиберных пулеметов. Аварийно-спасательное имущество на всех кораблях разложили таким образом, чтобы облегчить пользование им личному составу десанта. Легководолазные аппараты были проверены и заряжены.

Большое внимание уделялось достижению бездымности при движении судов, для чего с котельными машинистами проводились специальные занятия. Для обеспечения ни поддержания пара на рабочем давлении на форсированном ходу было дано указание, чтобы на всех кораблях имелся аварийный запас качественного угля на случай падения пара при сжигании тощих углей.

Всеми экипажами проводились занятия по вопросам борьбы за живучесть кораблей. Произведено было дополнительное оборудование кораблей и барж для приема лошадей и техники. Корабли и катера были дополнительно снабжены шкиперско-техническим и аварийно-спасательным имуществом, топливом, боезапасом и другими необходимыми видами материального обеспечения.

В целях сохранения скрытности все корабли и плавучие средства, прибывшие в Новую Ладогу, рассредоточивались по реке Волхов и приладожским каналам. К разработке документов на операцию было привлечено ограниченное число людей. На время посадки предусматривалось оцепление района посадки.

Подготовка личного состава. В период с 16 по 19 июня в Новую Ладогу побатальонно прибыла 70-я морская бригада, части которой расположились в лесу у деревни Юшкова. Сразу же по прибытии первого батальона на реке Волхов был выбран участок для проведения тренировок по посадке на плавучие средства десанта и по высадке его на необорудованный берег. По мере прибытия другие батальоны также приступали к тренировке, для чего было использовано все то незначительное время, которое имелись в распоряжении командира

высадки. Первый батальон провел четыре тренировки по посадке и высадке, второй батальон — две, третий батальон — три. Кроме того, было проведено две тренировки с подразделениями, предназначенными для первого броска. На этих тренировках удалось достигнуть вполне удовлетворительных результатов.

Выявленное в ходе учений недостаточно продуманное расположение огневых средств десанта на высадочных средствах было устранено с началом операции.

Кроме тренировки на высадочных средствах, были проведены: тренировка по посадке людей и погрузке техники на транспорт с последующей их пересадкой и перегрузкой на высадочные средства, тренировка по эвакуации раненых с участка высадки на транспорт, а также учение по связи между кораблями и частями 70-й морской стрелковой бригады, корректировочными постами и канонерскими лодками. Двухстороннее тактическое учение, намеченное командованием, провести не удалось, так как поступило срочное приказание о высадке десанта.

Организация командования. Командование десантной операцией было возложено на командующего Ладожской военной флотилией. Он имел заместителя, который одновременно являлся и командиром высадки. Командиру высадки¹ подчинялись командиры отрядов корабельной поддержки, охранения, транспортов и высадочных средств. Был назначен также командир базы высадки; в его распоряжении находились: комендантская команда, саперно-инженерная команда, посты связи, эвакуационный отряд, выгрузочная партия и маневренно-гидрографическая партия. Командир десанта (командир 70-й бригады) до захвата указанного ему участка и организации на нем прочной обороны подчинялся командиру высадки, а затем переходил в подчинение командующего 7-й армией. Авиация командующему десантной операцией не подчинялась, а выполняла задачи по его заявкам.

¹ Капитан 1-го ранга Н. И. Мешерский. (Прим. ред.)

В период подготовки к операции штаб Ладужской военной флотилии находился на обычном месте. Командир высадки организовал свой командный пункт в Новой Ладоге. Штаб отряда поддержки находится на флагманской канонерской лодке «Нора», пришедшей 18 июня в Новую Ладогу. Командир отряда транспортов имел свой командный пункт на берегу, в Новой Ладоге, а во время операции — на транспорте «Хэнси». Командир отряда высадочных средств находился на катере КМ-93.

В период операции флагманский командный пункт командующего был организован на канонерской лодке «Бира». Командующий десантной операцией имел при себе небольшой штаб в составе начальника штаба и трех офицеров.

Вместе с командующим находился и начальник политотдела Ладужской военной флотилии. Флагманский командный пункт командира высадки был организован на канонерской лодке «Конструктор»¹.

Планирование десантной операции

Посадка. Местом посадки был выбран участок берега реки Волхов у деревни Юшкова, протяжением около 4 км между мостом и островом Ленина. Участок местности вместе с шоссейной дорогой, проходившей по берегу, был укрыт лесом, что обеспечивало скрытность посадки.

¹ Бывший эсминец (минный крейсер) «Сибирский стрелок» 1906 года постройки — самый крупный корабль специальной постройки, участвовавший в высадке. Имел полное водоизмещение 820 тонн и три 100-мм орудия. Очевидно, был выбран в качестве командного пункта из-за достаточно высокой скорости (16 узлов) и наличия хорошего навигационного оборудования. Остальные четыре канонерские лодки были переоборудованы из грунтовозных шаланд Балттехфлота НКВД, имели по две 130-мм пушки («Буря», «Бира» и «Селемджа») или три 100-мм пушки («Нора») и полное водоизмещение в 1140 тонн, но развивали скорость только в 9 узлов. (Прим. ред.)

Порядок посадки устанавливался следующий. Транспорт подходит к баржам, заранее поставленным к берегу в качестве пристаней, или к мосткам. К транспортам швартуются высадочные средства с таким расчетом, чтобы к данному транспорту были пришвартованы те катера или тендеры, которые предназначались для перевозки подразделений первого эшелона с этих транспортов на участок высадки. Далее тендеры и катера принимают войска первого броска и отходят на середину реки, где ждут сигнала.

Каждому транспорту, катеру и тендеру присваивался определенный номер. Каждое судно снабжалось точным списком людей, оружия и боезапаса, которые предназначались для посадки на данное судно. Офицерскому и рядовому составу десантной части сообщался номер судна, на которое они должны грузиться.

Для руководства посадкой штаб высадки разработал ведомости распределения подразделений первого броска на высадочные средства и ведомость распределения первого эшелона на транспорты. На время посадки предусматривалось оцепление района посадки.

Переход к месту высадки. Походный порядок десантного отряда предусматривался ордером № 1 (кильватерная колонна) и ордером № 2 (двухкильватерная колония). Порядок построения в походный ордер и следование к месту высадки были предусмотрены специально разработанным положением.

Планом предусматривалась обеспечение десанта от воздушного нападения. Корабли и части десанта в базе прикрывались зенитной и корабельной артиллерией, а также истребительной авиацией методом дежурства на аэродроме в трехминутной готовности. Прикрытие десанта с воздуха во время перехода озером осуществлялось посредством патрулирования шестерки истребителей. «Наставлением десантному отряду» предусматривались мероприятия по противовоздушной обороне, проводимые десантным отрядом в пути. На случай

нападения военных кораблей противника в план включались мероприятия по отражению такой атаки.

Ввиду того что мин в Ладожском озере на пути в район высадки и в самом районе не предполагалось, было решено переход совершать без непосредственного трального прикрытия. В состав высадочных средств включались катерные тральщики, который в случае необходимости могли выйти в голову походного порядка и вести караван кораблей за тралями.

Бой за высадку. Артиллерийско-авиационная обработка участка высадки предусматривалась планом авиационно-артиллерийского наступления. Плотность артиллерийского огня рассчитывалась на действительное поражение площади намеченного для высадки участка. По намеченному плану обеспечение высадки десанта предусматривало следующие действия авиации и артиллерии кораблей.

За сутки, а затем за 3—6 часов до высадки десанта авиация производит бомбо-штурмовой удар по береговым и подвижным батареям противника на флангах высадки.

За 2,5 часа до высадки авиация наносит массированный бомбо-штурмовой удар с целью подавления и уничтожения огневых точек береговой полосы участка высадки (2000×300 м).

За час до высадки первого броска артиллерия отряда поддержки по сигналу начинает артиллерийскую подготовку по указанным площадям на участке высадки десанта.

За 15 минут до высадки первого броска авиация наносит последний удар по площади плацдарма. В это время по сигналу командира первого броска артиллерийский огонь переносится в глубину.

Выносные корректировочные посты канонерских лодок придаются тем командирам батальонов, которых поддерживала данная канонерская лодка. Для координации работы корректировочных постов на берегу и

производства артиллерийской разведки на берег высаживался вместе с постами офицер артиллерийской разведки. Для более эффективного использования корабельной артиллерии к командиру десанта прикреплялся артиллерийский офицер флота.

Порядок движения десанта и действия высадочных средств. Порядок движения был разработан штабом высадки в «Наставлении десантному отряду» и предусматривал следующие положения

Местом развертывания плавучих средств для высадки была избрана точка, удаленная от уреза воды на 120 кабельтовых (22 км) с расчетом, чтобы развертывание произвести вне дальности огня береговых батарей противника. С приходом в точку развертывания и по сигналу на флагманском корабле высадочные средства перестраивались в высадочный ордер (ордер № 3) и следовали к берегу, сопровождаемые огнем отряда артиллерийской поддержки десанта. Весь отряд высадочных средств делился на три группы. Во главе каждой группы шел катер типа КМ, имеющий на борту команду по уничтожению мин и преодолению инженерных заграждений у уреза воды и на берегу. Высадив первый бросок, высадочные средства следовали к отряду транспортов.

Отряд транспортов также делился на три группы, при этом свою принадлежность к одной из трех групп каждый транспорт обозначал поднятием сигнальных флагов: «1», «2», «3». Каждая группа кораблей брала на борт определенные подразделения десанта, которые должны были быть высажены в один из трех районов высадки. В свою очередь, эти подразделения размещались на транспорте с таким расчетом, чтобы иметь возможность высаживать их эшелонированно по времени. Каждый командир высадочного катера, мотобота, тендера знал, что он должен брать десант с того корабля, на котором показан цифровой флаг его пункта высадки. Командир же транспорта знал, на какой пункт высадки и в какой последовательности он обязан посадить подразделение,

и в соответствии с этим поднимал соответствующие цифровые флаги. Такой порядок упрощал процедуру высадки и давал уверенность в том, что перемешивания десантных частей на берегу не произойдет.

Для обеспечения высадки вместе с первым броском высаживался и командир базы высадки, он сразу же разбил занятую территорию на три комендантских участка и оборудовал эти участки знаками, которые указывали направление высаживающимся подразделениям. Командир базы высадки должен был также немедленно развернуть два пункта связи с командиром высадки (радиосвязь), с командиром 70-й бригады и с комендантскими участками (радиосвязь и зрительная). На командира базы высадки возлагалась обязанность принимать высаживающиеся подразделения, устраивать причалы для приема и выгрузки техники и направлять те и другие в соответствующие районы высадки. Он также был обязан развернуть два пункта медицинской помощи и руководить эвакуацией раненых на освобождающихся высадочных средствах.

Порядок поддержки десанта огнем кораблей и авиацией. Поддержка высаженного десанта на берегу огнем кораблей и авиацией предусматривалась «Планом авиационно-артиллерийского наступления» и указаниями по артиллерийскому обеспечению десантной операции. Стрельба канонерских лодок и удары авиации производились по заранее разведанным объектам, а также по вновь обнаруженным противодействующим десанту огневым точкам. Авиация, кроме того, должна была действовать по подходящим резервам противника и обеспечивать десантную операцию от воздушного нападения. Для корректирования огня кораблей с берега с первым эшелоном высаживались корректировочные посты. Право вызова огня предоставлялось командиру десанта, командующему артиллерией, командирам батальонов и в исключительно сложной обстановке командирам корректировочных постав «на себя». Для корректирования

ударов авиации командиру десанта придавался офицер связи от 7-й воздушной армии с радиосредствами.

Порядок питания десанта. План операции предусматривал порядок использования транспортов после высадки для перевозки пополнения, эвакуации раненых и питания десанта материально-техническим снабжением и боезапасом. Для этого с десантом высаживалась группа инженерной службы с задачей постройки причалов и пирсов для разгрузки на них массовых и тяжелых грузов.

Специальных запасов, кроме боезапаса и угля, на эту операцию создавать не предполагалось, поскольку потребность, как показал расчет, не превышала отпущенного лимита. Подача всех видов снабжения на корабли, когда они достигнут района высадки, не вызывалась необходимостью, так как запасов, имеющихся на кораблях, хватало на первые трое-четверо суток, а небольшое расстояние от базы до моста высадки позволяло в дальнейшем посылать поочередно корабли в базу. Исключение было сделано в отношении боеприпасов, расход которых предполагался большой. Поэтому на канонерские лодки было приказано взять дополнительное количество боеприпасов. Командир десанта должен был иметь при себе два боекомплекта и две суточные дачи продовольствия.

В плане намечались также мероприятия по обеспечению высадки десанта в штурманско-навигационном отношении. В частности, планировалось выставить на подходе к участку высадки две портативные светящиеся вешки, которые должны были служить как бы воротами для высадочных средств, и несколько гидрографических вешек по оси подхода к берегу. На берегу также устанавливались две вехи, указывавшие границы пункта высадки.

Планирующие документы. Основным документом по планированию десантной операции была «Плановая таблица на операцию по содействию войскам 7-й армии». В отработке этого документа приняли участие

представители штабов воздушной и наземной армий, а также командование 70-й морской бригады и соответствующие специалисты.

Командованием и штабом 70-й отдельной морской стрелковой бригады на основе плановой таблицы и указаний командующего Ладожской военной флотилией были разработаны:

- схема высадки десанта, которая наряду с другими планирующими документами была доведена до соответствующих исполнителей и ориентировала их в построении боевых порядков при высадке;

- схема решения командира бригады и наметка развития боя на берегу противника.

В целом планирующие документы были разработаны достаточно подробно и своевременно разосланы подчиненным командирам.

Из общих вопросов планирования совместных действий родов войск в десантной операции не были отработаны вопросы связи командира десанта, командира высадки и руководителя десантной операцией с командованием воздушной армии, а также с самолетами в воздухе. Не была полностью отработана также система опознавания, целеуказания и обозначения положения передовых частей десанта с земли и с воздуха. В ходе десантной операции недостаточная отработка этих вопросов взаимодействия в некоторых случаях приводила к отрицательным результатам.

Выполнение десантной операции

Переход к месту высадки. В 3 часа 22 июня 1944 года десант был высажен по транспортам с целью проведения двухстороннего тактического учения. В это же время от командующего Карельским фронтом последовало приказание о высадке десанта в течение 22 июня. С разрешения командования фронта решено было десантные войска оставить на кораблях и, закончив погрузку техники и

боезапаса, в 14 часов выйти в озеро с тем, чтобы в 6 часов утра 23 июня начать высадку десанта.

К 14 часам корабли отрядов поддержки, охраны, высадки и транспорты вышли на реку и приступили к построению в походный ордер. В 15:30 отряд снялся с якоря и, дав пятиузловой ход, направился к месту высадки в двухкильватерной колонне. Так как переход совершался в светлое время, то курс был избран на расстоянии 20 миль (37 км) от берега.

Переход прикрывался непрерывным барражированием истребителей. При следовании к месту высадки десант не встретил ни военных кораблей, ни самолетов противника. Это свидетельствовало о том, что операция оказалась внезапной для финнов¹.

Около 3:20 23 июня десантный отряд достиг места развертывания для высадки. Канонерские лодки начали занимать места для боя. В то же время транспорты отдали буксиры высадочных средств (с первым броском десанта) и катеров отряда охраны, которые сразу же начали построение в ордер № 3 (высадочный).

Около 4 часов построение было закончено, и корабли начали движение к берегу. Через пять минут над районом высадки появилось два самолета-разведчика противника. Корабли открыли интенсивный огонь, и самолеты скрылись. Высадка десанта была обнаружена противником.

Бой за высадку. Точно по плану, в 5:01 по сигналу командира высадки, корабли отряда артиллерийской поддержки открыли огонь по берегу; в 5:30 начала обработку места высадки бомбардировочная авиация. К 5:45 наши самолеты закончили боевую работу и начали уходить на свои аэродромы.

¹ При этом в 20:40 по берлинскому времени (21:40 по Москве) колонна судов была замечена финнами с маяка Хапанова, а в 22:45 (23:45 по Москве) — с острова Салонсари. (Прим. ред.)

В это время над полем боя появилось до 14 неприятельских самолетов-бомбардировщиков Ю-88.¹ Идя с тех же направлений, что и наши самолеты, двумя группами с интервалом 5–7 минут, они нанесли бомбовый удар по кораблям и высадочным средствам. Бомбардировщики противника действовали без прикрытия истребителей, выбрав момент, когда наши истребители шли на аэродромы с бомбардировщиками и штурмовиками. Бомбы сбрасывались с горизонтального полета и пикирования с высоты 1000–4000 м. Канонерские лодки и катера тотчас же прекратили огонь по берегу и открыли огонь по самолетам. Огнем кораблей атака с воздуха была сорвана, при этом один самолет противника был сбит и упал на берегу.

Результаты бомбового удара оказались незначительны. Корабли уклонялись от бомб маневром. Потери были следующие: трофейной барже ДБ-51 прямым попаданием было нанесено незначительное повреждение корпуса. Ранено было семь человек, из которых пять осталось в строю. Баржи продолжали выполнять свою задачу. На канонерской лодке «Селемджа» осколком был легко ранен один офицер.²

Между тем под прикрытием огня катеров МО, бронекатеров и частично высадочных средств первый бросок десанта продолжал движение к берегу. В 5:55 к берегу начали подходить катера и тендеры, высаживая людей первого броска. До 6 часов противник огня не открывал; высадочные средства подошли к берегу без потерь. Затем батареи противника, одна калибра 76 мм с левого берега реки Тулокса³ и другая — двухорудийная,

¹ По финским данным это произошло в 5:35 Москвы, в атаке участвовало 5 самолетов. (*Прим. ред.*)

² Финские летчики отчитались о потоплении одного транспорта, еще один транспорт, по их заявлению, был поврежден и загорелся. (*Прим. ред.*)

³ По финским данным эта батарея была быстро подавлена и не могла более вести огонь. (*Прим. ред.*)

калибр которой установить не удалось, из района южнее знака Видлица, открыли беспорядочный огонь по высадочным средствам. Одновременно с участка высадки был открыт ружейно-пулеметный огонь. Катера МО начали закрывать фланги высадки дымовой завесой, продолжая в то же время вести огонь по батареям и огненным точкам финнов. В момент подхода к берегу катера охранения вели пулеметный и пушечный огонь прямой наводкой по огненным точкам противника, противодействующим десанту.

Авиационно-артиллерийская обработка плацдарма высадки оказалась достаточно эффективной, и высадочные средства подошли к берегу без потерь.

Согласно плану, перенос огня канонерских лодок в глубину должен был произойти по сигналу командира первого броска. Однако широкое использование дымовых завес не позволило определить момент подхода высадочных средств первого броска к берегу; поэтому командир высадки, опасаясь, что он не увидит пиротехнического сигнала, около 6 часов отдал приказание о переносе огня в глубину. Канонерские лодки сменили огневые позиции, подойдя ближе к берегу.

Высадка подразделений первого броска происходила организованно. Каждое из них высаживалось точно согласно месту и времени, указанным в плане. Потери при высадке были весьма незначительны (всего 6 человек раненых). Уже в 6:20 высадка подразделений первого броска была закончена. Вместе с ними были высажены корректировочные посты кораблей отряда артиллерийской поддержки, которые с берега немедленно же установили связь со своими кораблями и приступили к корректированию огня.

За подразделениями первого броска начал высаживаться первый эшелон. Противник успел подтянуть к месту высадки минометные батареи и бронепоезд, вследствие чего высадка первого эшелона проходила под воздействием неприятельского огня. В этих условиях с успехом вновь

была применена постановка дымовых завес. В 9:20 закончилась высадка первого эшелона.

К 14 часам к месту высадки подошел второй эшелон десанта. В 14:25 началась его выгрузка. Противник пристрелялся к точкам на берегу, где происходила высадка, а также к сооруженным временным причалам; поэтому высадка и выгрузка производились с перегрузкой с транспортов на высадочные средства. Чтобы прикрыть выгрузку, катера беспрерывно отсекали батареи дымовыми завесами. Особенно удачно были поставлены дымовые завесы на берегу на флангах десанта (дымовыми шашками) в то время, когда ветер дул с берега. Две дымовые стены образовали как бы коридор, который противник не в состоянии был просматривать. В этом коридоре и происходило движение плавучих средств.

Выгрузка затянулась вследствие того, что пушки и машины разгружались при помощи примитивных средств (наспех сделанных мостков), а разгрузка боезапаса происходила с баржи, стоявшей далеко от берега, с перегрузкой на тендеры и катера, которые на один рейс затрачивали более часа. Несмотря на интенсивный огонь противника, загрузка второго эшелона прошла без потерь в людях и технике. Она закончилась около 11 часов 24 июня.¹

В это время командование фронта приняло решение о дополнительной высадке в районе устья реки Тулокса 3-й морской стрелковой бригады² с целью подкрепления 70-й бригады, расширения плацдарма и развития успеха. Транспорты с частью высадочных средств направлялись в район Свирица за 3-й бригадой.

Решение о дополнительной высадке 3-й морской стрелковой бригады было вызвано рядом соображений. В направлении высадившегося десанта отходили значительные силы противника, отброшенные с рубежа реки Свирь. Не получив подкрепления, одна 70-я бригада не

¹ Всего к этому моменту было высажено 3159 человек. (Прим. ред.)

² Командир — полковник А. Г. Каверин. (Прим. ред.)

была в состоянии противостоять натиску финнов с юга и одновременным контратакам подтягиваемых с севера резервов противника.

Соединение десанта с передовыми частями 7-й армии предполагалось лишь через несколько дней, в течение которых 70-я бригада, в связи с создавшейся обстановкой, должна была вести бой самостоятельно. С вводом в бой 3-й бригады, кроме усиления десанта, предполагалось расширить захваченный плацдарм и развернуть более решительные действия в тылу противника на важнейших путях его отхода.

Действия десанта на берегу

Подразделения первого броска начали высадку на берег на пять минут раньше срока, намеченного планом. Высадка десанта оказалась неожиданностью для противника. Финны открыли огонь тогда, когда первые партии десанта уже вышли на берег. Огонь противника был беспорядочным и почти не причинял потерь; в подразделениях первого броска оказалось всего 6 раненых.

Иначе обстояло дело с высадкой первого эшелона. Противник, как уже упоминалось, успел подтянуть к месту высадки минометные батареи; перебросив по железной дороге бронепоезд, он открыл прицельный огонь по району высадки. Однако к этому времени подразделения первого броска успели оттеснить противника от уреза воды, и его пулеметный огонь уже не достигал места высадки, а артиллерия не смогла вести огонь по судам прямой наводкой. В 8:30 подошла пехота противника и пыталась под прикрытием огня артиллерии, минометов и бронепоезда дважды контратаковать десантные подразделения с целью сбросить их в озеро. Встреченные организованным огнем десанта, поддержанного огнем корабельной артиллерии и бомбо-штурмовыми ударами авиации, эти контратаки успеха не имели.

В 9:20 подразделения первого эшелона закончили высадку, почти не имея потерь и, развернувшись в боевой порядок, повели наступление с целью перехватить железную дорогу и шоссе, проходящие по восточному берегу озера. Противник, не располагая в районе высадки достаточными силами для противодействия десанту и вначале ошеломленный внезапностью, не смог оказать организованного сопротивления. Десант с ходу решил задачу, поставленную ему командованием. При этом десант захватил трофеи: две 210-мм и одну 45-мм пушки, 2 трактора, 8 автомашин и пр.

Вскоре оправившийся от внезапности противник начал оказывать организованное сопротивление. Десант, почти полностью захватив указанный ему плацдарм, перешел к обороне. На севере десантные подразделения достигли середины перешейка у озера Линдоя, на востоке оседлали шоссе и железную дороги и на юге продвинулись на 200—300 м западнее Тулоксы.

Во второй половине дня противник, подтянув резервы с севера и используя части, отступавшие с юга, предпринял ожесточенные атаки по всему фронту обороны десанта, стремясь во что бы то ни стало сбросить его в озеро и освободить занятые им участки железной и шоссе дорогах. Используя мощную поддержку канонерских лодок, десант успешно отразил все контратаки и только на крайнем правом фланге противнику удалось потеснить наши подразделения на 200—300 м.

К концу первого дня операции обстановка сложилась следующая. На правом фланге десантные подразделения вышли к устью реки Тулокса, в центре перерезали железную и грунтовую дороги, на левом фланге вышли к изгибу дорог; поселок Линдоя остался в руках противника. Финны, подтянув в район Линдоя до пехотного батальона, к исходу дня и в ночь на 24 июня предприняли ожесточенные атаки, стремясь во что бы то ни стало ликвидировать наш десант. Все эти атаки были отбиты. Для более эффективного использования

артиллерии канонерские лодки, поддерживавшие десантные подразделения, подходили ближе к берегу.

Исключительно важную роль в отражении вражеских контратак сыграла авиация, совершившая за сутки 347 самолето-вылетов. Однако следует отметить имевшие место в первый день операции случаи атак штурмовиками десантных войск и один случай обстрела своего самолета кораблями. Причинами этого следует считать: сложность наземной обстановки в период высадки и захвата плацдарма, отсутствие должной дисциплины в десантных подразделениях при обозначении своего переднего края и неумение летчиков ориентироваться в наземной обстановке. Обстрел кораблями флотилии своего самолета произошел по вине летчика, долго не дававшего условленного опознавательного сигнала. В дальнейшем, когда десант полностью захватил плацдарм, и линия фронта стабилизировалась, случаев действия наших самолетов по своим войскам уже не наблюдалось. Летчики перед вылетом на боевое задание получали точное указание линии фронта по карте.

С утра 24 июня погода резко ухудшилась. Низкая облачность, временами дождь, туман крайне затрудняли действия авиации. Воспользовавшись отсутствием в воздухе нашей авиации, противник, подтянув к району высадки артиллерию, которую установил на открытых позициях, минометные батареи и людские резервы, около 12 часов 24 июня перешел в решительную контратаку. Для оказания более эффективной помощи десанту канонерские лодки и бронекатера подошли непосредственно к берегу и, несмотря на обстрел их батареями противника, открыли интенсивный огонь по берегу прямой наводкой. Поддержанный огнем кораблей, десант успешно отразил атаки противника.

Около 14 часов к району высадки подошли транспорты с первым эшелоном 3-й бригады. К этому времени на берегу создалось довольно тяжелое положение. Противник не прекращал ожесточенных атак, боезапас в бригаде подходил к концу. Попытки организовать снабже-

ние десанта боеприпасами по воздуху, предпринятые в конце дня 23 июня, оказались безрезультатными, так как большая часть сброшенных боеприпасов пришла в негодность. 24 июня авиация не действовала. По приказанию командующего флотилией часть канонерских лодок сгрузила небольшое количество боеприпасов (главным образом 45-мм снарядов и ружейных патронов).

Командующий операций отдал распоряжение об ускорении высадки на берег 3-й бригады. С этой целью корабли подошли вплотную к берегу, на 2–3 кабельтовых (370–550 м), и начали высадку. Рассеявшийся туман дал возможность противнику обнаружить высадку и открыть по высаживающимся войскам массированный артиллерийско-минометный огонь. Командир отряда корабельной поддержки приказал канонерским лодкам подойти ближе к берегу и открыть огонь прямой наводкой. С этой же целью катера «МО» поставили дымовые завесы. Около 15:40 район высадки подвергся обстрелу с самолетов-штурмовиков противника, в результате чего несколько человек личного состава десанта и экипажей кораблей были ранены. Тендеры своим огнем сбили один самолет противника.

К 17 часам высадка закончилась. Всего высадилось 2443 человека. Позже высадились остальные части 3-й бригады, полк малокалиберной зенитной артиллерии и полк дивизионной артиллерии.¹

Получив подкрепление в людях, в технике и отчасти в боеприпасах, десантный отряд закрепился на своих рубежах и, несмотря на ожесточенные повторные атаки противника со всех направлений, прочно удерживал захваченный плацдарм.

Войска 7-й армии, продолжая преследование противника, к 11 часам 25 июня вышли передовыми частями в район Праккила (21 км юго-восточнее района высадки).

¹ Всего из состава 3-й бригады было высажено 4907 человек, 59 орудий (в основном 45-мм противотанковых) и 46 минометов. (*Прим. ред.*)

Вследствие шторма связь десанта по озеру прекратилась, и подвоз боеприпасов не производился. Между тем выявилась срочная необходимость в подаче десанту некоторых видов боеприпасов. Боеприпасы были поданы самолетами-штурмовиками, которые с бреющего полета сбросили 120 тыс. патронов ТТ.

Днем 26 июня противник пытался несколько раз атаковать наши части, но успеха не имел, а во второй половине дня прекратил действия в этом районе. Продолжавшие отход вдоль побережья и лишенные возможности пользоваться железной дорогой и шоссе, финны отводили свои войска по проселочным дорогам, в обход плацдарма, занятого десантом.

После занятия города Олонец войска 7-й армии к исходу 26 июня форсировали реку Олонка, выйдя передовыми частями в район Рабола (3—4 км от плацдарма высадки). В 00:30 27 июня в районе Рабола — Линдоя десант соединился с передовыми частями 7-й армии. На этом десантная операция закончилась. Влившись в сухопутные войска, наступавшие с фронта, десантные части продолжали наступление совместно с ними в направлении на Видлица и к 10 часам заняли этот населенный пункт.

Общие выводы

Тулоксинская десантная операция имела большое значение в успешном наступлении войск 7-й армии. Высадкой десанта в районе устья реки Тулокса и перехватом основных коммуникаций (шоссейной и железной дорог) правофланговой свирьской группировки финнов была создана угроза окружения приозерной группировки противника, приведшая к тому, что противник без особого сопротивления оставил мощный оборонительный рубеж с долговременными оборонительными сооружениями по линии Обжа, Сармяги, Самбатукса, Мегрозера и город Олонец и поспешно отходил по лесным дорогам.

Захватив у устья реки Тулокса плацдарм и перехватив в этом районе идущие из города Олонца на Сортавала железную и шоссейную дороги, десантный отряд, несмотря на ожесточенные атаки, противника, упорно удерживал его в течение четырех дней, до подхода наступавших с юга частей 7-й армии.

При своем отходе противник не смог воспользоваться ни железной дорогой, ни шоссе, идущими по побережью, и вынужден был отвести свои войска кружным путем, проселочными дорогами. Таким образом планомерный его отход был сорван.

Участок для высадки десанта был выбран в районе, удобном для подхода высадочных средств, слабо укрепленном противником и пригодном для того, чтобы высадившийся десант мог создать жесткую оборону.

Скрытность и быстрота действий — важнейшие условия успеха десанта. Несмотря на то что операция проводилась в светлое время, она прошла скрытно и внезапно для противника. Маскировка и рассредоточение прибывавших десантных частей и кораблей, ряд мероприятий по сохранению готовящейся операцией в тайне — все это способствовало тому, что переход озера был совершен без помех со стороны противника, и высадка десанта застала его врасплох. В первый же день высадились 3169 человек при незначительных потерях в людях.

Командующий операцией в период подготовки находился в Новой Ладогe, а в ходе операции — на канонерской лодке «Бира». Это позволило ему лично контролировать ход подготовки и давать все указания непосредственным исполнителям.

Нахождение штабов высадки, отрядов поддержки и десанта в период подготовки в Новой Ладогe позволило организовать взаимодействие на основе личной договоренности.

Из недочетов в управлении необходимо отмерить отсутствие прямой связи десантных частей со штабом 7-й армии и авиацией. Связь с ними поддерживалась исключительно через штаб Ладожской военной флотилии.

Необходимо десантные части снабжать мощными радиостанциями, которые обеспечивали бы прямую радиосвязь их с войсковыми штабами и авиацией.

Абсолютное господство нашей авиации и флота во многом содействовало успеху операции. Использование артиллерийского огня с кораблей для поддержки действий пехоты, а также умелое применение дымовых завес — все это способствовало тому, что операция была проведена успешно и без больших потерь с нашей стороны. Из 70 судов, подходивших к берегу, была взорвана одна баржа, остальные суда значительных повреждений не имели.

Опыт данной операции показал, что система обозначения линии фронта и показа своих войск полотнищами и цветными дымовыми шашками в лесистой местности оказалась нецелесообразной — местность в районе действий десанта лишала возможности вовремя заметить подходившие к району наши самолеты.

Опыт операции показал, что десантные части, в особенности имеющие ограниченную задачу захватить прибрежный плацдарм, должны располагать значительным количеством боеприпасов. Несмотря на то, что десантный отряд имел с собой два боекомплекта, в первый же день боя ощущался недостаток в боеприпасах. В дальнейшем потребовалась доставка боеприпасов в трудных условиях шторма или самолетами. Избежать этого можно было, рассредоточив значительную часть боеприпасов среди личного состава десанта, тем более что десант не делал больших переходов.

Опыт Тулоксинской операции подтвердил также необходимость предварительной соответствующей тренировки личного состава десанта в посадке на суда, в высадке и в действиях на берегу. В данном случае не удалось провести общего учения по высадке десанта, и это сказалось на темпах высадки и продвижении десантного отряда на берегу.

Содержание

<i>От составителя</i>	5
<i>Александр Заблотский</i>	
<i>Роман Ларинцев</i>	
ОБОРОНА МООНЗУНДСКИХ ОСТРОВОВ В 1941 ГОДУ	7
<i>Владислав Гончаров</i>	
ВЫБОРГСКАЯ ТРАГЕДИЯ	28
<i>Владислав Гончаров</i>	
КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСИЙСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ	61
<i>Александр Заблотский</i>	
<i>Роман Ларинцев</i>	
<i>Андрей Платонов</i>	
ДЕСАНТНЫЕ ОПЕРАЦИИ В СУДАКЕ В ЯНВАРЕ 1942 года	169
<i>Андрей Платонов</i>	
ОПЫТ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ МОРСКИХ ДЕСАНТНЫХ ОПЕРАЦИЙ	202
<i>Владислав Гончаров</i>	
ВЯЗЕМСКАЯ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ	269
<i>Мирослав Морозов</i>	
СУДЬБА ТАНКОВ ДЕСАНТА	339
<i>Владислав Гончаров</i>	
ДНЕПРОВСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ	354
<i>Андрей Кузнецов</i>	
ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ (Последние дни Эльтигенского плацдарма, декабрь 1943 года) ...	381
<i>Приложение</i>	
ТУЛОКСИНСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ	482

ДЕСАНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Редактор-составитель *В. Гончаров*
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *М. Белякова*
Корректор *Н. Мазова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться в ООО «Форум»:** тел. 411-73-58 доб. 2598. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.03.2008.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88. Тираж 5000 экз.
Заказ № 8368

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

В отличие от Первой мировой, Великая Отечественная война была маневренной. Поэтому одним из способов «переиграть» противника, раньше его оказаться в ключевой точке стала десантная операция. Быстрая атака с моря или с воздуха позволяла перехватить инициативу, сорвать планы врага, принуждала его отвлечься от выполнения основной задачи, раздробить свои силы и вести бой в невыгодных условиях.

В этой книге, впервые в военно-исторической литературе, собрана информация обо ВСЕХ основных десантных операциях Великой Отечественной войны, воздушных и морских, советских и немецких, имевших стратегическое значение и решавших тактические задачи. Некоторые из них, такие, как Керченско-Феодосийская и Вяземская, были в целом успешными и позволили сорвать планы врага, создав в его тылах серьезный кризис. Другие десанты, например Днепровский или Петергофский, завершились провалом и привели к неоправданным потерям.

Эта книга – не просто описание хода событий, но и глубокий анализ причин успехов и неудач, побед и поражений.

ISBN 978-5-699-26702-6

9 785699 267026 >

